

Георгий Батура

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ФОМЫ

КАК ПРОПОВЕДЬ ХРИСТА О ЦАРСТВЕ

Книга содержит Комментарий к Тексту

Кёнигсберг-Калининград
2011

Иисус сказал: Адам не достоин вас. Ибо если бы они были достойны, он бы не вкусил Смерти.

«Евангелие от Фомы», 89/85

Лукас Кранах Старший
"Адам и Ева" 1528
Королевский музей, Брюссель

Содержание

Предисловие: <i>Фома</i> – проявление Божественной шизофрении.....	5
Вступление: Общие принципы подхода к рассмотрению вопроса.....	8

Глава I

Предварительный разговор:

Гносис и Церковь.....	18
О «лжеименном гносисе».....	28
Климент Александрийский об истинном гносисе.....	32
Слово «гносис» в устах канонического Иисуса Христа.....	36
Откуда берет начало слово «мистерия».....	42
«Технические особенности» текста <i>Евангелия от Фомы</i>	45

КОММЕНТАРИЙ:

§0(1).....	52
§1(2).....	63
§2(3).....	64
§3(3).....	69
§4(4).....	70
§5(5).....	76
§6(6).....	78
§7(7).....	80
§8(8).....	82
§9(9).....	83
§10(10).....	99
(Небольшое отвлечение.....	102)

Глава II

Моцарты и Сальери у Господа Бога.....	104
---------------------------------------	-----

§11(11).....	108
§12(11).....	108
§13(12).....	109
§14(13).....	110
§16(15).....	115
§17(16).....	116
§18(17).....	117
§19(18).....	118

§20(19).....	121
§22(19).....	122
§26(21).....	124
§27(22).....	135
§28(23).....	137
§32(27).....	138
§33(28).....	139
§34(28).....	139
§40(35).....	140
§45(40).....	141
§46(41).....	144
§48(43).....	145
§49(44).....	146
§50(45).....	149
§51(46).....	149
§52(47).....	151
§54(49).....	153
§55(50).....	153
§58(53).....	157
§61(56).....	162
§62(57).....	163
§65(61).....	165
§66(62).....	167
§68(64).....	177
§71(67).....	178
§74(70).....	180
§75(71).....	180
§76(72).....	180
§79(75).....	181
§81(77).....	181
§85(81).....	183
§87(83).....	183
§88(84).....	184
§89(85).....	185
§90(86).....	186
§91(87).....	186
§92(88).....	187
§96(92).....	188
§97(93).....	189
§98(94).....	189
§100(96).....	190
§101(97).....	190
§104(100).....	197
§105(101).....	198
§109(105).....	198

§111(107).....	202
§112(108).....	202
§115(111).....	203
§116(112).....	203
§118(114).....	203

Евангельский Христос как мудрый политик.....	206
--	-----

Глава III, заключительная

Маэстро «до»: немного о вечности и о составе человеческой души.....	211
--	-----

Цветовая гамма для работ, цитируемых в книге:

Красный – *Евангелие от Фомы* (переводы с коптского и с греческого);
Оранжевый – Канонические Евангелия;
Зелёный – Библия (кроме **Евангелий**), Коран;
Синий – Все остальные источники.

Предисловие:

Фома – проявление Божественной шизофрении

Евангелие от Фомы было обнаружено в составе египетской Библиотеки Наг-Хаммади в 1946 году, однако до настоящего времени в научном мире нет единого мнения ни относительно понимания смысла этого текста, ни о его отношении к Евангелиям каноническим. Возможно ли такое, чтобы это Евангелие исходило от той же самой апостольской традиции, что и Евангелия, вошедшие в канон Нового Завета? В чем заключается тайный смысл высказываний Иисуса? В какой степени это Евангелие относится к разряду гностических текстов, и тогда в чем же его отличие от ортодоксии? Все эти вопросы остаются, фактически, без ответа, несмотря на все усилия, предпринятые и предпринимаемые научным миром. Причем, судя по всему, научный мир уже потерял надежду на то, что когда-либо ответ на эти вопросы будет найден. Все предлагаемые сегодня объяснения этого древнего текста находятся ниже уровня всякой разумной критики.

В данной работе предлагается совершенно иной подход к решению задачи нахождения смысла этого Евангелия: подход парадоксальный, который, следуя русской поговорке, можно охарактеризовать как «клин – клином». Но обо всем по порядку.

За последние полвека исследование человеческой психики, а также знание процессов функционирования головного мозга значительно продвинулось вперед и дало определенные практические результаты. В настоящее время научная медицина уверенно оперирует таким понятием как «ассиметрия левого и правого полушарий» и хорошо знает, какое из этих полушарий контролирует ту или иную сферу человеческой деятельности. Более того, накоплен значительный опыт по диагностике патологии того или иного участка коры головного мозга, опираясь исключительно на внешние признаки в поведении человека. Причем, как показывает такой опыт, подобные повреждения структуры мозга могут возникнуть в результате осложненных родов, травм или перенесенных в продолжение жизни инфекций; и они совсем не обязательно влекут за собой выраженную инвалидность или необходимость медицинского вмешательства. С такой «патологией» человек может прожить всю жизнь, даже не подозревая и не задумываясь о подобных проблемах со своим здоровьем.

Но нас в данном случае интересует этот феномен не сам по себе, а исключительно в приложении к рассматриваемой нами теме. Дело в том, что при определенной патологии правого полушария у человека часто возникают симптомы, которые внешне полностью укладываются в категорию проявлений так называемой «религиозной гениальности». Возникают яркие «видения»; человек начинает говорить о «духовных откровениях»; он часто видит себя в роли «Учителя», посланного на землю Богом; говорит о связи с «высшими мирами» и т.д. Приведем высказывание доктора исторических наук, профессора Г.Г.Ершовой, которая специально занимается исследованием этой, а также смежных с ней проблем («В поисках бессмертия», М.: Эксмо, 2009, стр.44, 45):

И здесь мы вновь обратимся к психофизиологии и психиатрии, чтобы попытаться найти истоки странных фантазий Homo sapiens. Мысли о смерти (разрушении мира) возникают при возбуждении определенных очагов правого полушария головного мозга, что косвенно подтверждают материалы о переживании «синдрома гибели мира» в психотическом состоянии близком к онейроидному, на фоне поражения правого полушария, как описано Т.А.Доброхотовой... Согласно Т.А.Доброхотовой, онейроидные состояния характеризуются психотическими

переживаниями, при которых наступает дезориентация в пространстве и времени, т.е. больной не может передать врачу свои переживания и ощущения.

Конечный диагноз, который ставится больному в таком случае, имеет название шизофрения, но это, конечно, уже последняя стадия развития такой патологии, и она нас не интересует. Здесь следует добавить, что такие онейроидные состояния очень часто, причем одновременно с вышеперечисленными симптомами, ведут к тому, что человек начинает очень остро чувствовать и критически относиться к своим собственным «грехам», увязывая их с евангельскими заповедями Христа. При этом в таких людях возникает чувство острого осознания социальной несправедливости, которая окружает этого человека, а также непонятное для большинства людей требование: «чтобы все было по-правде». Но и это еще не все: такие «шизофреники», как правило, блестяще излагают свои «революционные» мысли, и ход их рассуждений отличается безупречной логикой (до поры до времени, конечно; хотя, если поражение мозга дальше не развивается, они могут так и остаться навсегда «гениями»).

Мы должны хорошо отдавать себе отчет в том, что подобный медицинский взгляд на все аналогичные «религиозные фантазии» не является сугубо врачебным мнением ряда отдельных специалистов-исследователей: в настоящей работе читатель познакомится с очень четко сформулированным мнением по данному вопросу такого известного представителя научного мира, как например, исследователь раннего христианства Э.Р.Доддс. И нет сомнения в том, что такой список можно продолжить. Более того, подобное представление о «психофизиологии и психиатрии» -- это, бесспорно, мнение всего разумного научного сообщества. Но в таком случае это научное сообщество напрасно теряет время, пытаясь открыть этот неподдающийся «замок» *Евангелия от Фомы* «ключом» своего совершенно «здорового правого полушария». Ведь следуя упомянутому выше диагнозу медицины, мы должны открыто признать, что *Евангелие от Фомы* -- это произведение, создателем которого могла быть только гениальная личность «онейроидного» типа, но не обычный человек «в здравом уме». Поэтому для понимания *Фомы* необходим «ключик» совсем иной, -- соответствующий «степени заболевания» самого *Фомы*. По крайней мере, такое предположение можно принять как рабочую гипотезу, и уже по ходу «отпираания» этой «тайной дверцы» *Фомы* сделать окончательный вывод о том, насколько эта гипотеза была верна.

И вот после всех этих предварительных рассуждений сам автор настоящей работы и предлагает именно себя в качестве такого «больного ключика». Вот его «медицинская карточка»:

Родился в 1946 году, т.е. в год обнаружения текста *Евангелия от Фомы*. «Ну вот, началось!» -- скажет читатель, не скрывая своего раздражения. Но ведь именно *это* мы и ожидаем увидеть в предполагаемом «Больном Ключе». То есть наш читатель должен полностью перестроиться и рассматривать подобные заявления автора, как исключительно положительные с точки зрения *совместного достижения* конечной цели. Итак, продолжим формулировать *anamnez*: автор в своей жизни несколько раз получал «онейроидные откровения», которые дополнительно обратили его пристальное внимание к религиозным вопросам. По образованию автор -- технический специалист и никогда не занимался изучением гуманитарных наук систематически. Более того, автор не владеет ни одним иностранным языком, поэтому любое его обращение к тексту первоисточника при анализе текста *Фомы* следует рассматривать исключительно как «завышенная самооценка». Однако тот факт, что автор до настоящего времени еще не утратил до конца чувства юмора, свидетельствует о том, что его болезнь, все-таки, пока не приняла необратимого характера и не вошла в свою завершающую фазу.

В свою защиту автор может сказать, что к психиатрам за помощью никогда не обращался, разве что в случае необходимости продлить действие водительских прав или для получения паспорта моряка в далекие советские времена. Появившиеся у автора

«симптомы шизофрении» способствовали тому, что автор – по природе человек не злобный – окончательно утратил фанатичное отношение к той или иной религии, и, конечно же, не является врагом кого бы то ни было, или чего бы то ни было: ни традиционного христианства, ни язычества, ни иудаизма, ни Агни-Йоги – на всё автор смотрит глазами «мудрого философа»... почти Конфуция.

Но раз уж мы согласились взять в руки этот «ключик», то должны все-таки позволить ему отпирать эту «дверцу» **как он сможет**: пусть хоть на голову встанет сам **или поставит на голову всё вокруг себя**. Цели у нас исключительно познавательные, а не идеологические или религиозные. И если при этом у автора *Комментария* вдруг появится необходимость в том, чтобы сделать какие-нибудь парадоксальные заявления или предположения, тогда нашему читателю следует отнестись к этому с пониманием и сочувствием: «Что с него взять-то, с больного?».

Автор еще и еще раз хочет обратить внимание своего читателя на тот факт, что представленное здесь толкование, фактически, восстаёт против всех религий мира, включая христианство; и глядя со стороны, может показаться, что *Комментарий* полностью пречеркивает весь прежний накопленный человечеством религиозный опыт. Но при этом у автора нет ни малейшего желания хоть как-то оскорбить религиозные чувства верующих, принадлежащих к тому или иному религиозному вероисповеданию. Более того, автор абсолютно уверен в том, что только религиозные убеждения человека способны сохранить наш мир от катастрофы всеобщего хаоса, того беспредела и вседозволенности, которые может породить и *уже порождает* новая цивилизация ницшеанского «Сверхчеловека». Но окружающий нас мир-космос – вопреки всем человеческим «прогнозам» и заявлениям -- пребывает в своем постоянном развитии: мы спим и умираем, а он незаметно для нас, но при этом **неизменно**, растет -- как растут у всех нас волосы или ногти. Он растет не только в плане технического прогресса, но и в *духовном* отношении, причем, в духовном – в первую очередь, хотя это мало заметно для большинства жителей планеты Земля. Наша Земля, как единый живой организм, составной частью которого является все разумное человечество, просто не может остановиться на полпути в своем беспрестанном циклическом развитии. В том числе -- и в развитии своего Духа. Вот этому «неизвестному Духу» -- и земному (а точнее – «подземному»), и небесному – как раз и посвящается настоящая книга. Книга, которая представляет собой просто *Комментарий* к тому, что есть, что было и что будет, т.е., проще говоря, -- *Комментарий к Фоме*.

Вступление: Общие принципы подхода к рассмотрению вопроса

Апостолы, которые были до нас, называли Его так: Иисус **Назарейнин** Мессия, то есть, Иисус **Назарейнин** Христос.

«Евангелие от Филиппа», 47/51

Приступая к изучению коптского *Евангелия от Фомы* любой читатель должен знать, что это Евангелие является подлинным «пятым Евангелием», в котором – как и в четырех канонических – передана проповедь Христа о Царстве Небесном. Его ценность для нашего представления о Благовести Христа несравненно выше ценности *Евангелия от Луки* и ничуть не меньше -- *Евангелия от Иоанна*. Но все подобные высказывания будут выглядеть абсурдом для любого грамотного читателя, получившего стандартное образование в христианской среде, потому что на первый, поверхностный взгляд в *Фоме* проявляется та «экзотика» и та «гностическая чуждость», которой «начисто лишены» тексты Евангелий канонических. Но такое представление будет ошибочным. С каноническими Евангелиями читатель знакомится, как правило, *по переводу* (пусть даже европейскому, а не Синодальному русскому), а не по греческому подлиннику. В переводе все «чуждества» Христа и иные «анахронизмы» искусственно убраны.

Возьмем самый простой евангельский пример. Язычница хананейка просит Христа исцелить ее одержимую дочь, а Он, фактически, называет их – ее саму и ее больную дочь -- «псами»: *«Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам»* (Мф.15:26) – отвечает Он этой женщине, которая достойна только сострадания. У любого нормального человека, читающего подобный текст, возникает невольное и естественное недоверие (и это – «мягко говоря») к такому «Христу». И недоверие – совершенно справедливое, потому что в греческом евангельском тексте – любом, и научном *Нестле-Аланда*, и том Византийском, которым пользуется наша православная Церковь, -- никогда не было этих Иисусовых «псов», которых выдумал Синодальный перевод. В греческом тексте вместо этого мы видим «щенков» или, что еще правильнее, -- «собачек», т.е. уменьшительное от греческого «собака» (*кЮон* – «собака», *кЮарион* – «собачка»). Словесного аналога нашим русским «псам» в греческом языке, судя по всему, вообще нет, и никогда не было: там могут быть только «большие собаки». И ведь мы сейчас ведем речь о *Синодальном переводе, канонизированном Церковью*. Вообще, если читать этот евангельский эпизод по-гречески, то ясно видно, как эта язычница своим подлинно «христианским смирением» не только полностью «разложила на обе лопатки» гордого Иисуса Христа (даже с Его «щенками!»), но и победила Его в этом диалоге *словесно*. Он это прекрасно понял, потому что был таким же нормальным человеком, как и все мы, и только поэтому – в качестве «извинения» за Свое «недостойное» поведение – исцелил ее дочь. Так это описывает евангелист по-гречески. И возможно, именно из-за этой или подобной встречи с язычниками Иисус сказал: *«Многие придут с востока и запада и возлягут... в Царстве Небесном»* (Мф.8:11). Но разве так понимается этот эпизод теми, кто читает его по нашему Синодальному переводу?

Если говорить действительно *откровенно* (да простит читатель автора за такие непростительные слова!), то перед автором стоит **чудовищная** по своей необъятности и по своей жестокости задача: попытаться донести до читателя то, что автор знает сам -- показать, что та христианская тысячелетняя Церковь, которая совершенно искренне считает себя подлинной наследницей Учения Христа, на самом деле является самой

главной «ересью», которая это Учение Христа извратила до неузнаваемости. Для того чтобы эти слова автора не показались читателю слишком резкими или голословными, приведем (конечно же, предварительно) конкретно те пункты, по которым *подлинное* Учение Христа расходится с Учением Церкви:

1. Иисус проповедует *Царство Небесное*, а Церковь – *Христа Бога*, что является, как поймет это читатель немного позже, -- совершенно разными вещами.
2. По Христу, абсолютное спасение (а что это такое читателю станет ясно, когда он ознакомится со всем *Комментарием*) возможно *только в супружестве* и только в том случае, если супруги живут друг с другом нормальной супружеской жизнью. По Учению Церкви, *монашеский* образ жизни выше супружеского (и это – несмотря на то, что все, апостолы, за исключением Иоанна, были женаты!), а сама супружеская жизнь еще 100 лет назад считалась «не чистой» именно по причине сексуальной связи между супругами.
3. По Христу, спасение возможно только при условии *непрелюбодейной* жизни супругов *от их девства*. Отсюда -- постоянно повторяющиеся евангельские слова Христа «*не прелюбы сотвори*»; также именно отсюда -- сюжет у колодца с самарянкой, у которой «было пять мужей»; отсюда -- притча о «семи братьях, имеющих одну жену»; и опять-таки отсюда – абсолютный (безо всяких «но»!) запрет развода. По церковному же уставу существует даже церковный обряд венчания второбрачных, а *любой грех*, в том числе и грех прелюбодеяния, снимается на исповеди.
4. По Христу, Его духовным *Отцом* (но в равной степени *Отцом* любого человека) является **первый** Бог иудейской *Книги Бытие* – *Элохим*. По Учению Церкви, *Отцом* Христа является иудейский Бог **Яхве**, т.е. тот **второй** Бог *Книги Бытие*, который выбрал евреев в свой избранный народ. При этом Церковь считает Бога **Яхве** Единым Богом Творцом, а библейское слово *элохим* из первой главы *Книги Брейшит* (*Книга Бытие* или *Генесис* по греческой Септуагинте) понимает как безличное слово «бог», что соответствует иудейской традиции понимания текста *Торы*.
5. По Христу *Царство Небесное* (или *Царство Света*) принадлежит исключительно Богу *Элохиму*, а иудейскому Богу **Яхве** (говорим это условно, т.к. этот Бог, как и *Элохим*, тоже является Богом всего человечества, о чем -- позднее) принадлежит *Ад* и его особая часть – *Рай* (иудейский *Едем*, персидский *Парадиз* или греческий *Элизий*), который, в свою очередь, является посмертным благом уделом для всех тех людей, которые на земле служат этому Богу (пусть и под разными его именами). И такое распределение функций Богов и их Творений в Учении Христа точно соответствует первым двум главам *Книги Брейшит*. По Учению же Церкви **Яхве** и *Элохим* – это Единый Бог Бытия, и, следовательно, *Царство Небесное* и *Рай* – это синонимы.
6. Евангельский Христос *никогда не называл Себя Богом*, и не отрицал наличие у Себя *земного отца*. Из евангельского текста, а также из ранних документов, относящихся к Иисусу Христу, можно сделать вывод о том, что Иисус Своего земного отца не знал, т.к. тот или умер, или был убит, или ушел от семьи еще до рождения своего сына. Церковь неправильно истолковала слова синоптиков о Духе Святом (отчасти по той причине, что до Оригена – а это, практически, до Первого Вселенского Собора -- вообще не обращалась к еврейскому тексту *Торы*) и *приравняла* земного человека Иисуса к Воскресшему Иисусу Христу, т.е. к Богу (мы используем терминологию и представления о космосе, которые характерны для христианства того времени); а после этого заявила, что у Иисуса *не было земного отца*.

7. Спасение по Иисусу Христу – это *возвращение мужа и жены в состояние единого Адама* (из Шестоднева *Книги Бытие*, хотя, само происхождение мифа об Адаме – гораздо древнее и является хананейским) и последующее воссоединение такого Адама с *Элохимом*. Именно это состояние Иисус называет возвращением в *Царство Небесное Отца* или (и такое, судя по всему, больше соответствует Его подлинной проповеди среди иудеев) – просто в *Царство Отца*. По Учению Церкви, спасаются *раздельно* мужчина и женщина, т.к. оба они -- «человеки». Спасение по Церкви – это беспечальное посмертное пребывание в *Раю*, принадлежащем *Яхве*. (Объективно *Рай* – это единая реальность потустороннего бытия для всех религий мира, которые – также как и иудаизм – *Царства Небесного* не знают, а знают только *Рай* и *Ад*.)
8. По Иисусу Христу, человек (именно муж) входит в *Царство* уже на земле – *через те мистерии*, которые являются откровением духовного мира и о которых Иисус говорит апостолам в канонических Евангелиях (это слово – *мюстерион* – бесследно исчезло во всех переводах). По Учению Церкви, и мужчина, и женщина обретают спасение через послушание Церкви и *через те церковные Таинства*, которым Церковь совершенно неправомочно присвоила Иисусово слово «мистерия». То, что Церковь понимает слово *таинство* именно таким образом, становится очевидным при обращении к современным словарям греческого языка.
9. По Христу Суд над человеком происходит *сразу же после смерти* физического тела этого человека. По Учению Церкви «главный» Суд состоится *при Втором Пришествии Господа*, которое все время «откладывается».

Начиная свой разговор о проповеди Христа о Царстве и об отражении этой проповеди в тексте *Евангелия от Фомы*, мы сразу же должны указать читателю на то главное, что отличает проповедь Христа от проповеди апостола Павла, от иудаизма и от христианства, и без чего понять текст *Фомы* невозможно. Иисус, в отличие от всех остальных, принципиально различает двух Богов Демиургов, которыми открывается текст *Книги Бытие* (евр. *Брейшит*). Сначала по тексту *Брейшит* Мир творит Бог, имя которого записано по-еврейски как *Элохим*. Именно Он в течение «шести дней» творит весь Мир Своим «Словом», причем первым таким творением становится «Свет». Этот же *Элохим* творит и Единого «муже-женского» человека Адама «*по Своему подобию*». И после завершения всего Творения -- уже на седьмой день – *Элохим* отдыхает от Своих трудов. Затем, начиная от Главы второй, на сцене *Книги Бытие* появляется второй Бог Демиург, который имеет уже другое еврейское имя -- *Яхве*. Именно он творит *материальный* мир, а также Рай (Едем), куда переносит сотворенного *Элохимом* Адама и «делит» этого единого Адама на мужчину -- Адама и женщину -- Еву. Именно так трактует этот текст Сам Иисус, причем Ему прекрасно известно, что такое понимание принципиально противоречит догматам иудаизма и, более того, такая проповедь о «двух Богах» заслуживает наказания в соответствии с заповедями еврейского Писания – *Торы*: предания смерти путем побивания камнями. Но при этом следует сразу же сказать, что подобное понимание Иисусом текста *Книги Бытие* основано на том мандейско-назарейском богословии, в котором тоже существуют похожие Боги-Демиурги. Причем, эта странная проблема еврейской *Книги Бытие* – проблема существования в тексте этой *Книги* двух «несвязанных» между собой отрывков, которые «по очереди» описывают «одно и то же» создание Бытия -- уже давно волновала, и продолжает волновать научный богословский мир. Дело здесь дошло до того, что была выработана специальная научная терминология – «яхвист», «элохист», -- которая присваивает особые имена древним создателям того или иного отрывка этого спорного текста. Однако при этом наука в своих исследованиях продолжает придерживаться положений иудейского и христианского богословия, в соответствии с которыми оба имени этих разных Богов означают Единого Бога Бытия – *Яхве*. Причина такого отношения науки к этой проблеме очевидна: в противном случае полностью

рушится теория еврейского (а, следовательно, и христианского) Единобожия, которая изначально возведена христианским богословием в идеал, как высшая степень религиозного познания духовного мира. Проповедь евангельского Христа о Царстве такое Единобожие отвергает полностью.

Церковь утверждает также, что Иисус был иудеем, причем обрезанным по иудейскому Закону на восьмой день (эти слова есть в тексте *Евангелия от Луки*). Этому открыто противоречит текст коптского *Евангелия от Фомы*. Как показывает беспристрастное сравнительное исследование *мандейских* (назарейских) текстов, опубликованных около полувека назад и текста канонических Евангелий (а к эпизоду *Луки* об обрезании Христа мы еще вернемся при рассмотрении этого логия), Иисус был *назареем*, отказавшимся от обрядовой стороны этого Учения. После ухода от назареев Иисус проповедовал *Царство* среди иудеев (но также и среди назареев, которые в то время жили отдельной общиной на землях той же Палестины). При этом подлинны назареи не были какой-то незначительной «сектой» в пределах иудаизма. Мы не должны путать этих назареев с теми из иудеев, кто временно принимал обет *назорейства* и после этого какое-то время именовался назореем (различие в написании этих слов в русском языке через гласные «о» или «а» носит чисто условный характер и характерно для транскрипции этих имен именно на русском языке). Те назареи-мандеи, о которых мы сейчас ведем речь, представляли собой совершенно отдельную, *отличающуюся* от иудаизма *религию* со своим Высшим Богом («Познание Жизни» – *Манда-д-Хийя*, а также Царь Света), и низшим Богом-Демиургом (*Птахиль*), которые не фигурирует в иудейском Писании. И не просто другую религию, но религию, судя по всему, более «высшую», чем иудаизм. Различий между *назирутой* (так называется это тайное Учение назареев) и иудаизмом больше, чем между исламом, например, и иудаизмом. И скорее всего, это «превосходство» *назируты* до какого-то исторического времени признавали и сами иудеи.

Отношения между назареями и иудеями носили сложный и не всегда понятный характер. В конце концов, в I в. н.э. – где-то в промежутке между распятием Христа и разрушением Иерусалима римлянами – иудеи, судя по мандейским Писаниям, устроили «назарейский погром» и изгнали всех назареев из их исторической родины – из Палестины -- в Мидийское нагорье, на территорию Персии, где назареи смогли, наконец, обрести временный покой. В мандейских текстах, как пишет один из известнейших исследователей этой религии Р.Мацух (Мандеи: История, литература, религия / Сост. Н.К.Герасимова. – СПб.: «Летний сад»; «Журнал 'Нева'»; 2002, далее по тексту *Комментария* – «Мандеи»):

...открыто выражается, с одной стороны, «кровное» родство обеих религий, с другой же – полный разрыв между ними. Ведь даже термины «иудей» и «иудаизм», согласно мандейской народной этимологии, в которой можно усмотреть презрение и глумление, были образованы от корней НТА «грешить»... и УНТ «делать выкидыш» (стр.42)... А в Gj 288,10 читаем (*Гинза* – в переводе «Сокровище»: главная книга Священного Писания мандеев – Г.Б.): «Назарейство старше, чем иудейство» (стр.52.).

Про «душу» человека, которая должна найти себе спасение из нашего Мира Тьмы, мандеи, сравнивая себя с иудеями, пишут так («Мандеи»):

Правда (= истина, *кушта*) драгоценная первая – это истина крещения, выбирающая (= облюбовывающая) душу и возносящая (ее) от иудаизма к манейству (ATŠ II №198)... Если она (= душа) покидает круг иудеев, (то она) в манейзм родящаяся (DG 34, Z. 741) (стр.42)... Назарейство с самого начала символизировало отпадение от официального иудаизма (стр.52).

Последняя фраза Р.Мацуха вовсе не означает, что такое «отпадение» совершалось по мере обращения конкретной человеческой души к назарейству: это «отпадение» совершилось «с самого начала», т.е., судя по всему, сразу же после времени Исхода. А вот фраза «покидает круг иудеев» означает, в земном плане, то, что в Палестине мандеи исторически длительное время жили рядом с иудеями и близко с ними общались, а в небесном, -- что назарей уходил от служения «земной» Рухе (которой служат иудеи) и переходил к служению неюесному «Отцу».

Если читатель внимательно ознакомится со всем *Комментарием*, и таким образом будет четко себе представлять, что имеет в виду Иисус под Своим новым Учением о спасении, -- ему станет ясно также и то, что Иисус, фактически, полностью следовал этой назарейской формуле: «от иудаизма -- к *назируте*»; хотя Иисус эту *назируту* тоже принципиально откорректировал. А вот апостол Павел -- тот напротив. Он не только не отказался от иудаизма, но уверовав в Христа, как в Мессию, обратил эту веру «вспять» к иудаизму, о чем свидетельствует следующее его высказывание из Первого Послания к Коринфянам (1Кор.15:3-5,8):

Ибо я первоначально преподавал вам, что и принял, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день по Писанию, и что явился Кифе... а после всех явился и мне, как выкидышу (греч. *Эктрома* -- «выкидыш, недоносок, изверженный»).

В Синодальном переводе вместо слова «выкидыш» мы видим более благозвучное слово «изверг». Церковнославянское «Извергъ» -- это и есть «младенец, родившийся прежде времени, выкидыш, недоносок» (Словарь свящ. Григория Дьяченко), хотя, по нашему мнению, использование такого «архаизма» в современном переводе уводит мысль читателя в ложном направлении. Что этими своими словами хочет сказать апостол? Во-первых, он сравнивает себя самого с «выкидышем» совсем не по причине умаления своей личности за более раннее тяжкое преследование христиан. Как уже понимает наш читатель, этим своим словом -- «выкидыш» -- он вступает в открытую полемику с назареями, заявляя тем самым, что он, Павел, и есть этот презируемый мандеями иудей, как представитель и защитник всей иудейской религии. Но делает он это с вполне определенной целью. Таким способом он пытается как бы «отобрать Мессию» (уже в виде Воскресшего Христа) у назареев и открыто заявить о том, что этот Мессия принадлежит иудаизму: недаром он дважды (двукратное повторение одного и того же слова или выражения в тексте -- это стандартный прием утверждения какого-то заявления в Св.Писании, как бы проставление на таком заявлении «окончательной печати») повторяет, что Мессия пришел на землю «по Писанию» иудеев, а не назареев. И если подобные «претензии» апостола Павла не совсем понятны современному читателю, то дополнительно скажем: у назареев тоже был свой аналог такого «Мессии» -- *Анош Утра*, который проповедовал и совершал чудеса такие же, как и Христос: «исцелял больных, даровал зрение слепым, очищал прокаженных» и т.д. И Который, в соответствии с Писанием мандеев, «спустился на землю в Иерусалим» во время правления Понтия Пилата. И именно такой, небесный мандейский *Анош Утра* обладал всеми теми качествами «неземного» Христа, которого впоследствии проповедовал апостол Павел.

Далее Р.Мацух пишет следующее («Мандеи»):

Мандейское предание о палестинском происхождении мандейской религии (имеется в виду -- происхождение не иранское и не месопотамское -- по месту более позднего проживания мандеев, -- а, как и иудаизма, палестинское; хотя более раннее историческое прошлое этих двух народов -- это Египет -- Г.Б.), и об исходе назареев из-за преследований со стороны иудеев, последовавших еще до разрушения Иерусалима, нашло свое подтверждение благодаря как мандейским,

так и не мандейским источникам (стр.69). Сама же традиция, которая в общем и целом сохранилась вполне приемлемо... заслуживает... того, чтобы к ней проявили, наконец, усиленное внимание, и даже научились бы читать между строк мандейских писаний... Именно в этом лежит ключ к решению мандейской проблемы (стр.70).

Добавим уже от себя: именно в этом лежит ключ к проблеме происхождения Учения того Христа, которого мы знаем по текстам канонических Евангелий. Наши предположения становятся более вероятными также по той важной причине, что, по словам Р.Мацуха, «мандейская полемика и противоборство с христианством направлены в основном против ортодоксальной восточной церкви» (стр.90), а не против Самого Христа. Для Христа в мандейском Писании существует собственный положительный «двойник» в лице *Анош-Утра* («Сына человеческого», т.е. сына Адама из назарейского мифа о Творении), а также отрицательный «двойник» -- в виде иудейского «лже-Мессии», которого крестил назарейский пророк Иоанн Креститель в Иордане и, судя по всему, которого и проповедовал апостол Павел. Мы, конечно, ни в коей мере не собираемся, тем самым, утверждать, что апостол Павел сознательно совершил подлог: как увидит наш читатель, вопрос этот гораздо запутаннее и гораздо сложнее.

Благодаря недавнему обнаружению текста *Евангелия от Фомы*, «мандейская проблема» Р.Мацуха решается вполне логическим путем, причем «сама собой», без приложения особых усилий и без придумывания надуманных объяснений. Автор настоящего *Комментария* просто ставит «окончательную точку» под исследованиями тех выдающихся представителей подлинной науки, в результате которых осталось произнести только самую завершающую фразу: «Евангельский Иисус – это назарей, а не иудей, и Его проповедь о спасении не имеет ничего общего ни с иудаизмом, ни с христианством».

Более того, следует честно признаться в том, что подобное заявление вряд ли будет воспринято вдумчивым и грамотным читателем, как некое «откровение века». Любой здравомыслящий читатель и исследователь библейских текстов (начиная от Маркиона) подспудно чувствует и знает своим сердцем, что Иисус – к иудаизму и к *Торе* отношения не имеет. И не потому, что иудеи – плохие, а Он – хороший. А только по той причине, что в мире существуют люди и народы, которые не похожи на иудеев. И в таком заявлении вряд-ли можно увидеть какую-то крамолу или проявление антисемитизма: все мы – разные, хотя и живем под одним и тем же Солнцем. И вот Иисус – Он как раз из «других» людей. Точно так же как, например, *Лао Цзы*, который написал свой знаменитый трактат *Дао Дэ цзин* китайскими иероглифами (на *вэньяне*), – скорее всего, не был китайцем. И только по той причине, что Иисус – действительно не был иудеем, на сегодняшний день существуют многочисленные книги, в которых делались и продолжают делаться разные неумелые попытки доказать всему миру, что Иисус был или арийцем, или каким-то брахманом, или кумранитом или даже – «инопланетянином с планеты Венера». Надеемся, что данный *Комментарий* развеет все прежние «иллюзии» относительно личности Христа и поставит окончательную точку в этом очень важном для любого из нас вопросе.

Но как понимает наш читатель, мы не преследуем сейчас цель подробного рассмотрения Учения назареев, хотя мы прекрасно понимаем, что большинству читателей это Учение незнакомо. Цель нашей работы все-таки иная. Но мы должны еще раз повторить, что Учение Христа о спасении очень близко стоит к Учению назарейскому и к общим представлениям назареев о составе человеческой души (мужская -- *нишимта* и женская -- *руха*). Только исходя из такого предположения можно, например, дать разумное объяснение знаменитому первому «блаженству» Христа из Нагорной проповеди, которая приведена в каноническом *Евангелии от Матфея*: *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»* (Мф.5:3). То есть блаженны именно те мужьи, которые этого

«духа», (назарейское *руха* или иудейское *руах* – «дух», как существительное женского рода), начисто лишены. А вот почему они в таком случае становятся «блаженными» читателю станет ясно в процессе чтения *Комментария*. К женщинам эти «блаженства» отношения иметь не могут не только исходя из основных положений Учения Христа и *назируты*, но это также подтверждается грамматикой греческого текста, в котором эти «блаженства» имеют мужской род. Да и как может быть «блаженной» та женщина, у которой – в соответствии с процитированными выше словами Христа -- забрали ее «душу»?

Несмотря на то, что евангельская проповедь Христа о Царстве имеет многочисленнейшие параллели с мандейским Писанием – и в части Учения о спасении, и по своей особой терминологии, и даже по самому поведению Христа, как назарей, и в части характерных сравнений, речевых оборотов и т.д. – мы просто не имеем возможности показать всё это богатство в рамках *Комментария* на *Фому*. Для этого необходима специальная книга. И, тем не менее, мы настоятельно рекомендуем нашему читателю предварительно (или уже после чтения нашего *Комментария*) ознакомиться с прекрасной работой Е.С.Дровер «Сокрытый Адам», которая вышла в свет в русском переводе (а еще лучше, со всей книгой «Мандеи», в которую, кроме работы Е.С.Дровер, включены также работы Р.Мацуха и К.Рудольфа). К сожалению, для того чтобы понять текст *Фомы*, читателю – в качестве обязательной предпосылки – необходимо предварительно убедиться в том, что Иисус – Назарей. А для этого необходимо знать тайное Учение назареев об Адаме («тайное» – не только для всех без исключения иноверцев, но и для самих мирян-мандеев!).

Мы должны сразу предупредить нашего читателя, что в своем *Комментарии* мы будем очень часто ссылаться и цитировать книгу Е.С.Дровер «Сокрытый Адам», которая посвящена рассмотрению *назарейского гносиса*. Несмотря на то, что эта книга по объему невелика, она как будто специально издана для того, чтобы стать тем главным источником, на который мы будем делать ссылки при рассмотрении логий Иисуса из *Евангелия от Фомы*. Как будто некий Божий Промысел водил рукой Леди Дровер, когда она писала свою книгу. И более того, перевод этой книги, вышедшей под научной редакцией А.С.Четверухина в 2002 году у нас в России, – тоже носит ярко выраженный мистический характер (для тех же читателей, которые вознамерятся возражать такому мистическому отношению автора ко всем подобным вопросам, еще раз напомним о тех «онейроидных состояниях» автора *Комментария*, которых не было и нет у таких «возражателей»).

Для самого автора *Комментария* последовательность познания этого чрезвычайно важного и интересного вопроса -- понимания проповеди Христа -- была несколько иной: сначала автор – с привлечением собственного жизненного опыта, а также евангельских текстов, включая *Фому* – «догадался», о чем именно говорит Иисус в Своем Учении (причем, осознал, что все Евангелия, включая Фому – это одно). А затем «случайно» познакомился с книгой «Мандеи». И по мере знакомства с Учением назареев – включая уже ряд других книг и переводов Е.С.Дровер – автору стало ясно, что он уже в «1012» раз в истории человечества «изобрел велосипед»: до него самого об Учении Иисуса (в главных чертах, конечно) всё знали, и всё это уже давно описали мандеи в своем Писании. Иисус просто раскрыл тот их «назарейский гносис», или «гносис внутри гносиса», который священники-назарей тщательно скрывали даже от своих мирян-мандеев. Но кроме этого Иисус дал человеку иной, конкретный путь спасения, который уже не зависит, ни от «Учителей», ни от «Церкви», ни от «религиозных обрядов». Он показал и дал человеку путь мистериальный – путь прямой и подлинный.

И все-таки, мы прекрасно понимаем, что без непосредственного обращения к *назируте*, а вместе с ней и к Египту, из которого она вышла, рассматривать *Евангелие от Фомы* бессмысленно. Поэтому по ходу нашего исследования *Фомы* мы эту связь будем

как-то раскрывать (и пусть не пеняет читатель автору на многочисленные и пространные отвлечения от текста *Фомы*, особенно при обращении к первым параграфам этого Евангелия!). Все перечисленные выше особенности Учения Христа о спасении вытекают из рассмотрения текста *Евангелия от Фомы* с перекрестным сравнением с текстом канонических Евангелий, которые *Фоме* не только не противоречат, но, напротив, его фундаментально поддерживают. А в том, что это действительно так, наш читатель убедится сам по ходу рассмотрения логий *Фомы*.

Как, наверное, уже догадался наш читатель, все Благовестие Христа – от начала и до самого конца – «замешано» на вопросах «пола», в том числе и на вопросах сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. И учитывая тот факт, что данной проблеме мы будем уделять особое внимание (потому что этому вопросу уделяет особое внимание Сам Христос), нам с читателем целесообразно прояснить вопрос терминологии. Дело в том, что исторически сложилось так, что в богатом русском языке нет достойного слова для названия близких отношений между мужчиной и женщиной. Слово «любовь» здесь явно не подходит, т.к. оно содержит в себе более широкий смысл, и в первую очередь характеризует внутренний – и духовный, и душевный -- мир человека. Фраза с использованием иностранного слова – «сексуальные» -- полностью исключает любые проявления нормальных человеческих чувств и уравнивает человека с животным. Фактически, выражение «сексуальный акт» («половой акт») -- это то «новообразование» русского языка, истинное предназначение которого – служить «техническим термином» в медицинских сексологических трактатах или в учебниках криминальной экспертизы. Интимные отношения? – но о каком таком потаенном «интиме» (душном и пыльном) можно говорить, когда мы ведем речь о нормальных супружеских отношениях между мужем и женой, которые любят друг друга? Половые сношения? Соположение? – Для любого нормального русского человека -- это звучит как какая-то маразматическая чушь: хоть нос затыкай от такой «лингвистической» вони!

Всё это – те картины из мира «людей-животных», которые не имеют к евангельским «бракам» Христа ни малейшего отношения. А ведь Иисус, говоря о наших «браках», всегда подразумевает, что читатель «рефлексивно» возвращается своими мыслями к собственному опыту любовного единения со своей женой. Почему Он говорит именно о «браках»? Притчи о «браках» выбраны Христом совсем не случайно: только в этом единственном на земле случае (конечно, если в отношениях между мужем и женой «все чисто») человек – и мужчина, и женщина – теряет ощущение принадлежности к своему (от рождения данному) полу и «растворяется» в том едином, общем «бесполом» состоянии, которое так характерно для супругов во время их «единения в браке». Другого подобного опыта на земле *обычный человек* не имеет. Но подобное «бесполое» состояние на земле – это предвестник состояния «единого Адама Шестоднева» в Царстве Небесном.

Итак, для того, чтобы решить поставленную нами задачу относительно именования физической связи между мужчиной и женщиной в русском языке, необходимо вернуться к истокам нашего родного языка. По подсознательному убеждению большинства русскоязычных граждан, русское слово «пол» (биологический) имеет непосредственное отношение к «строительной терминологии», в которой «пол» -- это то место, по которому мы ходим ногами в помещении. А если так, значит и наш биологический «пол» -- именно по причине такой мнимой синонимии – тоже находится «ниже плинтуса». И здесь возникают всякие ассоциации на уровне народной этимологии: пол для того и существует, чтобы на нем «возлежать» *полам*.

Ошибка подобного восприятия этого важного русского слова связана с общей отрицательной тенденцией нашего русского языка, которая прослеживается в течение многих последних столетий и которая характеризуется тем, что всё истинно духовное со временем опошляется и -- по какому-то злему для России року -- «втаптывается в грязь». Например современное не очень приятное слово «вонь» берет свое начало от церковнославянского *воня* -- «благоухание, аромат, (приятный) запах»; а слово *отрыгнуть*, которое

у большинства россиян ассоциируется с сытным обедом или крепкой выпивкой, происходит от глагола *отрыгаю* – «изрекаю, произношу» нечто важное. Это слово означало (да и сейчас означает) нечто чрезвычайно духовное и высокое, исходящее из самого сердца человека: «отрыгну глагол Господу моему» -- это «вознесу к Богу сердцем своим слово». И подобные примеры из русского языка можно множить.

Но и в нашем современном слове «пол» мы видим ту же самую картину. По церковно-славянски *поль* – это, одновременно, и «половина» (чего-то), и та биологическая характеристика человека, которая имеет свое смысловое происхождение именно из этого первого значения -- «половина». То есть в русском языке биологический «пол» -- это принадлежность того или иного человека к одной из «половинок» нашего земного мира: или мужской или женской. Славянский язык своими языковыми особенностями строго различает мужское и женское, отводя для каждой из этих «частей единого» свою собственную «половину». И в этом отношении очень показателен перевод важнейших евангельских слов Христа (исходя из основ Его проповеди о Царстве) на церковно-славянский язык (Мф.19:4): «Несте ли чли, яко сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть». Обращаем внимание нашего читателя, что это -- единственный корректный перевод данного места из греческого (и иудейского) текста среди всех евангельских переводов на все языки мира! То есть *Элохим* сотворил «мужскую половину (мужеский пол) *и женскую*» в одном человеке -- Адаме Шестоднева. А вот -- как противоположность -- пример уже совершенно другого, «стандартного» перевода того же самого места, -- перевод, который соответствует тем догматам христианской Церкви, которые, в свою очередь, имеют основание в иудейском понимании этого места *Книги Бытие*. «Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их» (Синодальный перевод). В чем здесь принципиальное различие читатель поймет, когда ознакомится со всем *Комментарием*.

Наше русское просторечное выражение «моя *половина*» -- когда супруг говорит о своей паре – это и есть прямое отражение истинного смысла русского слова «пол». И как увидит наш читатель, мы можем только удивляться такой необъяснимой духовной проницательности церковно-славянского языка. Как будто Сам Иисус Христос принимал участие в его создании. Итак, «пол» -- это неотъемлемая часть человека в виде его «второй половины»: супруга или супруги. И одно только правильное осознание этого вопроса сразу изменяет наше прежнее отношение к этому слову на противоположное: с «плинтусом» оно не имеет ничего общего. И теперь уже рассматривая все эти «термины» с этой небывалой высоты нашего русского языка, мы можем, не страшась, именовать такие отношения между супругами даже самым примитивным «эсперанто» Эллочки Людоедочки, как, например, «сексуальные»: для нас, русских, это просто «обезличенный язык», за которым кроется совершенно иное, гораздо более глубокое содержание. То содержание – которое имеет свое подтверждение в проповеди Христа о Царстве. Но именно об этом – а точнее, и об этом тоже -- и пойдет у нас речь при разборе евангельских логий *Фомы*.

Автор *Комментария*, пользуясь представившимся здесь случаем, хотел бы выразить свою искреннюю благодарность двум безответным рыцарям науки: англичанке Е.С.Дровер и русскому А.С.Четверухину. Без книги «Сокрытый Адам» *Комментарий* к *Фоме* не был бы столь полным и убедительным. И не важно то, что Леди Дровер уже ушла из земной жизни: «для Бога все живы», и для автора -- тоже. Европейская «белая цивилизация» – если она действительно озабочена своей «неизлечимой хронической болезнью» под громким названием «демократия», и если она желает уцелеть в этом опасном мире – она просто обязана воспринять мандейские тексты, как Богом посланное «лекарство от Смерти». Как заявил в своей работе Р.Мацух, она должна обратить на них свое усиленное внимание -- их исследованию, академическому переводу и выявлению связи евангельской проповеди Христа с *назирутой*. Потому что время традиционного христианства закончилось, а с ним -- и всей сегодняшней европейской цивилизации.

«Белолицую цивилизацию» -- а возможно, и погибшую «овцу» Россию -- может спасти только проповедь нового, очищенного от всякой наносной Павловской «шелухи», подлинного Христа.

Глава I

Предварительный разговор

Гносис и Церковь

Мы планируем обсудить тайный смысл изречений Иисуса из коптского *Евангелия от Фомы*. Но мы, несмотря на наше Вступление, все равно вынуждены начать этот разговор несколько издалека. Ведь нам далеко не безразлично, *как* будет сориентирован наш читатель до чтения *Комментария*, и *как* он будет внутренне настроен к этому чрезвычайно интересному тексту. Дело в том, что у этого Евангелия уже есть сформулированная богословской наукой «визитная карточка», определяющая его как «гностическое». Но в глазах простого человека это равноценно тому, что оно «плохое» в противоположность тем «хорошим» Евангелиям, которые содержатся в каноне *Нового Завета*. И поэтому мы вынуждены сначала объяснить нашему читателю, что такое *гносис* в понимании Иисуса Христа и самых первых христиан, и что такое *гносис* в понятиях более позднего времени. А значит отделить «хороший» *гносис* Иисуса Христа от «плохого» *гносиса* тех, кто уже не знал смысла этого краеугольного христианского понятия (нас в данном случае интересует только христианский аспект этого слова). Но проблема -- не только в правильном понимании слова «гносис». Как это не покажется читателю парадоксальным, но (и мы об этом уже говорили) то христианство, которое существует в мире уже 2000 лет, не имеет никакого отношения к подлинному Учению Иисуса Христа. Это Учение содержится в тексте Евангелий в закрытом виде, как гусеница заключена в своем коконе: мы видим только «кокон», но не имеем представления ни о «гусенице», ни, тем более, -- о той «прекрасной бабочке», в которую этой «гусенице» со временем предстоит превратиться. И оно, это традиционное христианство, только по какой-то нелепой случайности носит имя того *истинного* Христа, который когда-то проповедовал о Царстве и который известен всему миру из текста канонических Евангелий. Поэтому для того, чтобы понять *Евангелие от Фомы*, от человека требуется полное покаяние...

-- По-ка-я-ни-е??? ...В чем конкретно, позвольте спросить!? -- поднимет на автора свои удивленные небесные глаза наш весьма озадаченный читатель.

-- Ах, да! Опять этот *перевод*! -- сокрушимся мы в очередной раз, и в очередной раз попросим прощения у нашего читателя.

Мы имели в виду то важнейшее евангельское слово -- *метанойя*, -- которое всегда переводится как «покаяние»: *«Покайтесь (метанойте) приблизилось Царство Небесное!» (Мф.4:17)* -- такими словами начинает Свою проповедь о Царстве Иисус Христос. Но наше русское слово «каяться» (да и любой европейский аналог), о котором только что подумал читатель, -- это перевод греческого глагола *метамЭломаи* (который тоже встречается в евангельской речи Христа), а не *метаноЭо*, который мы видим в приведенном выше тексте. Но оба этих -- совершенно разных! -- греческих глагола одинаково переводятся на любые языки мира, как понятное всем «каяться», «покаяться». И, конечно же, нашему читателю не в чем «каяться», прежде чем он приступит к чтению этого *Комментария*. Но он должен «измениться умом», т.е. *хотя бы* выкинуть из головы все то, что он знал и слышал до сих пор о «христианстве», и... послушать, наконец, слова Самого Христа, а не всех тех, кто эти слова «переводит» или «объясняет». Все они не имеют ни малейшего понятия о том *Царстве*, которое является центром всей проповеди Христа. Греческое *метамЭломаи* -- это действительно «раскаиваться», «жалеть о содеянном»; и такое чувство сплошь и рядом встречается -- и должно встречаться! -- у

каждого нормального человека. Но главное требование Христа к Своему последователю – это *метаноэ*, т.е. кардинальное «изменение мыслей» (*мета* – «переход из одного состояния в другое» и *ноэ* – «понимать, думать, обдумывать»), и оно не имеет ничего общего с «раскаиванием-метамэломой». И так – весь евангельский текст. Для того чтобы *понять* Христа, необходимо «выкинуть из головы» привычное *метамэломой* и попытаться выяснить, что означает в действительности Его *метаноэ*. А что это такое, читателю станет ясно, если он поймет *Фому*: ведь сам Фома давно уже «совершил переход» своим умом от *одного* к *другому*. И речь в данном случае не идет о духовных откровениях. Речь идет о нашем уме, -- а он, в противоположность *мистериям*, повинуется нашей сознательной воле, той, которая – в сердце.

Поэтому пусть не покажется нашему читателю этот «предварительный разговор» неоправданно долгим и слишком уж *«растекающимся по древу»* (но и в этом случае -- уже нашего русского Слова – мы тоже имеем искаженный штамп неправильно понимаемой древней фразы из «Слова о Полку Игореве»). Мы ведь хотим того же самого, что и наш читатель: чтобы читатель вдохнул, наконец, полной грудью свежий воздух *подлинного* Иисусова Благовестия, зафиксированного и в тексте *Евангелия от Фомы*, и в канонических Евангелиях. И при этом мы, ведь, совсем не собираемся хоть как-то фальсифицировать тот текст *Фомы*, который уже известен нашему читателю не хуже, чем автору *Комментария*. Сам текст известен читателю *уже сейчас*: но разве наш читатель этот текст понимает? Поэтому, каким бы обширным ни был наш «предварительный разговор», он все равно будет неполным для подлинного искателя Истины: причем, всё равно *какой* именно Истины: Христовой, назарейской, иудейской, конфуцианской, индуистской, эллинской или даже Египетской. Но тот, кто *познает* эту Истину Иисусовым словом «гносис», тот поймет, что подлинная Истина на земле была и остается одна -- от самого Сотворения мира. Един не Бог Творец, едина – Истина Бытия.

Греческое слово *гносис* переводится как «знание» или как «эзотерическое знание», т.е. в том числе, «богопознание». В таком смысле это слово использует и Сам Христос в благовестии о Царстве. И конечно, каждому понятно, что этим «веским» словом в те далекие времена стали пользоваться все без исключения новоявленные «тайновидцы», т.к. все претендовали на получение исключительного «знания» от Высшего Бога и на самое тесное «слияние» с Ним. Итак, – *гносис*. Официальная Церковь никогда не делала различия между этими двумя видами *гносиса* – «хорошим» и «плохим»; а еще точнее – старалась никогда *не акцентировать* внимание верующего на том факте, что существует и тот *подлинный гносис*, о котором Иисус прямо говорит в евангельском тексте. Церковь этот вид *гносиса* никогда не знала, а поэтому и не признавала. Но при этом любой воцерковленный человек, как правило, хорошо знает, что существовал некогда *гносис*, именуемый «лжеименным», т.е. *гносис* «плохой». Произошло это потому, что «первый» вид *гносиса* так и остался пребывать в евангельской проповеди Христа, и не получил дальнейшего развития в догматическом богословии Церкви, которое было основано в гораздо большей степени на учении апостола Павла.

Апостол Павел – несмотря на то, что его родным языком был греческий (хотя он знал и еврейский) – в своих Посланиях пользуется совершенно «другим» греческим языком, чем канонический Иисус: Одно и то же слово может у них означать совершенно разное содержание. И дело здесь не в том, что или Иисус, или Павел знал этот греческий хуже, а в том, что Иисус, проповедуя о Своем Царстве, использовал «языческие» слова в их прямом значении (например, слово «мистерия»), а также часто выражался «Эзоповым языком». Павел этой проповеди Христа о Царстве не знал, и вообще не имел никакого представления о языке проповеди Иисуса Христа. Различие в их «терминологии» объясняется также и тем, что если для Христа базой Его проповеди являлись назарейские, --- а вместе с ними и египетские, и зороастрийские, и эллинские – представления, то для Павла единственной базой являлось иудейское Писание, в том числе, в виде «греческой»

Септуагинты. (Не будем сейчас рассматривать обсуждаемые в научном сообществе вопросы: когда и кем была создана эта «Септуагинта» – для нас это не принципиально и ни коим образом не меняет наши представления о проповеди Христа или Павла.)

В соответствии с общими иудейскими представлениями о будущем мира апостол Павел был абсолютно убежден в том, что *Второе Пришествие* иудейского Мессии состоится уже при жизни его поколения или в самое ближайшее время (об этом однозначно свидетельствуют все его *Послания*), поэтому его требование *сохранения безбрачия* было логически обоснованным. И это было бы правильным, если бы *Второе Пришествие* действительно состоялось в те сроки, на которые указывал Павел. Греческое слово *парусиа*, которое со времени основания Церкви стало пониматься (а соответственно и *переводиться*) как «Пришествие», в традиционном греческом языке (а также в языке Христа) всегда означало, в первую очередь, «присутствие». В евангельском тексте речь идет именно о такой *парусии*. Вот конкретный пример правильного использования этого слова в речи «настоящего» Христа (Мф.24:27): «*Как молния исходит от востока и сверкает до запада, так будет и пребывание (парусиа) Сына человека*». И всем первоначальным христианам (но, конечно, уже после смерти земного Христа) было ясно, что речь в данном случае идет о «*мистерии Бога*», -- когда невидимо «присутствующий» в мире Христос неожиданно проявляет Себя какому-то конкретному человеку. Это «присутствие» Христа реально проявилось и во встрече с Ним Павла, когда тот следовал по дороге в Дамаск. Но Павел не знал проповеди Христа и не понимал этой *парусии* Христа, как предвестницы Царства. Он, как и все иудеи, ожидал будущего «пришествия» иудейского Мессии, который восстановит справедливость среди народов и утвердит среди них законную, по Павлу, гегемонию иудеев, т.е. «Царство Израиля».

Мы затронули, немного выше, вопрос *безбрачия* в проповеди Павла совсем не случайно: тема брачной пары – это ведущая тема *Евангелия от Фомы*, но также и всей Иисусовой проповеди (читатель убедится в этом сам немного позже). И здесь нам необходимо вспомнить собственные слова апостола Павла относительно *девства*, содержащиеся в тексте его *Послания к Коринфянам*:

Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет... По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так (т.е. в девстве – Г.Б.)... Хорошо человеку не касаться женщины. Но во избежание блуда каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. ...Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как не имеющие... (1Кор.7:25,1,2,29).

«По настоящей нужде» -- это, по убеждению Павла, скорое *Второе Пришествие* еврейского Мессии. Жизнь показала, что «короткое время» Павла «бесконечно удлинилось». В приведенной выше цитате апостол Павел сам признаёт, что *не имеет* повеления Иисуса Христа на проповедь девства. Мы акцентируем это совсем не для того, чтобы как-то «скомпрометировать» апостола Павла в глазах нашего читателя, а заодно и принизить историческую роль монашества в Церкви. Мы просто хотим сказать нашему читателю, что ни Иисусу из канонических Евангелий, ни Иисусу из *Евангелия от Фомы* никогда бы и в голову не пришло говорить о *не прелюбодейном браке* как о «лекарстве от блуда» или, как сказал сам Павел, что брак дан «*во избежание блуда*». Более того, по Учению *евангельского* Иисуса Христа о Царстве брак дан человеку совсем не для рождения детей. Хотя, бесспорно, дети – это «цветы» счастливого супружества, которые призваны быть приношением Богу. И аборт в Иисусовом христианстве недопустим, точно так же, как и любое другое убийство. Но совсем не этим, т.е. не детьми, брак оправдан в глазах Иисуса Христа. Он дан единственно для достижения супругами Царства Небесного. А апостол Павел, сам того не ведая, всех супругов этого *евангельского* Царства Небесного лишил. И опять-таки, мы говорим обо всем этом только по той

причине, что обсуждаемый нами сейчас вопрос является лейтмотивом всей проповеди Христа как в канонических Евангелиях так и в *Евангелии от Фомы*. Ведь нормальный брак – это «пожизненная» связь мужчины и женщины в естественных условиях мирской среды; и это гораздо сложнее для исполнения, чем монашеское проживание в монастыре «на всем готовом», где отвечаешь только за себя самого и где твой день расписан по пунктам колоколом церковной колокольни. Для монаха не страшно даже то, если придется умереть «ради Бога» -- и это для нормального монаха естественно. Но что говорить о мирянине, если смерть грозит его жене или детям? Разве ему в этом случае «не страшно» точно так же как и монаху? Но самым главным вопросом супружеской жизни для того мужа, который стремится к Царству, являются правильные сексуальные отношения с женой: они должны приносить радость обоим. А иначе «канонический» Иисус никогда бы в Своих притчах не сравнивал Царство Небесное с «браками», а Себя – с Женихом «спальни новобрачных»: *«И сказал им Иисус: могут ли скорбеть сыновья спальни новобрачных (нюмфон), пока с ними Жених (нюмфиос)?»* (Мф.9:15). Мы хотим спросить нашего читателя: читатель вообще отдает себе отчет в том, что именно говорит этими словами Иисус? То, что во время первой брачной ночи Он будет в этой спальне вместе с женой или даже -- вместо этого жениха? (особо скажем, что встречающиеся в «свободном» Интернете многозначительные «догадки» о том, что любой Учитель должен иметь «греческие отношения» со своими учениками – это бред больного воображения тех, кто к *подлинно духовному* не имеет ни малейшего отношения. Но и те юноши, которые поддались на подобную уловку «гуру», не должны «рвать на себе волосы» от отчаяния и считать себя «пропавшими» для Царства людьми: следует раз и навсегда отказаться от таких отношений и смело идти к Царству). Или все эти слова Христа – те, что о «браках» - - надо семейному человеку дополнительно растолковывать? Или у взрослого читателя, который читает сейчас этот текст, нет своего собственного опыта этих «браков»?.. А иначе Иисус ни за что бы не сотворил Свое первое чудо -- претворение воды в вино -- на свадьбе. И ведь эти строки о браке в Кане Галилейской мы читаем в Евангелии, написанном *монашествующим* Иоанном, а не семейным Петром, у которого, по свидетельству Климента Александрийского, были свои дети, и который, по свидетельству ворчащего апостола Павла, всегда ходил со своей женой даже после распятия Христа. Все те евангельские «браки», «невеста» (как душа отдельного мужа) и «Жених» (который всегда представляет Самого Иисуса Христа) -- имеют истоки в назарейском, а не в иудейском, Писании. И любые «аллегорические» толкования всех этих Иисусовых «спален новобрачных», «браков» и «женихов» – имеют свое начало в Посланиях иудея Павла, который к этому времени давно уже перерос возраст общения с женами. Беда в том, что Павла поддержал в этом вопросе знаменитый Ориген, который сам себя оскотил «по заповеди Христа», и который в вопросах «аллегорического» толкования Писания всегда следовал примеру иудея Филона Александрийского. Еще раз скажем читателю: в *Евангелии от Фомы* нет ничего такого чрезвычайного, что не присутствовало бы в тексте канонических Евангелий. Всё *духовное* в этих текстах подобно, а если и есть отклонения от церковной ортодоксии, то необходимо помнить о том, что *Евангелие от Фомы* создано до выработки церковных догматов, и оно с тех пор никем и никогда не «подправлялось» с целью создания идеальной «симфонии» с взглядами более поздней Церкви. А о том, что канонические Евангелия Церковью «корректировались», причем основательно, – имеются достоверные свидетельства науки.

В глазах обычного христианина апостол Павел – это самый первый и самый главный проповедник Учения Иисуса Христа. Но это совсем не так. Иисус никогда не устанавливал сроков Своего *Второго Пришествия*, и совсем не оно было главным во всей Его проповеди. Но тогда что же было у Христа главным? Обратимся для решения этого важного вопроса к евангельскому тексту:

«Пришел Иисус в Галлилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря... изменитесь умом (метаноййте) и веруйте в Евангелие» (Мк.1:14,15), т.е. веруйте в «благую весть» (евангелион) о Царстве Божием. «И ходил Иисус... проповедуя Евангелие Царствия» (Мф.4:23). «Надлежит, чтобы Я благовозвестил (евангелиастай) Царство Бога» (Лк.4:43). «Он проходил... проповедуя и благовествуя (евангелидзоменос) Царствие Божие» (Лк.8:1). Но и от Своих учеников Иисус требовал того же самого. «И послал их проповедовать Царствие Божие» (Лк.9:2). «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовестуй Царство Божие» (Лк.9:60).

А что же апостол Павел? Он тоже проповедовал Иисусово Царство Божие? Нет, Благая весть (Евангелие) апостола Павла совсем иная. Вот что пишет по этому поводу доктор исторических наук И.С. Свенцицкая (Раннее христианство: страницы истории, М.: 1988, Изд. Полит. Лит., стр.193):

Автор послания (апостол Павел – Г.Б.) предает проклятию тех, кто «благовествует» иначе, чем он... Ясно видно, что для автора посланий евангелие не писание, а проповедуемое... «благовестие» о Христе и его миссии.

То есть страшно сказать, но Павел, сам не понимая этого, в первую очередь восстает против Самого Христа. Ведь любому читателю (или слушателю) проповеди Благой вести понятно, что Благовестие о *Царстве* и Благовестие о *Христе* – это разные вещи. И не надо заниматься «тавтологическими» изысканиями и доказывать, что «царство Божие» и Христос – это одно и то же. В таком случае Христос и рай – это тоже «одно и то же», т.к. в традиционном богословии термины «рай» и «Царство Божье» являются синонимами. По евангелисту Иоанну Христос является только «дверью» в Царство, но не самим Царством, и вот это уже – действительно верно. В *Посланиях* Павла и в его проповедях, помещенных в *Деяниях апостолов*, нет ни одной притчи о Царстве, подобной Иисусовым; нет вообще никаких ссылок на это подлинное Иисусово Царство. Любой, *знающий* Царство, и читающий тексты Павла, сделает однозначный вывод: Апостол Павел не знает, что из себя представляет проповедуемое Христом Царство.

Главное у Иисуса – это то Царство, которое Он принес с Собой, и о котором все потихоньку забыли. То Царство, которое «приблизилось» так, что все окружающие Иисуса люди, включая и Его учеников-апостолов, думали при Его земной жизни, что речь идет о грядущем земном царстве Израиля. Во время земной жизни Иисуса евреи мечтали о чудесной победе Иерусалима над всем миром язычников, и в первую очередь над римлянами, и многие в тайне думали, что Иисус как раз и является тем ожидаемым Посланником Бога *Яхве* – земным Мессией-Христом, о котором писали пророки. Но и апостолы тоже ошиблись: Иисус о земном царстве речь никогда не вел. *«Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36)*. Все Его притчи – о том Царстве Небесном, которое не имеет ничего общего с ожидаемым всеми евреями временем «Божьего (Небесного) правления» (евр. *малькут шамайм*). Апостолы не знали тайну Царствия во время земной жизни Христа (да они и не могли ее знать до Его Воскресения, будь они «семи пядей во лбу»!), но они *узнали* ее после того, как Он Воскрес. Именно этот вид *знания* Иисус именует в евангельском тексте словом «гносис».

О том, что апостолам эта тайна Царствия все же открылась, свидетельствует четвертое каноническое Евангелие – *Евангелие от Иоанна*, а также *Евангелие от Фомы*. *Евангелие от Иоанна* состоит не из констатации событий земной жизни Христа, а именно открывает тайну этого *знания* Царствия для тех, у кого сердце готово ее принять. Поэтому

смешно и по-детски неразумно предполагать, что это Евангелие представляет собой что-то наподобие «стенограммы» частных речей Иисуса Христа, которые записал неизвестно где «спрятанный» в это время евангелист Иоанн (например, в случае ночной беседы Христа с Никодимом). Задача всех канонических Евангелий, но также и *Евангелия от Фомы*, заключается совсем не в том, чтобы как можно точнее «запротоколировать» земной жизненный путь Христа: этого не надо было ни апостолам, ни Самому Христу. Задача была единственная -- *учебная*, и заключалась она только в том, чтобы указать искателю Истины путь к этому Царствию после того, как на земле не станет Самого человека Иисуса, который проповедовал это Царство, – и *ничего больше*. Потому что по мере продвижения искателя по этому пути ему *«будет дано»* все остальное, включая дальнейшую «корректировку» этого сложного и длительного пути. Но и о том, что это *«будет дано»*, тоже сказал Сам Иисус, но Ему в те времена (да и сейчас тоже) никто не верил: *«Ищите же прежде Царства [Божия] и правды его, и это все приложится вам»* (Мф.6:33). *«Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»* (Лк.12:32).

Читатель спросит: «В чем же конкретно заключается *учебная* роль Евангелий? И как они *указывают* путь? Как это проявляется *на деле*?» Отвечаем. Главным обучающим евангельским принципом в данном случае является «принцип резонанса». Любой человек, следующий по пути к Царству, проходит этот путь впервые. Так же как и в обычной жизни: живут все, но у каждого из нас свой особый индивидуальный путь, который может быть или успешным или неприглядным. Но если в нашей земной жизни всё уже давно описано и это «всё» можно наблюдать на примере живущих рядом людей, то на пути к Царству этого нет. Любой человек идет каждый раз «впервые»: как бы «ощупью», «в слепую», «во тьме», ориентируясь только на евангельский текст в его общепринятом понимании. Но если он соблюдает заповеди и выбрал правильную установку, тогда через какое-то время (но уже в «приличном» возрасте) ему может быть дано духовное откровение (всегда кратковременное) *другого мира*. Иисус такие духовные откровения назвал *«мистериями Царства Небесного»*. Для любого человека это всегда происходит неожиданно и в такой форме, которая для него незнакома и которая чужда всем земным представлениям. Причем, такое откровение никогда не может вызвать умственное расстройство у этого человека. Человек не в состоянии понять, что с ним произошло (как, например, Силуан Афонский, когда над ним вдруг «раскрылось небо») и *как* к этому событию относиться. «Что это было? – думает он -- Какое-то кратковременное психическое расстройство? Вторжение дьявольского мира? Какая-то нелепая случайность? Признак начинающейся болезни?..» Но именно во время обдумывания этого события в памяти человека «вдруг» -- по «закону резонанса» -- всплывут (а точнее – «озарятся») какие-то евангельские строки или события, которые подобны испытанному человеком опыту и которые *сразу же* разъясняют вставшую перед человеком проблему. Как будто что-то мгновенно «перевернется» в голове – «Эврика!»... и человек уже *знает* точно, что он идет именно по Пути к Царству и с этого Пути не сбился. *Мистерии* Царства являются «зримыми вехами» такого «ночного» земного Пути. Они, как «фонари», установленные вдоль этого Пути и зажигающиеся в то время, когда человек входит в зону их освещения. Поэтому текст Евангелий по-настоящему понятен только тем, над которыми когда-то «зажигались» какие-то из этих «фонарей». Для любого другого человека евангельский текст -- это пока еще только наружная «глянцевая обложка» красочного детского Букваря, потому что сам евангельский текст по своей внешней форме достаточно прост (особенно у *Марка*, хотя именно *Марк* – подлинная «жемчужина» синоптиков). Мнимая внешняя «простота» евангельского текста является «зеркальным отражением» объективной «простоты» (*духовной*, конечно) любого обычного человека, читающего этот текст: пусть даже и на греческом, пусть даже он будет «трижды» профессором богословия.

И об этой тайне Царства, о пути к этому Царству «малого стада» также говорит *Евангелие от Фомы*, и говорит иногда более открыто, чем Евангелия канонические. Как правило, это касается тех мест, которые затрагивают отношения мужа и жены. Именно тех самых мест, которые оказались в канонических Евангелиях или на периферии внимания официальной Церкви (и при этом неправильно переведенными и истолкованными), или даже полностью удаленными из текста, или, напротив, перенесенными из текста «лукавого» Луки в текст остальных синоптиков – *Матфея* и *Марка* (что подтверждает общепризнанный научный текст *Нестле-Аланда*, созданный на базе гораздо более ранних рукописей, чем рукописи Византийского извода).

Было бы нелепо отрицать религиозные достоинства или богодухновенность всех канонических Евангелий (включая «хромающего» Луку). Прошло 2000 лет, но они по-прежнему привлекают к себе самое пристальное внимание и непрекращающийся интерес всего разумного человечества: как сторонников христианства, так и его противников. Другого подобного текста просто не существует. Почему? Да потому что они, эти Евангелия, способны «научить» человека Царству. И действительно начинаешь думать, что некий Перст Божий указал Церкви выбрать именно эти Евангелия для своего Канона. Так, чтобы интересующийся этим неземным Царством человек (и поверь мне, уважаемый читатель, таких даже сейчас не мало), мог бы как *по учебнику*, -- начиная от этого «Букваря», который по мере взросления самого исследователя чудесным образом превращается в «математические выкладки Эйнштейна», -- мог бы постичь всю премудрость Иисусовой науки о Царстве.

Поэтому и ученики-апостолы показаны в Евангелиях со всеми их привычными для нас человеческими недостатками. Ведь апостол Петр боится и откровенно врет, клянясь троекратно, что не знает Христа; а братья Зеведеевы вместе с их матерью отводят Иисуса в сторону от остальных апостолов и просят, чтобы Он посадил именно их на самые лучшие места в Своем царстве, когда Он войдет в Иерусалим и станет земным царем. Но и родственники Иисуса выходят из города (или дома) «схватить Его: говорили, ведь, что Он сошел с ума» (Мк.3:21). Подобные примеры можно продолжить, хотя для подлинного сегодняшнего ученика Иисуса они несколько не порочат ни показанных здесь апостолов, ни родственников Иисуса Христа. Ведь иначе и быть не могло в реальной жизни; иначе Евангелия превратились бы в сладкую лубочную сказку, которая сразу бы наскучила и забылась на следующий день. Ведь в то время никто не мог себе даже отдаленно представить, кем станет Иисус для греко-римского мира после Своей смерти. Когда писались синоптические Евангелия, ученики-апостолы описали евангельские события так, как это было в действительности во время их земного ученичества у *равви* Иисуса, -- ничего не скрывая и -- что наиболее важно -- не пытаясь показать себя с выигрышной стороны. Зачем они это сделали? Для того чтобы мы, читая и еще раз перечитывая Евангелия, повторяли путь *двенадцати* с их земными ошибками, обучаясь, тем самым, уже *собственной* душой на этих их ошибках и слушая те же самые слова и речи, которые говорит им, -- а значит уже и *непосредственно нам*, -- Сам Иисус.

И этой своей *обучающей* способностью Евангелия отличаются от всех священных текстов иных религий: от *Торы*, *Корана*, *Бхагават Гиты*, *Дхаммапады*, посланий Павла. Все эти религиозные тексты устанавливают те или иные заповеди и обряды, и раз и навсегда «прожигают микросхему» человеческого мозга, создавая в нем определенное *статус кво*. В дальнейшем происходит уже только «шлифовка» этого знания. Во всех этих священных текстах присутствуют почти одни и те же каноны общечеловеческих моральных норм, но такое *последовательное обучение* достижению состояния «бога» без использования специальных «технических практик» -- только в Евангелиях. Такое *обучение* предусматривает периодическую *полную смену предыдущей парадигмы того же самого* Учения Христа, чего нет и не может быть ни в одной другой религии мира. По Иисусу тот человек, который «входит» при своей жизни в Царство Небесное, -- автоматически становится «сыном Бога» или «богом». И это -- не «лавровый венок»

победителю спортивных игр в греческой Олимпии, а *полное равенство* или «одно-и-тожесть», существующие в том духовном мире, который обычный человек знает только по описаниям. Евангелия материализуют для нас «древнего» земного человека Иисуса Христа и делают нас Его современниками. Вспомним, как часто монах Серафим Саровский перечитывал Евангелия уже на закате своего земного поприща: каждую неделю -- полностью весь текст. Зачем? Или память ослабела? Есть достоверные свидетельства, что он цитировал евангельский текст наизусть целыми главами. И если мы тоже не пройдем этот этап нашего духовного роста – чтение и вчитывание в евангельский текст до такого состояния, чтобы Иисус стал «галографически живым», -- мы никогда не узнаем, что такое *«новая заплата»* и что такое Царство Небесное. Чтение Евангелия, или как говорят исламские суфии – *рецитация* текста, -- это и есть та единственная подлинная «практика», которая необходима тому искателю Царства, которому «не посчастливилось» жить в век Христа.

Апостол же Павел земного Иисуса Христа не знал – ни лично, ни по Евангелиям, ни из рассказов учеников-апостолов (которые к нему были настроены враждебно), -- и знать не хотел; и об этом заявлял однозначно: *«Поэтому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем»* (2Кор.5:16) — это его слова.

Возможно, это было связано с тем, что обративший Павла Христос разительно отличался от сложившегося у Павла представления о земном человеке Иисусе, -- том, о котором Павел слышал во время своей молодости. Возможно также, что это было связано с особой миссией Павла: он не проходил обычный путь христианского ученичества, а будучи убежденным, и даже – «ярким» иудеем (и пусть не судит читатель автора за такие «резкие» слова, потому что они, ведь, применяются и к некоторым иконам Иисуса Христа), -- Павел сразу же познакомился с Христом Воскресшим, который «стрекалом» обратил его в Свою сторону: *«Савл... трудно тебе идти против стрекала»* (кентрон -- «остроконечная палка, которой погоняют скот») (Деян.26:14). Христос Воскресший «сломав хребет» прежнему Савлу и «родил» нового Павла, который так и не узнал *«Христа по плоти»*. И эта не утихающая «боль в позвоночнике» проходит сквозь все Послания апостола Павла. И не с ним ли спорят ученики апостолы Христа? — *«А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога»* (1Иоан.4:3). Потому что если мы, обычные христиане, не узнаем сначала Христа земного -- узнаем просто как хорошего человека, пусть даже и «чудака» со странностями, -- нам никогда не откроется Христос Воскресший, Который (и это известно только гностикам Иисуса Христа) никогда не умирал. Фома – именно такой гностик, поэтому ему это все тоже хорошо известно.

Исторический путь земной Церкви сложился очень непросто. По прошествии около двух веков после распятия Христа Церковь все больше и больше склонялась в сторону предпочтения монашеского пути перед путем мирским. Теоретический «фундамент» такому пути заложил апостол Павел, причем в этом вопросе его поддерживали сначала Маркион, Ориген, а потом и Мани. Но через два века после казни апостола Павла уже никто не думал о том, что этот путь указан им ошибочно, что жизнь продолжается своим обычным порядком, и что Бог Бытия совсем не случайно создал и мужчину и женщину. *«Если бы полезно было мужчине и женщине жить порознь друг от друга, Бог бы из материнской утробы родил их бесполоыми»*, -- так можно сказать, перефразируя известное речение Иисуса из Евангелия от Фомы. И действительно, ведь в природе существуют и другие способы «размножения», включая мандейский – «пристальным взглядом». Никто не отрицает ни принципиальной возможности, ни исторических заслуг монашеского пути. Не об этом сейчас речь. Но в официальной Церкви и в сознании рядового мирянина сложилось такое ложное представление, что мирского христианского пути будто бы и вообще никогда не существовало. Но этот путь был, и это – путь последователей Христа в самые первые века после Его смерти. Этот мирской путь имел свою тайну, которая осталась сбереженной в Евангельском каноническом тексте. И вот Евангелие от Фомы,

которое мы собираемся здесь рассмотреть, всё — от начала и до конца — как раз о пути мирском, о пути мужа и жены, и об этой тайне.

И все-таки, еще немного о Павле. В чем тогда состояла его миссия, если он, как мы сказали, «исказил» Учение Христа до неузнаваемости? И разве не сам Христос его избрал для такой проповеди «о Себе»? Да, Сам Христос. Но избрал не «любовью», как Он всегда избирает того человека, которому открывает двери Своего Царства, а именно «стрекалом». В тексте канонических Евангелий Иисус говорит, что «немногие» приходят к Его Царству, а подавляющее большинство идет «широкой дорогой» в Ад (но теперь мы уже понимаем, что этот Ад включает в себя и лучшую свою составляющую в виде Рая). Если бы не было Павла, тогда проповедь Христа о Царстве исчезла бы с лица земли после ухода поколения апостолов, как неостребованная, т.к. она изначально была предназначена только для «немногих», для «малого стада», а для всех остальных ее заповеди просто неисполнимы. Но ведь именно это мы и видим вокруг себя: кто из христиан не прелюбодействует (т.е. имел в жизни только одну женщину)? кто из нас не клянется на верность Отчизне, принимая военную присягу? кто из нас не лжет? и кто когда-нибудь в своей жизни что-то не украл («принес с работы»)? кто в своем «многословии» в храме не «уподобляется язычникам»? Предназначение Павла заключалось в том, чтобы *заменить проповедь Христа о Царстве*, которая адресована «не многим», на привычную для всех религий, *для многих, проповедь о Боге*, в данном случае о Христе. И в таком своем виде эта проповедь уже становилась обычной религией, как и любая другая религия мира. Это мы и видим при принятии христианства в Византийской империи: все «законопослушные» граждане *вмиг* стали христианами; точно также как в пост-перестроечной России: все бандиты, «коррупционеры» и убийцы тут же смиренно взяли в руки церковные свечки. Но эта новая «религия для всех» содержала в своем Каноне, как в «коконе», подлинную проповедь Христа о Царстве. Только таким способом эту проповедь можно было сохранить в веках для тех избранников, которые были и будут удостоены Царства. И в этом смысле именно Православие мы можем с полным правом именовать «школой Царства Небесного» или подлинным «коконом» Учения Христа.

Прежде чем начать разговор о пути мужа и жены к Царству, нам необходимо поставить этот путь на ту должную высоту, на которой он находился во время Благой вести Иисуса Христа. А если мы этого не сделаем, тогда тщетны будут все наши усилия доказать «Иисусову ортодоксальность» *Евангелия от Фомы*. Или оно, это Евангелие, оказалось найденным в песках Египта именно в наше время случайно? Или совершенно случайно местом находки этого *духовного шедевра* оказался именно Египет? Христианский писатель Ириней Лионский, который прославился обличением ересей, заявляет: *«Ничего не бывает случайного»*. Но ведь и Сам Иисус проповедовал исключительно мирянам, а не каким-то монахам-есеем или кумранитам, или александрийским «терапевтам», которые в изобилии гнездились вокруг той территории, на которой проповедовал Христос, и которые вели монашеский образ жизни. И Он *требовал* от этих мирян, чтобы они жили со своими женами и ни в коем случае их не бросали. Почему? Ведь история Церкви показывает, что последующие монахи-христиане от своих семей уходили. Но после того как в Церкви возобладало монашеское направление, установленное Павлом, семейной мирской жизнью в христианстве уже никто не интересовался, и никто о ней не думал и не писал, как о «подвиге», сравнимом с монашеским. Ведь в Церкви отсутствует богословие мирской жизни, при которой любящие муж и жена с радостью живут «плотской» жизнью и рожают детей так, как это и положено человеку по Богу. Почему? Потому что Церковь забыла проповедь Христа о муже и жене. И это совсем неудивительно, -- если такая Церковь уже не знала и не понимала даже самого главного — что такое Царство Небесное? По учению Церкви Царство Небесное — это или та *райская жизнь*, которую обретает человек за свои земные заслуги после своей смерти, или то «тысячелетнее Царство», которое наступит для всех

праведников после окончательного, Второго Пришествия Христа. Но этому противоречат все Его евангельские притчи.

Увы! Земная человеческая жизнь такова, что все *живое* со временем мертвеет, все *движущееся* – останавливается; все *духовное*, возведенное тем или иным религиозным Учителем, с веками «материализуется» и превращается в частичку общественного механизма, становясь каким-то «рычажком», который играет свою полезную роль в обществе, организованном в государство. И с Церковью произошло то же самое. Можно задать кощунственный, по мнению многих, вопрос: нужна ли она, эта христианская Церковь, даже такая, забывшая о Царстве Небесном и распавшаяся на множество враждующих между собой «конфессий и сект»? Мы уже ответили на этот вопрос: бесспорно, нужна. Ей просто нет замены. В «белолицем» европейском капиталистическом обществе только эта Церковь еще что-то может сказать о *совести*, о *добре*, о *милосердном отношении* к тем, кто слабее и беднее. Не будет такой *совестливой* Церкви – и люди превратятся в животных – тех самых «львов», о которых говорит Иисус в тексте *Фомы*. А ведь понятие «совесть» в том смысле, который нам всем хорошо известен, впервые «изобрел» для европейцев ни кто иной, как Иисус Христос, позаимствовав основу такого понимания у египтян и их наследников -- мандеев. Ни у сладкоречивых эллинов, ни у любящих своего Бога иудеев (см. притчу Христа о том, «*кто мне ближний*» (Лк.10:29)), ни у римлян понятия «совесть» до прихода Иисуса не существовало. Но оно существовало также у зороастрийцев, у которых Иисус «взял» все Свои увещания о «добре и зле». Но еще более странным кажется то, что в том Древнем «языческом» Египте, который европейская наука давно заклеила как «рабовладельческий» -- это представление о *совести* тоже существовало. И именно оно являлось тем общим «нелицемерным вертелом», на который «нанализывались человеческие грехи» и в религии Древнего Египта, и в религии мандеев, и в Учении Христа. Во всех остальных религиях мира – даже более поздних – понятие «совесть» действовало только среди представителей своего «племени» или «братьев по вере». А, значит, его там просто не было, а действовал практичный закон совместного проживания, в котором были расписаны обязательные для всех единоверцев нормы поведения, способствующие укреплению такого собрания для противостояния «внешним».

Иисус осознавал Себя живущим в мире, окруженном бесами (греч. *даимон*), т.е. не просто верил в существование этих *бесов*, а видел их, разговаривал с ними и изгонял их. Кстати сказать, изгонял именно *бесов* (а не болезни) и наш батюшка Иоанн Кронштадский, и это уже почти в наши дни. Над Иисусом во время крещения «*раскрылось небо*», и Он говорил о «*мистериях Царства Небесного*». А что нынешнее христианское сообщество? Тот из нас, кто сейчас начнет говорить о *бесах*, достоин только помещения в лечебницу для душевнобольных. Тот, кто задает в церкви вопросы о *мистериях*, – явный идолопоклонник. Но для Иисуса реальностью был духовный мир с *бесами* и с *Царством Небесным*, и с *мистериями*. А для сегодняшнего христианина, имеющего стандартное европейское образование, первая реальность – это *материальный мир с его материальными ценностями*, т.е. именно то, что обещал дать Бог *Яхве* иудеям, если они будут исполнять его волю. А как же Иисусово «*ищите прежде Царство Небесное*»? И как после этого говорить хотя бы о *поверхностном* понимании *Евангелия от Фомы* с такими «христианами»?

И тем не менее, к удивлению многих наших читателей следует сказать, что на земле никогда не исчезали и такие люди, которые знали «гностическим» знанием, что есть и *бесы* и *Царство Небесное*. И вот для таких людей, а также и для всех тех, кто стремится вырваться из «тесных объятий» этого практичного мира – мира лживого и лицемерного, как и две тысячи лет назад, – мы будем разбирать строки *Евангелия от Фомы* и вести неторопливую беседу с Живым Христом. Мы будем говорить для тех единиц -- для того «*малого стада*», -- у которых Бог зажег сердца неутолимой жаждой Правды. И мы будем

поить их *«живой водой»* из источника, *«который измерил»* Сам Христос. Мы будем читать с ними о Царстве Небесном, и кто знает, может быть, в сердцах этих людей что-то прояснится в их представлении об этом прекрасном и неопишемом Царстве Бога, и они укрепятся в своих мыслях на этом их длинном и трудном пути поиска Истины. Ведь это звучит странно и почти нелепо: об этом Царстве нигде не прочитаешь и не узнаешь, хотя христианству уже 2000 лет. Разве только в канонических Евангелиях и в нашем *Евангелии от Фомы*.... И это всё! А все остальные многочисленные книги Церкви – это о ее истории, о церковных праздниках, о монашестве, о святых людях, о ересь, о догматах, об аскетизме, о богослужении, о церковной иерархии и о многом другом, но только не о самом главном, ради чего явился миру этот чудак Христос. Но сегодня у молодого и хорошего парня, рассуждающего о современном христианстве со всем его неприглядным внешним видом, невольно возникает вопрос: «Зачем мне все это, и что я от этого буду иметь?». И кто ему на это может возразить? Разве что Бог един...

О «лжеименном гносисе»

Для того чтобы обоснованно говорить о *гносисе* и гностиках необходимо иметь их труды. Однако случилось так, что до последнего времени наука не располагала сколько-нибудь объемными фрагментами из произведений ранних гностиков. Христианская Церковь планомерно, из столетия в столетие, уничтожала их книги, как противоречащие ортодоксальному учению. А поскольку в те древние времена книги были рукописными и издавались в единичных экземплярах, вполне естественно ожидать, что от гностиков не сохранилось *ничего*. Разве только если вдруг кто-нибудь спрятал ценные рукописи в египетских песках, и их *случайно* обнаружила наука уже в наше далекое от Бога время. Ведь сейчас эти рукописи уже ни для кого не представляют никакой угрозы. Еще 60 лет назад, до находок в Хеннобоскионе (Наг Хаммади), -- самым главным документом, на основании которого строились научные предположения об учении основных гностических учителей, была книга известного христианского писателя II в. Св. Иринея Лионского под названием «Обличение и опровержение лжеименного гносиса» или, коротко, «Против ересей».

Каковы же главные характерные черты или признаки тех гностических учений, которые по христианской терминологии относились к «лжеименному гносису»? Эти признаки следующие:

- наличие злого (или «правосудного», но не «милосердного») низшего Демиурга (чаще всего олицетворяемого с иудейским Богом *Яхве*), создавшего наш видимый материальный мир и, с другой стороны, наличие Высшего и Благого Бога, который неведом иудеям;
- признание материального мира за абсолютное зло;
- наличие духовного начала в человеке, которое является «искрой» Благого Бога, «похороненной» в душе человека и забытой этим человеком в суете материального мира;
- непримиримая вражда духовного начала в человеке и того материального мира, в котором это начало оказалось в связи с роковой ошибкой, или с определенным умыслом создателей материального мира;
- наличие тайного знания («гносиса»), которое позволяет человеческой душе вырваться из плена материального мира и обрести окончательное спасение в соединении с Высшим Абсолютом;
- деление всех людей от их рождения на три категории: первая – это «телесные», для которых путь к спасению закрыт; вторые – «душевные», которым тайна спасения все-таки может открыться, если они приложат к этому усилия; и третьи – «духовные» или те, которые от рождения предназначены для спасения.

– отсутствие понятия «грех», которое в гностическом учении заменено понятием «неведение»;

– сложные представления о структуре и становлении видимого и невидимого космоса; наличие множества «вечных сущностей» – *эонов*, составляющих в целом полноту или *плерому* духовного мира; наличие муже-женских пар этих эонов – *сизигий*; последовательная эманация или рождение более низших эонов из более высших; и, наконец, появление последней «ущербной» эманации божественной Плеромы и рождение от нее незаконного отпрыска – Первого *Архонта* нашего тварного мира – *Ялдаваофа*, который и является Богом нашего земного Бытия; рождение *Ялдаваофом* множества низших *архонтов* и, наконец, создание ими всеми человека, в котором оказалась скрытой «вдунутая» искра Духа высшего Эона, пусть и «ущербного» в своем дерзком помысле.

При этом мы должны помнить, что в те далекие времена многие гностические термины были общими для всего нарождающегося христианского мира. Это – *архонты*, *зоны*, *плерома*, *мир-космос*, *логос*, «духовные» и «душевные» и т.д. Просто мы всего этого не замечаем в переводе текстов Нового Завета: так, например, евангельский «князь мира» – это *хо архон ту косму* (т.е. «архонт космоса»). Особенно четко эта терминология просматривается у апостола Павла и евангелиста Иоанна. Вот что пишет об апостоле Павле И.С.Свенцицкая в книге «Раннее христианство» (стр.96):

В Первом послании Павла к коринфянам упоминается деление всех людей на телесных, душевных и духовных: не только люди, которые живут прежде всего интересами плоти, но и «душевные» (т.е. обладающие индивидуальной душой, а не частью божественного духа) не могут принять то, что от духа божьего, «потому что почитают это безумием» (1Кор.2:14). Создается впечатление, что для автора это деление изначально, как и считало распространенное во II в. учение христиан-гностиков, утверждавших, что спасение доступно только избранным. Но при этом тот же автор Послания к коринфянам призывает «телесных» и «душевных» измениться, стать «духовными», упрекая их в том, что они «еще плотские»... (1Кор.3:3).

Как пишет в своей книге уже А.Л.Хосроев: «Для большинства гностицистов... личность и послания (апостола Павла) обладали высочайшим авторитетом» («Из истории раннего христианства», М.1997, изд. «Присцельс», стр.314). И совсем не случайно Маркион, который жил во II в. н.э. и организовал в Риме свою христианскую общину, включил в свой Канон *Нового Завета* (впервые заявленный в христианстве) «Господне Евангелие» и «Апостол», который состоял исключительно из Посланий апостола Павла. Гностик Маркион оправдывал свое утверждение о божественной природе Христа ссылкой на следующие слова апостола Павла из Послания к филиппийцам (Филипп.2:6,7): «Он, будучи образом Божиим...уничтожил Себя Самого... сделавшись подобным человекам и по виду став как человек». У автора нет никакого желания как-то «опорочить» апостола Павла в глазах благочестивого читателя: мы говорим только о том, что «гностические рассуждения» в те далекие времена были неотъемлемой частью той категории христиан ранней *эклесии*, которая имела *опытное* представление о Духе Божием. А Павел – именно из таких. И многие из перечисленных выше особенностей гностических учений являлись изначально принадлежностью подлинного Учения Иисуса Христа.

Ко всем нашим рассуждениям о гностиках можно добавить то существенное, что естественно вытекает из всего вышесказанного об этом течении. Если земной мир плох, то и наш человеческий брак представляет собой нечто крайне нежелательное или низкое, т.к. способствует продолжению существования этого злого мира. То есть многие гностические школы отрицали супружескую жизнь и ратовали за строгий аскетизм или, наоборот, пропагандировали совершенно свободные половые отношения. И второе: если

материальное тело – это зло, то в таком случае Иисус Христос не мог появиться на земле в нашем человеческом облике «из плоти и крови», а значит, Он явился в некоем «призрачном» духовном теле, внешне подобном нашему земному. И как уже догадывается наш читатель, в обоих этих утверждениях гностики искали поддержку в уже упоминаемых нами *Посланиях* апостола Павла.

К этим особенностям гностического мировосприятия следует добавить еще одну, самую интересную, -- ту, которая является самой главной и, наверное, определяющей для всего раннего гностицизма. Это – вера гностиков в божественное озарение или духовное откровение, которое может быть даровано человеку свыше. Именно из-за этой своей роковой веры в духовное «озарение» гностики подверглись такому беспрецедентному гонению Церкви. И если бы не эта их непоколебимая вера в непонятное сейчас никому «откровение», – никогда бы не существовало на земле самого гностицизма. Гностики «лжеименного гносиса», точно так же как и ранние последователи Христа, заявляли, что человек может *познать* Бога только через *откровение*, т.е. только через некий необъяснимый и неуправляемый никаким человеческим умом *духовный опыт*. Недаром последний из текстов христианского Канона именуется *апокалюпсис*, что в переводе с греческого означает «откровение». По вере гностиков истинное знание Бытия, или «гносис», приходит к человеку во время переживания этого *опыта*. Настоящий гностик – это тот, кто такой опыт получил. Само название -- «гностик», «гностицизм» -- берет свое начало от получения этого *опыта-знания*.

Понятно, что вокруг разговоров о таком «опыте» возникало много различных спекуляций и появлялось много таких «гностиков», которые были простыми шарлатанами, обирающими наивных простаков. Но истина заключалась все-таки в том, что такой *опыт-откровение* действительно существовал, и этот *опыт* чаще всего был связан с приходом к человеку Воскресшего Христа в образе Бога. И если такой *опыт* к человеку действительно приходил, он разительно изменял этого человека в глазах всех окружающих его людей: такой человек становился истинным проповедником Христа, он уже не мог лгать, он заявлял, что «видел Бога», и что он сам стал «богом». Но при этом он не только не был епископом земной Церкви, но даже не был рукоположен в сан дьякона. Вероятно именно о таком *«испытанном, истинном пророке, творящем (что-либо) для земной («космос») мистерии еkkлeсии («собрание»)»*, как о характерном для ранней Церкви явлении, сказано в одном из христианских документов, называемом *Дидахе* («Учение двенадцати апостолов» (11.11)). Кстати, -- и это тоже нелишне отметить -- и этот текст, который почитался ранними христианами как подлинное Писание, тоже был утерян Церковью, и только *случайно* найден в одной из старых библиотек в конце XIX в. И «утерян», конечно, не случайно.

Итак, появившаяся официальная Церковь такого «вольнодумства» с получаемыми от Бога «откровениями» допустить уже не могла. Для такого «гностика от Бога» ни в церковной иерархии, ни в самой Церкви в качестве мирянина, места не было. Тем более что и у самого «гностика от Бога» со временем появлялись свои внутренние заботы и проблемы: «откровение» приходило и уходило, его надо было правильно осознать и обдумать, а земной мир с его *архонтами* опять решительно заявлял о своих правах. И жизнь гностика превращалась в жестокую борьбу за сохранение прежних дарований. Часть из таких гностиков уходила в аскетизм, другие пытались найти объяснение пережитому духовному опыту и создавали свои «системы» мироустройства. У каждого «озаренного знанием» теоретически мог быть свой уникальный духовный опыт (хотя по Учению Христа, т.е. по *Евангелию*, он в любом случае унифицирован «матрицей» земного пути Самого Христа), который отличался от опыта других, поэтому разных гностических систем было великое множество: эти системы «росли как грибы», как сказал об этом Ириней Лионский. Тем более что вокруг *подлинно духовного* всегда кружился «рой» всевозможных устроителей и псевдо-систематизаторов. Не следует сбрасывать со счетов и то замеченное монахами явление, которое в христианстве стало именоваться «прелестью».

Но бесспорно также и то, что не эти лже-гностики определили зарождение самого христианского понятия «гносис».

Глядя в далекое прошлое христианства, можно понять и «кураж» тех гностиков, которые получили подлинное откровение, и безжалостное отношение к ним земной Церкви. У набирающей силу Церкви просто не было иного выбора, как только «огнем и мечом» уничтожать эту бессмертную «заразу». Борясь с гностиками Церковь боролась с Самим Богом, но боролась... ради этого Бога. Боролась с Богом «Вольным» ради Бога «Закованного в гранитные берега». Иначе христианской Церкви сейчас просто не было бы вовсе, а был суровый *митраизм*, который стоит гораздо ближе к исламу, чем к проповеди Иисуса Христа. Но и христианских гностиков тоже можно понять: в их сердце был Бог, и они Ему изменить не могли. Они очень хорошо знали «земного» Христа из Благой вести, из того Евангелия, которое им было хорошо знакомо, но они также узнали Христа Воскресшего, – Бога, который «*сотворил обитель*» в их сердце. Но что делать дальше – они не знали: Благая весть, изложенная в канонических Евангелиях, в своей земной части на этом «обрывалась», а для земной Церкви ни они сами, ни их мистический опыт уже не были востребованы. Это была подлинная личная земная трагедия гностицизма, так хорошо описанная в евангельской притче Христа. Подлинного гностика мог понять только Иисус или подобный ему «сын Бога», но не епископ, который являлся обычным функционером Церкви, которая стремительно обретала мирские черты.

После того, как подлинное гностическое знание, как в христианской Церкви, так и вне ее, стало умаляться, и многие уже просто не имели понятия, о чем конкретно писали ранние гностики, и тем более не понимали того, что говорил когда-то Сам Христос, на сцене истории появились действительно всецело *ложные гностические системы*, которые главное значение стали уделять «знанию» (они его тоже именовали *гносисом*) особых тайных заклинательных формул, «печатей» или сочетанию внешне бессмысленных звуков. Этот тайный набор звуков должен был служить специальным «ключом» для души пневматика («духовного»), которая покидала брренное тело и проходила через многие сферы (преобразованные затем христианством в «заставы»), на границах которых стояли устрашающие стражи. Бесспорно, все эти «гностики» тоже причисляли себя к «пневматикам». Но «одежды» таких «пневматиков» были скроены уже по псевдо-магическому «египетскому крою». Наша задача заключается в том, чтобы одновременно с разъяснением смысла тех или иных логий Христа из *Евангелия от Фомы* показать читателю, что данный текст не имеет никакого отношения к «гносису» такого рода, и что он принадлежит к подлинной христианской (точнее, Иисусовой) традиции самых первых десятилетий ее развития. Поэтому мы будем часто ссылаться на слова Иисуса из канонических Евангелий и показывать нашему читателю, что речь в обоих источниках идет об одном и том же.

Ириней Лионский совсем не случайно назвал свою работу «Обличением лжеименного гносиса». Это означало только одно: если существовал *гносис* «лжеименный», значит обязательно существовал также *гносис* истинный. Ириней не мог не знать евангельских слов Иисуса (его книга показывает, что он прекрасно знаком с каноническими Евангелиями), с которыми Иисус обращается к Своим ученикам в *самой* сокровенной беседе. И эти слова, как чрезвычайно важные, повторены в трех синоптических Евангелиях: «*Вам дано познать (гнонай) мистерии (та мюстериа) Царства Небес*» (Мф.13:11). Не странно ли? – опять *мистерии* и опять *гносис*? У евангелиста Марка, который писал раньше всех других евангелистов, сказано иначе: «*Вам мистерия дана Царства Бога*» (Мк.4:11). В данном случае евангелисты не противоречат друг другу («канонический» Лука обо всем этом понятия не имеет и поэтому всё препутал, и это следует особо отметить): *гносис* или сокровенное знание приобретается с приходом того откровения, которое Сам Иисус именует языческим словом *мистерия*. В этих словах Христа слово *гнонай* соседствует со словом, которое во всем греческом мире обозначало высшую *не разглашаемую* тайну Элевсинских мистерий. Странно получается:

более чем за 1500 лет существования Элевсинского Храма и посвящения эллинов (а затем и всех греко-язычных) в *мистерии* «двух Богинь» – *Деметры* и *Персефоны* – ни один *мист* не разгласил тайну этих всегреческих *мистерий*; а вот в христианстве, выходит, никакой тайны так никогда и не существовало, несмотря на это необычное и характерное слово, которое навеки осталось в евангельском тексте – *мюстерион*... Да возможно ли такое? И кто из подлинных *пневматиков* (по терминологии апостола Павла!) может согласиться с подобным заявлением?

Климент Александрийский об истинном гносисе

Для того чтобы показать нашему читателю, что мы ничего не придумываем от себя и что существовал когда-то подлинный христианский *гносис*, обратимся к трудам знаменитого Отца Церкви Климента Александрийского. Он жил во второй половине II в., т.е. еще до того времени, когда были выработаны основные догматы Церкви, и когда на свободное выражение христианской мысли еще не была наложена жесткая церковная цензура. Вспомним, ведь даже такой духовный гений, как африканец Ориген, не избежал церковной анафемы уже посмертно, по прошествии сотен лет, и это -- несмотря на то, что именно он явился родоначальником всего христианского богословия и всю свою жизнь, с молодых лет и до своей мученической смерти, жертвенно служил этой Церкви. Климент избежал его участи только потому, что был гораздо осторожнее в своих откровениях и предположениях. Ему помогло также и то, что его откровения о каком-то там «третьестепенном» *гносисе* уже никто серьезно не воспринимал и не понимал. Эти вопросы о *гносисе*, а вместе с ними и сам Климент с его интеллектуальными рассуждениями об эллинской философии и философии гностиков, оказались на периферии церковного внимания. Церковь уже вскоре превратилась в часть государственной структуры, и «приходом» ее стала вся Империя без разбора «особенностей веры» каждого конкретного жителя Империи. Принадлежность к христианской Церкви стала внешним показателем лояльности гражданина к императору и к тому государству, в котором он хотел бы спокойно проживать.

Мы будем цитировать Климента по книге «Строматы» (Том I-III, С-П 2003, изд. Олега Абышко), подготовка текста к изданию, перевод с древнегреческого, предисловие и комментарии Е.В.Афонасина. Во вступительной статье под названием «"Строматы" Климента Александрийского» Е.Ф.Афонасин пишет следующее: «Климент считает себя продолжателем этой (апостольской) традиции, посвященным в знание, которое не может быть разглашено всем и каждому» (Том I, стр.43, курсив здесь и далее наш – Г.Б.). Еще раз обратим особое внимание читателя на эти очень важные слова и попросим перечитать эти строки. Климент интересен для нас также и тем, что его природная воспитанность, помноженная на последующее знакомство с *гносисом*, не позволили ему выходить за пределы этикета и расточать проклятия и ругательства (повсеместно принятые у христианских «защитников веры») в адрес тех, убеждения которых он описывает, но не приемлет по причине обладания *знанием* более высшего порядка. И вот теперь уже предоставим слово самому Клименту.

Том I, стр. 43. «Здесь будут рассмотрены суждения наиболее известных школ, и им будет противопоставлено то, что необходимо знать, прежде чем подойти к *мистериальному гносису, открывающемуся в созерцании. Этот гносис, согласно «славному и почтенному правилу предания», покажет нам скрытое от начала мира...*»

Том I, стр. 41. «Однако *откровение* это не было предназначено для толпы, но лишь для немногих, способных принять *мистерии* и запечатлеть смысл их в своем сердце. И тайны эти, как богоданные, не доверяют письменному слову, но передают изустно».

Здесь уместно вспомнить слова Иисуса из *Евангелия от Луки*: «*Некто сказал Ему: Господи! Неужели мало спасающихся? Он же сказал им: Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут*» (Лк.13:23,24).

Том I, стр. 301, 302. В главе «Виды и способы познания» Климент пишет: «Научное знание – это предрасположенность к знанию... Сходны с научным знанием опытное знание, теоретическое знание, сопоставление, умозрение и, наконец, *откровенное знание (гносис)*... Гносис – *это знание, проникающее в самую сущность предмета...* У истинного гностика и *вера*, и *суждение*, и *действие* составляют *одно целое*».

Эти слова Климента доказывают то, что ко времени своего отречения от Христа, т.е. до самой Его смерти, апостол Петр этот *гносис* еще не получил.

Том I, стр. 278. «...*Вера* представляется нам *первым шагом* к спасению. Страх, надежда и покаяние, соединенные с воздержанностью и терпением, пробуждаются *благодаря ей* и ведут нас к любви и *откровенному знанию, гносису*». То есть Климент говорит, что вера – это «первый шаг», а *гносис* – это шаг завершающий. И мы это подтверждаем: православие, основой которого является вера, – это «шаг первый»; а познание «мистерий Царства», т.е. *гносис*, -- это «шаг второй».

Том I, стр. 311, 314. В главе «Об уподоблении Богу» Климент пишет: «*Истинный гностик*, “образ и подобие Божие”, именно таков... Слова “по образу и подобию”, как мы уже говорили, обозначают не телесное сходство... Имеется ввиду *подобие по разуму и способности суждения*».

То есть Климент тем самым заявляет, что сам он уже реализовал слова Христа: «*Все вы боги*».

Том II, стр. 60. «Не в обычае *истинного гностика* стремиться к *познанию Бога* ради какой-либо выгоды... *Ему не нужно иной цели* для созерцательной жизни, кроме *самого созерцания*. Смеем утверждать, что человек должен стремиться к познанию Бога *не из желания спастись*, но ради божественной красоты и величия, святости и *превосходства этого знания*... И если бы гностик был предложен выбор между *богопознанием и вечным спасением*, и если бы они различались между собой (хотя в действительности неотделимы друг от друга), то ни мгновения не колеблясь, мудрец выбрал бы богопознание, полагая, что обладание *верой*, которая *через любовь восходит к гносису*, заслуживает того, чтобы к ней стремиться как к таковой».

Прекрасные слова, выверенные с ювелирной точностью и основанные на собственном опытном знании-гносисе Климента! Но и здесь: первый шаг – это вера, а второй, главный, -- *гносис*. Климент, обладая мистериальным опытом, не мог не сказать о любви, являющейся неотъемлемой чертой такого гносиса. Но относя себя самого к «философам» и будучи верен философской этике, он не мог говорить о такой *любви* «в избытке чувств». По своему воспитанию Климент относился к тому старому поколению «античных философов», которое с укреплением Церкви полностью исчезло. Как очень точно отмечает В.Б.Черниговский в своем вступлении к книге «Ямвлих. Жизнь Пифагора» (Алетейя, Новый Акрополь, М., 1998, стр.16):

Вообще во всех явлениях античной религии и культуры ощущается бездна такта и уважения к чужой вере, которые в позднейшее время сменились христианской истерией индивидуального и коллективного душеспасения, сопровождавшейся, как правило, поруганием чужой веры. Это преимущество религии древних хорошо выразил «русский эллин» Тютчев, который однажды воскликнул: «Где вы, о древние народы? / Ваш мир был храмом всех богов», -- а в следующих двух строчках обозначил преимущество и античной науки перед современной: «Вы книгу матери-природы / Читали ясно, без очков!».

Том II, стр. 70. «Спаситель *собственноручно посвятил нас в мистерии* подобно тому, как говорится в трагедии:

Лицом к лицу, и таинства (греч. *оргия*) *преподал.*
Если же вы спросите:
Какого рода таинства (греч. *оргия*)? Скажи, –
Он нам ответит:
О них нельзя непосвященным знать».

В вышеприведенных стихах из греческой трагедии слово *оргия*:

...первоначально означало просто совершение священнодействий... но впоследствии стало обозначать такие культы и священнодействия, при которых участники приходили в состояние возбуждения или экстаза (В.В.Латышев «Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности», С-П 1997, изд. «Алетейя», стр.196).

Из первых слов этого высказывания Климента ясно видно, что он получил не просто «мистерии», но и завершающую из всех *«мистерий Царства Небесного»* -- *«мистерию Бога»*. Здесь следует обратить внимание читателя, что в этих греческих словах (*мистерии, таинства-оргии*) речь не идет о церковных Таинствах – евхаристии, крещении и т.д. Во-первых, с самого рождения христианской *эклесии* из этих обрядов никто не делал тайны (хотя при этом на свои *аганы* христиане некрещенных не допускали, а для оглашенных тоже были свои ограничения). И об этих главных христианских Таинствах свободно пишет христианский апологет Иустин Философ в своих книгах, обращенных к язычникам. И, во-вторых, греческое языческое слово «мистерия» стало употребляться для обозначения христианских таинств только после того, как язычество было окончательно разгромлено победившим христианством. Эти наши рассуждения об употреблении термина «мистерия» справедливы также и в отношении произведений Климента Александрийского. Вот что об этом пишет профессор Петербургской Духовной Академии, доктор богословия А.Л. Катанский в своей книге «Догматическое учение о семи церковных таинствах» (С-П 1877, репринт, М 2003, изд. «Паломник», стр.180, 181):

Что касается слова *мюстерион*, то Климент не употребляет его для обозначения совокупности нескольких священнодействий, возводящих человека к совершенству... По большей же части он употреблял слово *мюстерион* так же, как употребляли его другие отцы, именно или в смысле всего таинственного, непостижимого или... в значении прообраза, символа и т.п... Главным выражением, обозначавшим у Климента несколько таинственных актов, именно три – крещение, миропомазание и евхаристию, было не слово *мюстерион*, а слово *тэлейосис*.

Заметим, что греческое слово *тэлейосис* означает в переводе «окончание», «завершение», «приведение к концу», «освящение», «совершенство». (Мы позволили себе заменить греческое написание слов в оригинальном издании на их произношение по системе Эразма.) Из евангельского текста также хорошо видно, что слова Иисуса о *мистериях* не имеют никакого отношения к крещению или к евхаристии на Тайной Вечере, которые впоследствии стали именоваться в христианстве греческим словом *мистирион* (произношение по позднему Византийскому или Рейхлинову правилу чтения гласных). В данном случае христианское богословие просто позаимствовало языческий термин от некогда существовавших подлинных языческих *мистерий* и перенесло его на

свои церковные обряды. Позаимствовало потому, что это слово встречается в речи Иисуса Христа и в *Посланиях* апостола Павла (хотя у него – уже с другим смысловым значением: «в смысле всего таинственного, непостижимого», т.к. Павел, будучи иудеем, о подлинных мистериях знания не имел). Это исконно «языческое» слово встречается также и в упомянутом нами *Дидахе*, в *Послании к Диогнету*, в *Евангелии от Фомы* и, без сомнения, во многих других уже утраченных христианских и гностических текстах. Дело, конечно, не только в том, что оно встречается во многих христианских текстах: истина в том, что *подлинный гносис* в христианстве никогда не умирал. Он, как и в первые годы после распятия Христа, продолжал передаваться через Его *мистерии* – через *личное* духовное откровение Бога человеку. И что с того, что наш Серафим Саровской не знал этих греческих слов? – он по своему *перерожденному естеству* был подлинным *гностиком* – *мистом*, посвященным в *мистерии* Иисуса Христа. И доказательство этому – его жизнь, его слова о Боге и о Троице из «Духовных наставлений», его – монаха! -- отношение к нашему человеческому браку.

И, наконец, завершают рассуждения Климента об истинном *гносисе* (в нашей выборке, конечно) следующие его слова.

Том III, стр. 46. «Он (гностик) достиг наиточнейшего и истинного знания, простирающегося от начала мира до его пределов, *узнав об этом от самой Истины*, не полагаясь как на истину просто на то, что ему самому кажется убедительным или же необходимым в согласии с эллинскими учениями, но *принимая то, что ясно и отчетливо открыто Господом*. И хотя это сокрыто от остальных, он получил *гносис*, открывающий доступ ко всему».

Наш краткий экскурс в рассмотрение подлинного *гносиса* первых последователей Христа мы дополним словами «лже-гностика» Валентина, которые (в данном конкретном случае) являют собой действительно подлинный гносис в его самой откровенной форме. Ведь все подобные и внешне «невзрачные» записи гностиков составлены по принципу звучания «камертона». Если душа читателя окажется «в резонансе» (а это возможно только в случае наличия собственного подобного духовного опыта), – «камертон» древних полуистлевших рукописей вдруг начинает звучать во всей своей первозданной радости и чистоте души того автора, который несет нам свою бессмертную весть Духа Святого через тысячелетия. И здесь есть некоторое подобие с истинной поэзией, -- с обучением понимания души поэта... Поэтому новонаначальному очень надо научиться понимать и любить хорошие стихи. Нет такого подлинного гностика, у которого душа была бы лишена поэтического чувства: и Климент, и Валентин, и наш удивительный «Серафим» Саровский – это истинные поэты Духа. Итак, вот они, прекрасные слова «плохих» гностиков, от которых «радостно скачет» сердце истинного христианина:

Существует только одно благое существо (cf. Mt. 19:17). Его свободная речь находит свое выражение в Сыне, и только через него одного может очиститься сердце, изгнав из себя всякого злого духа... Только после того, как Отец, единственное благое существо, посетит сердце, оно будет просвещено и наполнится светом. Благословен тот, кто имеет такое сердце, поскольку он узрит Бога. («Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства», С-П 2002, изд. «Алетейя», стр. 82/154).

Там же, стр. 93, 94. «Василидиане считают, что...[гносис] отличается от веры... как духовное от материального.»

Там же, стр. 138. Из Гимна наассенов:

Говорит Иисус: Отец...
пошли Меня, Отец...
Я снизойду, проникну через все Эоны,
открою все мистерии и тайны
и покажу лики богов.
Я покажу... сокрытый доселе
Святой путь, называемый гносисом.

И как ни странно, и как ни неожиданно будет для нашего читателя прочитать следующие слова автора, но мы, возможно опережая все мыслимые «события и сроки», скажем нашему читателю так: не следует сокрушаться об утрате человечеством великих *Элевсинских мистерий*. Они ушли в прошлое, как наше детство уступает взрослому возрасту. Они ушли в кажущееся небытие только потому, что уступили место *мистериям* несравненно более высшим: ребенок повзрослел – и «подземное» уступило место «наднебесному». Но и там и там – подлинные *мистерии истинного мира*, которые соответствуют определенному духовному возрасту человечества. Или Платон был всего лишь «психиком», расточая высочайшие похвалы мистериям *Деметры*? Или Иисус ошибся, когда именовал Свои высочайшие тайны этим же Элевсинским словом -- «мистерия»?

Слово «гносис» в устах канонического Иисуса Христа

Мы уже говорили об известном выражении Иисуса Христа «*Вам дано познать (гнонай) мистерии Царства Небесного*» (Мф.13:11, Мр.4:11, Лк.8:10). Именно «познать», а не «знать», т.к. речь здесь идет о времени будущем, а не о настоящем. В греческом языке использование инфинитива такое же, как и в русском, поэтому именно такое понимание здесь правильно. *Гнонай* – это инфинитив аориста, а не презенса, что указывает на совершенный вид. Значит, эти *мистерии* ученики не будут познавать в течение какого-то продолжительного времени, а узнают их «однократно», и такое возможно во время земной жизни человека. Но при этом следует сказать, что по евангельскому тексту то Царство, которое человек узнаёт в своей земной жизни через эти *мистерии*, «встречает» его и «там» вместе с «*жизнью вечной*». В апокрифическом *Евангелии евреев* сохранился интересный вариант строки о Царстве из молитвы «Отче наш», который не совпадает с каноническим. «*Хлеб наш завтрашний дай нам днесь (сегодня)*» (Иероним Com. in Math. 6.11). Речь, как уже сказано, идет о том Царстве, которое человек наследует после своей земной жизни, но наследует только в том случае, если «знакомится» с Ним или «входит» в Него уже во время своей земной жизни, т.е. «днесь». Вот чего просят ученики Иисуса: они просят у Отца *мистерий*, через которые это Царство является. И таким «Хлебом» как раз и является Сам Иисус, который приходит к человеку в этой *мистерии* Бога. Именно это имеет в виду Христос, когда сравнивает Себя с «хлебом». А иначе приведенную фразу из *Евангелия евреев* следует считать сумасшествием. Эти *мистерии* ученики «познали» только после ухода Иисуса Христа из земной жизни. Преображение Господа на горе Фавор такой *мистерией* не являлось, точно так же, как не было *мистерией* «преображение» монаха Серафима в Саровском лесу перед молодым помещиком Мотовиловым.

Рассмотрим еще один примечательный евангельский пример со словом «гносис». Если подходить к вопросу строго, то речь здесь (как и в приведенном выше примере) идет не о греческом слове *гносис*, которое является существительным, а о глаголе *гнoско*, который образован от того же самого корня и имеет то же самое значение, но уже в функции глагола – «знать», «познать». Этот предлагаемый читателю пример и вовсе

неприметен: как раз тот самый случай, когда глаза скользят по строчкам, как будто не замечая написанного древним автором. *«И тогда заявлю им: никогда Я не узнал (Эгнон) вас, удаляйтесь от Меня делающие беззаконие»* (Мф.7:23). В данном случае Иисус говорит о Себе уже не как о земном человеке, а имеет в виду время после Своего Воскресения. Время, когда Он встретит человека в *день его смерти*. Но почему же *«делающие беззаконие»*? Ведь эти люди именем Христа «изгоняли демонов», «произносили пророчества» и «творили чудеса»! Почему? Потому что в жизни у них не было главного: их «не узнал» Иисус Христос. *Эгнон* – это аорист глагола «знать», из чего следует, что Воскресший Иисус «узнаёт» человека в его жизни «однократно» или «разово», а не так, что «знает» его всю его жизнь, как какой-то хороший друг. «Узнаёт» -- в *«мистерии Бога»*. А если не «узнал», значит, все подобные действия этого человека («во имя Иисуса») являются его собственным пожеланием и исполнением личной корысти, а не воли Бога. Серафим Саровский, впервые исцеляя человека – Мишеньку Мантурова – специально указал ему на то, что получил на это *повеление* Господа. А если бы не получил, – то никогда бы и не принял, хотя исцелять уже мог.

Какой-нибудь специалист по древним языкам может возразить на все эти рассуждения следующим образом: как можно разбирать особенности греческого текста, если Сам Иисус и Его ученики разговаривали на арамейском? «Помилуйте!– ответим мы, – но как в таком случае нам поступить с *Евангелием от Фомы*? Ведь это – явный перевод на коптский язык с древнегреческого текста». Но по логике рассуждений нашего оппонента и такой греческий тоже является переводом с арамейского! Так что же? – вообще не пытаться понять смысл этого Евангелия, т.к. утерян не только «оригинал», но и его перевод на греческий? Логика рассуждений в данном случае должна быть иная. Если мы верим, что канонические Евангелия написаны учениками-апостолами (Марк – это «уста» Петра, а Лука – собиратель устного Предания первоначальной Церкви, хотя, судя по всему, он позаимствовал что-то и из жизни Аполлония Тианского и Учителя Мани), тогда мы должны доверять и их греческому языку, каким бы «корявым» с научной точки зрения он нам не казался.

Но мы должны заявить нашему читателю, что мы не согласны с подобным заключением науки. Если мы предположим, что Иисус проповедовал на арамейском, тогда мы должны следом за этим признать также и то, что «мудрые» ученики-апостолы (или тот, кто писал вместо них) во многом «додумали» за Иисуса смысловое содержание Его «простеньких» речей, а значит и всё Его Учение. Ведь возможности выражения мысли на арамейском языке и языке древнегреческом несопоставимы. И это не только потому, что эти языки существенно отличались и по богатству своего словарного запаса, и по обилию грамматических категорий глагола. Но также и потому, что в те далекие времена в арамейском (а также в иврите) при записи не фиксировались гласные фонемы (кроме отдельных «матерей чтения»), что делало такой текст при его прочтении неоднозначным в понимании смысла. Арамейский «до-масоретский» язык мог обслуживать заключение торговых сделок, стандартную государственную переписку и элементарное бытовое общение между людьми в древнем обществе, но он не был способен выразить глубочайшие духовные и философские откровения евангельского текста. Научное сообщество, исследующее историю христианства, этих «откровений» в тексте Евангелия не видит, потому что этот текст не понимает. И именно по этой причине оно полагает, что «исторически» более реально то, что разговорным языком Иисуса Христа, а, следовательно, и языком Его проповеди, был арамейский. Языковые особенности Иисусовой речи мы будем отражать по ходу рассмотрения текста *Фомы*, и тогда читателю станут более понятными эти наши слова о различии в языках.

Да и как можно себе представить, что ученики Иисуса не сочли необходимым бережно сохранить *подлинные* слова проповеди Своего Учителя, а самовольно и легкомысленно принялись переводить Его речи на тот чуждый им язык, который они знали «через пень-колоду»? Выходит, что апостолы этот язык хоть плохонько, но знали, а

вот *равви* при Своей жизни одолеть его так и не смог?! Но на каком языке Он разговаривал с Понтием Пилатом? Или к Нему специально приставили первоклассного переводчика из Иерусалима или Рима? И как могли «договориться» между собой евангелисты о том, что для перевода того или иного арамейского слова из речи Христа они возьмут один и тот же греческий эквивалент-аналог: ведь в греческом на одно арамейское слово может приходиться сразу же несколько разных слов, выражающих одно и то же похожее понятие. Ведь речи Христа у *Марка* и *Матфея* (а сейчас видим, что, скорее всего, и у «греческого» *Фомы*), фактически, слово в слово повторяют друг друга. Ведь для такого «синопсиса» необходимо было устроить не один совместный апостольский «семинар» по греческому языку. И подобные предположения – это не шутка, а единственно возможное решение вопроса в том случае, если Иисус действительно проповедовал на арамейском.

Тот человек, который имеет элементарное представление о *духовных* вещах, прекрасно понимает, что все великие религии *духовны* по своей природе. И именно поэтому ученик *никогда* не совершит предельного богохульства по отношению к своему Учителю: он всегда будет сохранять речи своего Учителя на языке Его проповеди и никогда не дерзнет заменить их на какой угодно прекрасно выполненный перевод. Так было с зороастризмом: *Гаты* Заратуштры, входящие в *Авесту*, сегодня непонятны на половину своего содержания, но они зафиксированы в том древнем произношении, которое традиция приписывает Заратуштре. Так произошло с еврейской *Торой*: введенная масоретами огласовка нисколько не нарушает восприятие первоначального древнего текста, записанного только согласными буквами. Но ведь к этому времени у иудеев уже давно была греческая Септуагинта, переведенная их же толковниками! Так обстоит дело с мандейскими текстами: мандеи не перешли на окружающий их арабский язык, а сохранили свое древнее письмо, в котором были зашифрованы их «мистерии». И арабы сохранили свой *Коран* на том же самом курайшитском диалекте арабского языка, на котором он был дарован Мухаммеду. И китайцы до сегодняшнего дня «переводят» *Дао Дэ цзин* и *Лунь юй* с уже малопонятного для большинства из них древнекитайского *вэньяня*. И индусы до сегодняшнего дня не забыли тот древний санскрит, к которому ближе всего *стоит* язык *Авесты*, и на котором они читают свой текст *Ригведы*. И это – абсолютный *духовный закон*: если Учение подлинное, его исходный язык не меняется. В буддизме изначальные речи Будды не сохранились по той причине, что *изначальное Учение* самого Будды и тот *буддизм*, который мы видим сегодня, -- это разные вещи. Сегодняшний буддизм (в любой из его вариаций) – это уже не «буддизм Будды», учение которого было только «похожим». Проповедь Христа о Царстве моложе всех этих древних религий, но от «арамейского подлинника» не осталось и «обрывка папируса». И предположить такое, что христианская традиция (традиция тех же самых «мандеев» и тех же самых «иудеев» – или они почему-то в данном случае переродились в «Иванов, не помнящих родства»?!) не сохранила подлинные слова Христа о Царстве, а заменила их каким-то «эрзац-переводом» Марка на греческий – тогда «грош цена» всей этой «традиции» и всему такому «учению Христа». Но вопрос здесь поставлен «с ног на голову»: Евангелия живы до сих пор и жива та структура, которая сохраняла эти тексты от самого начала. Значит «грош цена» не Учению Христа, а тем «научным исследователям», которые заявляют с «высокой трибуны», что Иисус проповедовал на арамейском. Все они, по словам апостола Павла, «плотские», и «не могут судить о духовных вещах». Невозможно такое в природе духовного мира, чтобы *все религии Рая* сохранили язык первоначальной проповеди, а *единственная в мире религия Царства Небесного* в этом отношении «оплошала». Но, напротив, возможно такое, что все представители религий Рая (включая традиционную христианскую Церковь) будут делать все возможное для того, чтобы опорочить Учение Христа о Царстве и извратить его любым способом. Лучший из всех таких способов – это доказать простому человеку, что Иисус проповедовал на арамейском, т.е. перевести Его Учение «на рельсы» чуждого языка. Ведь мудрые иудеи, в отличие от неразумных

христиан, прекрасно понимают все значение этого вопроса. В иудейское Писание включены только книги, написанные на иврите (исключение сделано для родственного арамейского языка, на котором написана часть *Книги Даниила*). При этом очень важные для иудеев Книги Маккавейские, которые сохранились только на греческом языке -- из иудейского Писания исключены именно по этой причине, хотя они и вошли в *Септуагинту*. В христианстве процесс «канонизации» идет обратным порядком. Признанная первыми христианами Церкви греческая *Септуагинта* уже уступила место еврейскому «первоисточнику»: все конфессии христианской Церкви отказались от *Септуагинты* и признали за свое Писание иудейский *Танах* (т.е. *Ветхий Завет* на еврейском). На повестке дня стоит вопрос о научном признании в качестве «первоисточника» канонических Евангелий – *Матфея* и *Марка* -- их «подлинников» на иврите или арамейском, которые могут быть получены «обратным переводом» с греческого. Такая работа уже активно проводится, и этому вопросу уделяется большое внимание также в научных богословских кругах православной Церкви. Но отказ от греческого текста Евангелий автоматически влечет за собой полную утрату знания о том Царстве, о котором проповедовал некогда Христос: в «арамейском подлиннике» этот *гносис* полностью исчезнет. Но что для «христианской Церкви» этот *гносис* Христа?! Да и без этого «Царства» ей все эти 2000 лет жилось гораздо легче, чем с этим «придуманном Христом» Царством. Современное христианское «белолицее» человечество стоит перед «Рубиконом»: или оно окончательно утратит знание Иисусова Царства Небесного и будет благодушно исповедовать «Павлово Христианство» Рая на еврейском языке, а вместе с этим проповедовать «демократические свободы» в виде открытого семейного разврата, полного забвения понятия «совесть» и бесчеловечного грабежа слабых; или оно – в соответствии с подлинной проповедью Христа о Царстве -- отделит себя от иудаизма и хотя бы только внешне будет иметь для себя подлинный идеал Христова спасения в виде непрелюбодейной супружеской пары, а также отношение к «ближнему» (включая и иудея) с позиции Христовой «совести». И от этого выбора всецело зависит главный «земной» вопрос: будет ли на земле существовать «белолицая раса», или она останется только в воспоминаниях жителей земли, имеющих другой цвет кожи? «Белый человек» сегодня болен и эта болезнь приобретает неизлечимый характер.

Тот, кто хоть немного занимался языками, хорошо знает, что представляет собой перевод по отношению к первоисточнику, как бы профессионально этот перевод не был выполнен. И этот человек также прекрасно осведомлен о том, что перевести адекватно истинную поэзию вообще невозможно, – исходя только из одного различия в структуре двух разных языков. Даже в родственных языках это невозможно исполнить – это будет уже поэзия талантливого переводчика, в которую вложено смысловое содержание переводимого им поэта. Но поэзия – это «душевное», а не «духовное». А евангельский текст – это не просто поэзия, а поэзия духовная и *сокровенная*. Перевести сносно можно только технический или бытовой текст или какое-то объемное художественное произведение. Но никак не то, что мы называем Евангелиями. Конечно, речь в данном случае не идет о переводах Библии на все современные языки: с этих переводов спрос мал, от них требуется только более или менее точная передача буквального смысла «Букваря». Заявлять, что Иисус проповедовал на арамейском, и что Евангелия являются переводом Его речей, может только человек, *ничего* не понимающий ни в языках, ни в евангельском тексте. Более того, это свидетельствует также о том, что данный человек *абсолютно* лишен знания *духовного*. Но при этом такой человек может в совершенстве владеть всеми древними языками мира и быть титулованным профессором многих университетских кафедр. И эти слова – не «кураж» новоявленного гностика, а объективная правда нашего утонувшего в земном быте общества: стерильного общества бездуховных «манекенов»... *«Оставь мертвым погребать своих мертвецов»* – Оставь тем «мертвым», которые ходят сейчас по земле своими ногами. Или и здесь с «греческим языком» Христа что-то не в порядке? Или что-то не так уже в «голове» Самого Иисуса

Христа? Или мы сами уже давно ходим по земле, надевая обувь на свою голову, и совсем не замечая этого? Ну да мы не для таких «филологов» начали свои рассуждения о *гносисе* и о *Евангелии от Фомы*.

Как мы уже упоминали, ближе всего к подлинному гносису Иисуса Христа стоит Евангелие, написанное назореем Иоанном. Ко времени написания своего Евангелия Иоанн уже давно получил этот *гносис*. Именно Иоанн создал мистериальное Евангелие подлинного христианского *гносиса*.

Ин.6:68. «Ответил Ему Симон Петр: Господи, к кому уйдем? Слова жизни вечной имеешь, и мы *поверили и узнали (эгнокамэн)*, что Ты есть Святой Бога».

Здесь, как у Климента и у Василида, присутствует та же самая связка и последовательность двух основополагающих христианских терминов: *вера* и *гносис*. Этих слов апостол Петр не мог сказать при земной жизни Христа: *узнать*, что Иисус – «Святой Бога», Петр и апостолы могли только после Его Воскресения, точно так же как и Климент Александрийский. А если бы вдруг *узнали* раньше, – никогда бы Его не предали в Гефсиманском саду. И апостол Петр от Него бы никогда не отрекся. Потому что *знание* от человеческого ума – это одно, а *знание* от Бога – это совсем иное. И вот уже после получения именно такого *знания-гносиса* Петр пошел на мученическую смерть, хотя, без сомнения, мог бы ее избежать, если бы предпринял к этому шаги. *Эгнокамен* – это перфект глагола «знать (гностическим знанием)». «Мы *узнали*» – это сказано, как имеющийся налицо факт. Еще раз напомним нашему читателю, что задача *Евангелия от Иоанна* иная, чем Евангелий синоптических, и поэтому данное несоответствие реальным событиям не должно восприниматься, как литературная фантазия евангелиста. Хотя... на все наши рассуждения, ведь, можно не обращать никакого внимания и читать *Иоанна* точно так же как и синоптиков. Тем более что при чтении любого перевода Евангелия (кроме *церковнославянского*) иного подхода и быть не может.

Ин.8:27. «Сказал итак им Иисус: Когда *возвысите* Сына человека, тогда *узнаете*, что Я есмь (*эго эйми*) и от Меня Самого ничего не делаю».

«Я есмь» – это «формула Бога», употребляемая в Ветхом Завете. В этом стихе уже Сам Иисус говорит то, о чем мы ранее рассуждали: Иисус Христос познаётся (*гиноско*) как Бог только после Его крестной смерти. Земной Учитель Христос – это человек, пусть и «Сын Божий», но не Бог в общепринятом смысле этого слова.

Ин.8:32. «Если вы останетесь в слове Моем, истинно ученики Мои вы есть и *узнаете* истину, и истина освободит вас».

«Останетесь в слове» – это значит «будете исполнять Мои заповеди». Без исполнения Иисусовых заповедей получить *гносис* невозможно. Истину же можно узнать только *гностическим* знанием, т.е. только через *откровение*. А на разговоры о том, что заповеди Христа трудно исполнять, Он отвечает нам следующее: «*Ярмо Мое удобное (хрэстоc) и бремя Мое легкое*» (Мф.11:30).

Ин.8:54,55. «Есть Отец Мой, прославляющий Меня, о Котором вы говорите, что Бог наш Он есть, и не узнали (*эгнокате*) вы Его, Я же знаю (*ойда*) Его. И если скажу, что не знаю (*ойда*) Его, буду подобный вам лжец».

Глагол *ойда* является перфектом греческого глагола *эйдо*, основное значение которого – «видеть, созерцать». И в этом смысле слово *ойда*, в данном конкретном случае, передает *знание* высшее и недоступное человеку. Таким образом Иисус отмежевывается от «знания», а точнее, – незнания фарисеев. Но когда Он говорит со Своими учениками, Он употребляет уже одно и то же слово – *гносис* – и для Себя, и для них. Как увидит

читатель впоследствии, Иисус в данном случае говорит именно о Боге *Элохиме* еврейской Книги *Брейшит*, заявляя при этом, что иудеи не узнали Его, как *Отца*.

Ин.10:14. «Я есть пастух хороший и знаю (*гносис*) Моих и знают (*гносис*) Меня мои, знает (*гносис*) Меня Отец и Я знаю (*гносис*) Отца».

Ин.14:7. «Если вы узнали (*гносис*) Меня, и Отца Моего узнаете (*гносис*). И отныне знаете (*гносис*) Его и увидели Его».

Следует заметить, что в данном случае более правильной является версия текста Эразма Роттердамского (TR) и Византийская: «Если бы вы знали Меня, и Отца Моего знали бы...». Воскресший Иисус познаётся в Троице, а будущее время, использованное в общепринятом *Научном тексте*, разделяет временным интервалом познание человеком Иисуса и познание Отца, делая невозможным такое познание в земной жизни исходя из нашей человеческой природы. «Бога не видел никто никогда; единородный Сын, суций в недре Отчем, Он явил» (Ин.1:18).

Ин.14:16,17. «И Я попрошу Отца и другого Утешителя даст вам, чтобы с вами вовек Он был, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает (*гносис*); вы знаете (*гносис*) Его, потому что у вас остается и в вас *будет*».

Эти слова являются подтверждением и доказательством того неоспоримого для истории религии факта, что *гносис* Иисуса Христа никогда не исчезал: он и сегодня пребывает в сердцах отдельных людей.

На этом мы завершим гностические экскурсы в евангельский текст. Приведенные стихи *Евангелия от Иоана* можно разъяснять и дальше, ведь это те стихи, которые говорят нам о Троице и которые становятся нам понятными только в том случае, если мы сами имели такой гностический опыт-откровение.

Мы, конечно, совершили бы большую ошибку, если бы в конце нашего обзора понятия «гносис» не привели примеры высказываний об этом вопросе наших известных православных подвижников. Эти подвижники не исследовали тексты гностиков и никогда не обращали свой ум к проблеме гностицизма, и поэтому то, что они говорят, для нас важно втройне. Ведь они говорят это исключительно из своего *личного духовного опыта*, даже не догадываясь о том, что подобные мысли высказывали некогда и Климент Александрийский и ересиарх Василид.

Сначала – высказывания старца Силуана Афонского (Старец Силуан. Жизнь и поучения, Православная община, Москва, б/г):

Стр. 277. «Великое различие *веровать* только, что Бог есть, *познавать* Его из природы или от Писания, и *познать* господу Духом Святым».

Стр. 282. «*Веровать* в Бога – хорошо, но *знать* Бога – блаженнее».

Стр. 126. «*Верующих* на земле много, но таких, которые *ЗНАЮТ* Бога, очень мало».

А вот что пишет Серафим Саровский в своих записках, которые впоследствии получили название «Духовные наставления преподобного Серафима Саровского мирянам и инокам»:

«*Вера*, по учению преподобного Антиоха, есть *начало* нашего соединения с Богом... Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются *сиянием вечного света*» (О вере. О надежде).

Слова Старца Серафима: «*возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света*», точно так же как и слова Старца Силуана: «*познать*» и «*знать*» Бога – это и есть тот самый *гносис*, о котором мы ведем речь в нашем разговоре.

Откуда берет начало слово «мистерия»

Для любого нашего читателя интересно будет узнать, откуда, все-таки, произошло это важнейшее греческое слово Иисусовой проповеди – *мюстерион*. В науке принято считать это слово производным от греческого глагола *мюэйн* – «закрывать рот», подчеркивая тем самым запрет на разглашение мистериальных тайн Элевсинских мистерий. Но, судя по всему, ответ следует искать в другом происхождении этого слова. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что в древнееврейском языке существует подобное слово *мистар* – «скрывающий, тайник», которое и по смыслу, и по произношению близко к греческому слову *мюстерион*. Но если говорить о произношении древнееврейских слов, то следует сделать важную оговорку. Взяв за основу так называемый «финикийский алфавит» (происхождение которого неизвестно, но как совершенно обоснованно предполагает целый ряд исследователей, он развился из «алфавита» египетских иероглифов), евреи позаимствовали у египтян сам способ записи слов – без гласных. То есть еврейское древнее письмо состоит исключительно из согласных букв, а использование (причем, нерегулярное) трех таких согласных (*йод, вав, хэ*) в качестве гласных, которые получили название «матерей чтения», проблему гласных не решало. Данная задача – записи гласных – была решена Тивериадскими масоретами только в V-X вв. н.э.

То есть сейчас невозможно сказать точно, как произносилось то, или иное слово *Торы* в древности. Да и в каком объеме присутствовали эти гласные в разговорном языке древних евреев на момент рождения еврейского алфавита? -- об этом тоже можно делать только предположения. И возможно, этих гласных было гораздо меньше, чем это предполагают сегодняшние исследователи, которые реконструируют древний язык на основании более поздней картины. А иначе трудно ответить на такой вопрос: почему семиты Месопотамии (Ассирио-Вавилоняне) позаимствовали у *шумеров* (которые к семитам не относились) клинописное письмо с полногласной формой фиксации речи, а семиты западные (включая евреев) – *египетский* тип записи только согласных? Первое «полногласное» буквенное письмо появилось – на базе того же «финикийского» -- у древних греков, и произошло это приблизительно в одно и тоже историческое время, что и у евреев или немного позже.

И вот учитывая все вышесказанное, при нашем обращении к еврейскому аналогу слова «мистерия» правильное его записывать просто согласными буквами: МСТР. Но и это еще не все. Если мы заглянем в словарь библейского иврита, то увидим там и другие слова, которые являются производными от того же самого корня: МиСТ**о**Р – «убежище, кров»; МаСТ**е**Р – «прятание, укрытие». Обычно, когда в двух различных языках присутствуют похожие слова, в науке принято считать, что слово происходит из того языка, в котором можно обнаружить семейство однокоренных слов. Но предположить такое, что греки могли заимствовать у евреев их «бытовое» слово и обозначить этим словом свои Великие Элевсинские таинства, может только очень смелый исследователь. Дело в том, что у иудеев никогда не было *мистерий*. В библейском иврите есть несколько слов для обозначения понятия «тайна». Например, заимствованное у халдеев (а возможно и у назореев) *раз* – «прятать, тайна»; *таалумма* – «секрет, тайна»; *нахби* – «тайный, сокровенный», и, наконец, *сетер* – «укрытие, завеса, покров, тайник, тайна». При этом обратим внимание нашего читателя на то, что в последнем слове СеТ**е**Р присутствует подлинный, «стандартный» для семитского языка трехбуквенный корень слова «мистерия» -- СТР. То есть как будто теперь у исследователя уже не может быть сомнений в еврейском происхождении этого слова. Однако такой вывод будет опять

преждевременным. Здравый взгляд на картину государств Древнего Средиземноморья того времени исключает такое положение вещей, чтобы древние эллины заимствовали что-то у тех евреев, которые только что вышли (или еще не выходили) из египетского плена. К этому времени традиции и верования евреев еще не устоялись, и во многом состояли из невольного копирования обычаев Великого Египта. И вот этот Египет как раз и был в то время тем единственным реальным государством, в котором можно искать корни слова «мистерия». Именно «свет Египта» освещал «дремучесть» всех окружающих его народов. Вот что пишет Уоллис Бадж в своей книге «Древний Египет: духи, идолы, боги» (М.: ЗАО Центрполиграф, 2009, стр. 33):

Египетское слово *sheta* означает нечто спрятанное или тайное, неизвестное, то, что нельзя увидеть или понять – секрет, тайну... Ритуалы, заклинания, религиозные тексты и картины были *shetau neter*, «божественными тайнами». *Shetau* (*Shetai*) был «скрытым богом» или «непостижимым богом».

Греческие Элевсинские мистерии основала сестра *Зевса* – Богиня *Деметра*. По своей роли в Элевсинских мистериях она является «двойником» египетской Богини *Исиды*, а дочь *Деметры Персефона* – это «двойник» *Нефтиды*, которая приходится сестрой *Исиде*. По египетскому мифу *Исида* долго искала убитого и насильно отнятого у нее мужа *Осириса*, горевала, нашла его мертвого, возродила и опять с ним соединилась. По (псевдо-) Гомеровскому «Гимну к Деметре» *Деметра* тоже долго искала насильно похищенную у нее дочь *Персефону*, горевала, нашла ее в Царстве мертвых у *Аида*, вызволила («наполовину») из мрачных обителей Ада и снова с ней воссоединилась (так что эти *мистерии* именуются *мистериями* «двух Богинь»): т.е. воссоединилась, как и *Исида* со своим *Осирисом*. И, несмотря на то, что по так называемому Гомеровскому Гимну, в котором дается описание этих странствий *Деметры* и учреждение ею Элевсинских таинств (гимн датируется VII в. до н.э.), эти таинства именуются греческим словом *оргия*, -- во всем мире они всегда были известны как Элевсинские *мистерии*. Причем, появление первого Элевсинского храма датируется (на основании раскопок Телестериона) XV в. до н.э. Но и из приведенных выше слов Уоллиса Баджа мы уже видим, что слово «мистерия» -- египетское.

В языке греков не было звука *Ш* (с которого начинается египетское слово *ШеТа*). Заимствованное *Ш* греки передавали звуком *С* (греческая буква «*сигма*»), поэтому после «перехода в Грецию» это слово *ШеТа* преобразовалось в «корень» *СТ*. Начальное *М*- в слове «мистерия» – это древний египетский префикс (но также и коптский, и общесемитский, откуда и появилось *М* в еврейском *М-СТР*), означающий «место». Поэтому, если быть точным, то еврейское *СТР* – это «тайна», а *МСТР* – это «место тайны», т.е. «тайник». Звук *С* из еврейского корня *СТР* передан двадцать первой буквой еврейского алфавита, которая по внешнему виду соответствует русской букве *Ш*. Сейчас эта буква может читаться как звук *Ш* («шин») или *С* («син») в зависимости от того, стоит или нет рядом с ней «точка», соответствующая одному из введенных масоретами знаков «никуда́т». А как это слово читалось раньше, никому не ведомо. Если через *Ш* (*МШТР*), тогда это еврейское слово заимствовано напрямую из Египта; если через *С* (*МСТР*) – тогда, скорее всего, из Греции.

У нас остался невыясненным один единственный вопрос: откуда в этом слове появилось конечный звук «р»? Но, по логике вещей, греческое *мюстерион* «переводится с египетского» как «место Божественных тайн» (и указывает тем самым на Элевсин), а значит, оно является сокращенным фонетическим написанием египетского *m-shetau-neter*, т.е. конечное «р» в слове *мюстерион* маркирует собой присутствие египетского слова «бог» -- *neter*, его конечную литеру. И такое фонетическое слияние двух слов вполне логично; это выглядит как *МСТ+ТР*, в котором промежуточное *-н-* выпало в результате

«выдавливания» двумя одинаковыми согласными, которые, в свою очередь, слились в «сильное» Т, определившее ударение в слове *мюстерион* на следующем долгом гласном «эта». Но если кому-то из филологов, читающих этот текст, наши слова о «выдавливании» согласного *н* покажутся несколько непрофессиональными, в таком случае мы можем предложить нашему читателю иной вариант решения той же самой задачи. Мы процитируем сейчас короткий отрывок из книги Адольфа Эрмана «Жизнь в Древнем Египте» (М.: ЗАО Центрполиграф, 2008, стр.271). Но перед этим мы не можем удержаться от того, чтобы не сказать следующее. Адольфу Эрману удалось создать, наверное, один из самых прекрасных кратких очерков истории развития египетской иероглифической письменности, который – безо всяких «торжественных фанфар» -- дан в этой книге. Такое доступно только очень большому таланту, который сочетается с прекрасным знанием самого предмета: он этот предмет не просто знает, но и *чувствует*. И поэтому может это сложное облечь в простые и понятные формы. Говоря об отсутствии гласных и *даже некоторых согласных* в египетском письме, Адольф Эрман пишет следующее:

Лишь в некоторых случаях, когда гласная действительно имела большое значение для правильного чтения слова, египтяне по-своему пытались обозначить ее на письме. Для этого они пользовались тремя согласными... так же, как древние евреи использовали *h, j, w* (то есть вместе с принципом фиксации одних согласных, древние евреи заимствовали у египтян также и принцип использования «матерей чтения» -- Г.Б.)... Египтяне отбрасывали при письме не только гласные, во многих словах они пропускали *т, н* или *р* – без всяких видимых причин для этого.

Но в рассматриваемом нами случае из слова выпал именно упомянутый Эрманом согласный *н*. Понятно также и то, что при любой записи согласный мог выпасть только в том случае, если он не произносился в разговорной речи. То есть это «промежуточное *н*» в составном слове «мистерия» в разговорной форме просто исчезло.

В еврейском Писании слово МСТР встречается около десяти раз, но, ни в одном из этих случаев это слово не используется в значении «божественного откровения». В подавляющем числе случаев речь идет о «бытовых вещах», т.е. это слово в еврейском языке действительно является прямым аналогом нашему русскому слову «тайна».

К пониманию самой сути загадочного слова *мистерия* напрямую примыкает один из самых больных и невыясненных вопросов традиционного христианства: если *таинство* Причастия – это не *мистерия*, тогда что это такое? Таинство Причастия никогда не было *мистерией*, и мы это уже доказали, ссылаясь на ранние христианские тексты. Но любому из нас прекрасно понятно также и то, что это таинство не выдуманно Церковью, а установлено Самим Христом. На Тайной Вечере Иисус действительно произнес Свои знаменитые слова о Его «Теле» и о Его «Крови», но в Его представлении они означали совсем иное, чем мы это слышим от Церкви. Бесспорно также и то, что Сам Иисус придавал этим словам очень важное значение. Понятно также и то, что именно означают слова Христа, попавшие в текст всех синоптиков: *«Сие есть Кровь Моя... за многих изливаемая во оставление грехов»* (Мф.26:28). Речь не идет о том, что Христос Своей Кровью искупил грехи всего человечества. Такому пониманию противоречит даже само слово «многих»: ведь в таком случае Иисус сказал бы «за всех». Речь здесь идет о том, что только Воскресший Христос, но не Христос земной, мог стать реальным Спасителем человеческой души от мира зла. Христос полностью исполнил Свою миссию на земле, и Его ждала миссия уже «на Небе». Но переход из одной в другую должен был осуществиться «через Его кровь». Христос – человек, и для Него такой «переход», как и для любого из нас, -- страдание. Он «изливает Свою Кровь» не за всех, а за «многих». Но разве «многие» достигают Царства Небесного? Нет, *«немногие находят... узкий путь, ведущий в Жизнь»* (Мф.7:14). Но речь в данном случае – рассматривая Его слово «многих»

-- идет о том, что человеческая душа возвращается на землю не один раз (мы этот вопрос будем еще рассматривать, обращаясь к тексту *Фомы*), и если человек, который стремится к исполнению заповедей Христа, не достигнет Царства в *этой* жизни, он обязательно достигнет его в следующей, -- а таких, стремящихся, *много*. То есть *любые* человеческие усилия по отысканию Царства не пропадут даром, и эти слова Христа – как раз об этом: такой человек входит в круг Его «многих».

Но для того, чтобы встать на «твердую» почву, ведущую к Царству, необходимо знать Иисуса *земного*, как Учителя, и относиться к Нему как к *человеку*, а не как к Богу. Без этого -- Царства не достигнешь. И в то же самое время Иисус знал, что после Его смерти из Него станут делать Бога. *Причастие*, о котором Он говорит на Тайной Вечере, как раз и призвано было для того, чтобы служить постоянным напоминанием о том, что Иисус был земным человеком, который состоял, как и все мы, из «плоти и крови». В этом отношении наиболее точен апостол Павел, которому следует в своем тексте *Лука* евангелист. На Вечере Иисус произносит следующие слова, которые объясняют апостолам суть предлагаемого Христом обряда: «*Это творите в Мое воспоминание*» (Лк.22:19, 1Кор.11:24). И любому читателю понятно, что речь идет о воспоминании того земного Христа, который был с апостолами когда-то вместе. Предполагать же, что речь здесь идет о «воспоминании» того Воскресшего Христа-Бога, которого к этому времени апостолы еще не знали (но Его также не знают те христиане, которые подходят к Чаше Причастия), было бы нелогично. Для человека, встретившего в *мистерии* Иисуса Христа, именно это событие – «*мистерия Бога*» -- становится главным «воспоминанием» всей его жизни: и никакие другие «воспоминания» в качестве дополнительного «напоминания» ему уже не нужны.

Данные слова Павла, кроме всего прочего, «обличают» апостола Павла в том, что он скрыл подлинный источник, откуда получил знание этих слов, т.к. сам он земного Христа никогда не видел, а Евангелий не читал. Но Павел в этих своих словах «дважды согрешил» перед тем Христом, которому служил, т.к. даже «получив» эти слова «от Самого Господа» (как он сам заявляет), он этим словам не стал следовать, потому что совершенно не понял их смысла. Более того, он от этих слов Христа всегласно отрекся: «*Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем*» (2Кор.5:16). То есть: «Не хотим, и не будем знать Иисуса земного». И если уж быть до конца последовательным, тогда в таком случае Павлу следовало бы отказаться и от *таинства* Причастия. Но еще раз скажем: Павел всего этого не понимал, потому что не был знаком с проповедью Христа о Царстве Небесном.

«Технические особенности» текста *Евангелие от Фомы*

И в завершение нашего предварительного разговора, перед тем как приступить уже к непосредственному рассмотрению текста *Фомы* (хотя и там у нас тоже будут многочисленные отвлечения), -- некоторая краткая общая (чисто формальная) информация о самом тексте. Текст *Евангелия от Фомы* входит в 4-й Кодекс коптской Библиотеки Наг Хаммади (всего Кодексов -- 13), которая была обнаружена в Египте в 1946 году. Можно сказать, что сохранность текста *Фомы* почти идеальная, хотя и есть лакуны. Кроме текста *Фомы* в этот Кодекс входят такие важнейшие тексты Библиотеки, как *Апокриф Иоанна*, *Евангелие от Филиппа* и *Книга Фомы*, что само по себе говорит о важности *Евангелия от Фомы* для собирателя этой Библиотеки. В России существует единственный профессиональный перевод *Евангелия от Фомы*, который выполнила и опубликовала в 1989 году М.К.Трофимова. Наверное, именно по той причине, что этот перевод оказался – при всей своей видимой простоте – очень удачным, никто из русских коптологов переводить *Фому* еще раз так и не решился. Текст состоит из отдельных

высказываний (*логий*) Воскресшего Иисуса, и большинство этих логий начинаются словами: «Иисус сказал». Так это читается на русском языке, а в коптском тексте: *пэдже ИС* (имя «Иисус», как и в нашем церковнославянском, дается в его сокращенном написании, «под титлом»). При этом в коптском языке глагол «сказал» имеет значение перфектного времени, которого нет в русском языке. То есть «Иисус сказал» всё это не когда-то давно, когда Он ходил среди людей, а говорит Он эти Свои слова апостолу Фоме «прямо сейчас», после Своего Воскресения. Возможно, более правильно было бы переводить эти вступительные слова как «Иисус говорит» (что и сделано в некоторых английских переводах). Потому что именно такая форма акцентирует всю актуальность для слушателя сказанных Иисусом слов.

После того, как текст стал доступен научным исследователям, была произведена его разбивка на отдельные параграфы или пункты. Они, как правило, выделяют из сплошного коптского текста *Фомы* отдельные предложения Иисуса, каждое из которых содержит в себе завершённое в смысловом плане высказывание. Понятно, что такая разбивка вполне условна и ее вообще можно не принимать во внимание. Первоначальную разбивку текста предложил Ж.Дорес – на 118 пунктов – и именно ей следовала наша М.К.Трофимова в своем переводе. Однако в дальнейшем научный мир перешел на разбивку текста на 114 пунктов, и практически все сегодняшние иностранные издания следуют именно ей. Мы будем придерживаться старой разбивки на 118 пунктов. И не потому, что это соответствует русскому переводу, а потому что такая разбивка гораздо чаще бывает более логичной и обоснованной исходя из смыслового содержания текста. В скобках мы будем указывать соответствующий номер пункта по общепринятому европейскому делению текста. При цитировании текста *Фомы* мы будем стараться придерживаться перевода М.К.Трофимовой, но при этом оставляем за собой право вносить в перевод исправления там, где сочтем это необходимым. При этом мы не будем каждый раз давать отдельное указание на то, что перевод М.К.Трофимовой изменен, т.к. ее перевод стал уже почти «синодальным», и он имеется у каждого заинтересованного читателя. Мы вообще не ставим перед собой задачу создать что-то наподобие альтернативного перевода: наша цель единственная – донести до читателя смысл *Фомы*, поэтому мы склонны более опираться на буквальный перевод, чем делать неумелые попытки придания ему литературной формы.

Существует еще одна проблема, которую приходится решать, когда приступаешь к рассмотрению коптского текста *Фомы*. Дело в том, что отдельные логи *Фомы* сохранились на греческом языке. Они были найдены в египетских песках за 50 лет до обнаружения коптской Библиотеки и известны по так называемым Оксири́нским папирусам (р.Оху.1, р.Оху.654, р.Оху.655). Предполагается, что это – оригинальная версия *Евангелия от Фомы*, т.е. тот текст, который считается изначальным.

Для читателя, незнакомого с коптским языком, поясним немного и этот вопрос. Коптский язык – это язык египетских христиан, которые позаимствовали у греков их алфавит, т.к. Евангелия и все первые христианские тексты были написаны на греческом языке. Более поздним аналогом подобного решения вопроса было создание нашей славянской кириллицы. Этот коптский язык был предназначен, в первую очередь, для перевода именно таких греческих текстов. Конечно, язык сам по себе остался египетским, и только сама форма записи приобрела греческий вид. Но при этом копты оказались настолько мудрыми (не в пример нашим сегодняшним европейским «переводчикам»), что они не побоялись позаимствовать из евангельского языка Христа (они-то прекрасно знали, что греческий -- это подлинный язык Его проповеди) Его многие важнейшие греческие термины. Именно по этой причине коптский язык *Фомы* стоит гораздо ближе к исходной греческой речи Христа, чем все переводы на современные языки вместе взятые. В Грондиновском «Греческом лексиконе коптского *Евангелия от Фомы*» (опубликован в Сети) приведено 120 таких греческих слов. Для примера покажем некоторые из них: *агатос* («добро, добрый»), *ангелос*, *архэ* («начало»), *баптистос* («крещение»), *гносис*,

дюнамис («сила»), каккос («дурной»), космос; логос; макариос («блаженный» о Боге), метаной («изменение ума»), нюмфон («спальня новобрачных»), нюмфиос («жених»), парадисос («рай»), пневма («дух») и др. У читателя невольно возникает закономерный вопрос. Почему копты, переводя речи Христа на свой древний язык, который очень богат религиозной терминологией, не сочли возможным заменять подлинную терминологию проповеди Христа на свою иноязычную? Дело в том, что копты, читая греческие Евангелия, видели то, что не видят сегодняшние переводчики, а заодно с ними и вся «богословская наука». Древнегреческий язык, на котором проповедовал Христос, отличается от всех других языков мира своим богатством словарного запаса (не говоря о его богатейшей грамматике). Например, для обозначения слова «любовь» в греческом языке существует четыре разных слова, каждое из которых передает конкретную особенность той или иной человеческой любви. Например, есть слово для «любви к родителям или отечеству», есть – для обычной «любви-дружбы» или «привязанности» (*филиа*), а есть – для «любви сексуальной», страстной (известное читателю *эрос*), а есть «любовь возвышенная» (от нее произошли известные в первоначальном христианстве «агапы»). У нас же, в России (впрочем, как и в любой другой европейской стране) «любовь в публичном доме» и «любовь Ромео и Джульетты» - это одна и та же «любовь». Иисус в Своей проповеди широко использует это «обилие синонимов» в греческом языке, но употребляет их строго по своему назначению. Например, Его беседа с Петром при море Тивериадском (из последней главы *Евангелия от Иоанна*), в которой Он троекратно вопрошает Петра: «*Любишь ли ты Меня?*» -- становится понятной только в том случае, если ее читать на греческом языке, т.к. Иисус для этого слова «любишь» использует последовательно два разных глагола: *агапао* и *филео*. И такая постановка вопроса – это не выдумка евангелиста Иоанна: В синоптических Евангелиях Иисус точно так же различает эти два греческих слова «люблю», а кроме этого, Он разделяет также «разные» слова «говорю», разные слова «покаяние» (о чем у нас уже был разговор) и др.

Заявляя о богатстве словарного запаса греческого языка, мы, конечно же, не можем обойти стороной «знаменитое» евангельское слово «мистерия», которое в большинстве европейских переводах передается словом «тайна». Но в греческом языке существуют другие, более подходящие аналоги для передачи того общепринятого смысла, который вкладывается в слово «тайна». И именно эти греческие слова использует Иисус во всех тех случаях, когда Он хочет сказать именно о «тайне», а не о «мистерии». Приведем конкретные примеры. «*И Отец твой, видящий тайное (крюпто) воздаст тебе*» (Мф.6:4). «*Ибо нет ничего... тайного (крюптон), что не было бы узнано*» (Мф.10:26). Субстантивированное прилагательное *та крюпта* – это и есть полный аналог нашему слову «тайна». Кроме этого в греческом есть *то апорэтон*, которое тоже переводится как «тайна», но которое не входит в лексикон Христа. И если анализировать евангельский текст, исходя из предположений богословской науки о его арамейском (или еврейском) первоисточнике, тогда получается, что это сами евангелисты отважились на такой немислимый поступок: проповедуя Христово Евангелие в среде иудеев диаспоры, они своевольно перевели «обычное» арамейское слово из речи Христа, которое обозначает просто «тайну», -- тем откровенно языческим словом *мистерия*, которое должно было быть для ортодоксальных греко-язычных верующих, как «красная тряпка» для быка. Это равносильно тому, чтобы сегодняшние христиане, например, назвали скульптурное изображение Христа на Кресте, установленное в храме, языческим словом «идол». Мы должны отдавать себе отчет в том, что и сила веры, и «ревность о Боге» в те времена -- и у иудеев, и у последователей назорея Христа -- действительно существовала и была несопоставимой с той «меланхолией», которую мы наблюдаем в сегодняшнем христианском мире. И почему тогда эти «апостолы» не перевели с арамейского и все остальные «тайны», о которых говорит Христос, этим же самым словом *мистерия*? Ведь может же кто-то из оппонентов сослаться на тот факт, что в арамейском существует слово

МСТР, которое было этим апостолам гораздо «роднее». Но вопрос, в действительности, звучит совсем иначе: почему Иисус, когда Он говорит о «тайнах Царства Небесного», использует слово *мюстерион*, а не обычное для Него *крюптон*?

Вообще следует особо обратить внимание читателя на тот факт, что, несмотря на кажущуюся простоту Евангелий, они представляют из себя «зарытый клад» (в смысловом понимании, конечно), т.к. Иисус, благовествуя, вынужден был использовать «Эзопов язык». И если опять вернуться к более понятному для всех нас слову «любовь», то у коптов (как и у нас, русских, или у иудеев в их иврите или арамейском), в лексиконе было всего одно «жалкое» слово «люблю». Но если Сам Иисус не посмел использовать одно и то же слово одновременно для Бога и для «публичного дома», -- по этой же причине и молодчины копты тоже не посмели. А современная наука утверждает, что, в отличие от «простаков-коптов», непосредственные ученики Христа «проморгали» этот момент бережного отношения к языку первоисточника и перевели (причем, «через пень-колоду», кроме хитреца *Луки*, конечно) Его «подлинные арамейские речи» на повсюду распространенный греческий. Итак, копты оставили в своих переводах Евангелий свои египетские аналоги, но и добавили к ним подлинную греческую терминологию Христа для того, чтобы получить «полную имитацию» греческой речи Спасителя.

То есть особо «догадываться» о том, что перед нами перевод с греческого, -- такой задачи перед наукой никогда не стояло. Но именно поэтому любой серьезный исследователь, приступающий к изучению текста *Фомы*, должен обязательно знать греческий язык. Коптское *Евангелие от Фомы* не является тем обычным переводом «тайного текста», которые сегодня появляются сплошь и рядом. Его главная ценность заключается в том, что переводчик на коптский сам был носителем подлинной евангельской духовной традиции, т.е. хорошо понимал то, о чем писал. И это его знание-гносис, помноженное на одинаковую с греческой терминологию, фактически приравнивает этот текст к греческому первоисточнику. И удивляться его внешней простоте (которую так «удачно» скопировала М.К.Трофимова) не следует: текст евангелиста Марка более прост и значительно «корявее», особенно, если видеть его греческий оригинал.

Возвращаясь к Оксиринхским папирусам, следует сказать, что коптский текст *Евангелия от Фомы* не всегда следует этому греческому оригиналу. Греческий текст, как правило, более прост (как и следует ожидать в таких случаях). Это можно объяснить или различной устной традицией передачи логий Христа (что, в свою очередь, отражает вариации проповеди о Царстве), или переосмыслением коптским автором изначального греческого текста на основании собственного опыта постижения Царства. При этом коптский автор может вносить в текст те религиозные реалии и понятия, которые хорошо знакомы египетскому читателю, но абсолютно неведомы «эллинистическому греку». В любом случае перед нами два отличающихся между собой текста, и это различие далеко не всегда является следствием недопонимания греческого текста коптским переводчиком. Мы будем привлекать к рассмотрению смысла *Фомы* и Оксиринхские папирусы, когда сочтем это полезным.

Читатель, который уже знакомился с текстом *Фомы*, прекрасно знает, что *Фома* почти буквально повторяет многие высказывания Христа, которые входят в канонические Евангелия. Научное исследование текста *Фомы* подтверждает тот факт, что текст *Фомы* появился на свет раньше своих синоптических собратьев, т.е. предположение о «плагиате» в данном случае полностью исключается. Отсутствуют у *Фомы* и какие-либо ссылки на канонические Евангелия. Но в таком случае любой здравый исследователь обязан заявить, что канонические Евангелия и *Фома* отражают одно общее Учение Христа о Царстве. Разница заключается только в том, что канонические Евангелия со временем прошли церковную цензуру, а *Евангелие от Фомы* сохранилось в своем первоначальном виде. Но при любой цензуре происходит, как правило, удаление из текста тех мест, которые не соответствуют церковным представлениям на тот период времени, когда такая цензура

осуществляется. То есть наличие в *Фоме* тех высказываний Иисуса, которые отсутствуют в канонических Евангелиях, фактически, восстанавливает первоначальный вид подлинного Учения Христа в его полной форме. Удивительно в *Фоме* также то, что в этом тексте не содержится изречений о Конце Света и нет упоминания о таком важном событии канонических Евангелий, как крестная смерть Христа. Мы, конечно, можем поругать «такого-сякого» апостола Фому, что он «упустил из виду» эти важнейшие положения церковных догматов. Но, может быть, Фома говорит именно о том Иисусе, которого он знает, а этот Иисус распят никогда не был, и никогда не говорил о Конце Света? А говорил этот Иисус только о Царстве Небесном? Но даже это не совсем верно: такой Иисус, как правило, говорил просто о «Царстве», а не о «Царстве Небесном» (правильнее – «Царстве небес», а не «небесном», т.к. и в греческом варианте, и на иврите здесь форма множественного числа).

Этот вопрос тоже не является таким простым или «нелепым», как это может показаться сначала нашему читателю. И он требует тщательного исследования, потому что, судя по всему, в образе известного нам евангельского Иисуса Христа соединились воедино несколько реальных личностей, причем, все они жили на земле в один и тот же исторический период времени. И скорее всего, «первый Иисус» -- это иудейский Мессия *Иешуа*, проповедь которого о приближении еврейского *малк'ут шам'аим* («Царства Небесного», понимаемого иудеями как «Божье правление» в мире) повторяет Иоанн Креститель сразу же после своего выхода на проповедь: «*Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное*» (Мф.3:2). То есть говорит он эти слова до того, как их впервые произнес «Сам Христос». Так в евангельском тексте *Матфея*, и это обстоятельство всегда вызывало и продолжает вызывать недоумение у исследователей. Но нам прекрасно известно, что сам Иоанн Креститель понятия не имеет о том «Царстве браков», которое проповедует «другой Христос». И только по этой причине Иисус говорит: «*Меньший в Царстве Небесном больше его*», т.е. Иоанна Крестителя (Мф.11:11). И именно этой проповеди «первого Христа», которая состоялась на арамейском языке (вот тут-то ученые действительно правы!), соответствует тот *Апокалипсис*, который вошел в Канон *Нового Завета*. Именно в этом *Откровении «Иоанна богослова»* мы читаем следующие, совершенно чуждые евангельскому Христу, строки: «*Вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя отца Его написано на челах... Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу*» (Отк.14:1,4). Это -- характерный язык иудейского тайного текста, и он не имеет ничего общего с евангельским языком Христа. От этого *Иешуа* Мессии идет и проповедь Второго Пришествия, которое должно состояться перед началом «Божьего правления». Этот «первый Христос» был распят римлянами, как «иудейский Царь» за призыв к мятежу. Причем, распят на так называемом «католическом кресте» (т.е. кресте самой простой формы, а возможно и просто на «столбе» -- *ставросе*, т.к. для римлян это был всего лишь очередной бунтарь).

«Второй Иисус» -- это Тот, который является автором всех евангельских логий и подлинным проповедником Царства Отца. О том, какова была Его земная жизнь, мы не можем сказать даже из евангельского текста. Что-то в этом вопросе проясняет *Фома*. Но мы точно знаем, что Он принадлежал к мандеям (назареям), т.к. это наглядно видно из Его высказываний, которые мы еще будем разбирать. И, наконец, «третий Христос» -- это облик «еретика» Мани, с чьей биографии, возможно, были списаны некоторые подробности проповеди и сам земной образ евангельского Христа (особенно у *Луки*). Как свидетельствуют манихейские тексты, Мани принял «крестную смерть» (хотя в манихейских текстах присутствуют и другие варианты). Но интересно в этом вопросе то, что Мани был от рождения увечным – т.е. хромым на правую ногу, и, следовательно, для его распятия необходимо было сделать крест не стандартной формы, а с косой нижней перекладиной, как мы это и видим в имеющейся форме православного креста

(перекладина «косая» -- именно в ту сторону, которая соответствует увечной ноге Мани). При своей жизни Мани был действительно выдающимся проповедником, известным всему миру: поэтому не удивительно то, что для него потрудились изготовить крест «по заказу». От «Второго», нашего Иисуса, осталась, судя по всему, только Его проповедь о Царстве Небесном, да еще Сам Он, *Живой*, являющийся человеку в *мистерии*. С одной стороны, -- «сзади», Он закрыт образом иудейского Мессии; а с другой, -- «спереди», -- образом Мани. Как сказано в *Дао Дэ цзине* (чжан 14):

Встретившись с Ним,
Не увидим Его спереди.
Следуя за Ним,
Не увидим Его сзади.

И произошло это, судя по всему, совсем не случайно. Отсутствие древних христианских текстов, которые бы принадлежали к изначальной евангельской традиции Царства является доказательством такому предположению (исключение составляют найденные недавно *Оды Покоя*, которым богословская наука «по традиции» присвоила совершенно не соответствующее их содержанию название -- «Оды Соломона»). Главное во всех этих «метаморфозах» заключалось в том, что в период «молчания века» проповедь Христа о Царстве -- том Царстве, которое дается человеку через *мистерии*, т.е. через непосредственное откровение Бога -- была заменена «Павловыми увещаниями» о том, что христианин должен слушать Церковь (епископов общины), и что он только через такое послушание может получить спасение. То есть христианская Церковь взяла за образец церковной структуры иудейский Храм.

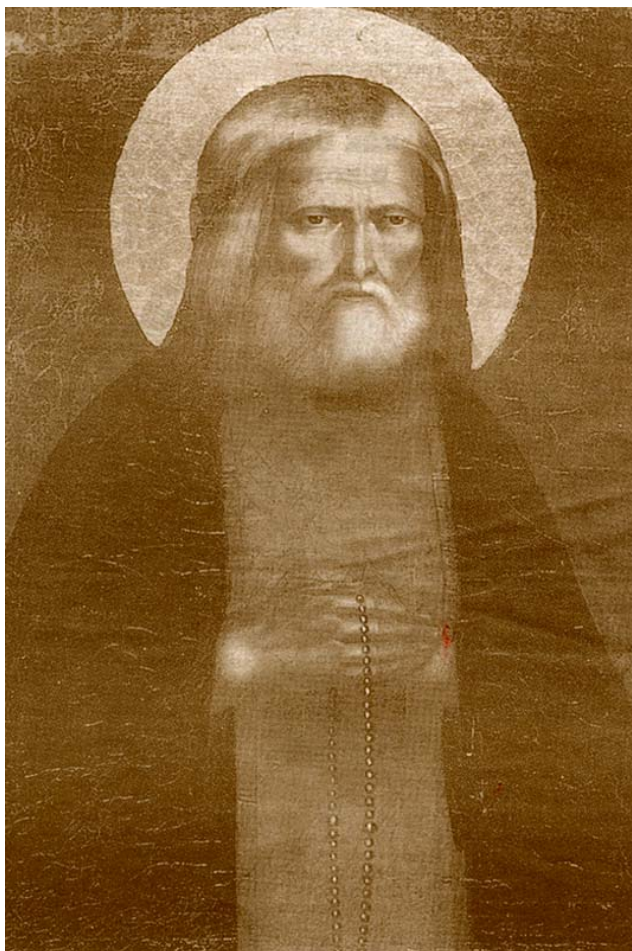
Эта призрачная противоречивость Христа, связанная с Его реальной жизненной «многоголовостью», нашла свое конкретное отражение в сохранившихся мандейских текстах, т.к. подлинный Иисус Царства Небесного вышел из среды тех назареев, которые впоследствии (а точнее -- тот народ, который впоследствии исповедовал эту религию) стали именовать себя *мандеями* (*манда* -- это «знание», т.е. тот же самый греческий «гносис»). Но и в канонических Евангелиях этот момент тоже не исчез бесследно: Лука пишет, что Иисусу было «*лет тридцать*» (Лк.3:23), а Иоанн -- что Ему «*нет и пятидесяти*» (Ин.8:57). Иоанн имеет в виду Иисуса-назаря, а Лука -- возраст иудейского Мессии. Единственно, что мы можем сказать о подлинном Христе нового -- это то, что внешне это был красивый и стройный человек, светловолосый, со светлой кожей и благородными чертами лица: таковы все те мандеи, которые ведут свой род от жреческой касты *назареев*, и которых Леди Дровер называет самыми красивыми людьми на планете.

Евангелие от Фомы передает слова Воскресшего Иисуса, т.е. речь идет о самом ближайшем времени после Его смерти. (Слово «Христос» в тексте *Фомы* не встречается ни разу, и это тоже -- одна из загадок личности подлинного учредителя христианства.) «Такой» Воскресший Иисус еще может объяснять всё «человеческими словами». Тот Иисус, с которым «встречается» человек сегодня, не общается с человеком посредством языка: в христианской традиции такое состояние Иисуса Христа именуется словом «Вознесенное». Но именно этот «Вознесенный» Христос и дает человеку «*мистерии Царства Небесного*». Реальное существование этих *мистерий* -- даже сегодня -- является главным подтверждением того факта, что этот «второй Иисус» -- не фикция и не вымысел. А если нет, и если все это -- какое-то сумасшествие отдельно взятого человека, тогда таким же «сумасшествием» следует признать и всю историю человечества, начиная от Древнего Египта, затем, Элевсинской Греции с ее «Платонами» и «Софоклами», мандеями-назаряями с их разговорами о «Царстве Света» и, наконец, всем первоначальным христианством, которое своим появлением обязано исключительно «встрече» с таким Воскресшим Христом. Вообще-то белолицее человечество может поздравить себя с самой важной победой современной медицины: сегодня на земле

остался всего *один-единственный* (запомни, читатель, это египетское словосочетание) такой евангельский «сумасшедший», и это – автор настоящей книги.

Итак, первое и самое главное, что должен уяснить себе читатель, приступающий к чтению текста *Фомы*, заключается в том, что это Евангелие, в отличие от синоптических, является Евангелием *мистериальным*. Это Евангелие полезнее и гораздо интереснее читать тому, кто уже обладает опытом получения подобных *мистерий*. Для всех остальных этот текст (если не весь, то какая-то существенная его часть) – это любопытный взгляд «со стороны» на все те «экзотические вещи», которые они представить себе не в состоянии, т.к. *мистериям* нет подобия в нашей земной жизни. Это Евангелие является «учебным» только для тех, кто *мистерии* уже получил.

И, наконец, самый последний вопрос, который может задать читатель: «Зачем потребовалось автору раскрывать тайны этого Евангелия -- а с ними и сокровенные тайны «назарейского гносиса» -- тем, кто их понять не может? Зачем, как говорит Христос, *“метать бисер перед свиньями”*, которые могут оказаться среди тех, кто случайно взял в руки эту книгу?»... Ответ на этот вопрос сложен для мирского восприятия, и он лежит только в контексте «евангельского мышления»: *«Я всегда делаю то, что Ему угодно»* (Ин.8:29).

КОММЕНТАРИЙ

§0(1).

Это тайные (копт. *хэл* – «тайный, скрытый, сокровенный») **слова, которые сказал им Иисус Живой** (копт. *онх*) **и которые записал Дидим Иуда Фома. И Он сказал: Тот, кто обретает истолкование** (греч. *херменейя* – «объяснение (тайного) смысла») **этих слов, не вкусит смерти.**

Это «Вступление» по разбивке текста, принятой в переводе М.К.Трофимовой, не имеет нумерации, хотя здесь мы уже слышим слова самого Иисуса. Читатель должен знать, что «**в коптской лексике, как и в древнеегипетской, нет привычного для нас деления на обыденный и высокий стиль... Их лексика была нейтральна**» (А.И.Еланская: Коптский язык, «Наука», М., 1964, стр.18). То есть, читая русский перевод, надо понимать, что в подлиннике отсутствует слово, эквивалентное русскому «вкусить», а есть словосочетание *джи тпе* – «пробовать, отведывать». Обычно этот логий понимается неверно: тот, кто догадается о смысле этих слов, -- не умрет, а тот, кто нет – умрет. Но такое понимание ошибочно и возможно только в сегодняшнем мире. Проповедь Иисуса Христа о Царстве через назарейскую (мандейскую) традицию восходит к египетским истокам.

Мы обещали нашему читателю, что постепенно будем его знакомить с основами назарейской веры. Почему бы не начать это делать прямо сейчас? Ведь у нас с читателем впереди – долгая дорога, а без мандеев идти по этому пути – как без компаса по неизвестной местности. И пусть читатель не корит автора за то, что автор опять «уклоняется в сторону» и никак не хочет приступить непосредственно к разбору текста *Фомы*. Как говорят огородники (но также и известный религиозный учитель Мани): «Каждому овощу – свое время».

Но и начиная разговор про назареев, мы не можем обойтись без того, чтобы не вспомнить о Египте. Почему о Египте, а не о Шумере? Да, действительно, из работ замечательного исследователя Самюэля Крамера, которые посвящены рассмотрению религии и мифов шумерской цивилизации, любой интересующийся читатель знает, что еврейское Писание очень многое позаимствовало (пусть и опосредованно – через хананеев) от шумеров. Причем, судя по всему, и Египет тоже не избежал этого шумерского влияния, пусть и на более раннем этапе своего развития. Но дело в том, что евреи долгое время жили именно в Египте, причем именно в тот период, когда Египет представлял собой самую развитую и мощную цивилизацию мира – цивилизацию, у которой учились уму разуму все окружающие народы. Поэтому нелогично было бы предположить, что евреи этого египетского влияния избежали.

В начале *Евангелия от Матфея* есть такие строки: «**Из Египта воззвал Я Сына Моего**» (Мф.2:15). Эта цитата взята из Ветхозаветного **пророка Осии**, и относится она там к Моисею. То есть тем самым евангелист как бы напрямую проводит параллель между призванием Моисея и призванием Иисуса – «**из Египта**». Сегодня эти слова понимаются в своем самом поверхностном смысле: так, что после смерти Ирода Благое Семейство вернулось *из Египта* и обосновалось в *Назарете*. Сам Матфей, да и все ученики Христа понимали эти слова гораздо глубже. *Египет* – это тот «духовный фундамент», на котором строил свое новое Учение не только «египетский жрец» Моисей, но – и это для нас сейчас гораздо важнее – те назареи, из среды которых вышел Иисус. Причем, если сегодня уже достаточно проблематично вычленив из основ иудаизма его египетские заимствования, и для этого необходимо быть специалистом обеих религий, то у мандеев эта связь с Египтом «лежит на поверхности».

Для тех, кто сомневается в возможности заимствования древними евреями каких-либо привычек, обрядов или даже богословских положений у тех египтян, среди которых они длительно проживали до своего Исхода, сошлемся, для начала, на пример совсем бытовой (Уоллис Бадж, Жители долины Нила. М.: ЗАО Центрополиграф, 2009, стр.76). Общеизвестно, что плетенный хлеб «хала» -- это «визитная карточка» еврейской национальной кухни. Но такой вид хлеба с давних времен делали египтяне, а заодно с ним и «сладкие пирожки и треугольные пироги». Известно, что одной из примечательных особенностей еврейского праздника *Пурим* являются традиционные треугольные пирожные с маком. Конечно, в данном случае речь может идти о простом совпадении. Но и способ умерщвления животного перед тем, как употребить его в пищу, -- так, чтобы сначала полностью «выпустить из него кровь» -- это тоже древний египетский обычай. Обрезание крайней плоти практиковалось у египтян издавна, правда, не повсеместно, а чаще всего у представителей жреческой касты. Еврейское обрезание имеет гораздо более позднее происхождение. Известно также, что в иудаизме существует запрет на свинину. Но вот что пишет греческий историк Геродот (V в. до н.э.) в своем труде *История*, книга II (цитируется по И.В. Рак «Мифы Древнего Египта», стр.259):

(47) Свинью египтяне считают нечистым животным. И если кто-нибудь, проходя мимо, коснется свиньи, то сразу же идет к реке и в одежде, которая на нем, погружается в воду. Так же и свинопасам, единственным из всех египтян, несмотря на их египетское происхождение, не дозволено вступать ни в один египетский храм. Никто не хочет выдавать за них замуж своих дочерей или брать в жены их девиц, так что они женятся или выходят замуж только между собой. Прочим богам, кроме Селены и Диониса (Исиды и Осириса), египтяне не приносят в жертву свиней, да и этим богам – только в известное время, а именно в день полнолуния... О том, почему в другие праздники они пренебрегают свиньями, а в этот приносят в жертву, у египтян существует сказание.

Заметим, что у евреев подобного «сказания» о запрете на свинину нет (у египтян – это миф о *Сете*), а похожий иудейский запрет просто зафиксирован в Законе-*Торе*, как указание Бога *Яхве*. По ходу дела напомним нашему читателю, что именно *поросенка* приносил в жертву Богине *Деметре* каждый *мист* перед прохождением Элевсинских *мистерий*. И именно по этой причине мы встречаем в каноническом евангельском тексте огромное стадо свиней, в которых Иисус посылает бесов, вышедших из Гадаринского бесноватого.

Возвращаясь к египтянам, продолжим. Во время религиозных праздников египтяне выносили статую того или иного Бога из святилища на улицу и совершали с ней торжественное шествие вокруг храма (кстати, наши христианские «крестные ходы» берут начало именно отсюда). Коротко отметим, что традиционное христианское представление о египетских Богах, как о «идолах» и «бездушных истуканах» (христиане заимствовали такое представление из Ветхого Завета, т.е. у иудеев), мягко говоря, не имеет ничего общего с истинным положением дел. По представлениям египтян (а эти представления были связаны с исключительной ролью Нила в их жизни) боги путешествуют по небу на своих небесных ладьях (это знание перешло от египтян к мандеям), поэтому для своих торжественных шествий (например, вокруг храма) египтяне использовали специально изготовленные для таких случаев ладьи из дерева. На ладью устанавливался изукрашенный «кивот» с крышкой, в котором помещалась статуя данного Бога. Причем, никто, кроме жрецов, это изображение Бога видеть не мог по причине существующего запрета, -- народ мог видеть только ладью с «комнатой» для Бога. На ладье были сделаны специальные кольца, через которые продевались шесты, с помощью которых служители-жрецы поднимали эту ладью.

А теперь вспомним, *как* был устроен тот Ковчег Завета, в котором хранились каменные Скрижали Моисея во время странствования евреев по пустыне. Практически, все было то же самое, за исключением, конечно, *самой* ладьи, которая в пустыне (а также с учетом иудейского богословия) – и это вполне разумно из практических соображений – была излишней. И точно так же как египтяне очень любили украшать статуи своих Богов и «места их обитания» чистым золотом, причем, чем больше – тем лучше, то же самое мы видим при описании скинии в *Книге Исход*. Но у египтян для этого имелись свои объективные причины: одним из самых древних и самых почитаемых в Египте Богов был Бог *Ра* – Бог Солнца. Золотые украшения по своему цвету, сияющему блеску и «нетленности» считались земным олицетворением этого Бога *Ра*, поэтому их было так много в египетских Храмах. То есть в данном случае речь не шла о ценности золота как драгоценного металла самого по себе. А вот почему иудеи украшали свою скинию золотом? – этот вопрос остается открытым. Понятно, что это – требование Бога *Яхве*, который, «вроде бы», к Солнцу не имеет никакого отношения. Однако мандеи именуют этого иудейского Бога именно «Богом Солнца». И Иерусалимский Храм -- по своей конструкции -- тоже очень напоминал храмы египетские: те же многочисленные внешние «дворы», те же колоннады, жертвенники, водные бассейны, а также окружающие храм многочисленные пристройки с подсобными помещениями, и, – «святое святых», т.е. самое главное -- запретное для любого глаза -- святилище Бога. Евреи называют свою землю – «Святой землей», но вот что мы читаем в книге Адольфа Эрмана «Жизнь в древнем Египте» (стр.194):

Мы не можем представить себе египетского бога без его *дома*, в котором он живет, в котором отмечаются праздники в его честь и который он покидает только в дни процессий. Место, на котором построен этот дом, как правило - *- святая земля*.

Рождение всего Творения из «первоначальных вод»; «дерево жизни», которое присутствует в небесном раю, где обитают египетские боги; удивительно точное определение духовного опыта, которое египтяне передавали словами *ав иб* – «*расширение сердца*» (ср. *Пс.118:32*); или, например, такие слова из Гимна Нилу (Жители долины Нила, стр.102) как: «*Каждый позвонок хохочет*» (ср. *Пс.50:10: «Возрадуются кости смиренные»*); а также другие известные научному миру детальные параллели между египетскими Гимнами и иудейскими Псалмами; нравственные рассуждения *Екклесиаста* или *Книг Премудрости*, и даже свадебные заповеди типа *Песни Песней* и многое другое – все это имеет свой аналог (а следовательно и первоисточник) в египетском мировоззрении и египетской жизни. И для внимательного исследователя религий в этом нет ничего удивительного или неожиданного, т.к. иудеи – это «дети Египта». Но в то же самое время у иудеев полностью отсутствовало представление о загробной жизни, а у египтян оно присутствовало *изначально* (впрочем, и у шумеров тоже), т.е. от самого их «африканского прошлого», и это их представление со временем только развивалось. Та доброта, и то умиротворение, которые так присущи многим египетским текстам, основаны исключительно на том, что египтяне не отдавали самих себя всецело жизни земной, как это делали иудеи. Но и мандеи тоже – всецело обращены к жизни «не земной».

Многие черты египетской религии полностью переняли их «преемники» -- назареи, а от них – христианство Иисуса Христа. Апостол Павел сделал для христианства то же самое, что и Моисей – для иудаизма, -- тот Моисей, который был подлинным египетским жрецом. Перводьякон Стефан так говорит о Моисее (*Деян.7:22*): «*И научен был Моисей всей мудрости Египетской и был силен в словах* (т.е. в магических заклинаниях *хека* – *Г.Б.*) *и делах*». Но любому здравому исследователю религий понятно, что все сокровенные тайны Каббалы, например, могут быть доступны только иудею, и притом, иудею потомственному. И при этом никто не будет предъявлять претензий к иудеям за то, что

они не разглашают тайны своей науки любому желающему. Но для Древнего Египта подобное утверждение -- правомочно вдвойне. Вся религия Древнего Египта основывалась на знании тайной науки магии – *хека*, в которую были посвящены только жрецы самого высокого ранга. Эти знания запрещено было излагать в письменном виде, и их передавали только в устной форме. Для любого чужестранца это знание было запретным (в том числе для Пифагора и для Платона, которые долгое время учились у египетских жрецов мудрости). Даже в египетском царстве мертвых, в подземном *Дуате*, для египтян существовали свои, отдельные «места проживания»: ливийцы или выходцы из Азии вместе с египтянами находиться там не могли. И предположить такое, что Моисей – пусть даже его с детских лет воспитала дочь фараона – был приобщен к этому знанию *хека*, будучи выходцем из того еврейского народа, который был у египтян «в рабстве», -- это из области «фантазий во сне и наяву». В те давние времена тайна *хека* охранялась от возможности разглашения гораздо сильнее, чем ныне государственные секреты, связанные с самым совершенным оружием массового уничтожения. И история Египта показывает, что ошибок в последовательном исполнении этого «Божественного запрета» на разглашение тайны *хека* не было. Моисей этой тайной обладал, о чем свидетельствует текст *Книги Исход*, а значит он, в действительности, мог быть только *природным египтянином*; который в результате особых обстоятельств (они нами рассмотрены в одной из статей) затем был обращен «в свою веру» Богом *Яхве*, и именно для *Яхве* он создал «его народ» из евреев и примкнувших к ним выходцев из египтян и других племен (они-то, скорее всего и составили впоследствии народ назареев). Точно так же и Павел был «природным иудеем», но будучи обращен Христом, стал проповедовать именно этого Христа, что и было впоследствии воспринято как христианство. Моисей – такой же *иудей*, как Павел – *христианин*.

Вряд ли можно отрицать историческую реальность Моисея (пусть даже и не в такой перспективе, в какой он показан в тексте *Торы*), но библейский рассказ о его чудесном спасении в «корзине из тростника» (впрочем, точно так же, как и чудесное евангельское рождение Христа) – это, скорее всего, вымысел библейского повествователя. Вот как повествуется о чудесном рождении Моисея. Мать младенца положила его в корзину и «поставила в тростнике у берега реки» (Исх. 2:3). Дочь фараона «увидела корзину среди тростника» (Исх.2:5). Любому египтологу прекрасно известно, что по мифу об *Исиде* и *Осирисе* своего маленького сына *Гора Исиды* родила и воспитала тоже «в зарослях тростника», растущих в болотистой дельте Нила, и вряд ли это – простое совпадение. Мы не говорим уже о том, что этот сюжет о рождении Моисея полностью повторяет Вавилонскую версию рождения одного из царей в такой же плетеной «корзине» и тоже на реке. Да и нелепо представить себе такую картину, что, например, какая-то «бедная чеченская женщина» пронесла *незаметно* своего новорожденного ребенка на территорию нынешнего Московского Кремля и спрятала его в ветвях одной из голубых елей. А «случайно» проходившая мимо «дочь Президента России» услышала плач малютки. А в это время «чеченская женщина» все это наблюдала, спрятавшись где-то поблизости. Реалии с «фараонами» и с «президентами» за эти тысячелетия несколько не изменились, если не считать того, что Фараон считался пожизненным «богом», «Сыном *Ра*», а Президент в конце своего земного поприща может... копать червей для того любителя рыбалки, который за этот труд возьмет его с собой на эту рыбалку в своей машине. Так, по крайней мере, было с нашим Никитой Сергеевичем Хрущевым после его отставки.

С подобной точки зрения можно рассматривать и евангельский эпизод об убиении Иродом младенцев во время рождения Христа: аналогичным образом приказал «убивать младенцев мужского пола», родившихся у евреев, египетский фараон во время рождения Моисея. Читающий Библию христианин должен обладать долей здравого смысла и быть в какой-то степени информированным о религиях, соприкасающихся с христианством, и

уметь отделять «мифы» от реальности. К сожалению, в сегодняшнем мире это «разделение» принято производить по совершенно другой границе: мифический вымысел повествователя принимается за «чистую монету», а все духовные проявления (проще: явления «чертей» или «богов» на сцене повествования) – за «чистый вымысел».

О том, что именно египтяне впервые «сделали заявку» на Единого Бога, читателю уже известно. Об этом же впоследствии стали говорить и иудеи. По крайней мере, ко времени создания *Септуагинты* подобные воззрения обрели у иудеев статус религиозной догмы с тем только отличием, что единый Бог человечества, в отличие от египетского «всеобщего Солнца», стал носить имя *Яхве*, и этот Бог выбрал иудеев среди всех прочих народов мира, как свое избранное племя. Причем, отметим: действительно выбрал. Но все дело в том, что повальная «мода» европейцев на «единого Бога», которую ввел в обращение греческий философ Платон, не имеет никакого отношения ни к подлинной реальности нашего духовного мира, ни к самой проповеди Христа о Царстве Небесном. Христос не разделял с иудеями эту общую веру в «единого Бога Бытия». Потому что буквальный текст иудейской *Книги Бытие* (*Брейшиит*) на иврите всем этим утверждениям о «едином Боге» явно противоречит: в этом тексте присутствует «Первый Бог» *Элохим* и «Второй Бог» -- *Яхве*. И при этом именно такой текст отражает становление мира в Начале Творения, которого придерживался в Своей проповеди Христос, и на котором Он строил Свою проповедь о спасении. Почему? – Потому что такой же картины Творения и такой же «различной» роли «двух Богов» придерживались назареи в своем Писании, с тем только исключением (но можно ли назвать это «исключением», если читать первые строки *Книги Бытие*?), что вместо имени *Элохим* назареи называли своего бога *Царь Света*.

Мы хотим еще раз заявить нашему читателю: у нас нет ни малейшего желания что-то «придумать от себя» и выдать это за проповедь Христа. Наша задача выглядит гораздо скромнее: сравнивая между собой текст *Евангелия от Фомы*, который принадлежит к назарейской традиции, с каноническими текстами, и приводя параллели этому из Писаний других религий (в первую очередь из назарейской) и объясняя подлинный смысл этих отрывков, -- доказать читателю *логически*, что именно это является проповедью Христа о Царстве, а не то, что всегда заявляла Церковь. И если какому-то читателю такой поворот событий придется не по душе, то все претензии он должен адресовать только к Иисусу Христу (или, даже, к Церкви), но не к автору *Комментария*.

Кстати, сам автор *Комментария* полностью разделяет взгляды Христа на Создание мира, которые предполагают наличие двух Богов Творения, каждый из которых выполнял -- последовательно -- свои особые функции, а Тот Бог (или *Нечто*), который пребывает до них и является подлинным истоком всего, -- человеку просто неведом, а значит все рассуждения о Нем просто бессмысленны. И здесь интересно отметить, что именно такую точку зрения отстаивает пифагореец-римлянин Нумений (III в. н.э.), который был знаком и с иудейскими и с христианскими текстами и именно за это, судя по всему, их «хвалил».

Еще раз повторим нашему читателю: мы ведем разговор о Египте только по той причине, что Иисус был не иудеем, а назареем. Это было прекрасно известно всему Его окружению, но также и всем иудеям, слушающим Его проповедь. И следы этого знания остались в евангельском тексте. И если читатель сегодня смотрит на это с величайшим изумлением, то это не должно являться причиной того, чтобы мы делали вид, как будто нам информация из мандейских источников неизвестна. Это достаточно новое знание об Иисусе (мандейские тексты были изданы в первой половине прошлого века) оказалось очень «неудобным» для традиционной Церкви (и для иудаизма), т.к. в ее богословии назарейское прошлое Христа полностью скрыто. Вполне вероятно, что и сам евангельский город Назарет был выдуман только для того, чтобы как-то «замаскировать» это назарейское прошлое Христа: название этого города, созвучное со словом «назарей», не встречается в древних текстах, хотя существуют полные списки городов Иудеи времен Христа, в которых перечислены поселения гораздо менее значительные. Скорее всего,

этот город появился на карте Иудеи только после того, как Христос стал популярен: именно в это время Церковью -- а может быть просто народной молвой -- и был создан миф о Его иудейском происхождении из города «Назарета». Речь в данном случае идет вовсе не о «национальности» земного Христа: назарейское прошлое Иисуса позволяет исследователю взглянуть совершенно по-новому на евангельские речи Христа и на Его Учение о Царстве Небесном.

И пользуясь случаем, а также именно тем, что мы только приступаем к рассмотрению текста *Фомы*, как раз сейчас нам и надо начать разговор, как говорит Христос, *an archē* – «с самого начала», т.е. от Сотворения мира. Итак, начнем: имя одного из высших Богов Демиургов мандеев, который был Создателем нашего земного мира, – *Птахиль* – состоит из имени древнего египетского Мемфисского Бога *Птаха* и семитского теофорного окончания *иль/эль*, означающего «бог». По *Мемфисскому сказанию* Бог *Птах* создал весь мир своим словом, как и позднее это сделал Бог иудейской *Книги Бытие* -- *Элохим*. А вот что пишет Е.С.Дровер в книге «Сокровенный Адам» («Мандеи», стр.256):

Гинза описывает сотворение как «восклицание» или «крик», «зов». «Через слово Твое (*mimra*) – вещает GRr 12, обращаясь к Царю Света – все было явлено к жизни».

Кстати, точно таким образом – т.е. *Словом* -- создавали мир «великие Боги» шумеров, -- того народа, который жил в Междуречье начиная с третьего тысячелетия до н.э., и который к семитской ветви народов не относился. Знаменитый исследователь древних религий Самюэль Крамер в своей книге «Шумеры» (стр.135) пишет:

Что касается техники создания... наши шумерские философы разработали доктрину, ставшую догмой на всем Ближнем Востоке, доктрину созидающей силы божественного слова.

Но при этом следует, все-таки, обратить особое внимание читателя на то обстоятельство, что «доктрина созидающего слова» появилась в Египте, судя по всему, независимо от Шумеров. Хотя возможно, что обе эти цивилизации имели одни и те же общие корни. В древнеегипетском *Мемфисском трактате* это описано следующим образом (А.И.Немировский. Мифы Древности. Ближний Восток. «Лабиринт», М.: 2001, стр.90):

Зародилась в сердце Птаха мысль в образе Атума, возникла она на языке в этом образе (курсив наш – Г.Б.).

Или еще один пример подобного рода из тех же самых египетских источников (Уоллис Бадж «Древний Египет», стр.112, 113, 396):

В египетском мифе творения (папирус №10188 Британского музея) Творец мира и всего, что в нем, Неберджер говорит: ...В то время еще не было создано небо, не существовала земля... Я сам поднялся... из водной массы, из состояния инертности... Я положил начало... Я был Одним (или Сам по Себе), потому что они (т.е. боги) еще не родились... Я произнес Свое имя Своими устами как слово силы.

Любому христианину известно, что иудейская *Книга Бытие* тоже начинается словами «*В начале*», и в ней тоже говорится о том, что в начале, до Творения, существовал первоначальный «*Океан*» (или «*Воды*») и «*Тьма*» над ним, и *Элохим* тоже

созидает мир Своим Словом. Но вот этого подлинного изначального Бога *Неберджера* в иудейской *Книге Бытие* нет: иудейское повествование начинается только «после» этого Бога.

Мы намеренно показываем читателю многие параллели из египетских источников – с той целью, чтобы читатель сам пришел к вполне естественной мысли: если знаменитый Пролог *Евангелия от Иоанна*, начинающийся словами: «*В начале было Слово*» -- имеет прямое отношение не только к первой главе *Книги Бытие*, но и к назарейским, а также к более древним египетским воззрениям (а предполагать такое, что эта информация оставалась для назарея Иоанна закрытой – абсурд), значит, и сама проповедь Христа о Царстве тоже может восходить (через назарейство) к тем или иным элементам египетского знания.

Ведь сегодня в христианском сознании бытует совершенно ложное представление о том, что в основе всей проповеди Христа лежит иудаизм, а сам иудаизм -- «нашли в капусте», т.е. он – «саморожденный» и не имеет конкретных предшественников. Мы хотим показать, что не только *назирута*, но и иудаизм является «дитем» в первую очередь Великой Египетской цивилизации. И в этом нет ничего необычного и, тем более, постыдного: евреи жили в Египте 430 лет, и то, что они успели усвоить многие египетские обычаи и представления о жизни, является в таком случае вполне естественным (и тем более, с учетом того, что до Египта у евреев своей родины не было). То, что *Евангелие от Иоанна*, например, – это откровенно «назарейское Евангелие», сомнений быть не может, и это уже доказал Р.Мацух. Как раз назарейство и является тем «пропавшим звеном», которое соединяет проповедь Христа с Египтом. И прискорбно наблюдать, что даже ведущие исследователи и популяризаторы христианства до сих пор не удосужились почитать древние мандейские тексты, изданные европейскими подвижниками -- Е.С. Дровер и М.Лидзбарским, которые познакомили человечество с этой религией более полувека назад. А если все-таки прочитали, тогда почему молчат? Или страшатся того, что рухнет тысячелетний христианский Колосс? Но у нашего Христа лозунг был совсем иной: Истина – прежде всего!

Общие представления древних египтян и назареев о жизни и смерти, которым соответствует *Евангелие от Фомы*, не предполагали прекращения бытия человека со смертью его тела. В начальном логии *Евангелия от Фомы* речь идет о том, что тот, кто «*обретает истолкование этих слов*» пройдет состояние «первой смерти», т.е. смерти тела, безобморочно, в состоянии полного сознания, а «вторая смерть» его не коснется вообще. При этом читатель должен знать, что представление древних египтян о человеческой душе было несравненно более полным, чем то «односоставное» понятие «душа», которое известно христианским богословам. Египтяне, наверное, снисходительно улыбнулись бы тем богословским спорам русских святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника (см. работу Феофана «Душа и ангел»), которые они вели во второй половине XIX века по вопросу «телесности» души. Вот приблизительный состав души по египетским представлениям (Уоллис Бадж. Путешествие души в Царстве мертвых. Египетская Книга мертвых. Издательство Царева В.П., М., 2000, стр.42,43):

1. *Ка* -- «двойник» (удивительно, но и «Фома» – это в переводе, буквально, тоже «двойник» -- Г.Б.). В большинстве случаев его можно достаточно точно перевести одним из значений (греческого) слова *эйдолон* («изображение, образ, привидение, призрак, тень усопшего» -- словарь А.Д.Вейсмана – Г.Б.);

2. *Ба* – «душа сердца» (на рисунках изображается в виде ястреба с человеческой головой; пусть читатель обратит внимание на тот факт, что это египетское слово *ба* в главном мандейском религиозном обряде *масикта* («вознесение» души умершего в Царство Света) обозначает жертвенного голубя, олицетворяющего собой душу умершего – Г.Б.);

3. *Аб* – или сердце, источник добра и зла в человеке...оно олицетворяло все, что для нас сегодня значит слово «совесть»;
4. *Кхаибит* – или тень (но не физическая);
5. *Кху* (в современном прочтении *ах* – Г.Б.) – или душа духа... она считалась эфирным существом, т.е. по сути самой душой, которая не может умереть ни при каких обстоятельствах... *кху* обитала в *саху* или духовном теле человека;
6. *Секхем* – сила... обитала в раю среди *кху* и духов;
7. *Рен* – имя... по значению стоит на одном уровне с *ка*;
8. *Саху* – духовное тело, которое служило обиталищем души».

Мы привели эту египетскую «классификацию» нашего человеческого «я» чисто условно. С того времени, которое минуло после опубликования этой книги У.Баджа, в египтологии изменились представления о правильном прочтении (произношении) этих египетских терминов, а также представления об их роли в общем составе человеческого существа. Но общая картина в этом вопросе изменилась мало. Мы не будем сейчас пытаться рассматривать сложную взаимосвязь всех этих «духовных составляющих души», да мы и не в состоянии это квалифицированно сделать, т.к. давно утрачено подлинное знание этих категорий. Однако мы должны отдавать себе отчет в том, что наличие такого количества составных частей души связано не с желанием древнего египтянина «покрасоваться» перед соседними народами (Египет, как никакое другое государство, жил замкнутой самодостаточной жизнью), а объясняется исключительно тем опытным знанием, которым обладала магическая (*хека*) религия Египта в отношении «потусторонней жизни». Египетское, многосоставное представление о душе (да и не только это) взяла на вооружение еврейская Каббала, а *мандеи-назарее* в своем Учении довольствовались более простым составом души, но тоже основанным на египетских представлениях.

Следует особо отметить, что назарее взяли из этого египетского учения о душе самое важное с точки зрения вопроса спасения человека из «Мира Тьмы». В самых ранних египетских текстах не существовало единого термина *ка* – тела человека, предназначенного для духовного мира -- для мужчины и для женщины, как это вошло в практику в более поздние времена. «Почин» в этом вопросе – в вопросе нивелирования «души» мужчины и женщины -- положили такие женщины-фараоны, как знаменитая Хатшепсут, которую уже при ее жизни жрецы «делали мужчиной» на всевозможных изображениях и в сопутствующих текстах. Но в данном случае истина заключалась в том, что если женщина, как фараон, становилась «Сыном Бога (*Ра*)», значит, она была обязана «стать мужчиной», а значит, и иметь «мужскую» душу *ка*. Но первоначально в Египте эти «души» различались, и, судя по всему, такое различие относилось к области наиболее тайных жреческих знаний. Душа мужчины обозначалась простым иероглифом *ка*, а женщины – словом *хемсут*. Все остальное в структуре человеческого существа назарее отбросили, а эти египетские имена заменили на свои собственные – *нишиимта* и *руха*. Фактически, мандейские тексты, описывающие эти термины, тем самым раскрывают древние жреческие тайны Египта.

Мы намеренно привели сейчас много «разношерстного» материала о египетских заимствованиях у иудеев, сумбурно «свалив этот материал в одну кучу». Не это является темой нашего рассмотрения, -- но читатель просто обязан изжить из себя представление о том, что Иисус, в том числе и из *Евангелия от Фомы*, вырос из иудаизма. И при этом никто не может нас обвинить в предвзятости или нечистоплотности: мы перечислили только то, что совершенно случайно попадало в поле нашего зрения при знакомстве с Египтом по авторитетным, хотя и популярным источникам. И нет сомнения в том, что профессиональный египтолог этот перечень может весьма расширить. Да и вообще... если первым в мире космонавтом действительно является наш русский

летчик Юрий Гагарин, то почему мы, русские, стесняясь и конфузясь, должны следовать «общему этикету» и заявлять, что первый космонавт – это американец Армстронг? Разве мы американцы? Или, может быть, австралийцы? Или мы живем не в демократическом государстве под названием Россия?

И пусть читатель, простит автору некоторую «мелочность» и «путанность» в изложении этого чрезвычайно важного материала. Автор поступает, как молодая жена, которая потеряла над собой всякий контроль, видя, как ее муж «несет околесицу», и, глупо оправдываясь, говорит ей совершенную «белиберду». И от своего женского отчаяния и женской экспрессивности она -- сама удивляясь себе! – дает своему любимому мужу звонкую оплеуху. Дорогие иудеи: разве тот *Элох^{им}*, которого проповедует Иисус, -- это не ваш Бог? Или не ваш *Отец* тоже? Но ведь именно об этом *Отце* Иисус и говорит в Евангелии: Он говорит, что пришел дополнить «вашего» Бога *Яхве* общим для всех людей Богом *Элох^{им}*.

Евангелие от Фомы начинается словами о том, что читателю или слушателю этого текста необходимо **«обрести истолкование»** сказанных Иисусом слов. Но и в канонических Евангелиях тоже идет речь об «истолковании» евангельских притч. Иисус в Своем Благовести открыто говорил собравшемуся народу о каких-то вполне разумных и связанных между собой вещах, но Его слов при этом до конца никто не понимал, т.е. не мог «обрести их истолкование», хотя и пребывал в уверенности, что все-таки что-то понимает. Откуда у Христа эта манера выражать Свои мысли в каких-то загадках? Ведь такому способу распространения Учения нет аналогии ни в одной из известных нам религий мира: ни в иудаизме, ни в эллинской религии, ни в зороастризме, ни в конфуцианстве, ни в буддизме. До появления Христа человечество, судя по всему, способно было только на простое неразглашение какой-то тайны (например, тайны *Элевсинских мистерий*). Но, к сожалению, даже эти, самые начальные принципы построения Иисусовой проповеди до сих пор остаются «за кадром» рассмотрения христианской богословской науки. Потому что эта наука, как в свое время и большинство слушателей проповеди Христа, пребывает в полной уверенности о том, что она-то «все понимает».

Для того чтобы решить вопрос данной загадки Иисусовой проповеди, мы намеренно упомянули (а может быть только планировали это сделать?) имя знаменитого греческого философа Пифагора. Дело в том, что у Христа и у Пифагора есть то общее, что позволяет нам правильно понять методы обучения, используемые Христом. Потому что, в отличие от Христа, информация о жизни Пифагора сохранилась в гораздо более полном объеме. О Пифагоре писали древние авторы Диоген Лаэртский, неоплатоники Порфирий и Ямвлих, -- тот, от которого осталась книга «Жизнь Пифагора». При этом они сообщают, что Пифагор изучил египетский язык и провел в Египте двадцать два года. Вот как об этом периоде обучения Пифагора пишет философ Ямвлих (Жизнь Пифагора, М.: Алетейа, Новый Акрополь, 1998, стр. 32, 33):

(18) Вслед за тем он стал обходить (египетские) храмы с величайшим усердием и тщанием, вызывая удивление и симпатию у жрецов и прорицателей, с которыми имел дело, и обстоятельно выводил обо всем, не пропуская ни рассказов, самих по себе примечательных, ни людей, известных своим знанием, ни обрядов, где-либо почитаемых; не оставлял без посещения и памятные места, но, приходя, надеялся узнать в них что-нибудь новое. Благодаря этому он посетил всех жрецов, получая от каждого что-нибудь полезное соответственно степени мудрости каждого. (19) Двадцать два года провел он в Египте в его святынях, занимаясь наблюдением звездного неба, геометрией и постигая не урывками и не поверхностно все таинства богов...

То есть теперь наш читатель начинает догадываться, с какой целью мы обратились к личности Пифагора: он будет нашим «свидетелем» в вопросах знания египетских божественных наук, а также способов обучения, которыми пользовались в этом случае сами египтяне. Вот что об этом способе обучения, но уже у самого Пифагора, пишет Ямвлих:

(103) Важнейшим же способом обучения у него был способ обучения посредством символов. Ведь этот способ, оттого что он был древнейшим, применялся и почти всеми эллинами, но в исключительно разнообразных формах преобладал он у египтян (стр.76).

Он, не противясь, старался обучать с помощью символов, избрав способ, совершенно схожий с тем, по которому обучали в Египте его самого, хотя самосцы с трудом воспринимали такой способ обучения и не усвоили его с пониманием и так, как должно (стр.33) (что следует сказать и о слушателях Христа – Г.Б.).

Все пифагорейцы самые главные и незыблемые свои правила всегда хранили в тайне, держа их в памяти, незаписанными (по аналогии, и в египетских текстах тоже не осталось свидетельств о подобных тайнах египтян – Г.Б.).... преемникам же передавали их, словно тайны богов. (227) Если же пифагорейцам случалось когда-нибудь говорить при посторонних и, так сказать, профанах, они объяснялись друг с другом с помощью иносказаний, следы которых остались еще и поныне в том, что позднее было предано огласке, как, например, «огня ножом не разгребать» и тому подобные иносказания, которые в буквальном своем значении похожи на старушечью болтовню, когда же раскрывается их истинный смысл, приносят тому, кто понял их, удивительную и значительную пользу (стр.135).

Ибо благочестивый должен был бы помнить о его (Пифагора) наставлениях относительно божественного и человеческого и не делать блага мудрости общими с теми, кто еще не освободил душу от сна. Ведь непозволительно предлагать то, что добыто с трудом после стольких усилий, любому встречному, и не должен ты был разглашать тайны обеих элевсинских богинь. Кто поступает таким образом, равно враждебен правде и нечестив (стр.60, 61).

В своей вступительной статье к этой книге В.Б.Черниговский так охарактеризовал способ обучения у пифагорейцев (стр.15):

Обучение велось с помощью символов и иносказаний, что делало его содержание недоступным для непосвященных и предохраняло учения от профанации и опошления.

Это положение египетской мудрости Иисус передает словами: *«Не давайте святыни собакам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»* (Мф.7:6). То есть теперь нам понятно, откуда Иисус берет главный принцип построения Своей проповеди в виде притчи. Отличие формы Его проповеди от подлинно египетской или пифагорейской заключается только в том, что исключительная гениальность Самого Иисуса, как проповедника, позволила Ему создать собственный уникальный символический язык притч, совмещающий в себе наглядность, образность, запоминаемость, многозначность смысла, божественную возвышенность и сохранность тайны. И только по этой одной причине – божественной гениальности Христа – Его притчи остались уникальным

явлением в истории человечества. Но такое представление об Иисусовой речи было неприемлемо для вставшей на ноги Церкви, по учению которой проповедь Христа предназначена для всех (т.е. спасает всех без исключения грешников), и понятна всем. Поэтому повсеместно внедрялось представление о том, что текст Евангелий достаточно прост и понятен всем. К «египетским параллелям» из учения Пифагора мы еще будем возвращаться по ходу рассмотрения логий из *Евангелия от Фомы*.

Но и в назарейских текстах, как пишет Леди Дровер относительно тайного свитка «Тысяча двенадцать вопросов» («Сокрытый Адам»), «*стиль этой и других... рукописей сделан малопонятным, возможно умышленно*» («Мандеи», стр.253), а к самым характерным чертам назарейского гносиса она относит «*культовый язык символа и метафоры*» (стр.253).

Что имеет в виду автор *Евангелия от Фомы* под словами «*обретает истолкование*»? Многие из тех, кто читает эти строки, предполагает, что достаточно просто «узнать» или «додуматься» до тайны этих слов, т.е. отгадать своего рода религиозный «ребус». Но и такое представление тоже связано с потерей знания духовного мира современным человеком. Будь человек «семи пядей во лбу», он никогда не «отгадает» эти слова. *Фома* говорит о другом. Этот текст является своего рода «маркером», «резонатором» или показателем того, что человек получил подлинные *мистерии* Иисуса Христа, обрел истинный *гносис*. Как в обыденной жизни: экзамены в институт может сдать только тот, кто хорошо учился в школе. «Отгадать» экзамены практически невозможно. Здесь -- то же самое, но только на духовном уровне. И именно поэтому имя того, кто преподносит нам эту духовную науку Иисуса, звучит как *Фома*, повторенное дважды: и греческое *Дидимос* (правильнее, *Дидюмос*), и сирийское Фома (*Тхомас*) в переводе означают «двойник», «парный», «близнец». Речь идет о том, что сам Фома уже прошел этап «духовного обучения» у Иисуса через *мистерии* и «*обрел истолкование этих слов*» -- и именно поэтому стал «духовным близнецом» Иисуса. «*Я сказал -- вы Боги*» (Ин.10:34) -- заявляет канонический Иисус, приравнивая тем самым любого такого «познавшего» к Себе Самому. В коптском тексте этого логия слово «обретает» -- это хэ, которое буквально означает «падать», «напасть» (напр. «неожиданно напасть на сокровище, клад»), и имеет свое второе значение -- «путь». Англичане переводят его как fall onto, и такой перевод ближе всего соответствует смыслу первоисточника. Можно случайно «напасть» на скрытый клад, но просто так узнать -- «от себя самого», -- где этот клад скрыт, невозможно. И такое слово гораздо ближе к самому событию получения человеком *мистерии* Христа. Человек на нее «натыкается», а спланировать ее не может.

Оксиринхский текст этого логия полностью соответствует нашим рассуждениям. Слово «обретает» передано греческим глаголом *эвриско* (отсюда известное восклицание «Эврика!» -- «Я нашел!», т.е. вдруг нашел решение какой-то проблемы, потому что оно неожиданно «пришло в голову»). И раз уж мы обратились к греческому тексту *Фомы*, то следует отметить, что греческий текст этого фрагмента не оставляет сомнений в том, что перед нами высказывания того же самого человека -- Иисуса Христа, -- который нам известен по тексту канонических Евангелий. Потому что в этом логии встречаются две характерные особенности Его речи, передать которые можно только средствами греческого языка, но не языка семитского. В выражении «*слова, которые сказал Иисус*» используется не традиционный греческий глагол «говорить, сказать» -- *лэго* (аорист *эйпэн*) или *фэми* (имперфект *эфэ*), а специфически Иисусовый, причем нелепый «термин» *лалэо* -- «лепетать, бормотать» (о ребенке). Если проследить евангельскую терминологию, то этот глагол используется Иисусом, как правило, в тех случаях, когда речь идет о *духовных* вещах. И здесь, в *Фоме* -- именно этот самый случай. И второе отличие речи Христа, которое прослеживается в каноническом тексте: когда Иисус хочет придать Своим словам особую убедительность, и если при этом речь идет об отрицании чего-то, --

Он использует греческое «двойное отрицание» -- «нет не (вкусит Смерти)», греческое *υμῶν*.

И очень жаль, что переводчики игнорируют эти важные особенности греческой речи Христа, заменяя это двойное греческое эмоционально усиленное отрицание на обычное «безликое *не*», принятое в своем языке, а характерное Иисусово слово «пролепетал» -- заменяют на стандартное «сказал». И конечно, понятно, отчего это происходит: по идеологии Церкви не может подлинный «Хозяин *трапезных исов*» что-то по-детски «лепетать» -- это Его компрометирует. Он может только... «рычать». Но и здесь у «переводчиков» тоже вышел «конфуз»: в евангельском тексте действительно встречаются такие случаи, где Иисус – если это переводить в соответствии с нормами греческого языка – «рычит». И наши «переводчики» (причем, и все европейские) в этом случае тоже стремятся выручить «неразумного» Иисуса Христа, и участливо заменяют это Его «рычание» на стандартное и общепринятое «сказал». Происходит это потому, что Церковь не в состоянии разумно объяснить такое «разнообразие» в греческой евангельской терминологии Христа, которая выбрана евангелистом совсем не случайно. О значении Иисусова «рычания» мы поговорим, когда для этого представится удобный случай.

§1(2).

Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и когда он найдет, он будет потрясен, и если он потрясен, он будет удивлен, и он станет царь над всем.

Данный логий предназначен для того, чтобы быть своего рода «паролем» или «камертоном» для тех, кто следует похожим путем – тем же, что и *Фома*. Человек узнаёт свой собственный духовный опыт -- в описании подобного опыта у *Фомы*, и тогда он понимает, что с пути не сбился. Это высказывание Христа является *Прологом* ко всем Его последующим откровениям Царства. Если человек, исполняя все заповеди Христа, минует только одну эту заповедь – «*Ищите!*» -- он Царство никогда не найдет. «*Наипаче ищите Царствия [Божия] и это все* (т.е. все остальное для земной жизни – *Г.Б.*) *приложится вам*» (Лк.12:31). Невозможно такое положение вещей, чтобы человек, полностью исполняющий все предписания Церкви и придерживающийся ее догматов, нашел бы в этот период времени Царство Христа. Догматы Церкви ограничивают сферу поиска Царства, а *божественное* ограничений не терпит. Все те подвижники православия, которые достигли этого Царства, шли своим особым путем, фактически нарушая вековые церковные традиции. Человек должен искать Истину своего бытия в этом мире, не полагаясь на Уставы; он должен ставить под сомнение даже слова Самого Христа. Нам следует искать Истину своим живым человеческим *сердцем*: потому что поиск одним *умом* – каким бы умным он ни был! – ни к чему не приведет. Ум знает только *земное*, а наше сердце – знает *духовное*. И именно такое будущее знание, приобретаемое сердцем, Иисус называет словом *гносис*.

Иисус передает такое внутреннее состояние человека очень точным словом: «*Стучите*» (Мф.7:7), т.е. ищите с постоянным «внутренним усилием, напором». Коптский аналог этой греческой фразы дан у *Фомы* в логии **98/94**: «*Тот, кто ищет, найдет, и тот, кто стучит, ему откроют*». И такое перманентное внутреннее состояние – состояние постоянного «стучания» -- это единственно возможный исходный пункт на пути к Царству.

Апостол Павел был именно из таких, «стучащих», поэтому ему эта «дверь» все-таки открылась, пусть и с «черного хода». Это состояние – «стучите» -- невозможно воспитать в себе искусственным образом. Наверное, человек таким рождается на свет: он

должен знать, для чего он здесь живет, а иначе он «в эту жизнь» -- с Богом ли, с Чертом ли, который ее создал – «играть отказывается». И вот если он будет все время *искать* – а *искать* придется долго – тогда он *найдет*. В коптском тексте это «найдет» передано уже другим словом – *чине* (или *кине*), а в Оксиринхском папирусе правильнее – тем же самым глаголом *хэуриско* («Эврика!»), потому что эта «чудесная находка» проявляет себя совершенно неожиданно и необычно. Человек забывает о своем «поиске» и о том, что он что-то «искал» -- настолько это новое оказывается совершенно «другим». Но встреча с этим «другим» «потрясает» все основы человеческого существа. Коптское слово «потрясен» -- *штортер* – по своему звучанию имеет что-то общее с греческим *Тартаром*. «*И если он потрясен, он будет изумлен*». В греческом тексте Оксиринхского папируса оба этих чувства переданы одним греческим словом *тхамбэо* – «изумляться, ужасаться». Сила этих чувств подобна тем, что описаны у *Марка* (Мк.16:8): «*объял их трепет и изумление*». И это – *мистерия*. Когда откровение иного мира уйдет, и чувства немного успокоятся, человек становится «*царь над всем*». Он будет именно «царь» (так в коптском тексте), а не «царствовать», как это дано в Оксиринхском папирусе: Царь знает, что он – Царь, даже не проявляя свою власть видимым образом. «*Царство Мое не от мира сего*» (Ин.18:36) – и эти слова, и само поведение Иисуса-Царя, полностью соответствуют этим строкам текста *Евангелия от Фомы*.

Если весь этот текст в коптском варианте выглядит более «буквальным», то в греческом он – более гармоничен. Начало фразы в греческом: *мэ (не) паусаисто (останавливайся) хо* (артикл мужск. рода ед. числа) *дзэтон (ищущий)*; а ее окончание: *кай (и) базилевсас (царствуя) анапэсэтай ([он] остановится, отдохнет)*. То есть «конец» вернулся к своему «началу»: глагол *пауо* – «прекращать, прерывать, отдыхать» (отсюда русское «пауза») -- начинает и завершает эту фразу. И это – главный принцип всего пути к Царству (далее мы этот вопрос рассмотрим более подробно). Обращаем внимание нашего читателя также на тот безусловный факт, что по своему грамматическому построению данное высказывание Христа обращено к мужчине, а не к женщине. Иисус не признаёт того «равноправия полов», которое успешно осваивает сегодняшнее демократическое «христианское» общество. Подобное сообщество – не от Христа, а от *Яхве*.

Завершая разбор этого логия Христа, обратимся к назарейским текстам. Вот что пишет о мандеях прекрасная Леди Дровер в своей книге «Сокрытый Адам» («Мандеи», стр.333):

В ритуальных текстах и комментариях в качестве формулы посвящения использованы слова: «Ищите и обрящете, говорите и будете услышаны» (и впоследствии: «стучите и отворят вам», ср. Лука, XI.9). В мандейских повествованиях часто встречается эквивалент «голоса с неба» (bat – qol)...

«Голос с неба» к разбираемому нами логию, конечно, отношения не имеет, но знающий канонические Евангелия читатель отметит, что именно «голосом с Неба» проявляет Свое присутствие *Отец* во всех важных эпизодах с участием Христа.

§2(3).

Иисус сказал: Если те, которые тащат вас, говорят вам: Смотрите, Царствие в Небе! – тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно в море, тогда рыбы опередят вас. Но Царствие, оно – ваше (пэтен – притяжат. артикл) внутреннее, и оно ваш (пэтен) глаз (бал – «глаз», но не бол – «внешнее»).

Здесь мы дали буквальный перевод логия, полагая, что именно он и является наиболее верным. Общая и неискоренимая тенденция всех «научных» переводов религиозных текстов заключается в том, что, во-первых, сглаживаются все «острые углы», и, во-вторых, содержание текста «гармонизируется» в соответствии с тем пониманием смысла, которое имеется у самого переводчика и которое обусловлено традицией. Все эти особенности «научного перевода» налицо в традиционных европейских переводах данного логия, за авторитетом которых последовала и наша уважаемая М.К.Трофимова. И именно по той причине, что язык языку – рознь, и что любой перевод – это искажение первоначального смысла, «ищущий» просто обязан хотя бы поверхностно знакомиться с языком подлинника. И огромным подспорьем в этом вопросе являются те подстрочники (интерлинейные переводы), создание которых успешно осваивается в цивилизованных странах мира. В России есть пока только подстрочник Нового Завета, изданный Обществом «Библия для всех» под редакцией А.А.Алексеева, но и это – «луч света в Темном Царстве». Эта книга – самое лучшее и самое полезное из всей той литературы, которая была издана в России с самого начала «перестройки».

Внимательный читатель сразу же обратит внимание на некоторую «нелогичность» этого высказывания Христа: *как* можно рассуждать о месте пребывания Царства, если оно уже – Небесное? Но таким мы его знаем только из канонических Евангелий. А в тексте *Фомы* Иисус его «Небесным», как правило, не называет. Как показывает текст *Фомы* (но об этом свидетельствует и рассматриваемый нами логий), Иисус, судя по всему, проповедовал просто о «Царстве», и не называл его ни *Божьим*, ни, тем более, *Небесным*. Ведь изначально, по-назарейски, это «Царство Света» (хотя оно и по-назарейски тоже бывает «небесным»), о чем Иисус не мог говорить даже «намеками». Но человеку гораздо привычнее помещать это Иисусово «Царство», которое «не от мира сего», куда-нибудь подальше от себя – например, «на Небеса», -- чем осознать тот факт, что это «Царство» может пребывать только в его собственном сердце, и -- нигде больше. Поэтому, -- и, наверное, сразу же после ухода из земной жизни Христа -- это Царство стали называть «Небесным». Вполне вероятно также то, что главную роль в этом вопросе сыграл тот факт, что прямой перевод мессианского еврейского выражения *малькут шамаим* на греческий – это и есть «Царство Небес». Возможно, что и Сам Иисус иногда его так тоже называл, но делал Он это только с той целью, чтобы внешне Его проповедь казалась пребывающей в рамках иудаизма. Иначе бы она просто не состоялась. И в таком случае становится понятным, что Иоанн Креститель (в самом начале текста *Евангелия от Матфея*) действительно проповедовал о «Царстве Небесном» (евр. *малькут шамаим*), а Иисус – просто о «Царстве» (гр. *басилейя*) или о «Царстве Небесном» (греч. *басилейя тон уранон*).

Итак, нас именно **«тащат»**, даже сейчас, а не «ведут» в это «государственное христианство». В коптском тексте *стоит* слово *сок* – «тащить, побуждать, соблазнять», а в Оксиринхском папирусе – глагол *хэлкео* – «влачить, тащить». То есть или Сам Иисус (и скорее всего, именно так), или автор текста *Фомы* совершенно намеренно придает этому действию «ведущих нас к Царству» негативную окраску. Ему прекрасно известно, что все эти «игемоны» в Царстве «ничего не смыслят». Именно так – если называть вещи своими именами и выражать мысли предельно ясно.

Завершение этого логия в нашем варианте отличается от общепринятых переводов тем, что здесь стоит слово **«глаз»** вместо **«внешнее»**, которое, по мнению всех переводчиков, «уравновешивает» появившееся до этого в тексте **«внутреннее»**. Но в таком случае переводчикам следовало бы проявить «грамматическую последовательность» и дать иной перевод: **«оно - ваше внутреннее, и оно – ваше внешнее»** (а не **«вне вас»**), что, конечно, будет выглядеть абсурдом. Но снаружи, т.е. вне того человека, который является носителем Царства после получения им *мистерий*, этого Царства нет и быть не может. Даже склонный к «ошибкам» Лука противоречит такому стандартному (на сегодняшний день) пониманию текста *Фомы*: **«Не придет Царствие Божие приметным образом** (для

окружающих – Г.Б.). *И не скажут «вот, оно здесь», или «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»* (Лк.17:21). А Фома добавляет: *«оно – [через] ваши глаза»*. То есть с одной стороны, это Царство никогда не будет ощущаться сразу многими, как, например, теплый яркий солнечный день, который радует всех. Но это Царство также не пребывает «запечатанным» внутри человека наподобие проглоченной им «консервной банки», а сообщается с окружающим миром *через глаза* этого человека, получившего Царство. Причем, и сам человек видит этот окружающий мир уже совсем по-иному. Поэтому Иисус и говорит: *«Вы – Свет мира»* (Мф.5:14), имея в виду то, что в таком человеке как бы «загорается внутренний Свет» от Царства Света, который, как свет от «светильника», виден окружающим его людям. Внимательный человек – глядя со стороны -- тоже заметит изменение в таком новом «держателе Царства». Если по глазам человека всегда можно понять, что он влюблен, то тем более – через глаза человека «светится Царство». И пример тому – наш сияющий старец Серафим из Сарова.

Мы должны также знать, что для копта со словом «глаз» ассоциируются совершенно далекие от греческого мира представления. Причем, сегодня уже никто не может однозначно сказать, вкладывал ли в это слово «глаз» древний египетский смысл Сам Иисус? Дело в том, что в египетской религии существует такое важнейшее понятие как «Око Хора» (Бога Хора) или «Око Зеленое (*Уаджет*)». В книге «Мифы Древнего Египта» И.В.Рак так описывает этот «глаз», изображение которого можно часто увидеть среди рисунков с египетскими иероглифами:

«Око зеленое» -- наиболее сложный образ древнеегипетской мифологии и один из самых распространенных сакральных символов... Символ Ока ... воскресшего Осириса... т.е. воскресение после смерти (подобно тому, как зеленеет «воскресшая» природа после воскресения Осириса)... В виде Ока Хора изготавливали амулеты, способствовавшие воскресению умершего, отождествляемого с Осирисом.

Как известно читателю, *воскресение Христа* – это фундаментальное понятие всего христианства, а при упоминании слова «глаз» -- в контексте, подобном рассматриваемому нами в *Фоме*, -- у копта сразу же возникали ассоциации с этим «воскресением». Да и как можно спорить по данному вопросу, если в коптском тексте стоит *бал* – «глаз», и точно такое же слово *бал* стоит, например, в логии **18/17**: *«Я дам вам то, что не видел глаз...»*? Но также и в других логиях это слово тоже переводится как «глаз», причем, в логии **27/22**, например, одновременно встречается и этот «глаз» (*бал*), и то «*внешнее*» (*бол*), которое в рассматриваемом нами логии «научные переводчики» поставили уже как «искусственный хрусталик» вместо этого *бал*.

Мне кажется, мы привели уже достаточно аргументов, чтобы сам читатель выбрал между этим «научным» *бол* и подлинным *бал* автора коптского текста. Человек от науки может сослаться на текст Оксиринхского папируса. Но в том месте, которое мы сейчас рассматриваем – лакуна, т.е. этот фрагмент текста искусственно восстановлен «по смыслу» с помощью «цифровых технологий». Но даже если вдруг в греческом варианте действительно стояло «снаружи» (или «вне»), то ведь речь у нас идет не о переводе Оксиринхского папируса, а о коптском *Фоме*, в котором любой исследователь видит своим «невооруженным глазом» *бал*, а не *бол*. К этому египетскому представлению о «глазе» мы еще вернемся, когда будем рассматривать те логии Иисуса, в которых идет речь о «Свете», т.к. эти понятия в Древнем Египте взаимосвязаны.

Гораздо более интересно в этом тексте совершенно другое. В греческом варианте вторая половина этого логия – там, где говорится о рыбах – передана иначе: *«Если вам скажут, что оно [Царство] под землей, вошедшие [в него]»* (т.е. в Царство – Г.Б.) *рыбы моря опережат вас»*. И действительно, во всех человеческих мифах «загробные миры» располагались или в небе, или под землей, но никогда – в море. А у коптского *Фомы* –

«бессмыслица» в виде «моря». Греческий текст в данном случае ближе к истине: если Царство действительно находится под землей, тогда оно прячется там где-то очень и очень глубоко, в самом *«сердце земли»*; а значит те «пучеглазые» рыбы, которые значительную часть этой «глубины» могут без труда преодолеть, опустившись на дно моря, действительно «опередят» любого желающего, решившего добраться до этого Царства с помощью обычной «кирки и лопаты», копая при этом от самой поверхности земли.

Кому-то из наших читателей могут показаться не очень убедительными эти наши рассуждения о логической связи между коптским выражением «в море» и греческим -- «рыбы моря»; а отсюда уже наше – «под морем». Но вот что можно прочесть в тайном мандейском тексте «Тысяча двенадцать вопросов» («Мандеи», стр.278, 369 примечание 74). Мы позволим себе привести несколько расширенную цитату из этой книги, а для чего мы это сделаем, – читатель поймет немного позже:

*... и так, когда пища спускается вниз и достигает внутренностей и нижней части живота, приходит Шдум-Дайва (= обитатель Преисподней) и, приложив силу и старание, выносит экскременты посредством Карафиуна и двух миров, так, что они выходят и сваливаются в Сихиун (Сион – возможно, что это намек на Иерусалим с его Навозными воротами и местом, куда вываливали нечистоты) – в долину, которая служит свалкой одновременно для навоза (читай «кала» -- Г.Б.) и **мочи**. Это мир, который находится под Океаном (ATŠ p. 163).*

То есть мы видим, что мандеи прекрасно разрешили все наши затруднения: под Океаном действительно находится Преисподняя, а не Царство Небесное. «Интересно, -- в который раз задумается наш читатель -- а Сам Иисус, все-таки, был назареем или нет?». Исходя из анализа процитированного выше отрывка, в котором «черти гнездятся под Океаном», – действительно был. Но, может быть, это какое-то очередное случайное совпадение? Прекрасно, пусть будет даже так. Но читатель, наверное, обратил внимание, с какой «тщательностью» в вышеприведенном отрывке автор-мандей останавливается на неприятных для христианского менталитета картинах переваривания пищи внутри нашего организма. Но подобные картины могут вызвать неприятие и даже отвращение только у «Павлова христианина», а у мандея – совсем напротив: для него это такое же удовольствие, как нюхать цветочек для молодой девушки. Потому что как пишет леди Дровер («Мандеи», стр.254):

Для назарея человеческое тело – это точная копия чудесного космического тела, священнейшего из тайн, и все его органы, в том числе необходимые для пищеварения, размножения и выделения, имеют для него глубочайший символический смысл и достойны почитания как выражение Божественной алхимии, очищения и катарсиса.

А теперь процитируем уже высказывание Самого Христа, которое подтверждает Его «мандейское» происхождение, -- из самого что ни на есть канонического *Евангелия от Матфея* (Мф.15:17):

*[Разве] не понимаете, что всё входящее в уста (стома – «рот, уста, пасть») в утробу (койла – «желудок, живот, брюхо, чрево») **удаляется и через заднепроходное отверстие** (афедрон -- «anus» -- по греческому Словарю И.Х.Дворецкого, причем, с привлечением именно этого места НЗ в качестве прмера такого оспользования слова; anus – «**заднепроходное отверстие**» -- по латинскому Словарю И.Х.Дворецкого) **выбрасывается**.*

Теперь нам понятно, что любой «литературный» перевод этого евангельского места греческого подлинника составлен «для детского сада». Но ведь Иисус прекрасно представляет Себе то, о чем Он говорит своим ученикам: этимология слова *αφεδρον* – это «задница» и «кольцо». Но сами назареи видят в этих словах Иисуса совсем не то, что видят христиане, которые «во страхе» бросаются врассыпную от этих слов, или – как наши милые девушки – просто зажимают свои прелестные глазки. Иисус, как истинный назарей, просто проследил естественный ход пищи по человеческому телу от самых первых его «врат» -- от «губ» -- до самых последних – до «анального отверстия». Причем, судя по самому строению фразы, это «анальное отверстие» пользуется у Него точно таким же уважением, как и наши губы, которые предназначены для «целования любимых».

Но отвлечемся от всех этих... естественных «отверстий». Здесь нам хотелось бы сделать небольшое отступление, потому что то, о чем сейчас пойдет речь, просто удивительно и напрямую связано с разбираемыми нами словами о море и Царстве. Человек, который ищет Царство, не может не любить в ранний период своей жизни поэзию. Это – аксиома. Мы уже говорили, что Сам Иисус – это Поэт №1, да и евангельский текст в большинстве своем (вспомним хотя бы Иоанна евангелиста) – это *Поэзия*. И многие мандейские тексты – это тоже прекрасная поэзия, которая всегда окрашена детской непосредственностью. И читая древние религиозные тексты, -- в голове у такого «любителя поэзии» нет-нет, да и всплывут в памяти какие-то строки из прочитанных ранее стихов. Сейчас – всплыли из Эдгара Алана По. Вообще, в истории человечества, наверное, существует только два истинных поэта, которые воспели Царство, пусть его и не достигли. Это американец Эдгар По – в его стихах, посвященных Вирджинии (а фактически это *все его лучшие стихи*, включая знаменитого «Ворона», причем, независимо от того, кому они адресуются биографами поэта или его почитательницами); и наш русский поэт -- Алексей Константинович Толстой, который все свои стихи Царства писал Софье Андреевне Миллер (урожденной Бахметевой). Вот, например, образец такого творчества у Эдгара По (из «Тамерлана»):

О, human love! Thou spirit given, On Earth, of all we hope in Heaven!	О, человеческая любовь! Твой дух [нам] дан На Земле, – из всего того, что мы надеемся [обрести] на Небесах.
--	---

Ну и, наконец, то, ради чего мы сейчас завели весь этот разговор о поэзии. В стихотворении Эдгара, которое носит имя (вымышленное) девушки *Эннabel Ли* и в котором он описывает то, что произошло когда-то давно «в королевстве около моря» (“In a kingdom by the sea”) есть такие строки:

And neither the angels in Heaven above
Nor the demons down under the sea
Can ever dis sever my soul from the soul
Of the beautiful Annabel Lee

Все наши русские переводы здесь не точны: ни один из них не передал то, что говорит Эдгар, а говорит он следующее:

И ни ангелы в Небесах наверху,
Ни демоны внизу под морем,
Не смогут когда-нибудь разлучить мою душу
От души прекрасной Эннaбель Ли.

Эдгар По ушел из жизни в 1849 году в возрасте 40 лет. Незадолго до своей смерти, в 1849 году, но уже после смерти своей Вирджинии, он написал это стихотворение. Оксиринхские папирусы были найдены только спустя 50 лет. Вот он, этот знаменитый логий «гностика Эдгара»: *«Если вам скажут, что Царство под землей, -- рыбы моря опередят вас»*. «Безумному Эдгару» и без этого древнего Евангелия было прекрасно известно, что в этом «Царстве» -- демоны.

Возвращаясь к тексту *Фомы*, следует отметить предельную конкретность подлинных речей Христа вместо той «абстрактности» и «расплывчатости», которая придумана более поздними комментаторами и «толкователями» Его слов. По словам Христа это Царство не может находиться ни «в небе», ни «в земле». «Море», как видим, тоже исключается. А значит, оно не может быть нигде «снаружи» человека. Человеческое *сердце* вот его «местопребывание». Но сначала человек должен «обнаружить» в себе это свое *живое сердце*, пусть пока и «пустое», т.е. без Царства. А для этого необходимо, чтобы в таком человеке «проснулась совесть», потому что именно это чувство направляет ум человека к познанию своего *сердца*. Вторым этапом, после такого «острого заболевания совести», является этап «открывшегося сердца», -- этап, который «накрывает» этого человека «с головой», как лавина. Но и это -- еще не *мистерия*. Человек, стоящий близко к Царству – это всегда «открытое для чужой боли *сердце*», которое страдает от окружающей его несправедливости. И как ни несовременно звучат эти слова для сегодняшней «по-рыночному» новой России, но без уважительного отношения к слову «совесть» читать этот *Комментарий к Фоме* бессмысленно: лучше пойти и попить пиво с друзьями. Потому что мы говорим о Царстве, а Царство и слово «совесть» -- это почти синонимы.

§3(3).

Когда вы узнаете себя, тогда вы будете узнаны, и вы поймете, что вы – сыновья Отца Живого. Если же вы не узнаете себя, тогда ваше существование в бедности, и вы – бедность.

«Бедный» (хэкэ) – это, в обычном понимании данного слова, -- «нищий», «не имеющий чего-либо»; в данном случае – Царства. Вспомним: «Блаженны *нищие духом!*». В этом логии речь идет осамой главной «*мистерии* Царства Небесного» – «*мистерии* Бога». У человека может «открыться сердце», над человеком может «раскрыться Небо», и он может оказаться созерцателем иных картин духовного мира, но до тех пор, пока не произойдет то, о чем говорит здесь Христос, этот человек Царства не знает, и это Царство такому человеку не принадлежит. Речь в данном случае идет об обоюдной и даже «равноправной» встрече (хотя сам человек и не дерзнет такое признать, обдумывая все это после происшедшего): человек – Христос Вознесенный. Христианское понятие «Троица» в своем первоначальном представлении базируется именно на таком опыте встречи человека с Христом: **Отец приходит Духом Святым в ипостаси Сына-Христа**. Отсюда Иоанново: *«Бога не видел никто никогда, едиnorodный Сын, суищий в недрах Отца, Он явил»* (Ин.1:18). Или еще конкретнее: *«Видевший Меня, видел Отца»* (Ин.14:9). И сказал эти слова Иисус совсем не для Филиппа, а для нас с вами: чтобы мы вспомнили их, когда это с нами произойдет.

В этом логии в первый раз появляется коптское слово *шэре*, которое будет встречаться в тексте постоянно, но которое «не умеют» переводить переводчики (включая нашу М.К.Трофимову). Все они переводят его как «дитё» или «дети» (в зависимости от артикля), т.е. существительным среднего рода, предполагающим возможность существования и «сынов», и «дочерей». Но такой перевод противоречит всем нормам коптского языка. В данном случае *шэре* – это не «дети» вообще, а **«сыновья» мужского**

пола. Если бы это действительно были «дети», тогда бы в евангельском тексте (включая Евангелия канонические) наравне с «Сыном Бога» – Иисусом Христом – должна была бы обязательно присутствовать «Дочь Бога». Но мы этого нигде не видим. Перевод «дети» возник по причине абсолютного непонимания Церковью Учения Христа о спасении. Мы не будем сейчас затрагивать эту тему: вопрос прояснится сам собой по мере нашего знакомства с текстом *Фомы*.

В данной логии очень точно подмечен «процесс» узнавания: он – одновременно-взаимный. И при этом *Фома* заявляет, что такой «узнавшее-узнанный» человек становится таким же «Сыном Отца», как и Сам Христос. Хотя заявлять, что эти слова сказал Фома, наверное, не правильно: это подлинные слова того самого человека – Иисуса Христа – который когда-то жил на земле, и который, уйдя из этой земной жизни, оставил нам вместо Себя земного, -- того *Параклета*-Ходатая, о котором пишет Иоанн. *Параклет* – это и есть Христос Вознесенный, имеющий «лицо *Отца*». И еще одно маленькое замечание: слова Иисуса «*Отец Живой*» -- это не «восторженный детский лепет», а имя главного назарейско-мандейского Бога, который в мандейском Писании именуется как «*Отец-Жизнь*» или «*Отец Света*».

В Оксиринхском тексте начало этого логия выглядит иначе: «Кто себя знает (однокоренное со словом «гносис». Правильнее перевести будущим временем: «Кто себя узнает...», т.к. человек никогда не «знает» себя без того, чтобы приложить к этому значительные и длительные усилия. На момент этого разговора апостолы себя еще «не знают»), тот найдет («Эврика!») это (указательное местоимение женск. рода *автэ*, поставленное в винит. падеже, т.е. – *тавтэ*)». Местоимение женского рода «это» указывает на то, что речь идет о том Царстве (в коптск. тоже сущ. женск. рода), о котором шла речь в предыдущем логии. И, наверное, совсем не лишним буде сказать, что в предыдущем логии по Оксиринхскому папирусу это Царство названо *хэ басилейя ту тхэу*, т.е. «Царство Бога». Судя по всему именно эта связь между двумя соседними высказываниями Христа -- через указательное местоимение «это» -- явилась причиной того факта, что их впоследствии – но уже в *Фоме* -- объединили в один параграф. Но в коптской версии текста этой связи нет, и, с другой стороны, разбивка текста на параграфы носит весьма условный, вспомогательный характер: она призвана исключительно для той цели, чтобы разделить сплошной текст на законченные смысловые абзацы, на которые удобно делать ссылки и которые удобно рассматривать.

§4(4).

Иисус сказал: Человек, старый в своих днях, не замедлит спросить крошку-малыша-сына семи дней [от роду] о месте Жизни (онх), и он будет жить (онх). Ибо многие первые станут последними (букв. «сделают конец»), и они станут одним единым (ва вот).

Высказывания Иисуса в *Евангелии от Фомы* настолько емкие, что на каждое из них можно написать книгу; и все они связаны между собой одной и той же «Жизнью», т.е. «Отцом» или Царством. «Зацепи» одно из них – за ним тянется все остальное. В Оксиринхском папирусе этот «человек» (*антхрос* – опять мужчина) назван *паллайос хэмерОн*, т.е. если буквально переводить это словосочетание, то получится «**ветхий деньми**». А читатель помнит, что в Библии эти слова относятся к Богу *Яхве*. Значит, речь идет об очень мудром человеке (как бы достигшем «предела Ветхого Завета»), причем, пребывающем в достаточно «преклонном» возрасте (ему, например, лет 50, как это сказано об Иисусе Христе у *Иоанна* (Ин.8:57)). Тот «**малый ребенок**», которого мы видим в переводе М.К.Трофимовой, -- это, в буквальном переводе, «**малыш**» (куй) «**сын**» (*шэре*) «**маленький кусочек**» (*шэм*), т.е. составное слово из трех разных слов, и опять-таки, -- это

«мужчина», пусть и маленький. Это словосочетание следует понимать как «только что родившийся сынок», который, по своему особому значению, эквивалентен какому-то очень важному **«маленькому кусочку»**. «Семь дней» -- это самая понятная часть логия: «малыш» стоит на пороге «восьмого дня», т.е. «дня Христа» или той гностической Огдоады, куда уходит из этого мира совершенная душа.

Понятие «Огдоады» было хорошо известно всем ранним гностическим системам, которые основывались на Иисусовом «гносисе». Вот что пишет по этому вопросу известный теософ и знаток гностицизма Дж.Р.С.Мид (1863–1933) в своей прекрасной книге, посвященной разбору Герметических трактатов (Трижды Величайший Гермес. М.: Алетейя, 2000, стр.184):

Теперь Тат желает услышать Восхваление Сил. Его могут петь только достигшие стадии, называемой Восьмой, или Огдоадой (Огдоазом); эта стадия, стоящая над Гармонией или Гептадой Судьбы (С.Н. I, 26). Человек теперь свободен, он больше не раб... Идея Огдоады представлена во многих христианских гностических системах, особенно в валентинианской школе, которая содержит в себе многие египетские элементы. Так в *Выдержках из Феодота*, приложении к писаниям Климента Александрийского, мы читаем: «Того, кого рождает Мать (т.е. низшая Мать, Природа), она ведет в мир и к Смерти; но того, кого ведет к Возрождению Христос, Он изменяет в Жизнь и в Огдоаду». Много имен было дано Огдоаде христианами гностиками, таких, как Небесный Иерусалим, Мудрость, Страна Изобилия, Святой Дух, Страна Господня, Месат. Однако все эти термины, за исключением последнего, представляли собой иудейские синонимы; само слово Огдоада, вероятнее всего, египетское. Так, в одном из Магических папирусов мы читаем: «Зная силу этой книги, ты должен скрывать ее, сын мой. Ибо в ней содержится Подлинное имя – Огдоада – Того, кто повелевает и управляет всем» (*Leyden Papyrus W.S.*, 139, 45).

И как правильно уже кто-то упоминал по этому поводу, «семидневный малыш» -- это малыш не обрезанный, т.к. обрезание (как обряд посвящения ребенка *Яхве*) совершается по иудейскому обычаю только на восьмой день. Такой **«малыш»** не имеет ничего общего с иудаизмом: он – из другого Эона. Но кто же он такой? Да это и есть тот самый Сын, которого родил в себе человек, достигший накануне духовной стадии **«Ветхого деньми»**. Конечно, не сам родил, ему «помогли». Причем в роли «повитухи-акушерки» выступал Христос. Но факт рождения «Сына Бога» здесь налицо. И только такой – **«будет жить»**.

Об остальных Иисус сказал: **«Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов»** (Мф.8:22). Мы должны понять, что Иисус, заявляя такие «ужасные слова», ничего не выдумывает «от Себя», чтобы выглядеть перед нами «умным» или «смелым»: Он -- единственный из всего нашего человеческого племени -- называет вещи своими именами. Конечно, нам это не нравится, и мы стараемся поскорее все это забыть и от всего этого «отвлечься». Но кто из живущих на земле не умер?.. Ну, да не будем «давить на больную мозоль» человечества, а лучше поговорим о приятном.

Этот **«маленький кусочек»** (*шэм*) фигурирует также в логии **41/46**. Вот предварительный перевод этого логия: **«Тот, кто имеет в своей руке, -- ему дадут; и тот, кто не имеет, -- то малое (*шэм*), что имеет, у него возьмут»**. То есть, по логике этого высказывания, каждый из нас, мужчин, рождается на свет с этим *шэм*. Но вот этот **антхросос**, «ветхий деньми», за свои около 50 лет жизни смог вырастить (наверное, вырастить в своем сердце; а значит, в таком сердце не должно быть ни лжи, ни злобы, ни зависти) из этого *шэм* «сына Бога»; и не просто вырастить, а «родить» его в себе так, как будто это *шэм* ему сначала знакомо не было. Но гностики именно так и говорят: человек

узнаёт, что он – Сын Царя только после того, как услышит «Зов» *конкретного* Царя. А сначала он ходит-бродит по «лесу» этой жизни: «ищет» и «аукает». Но отклика не слышит, потому что таких, *ищущих*, как он сам, в «лесу» нет: все смотрят футбол или сидят за компьютером или... занимаются научным изучением *Евангелия от Фомы*.

Есть еще один интересный момент, мимо которого мы не можем пройти, читая этот логий. Речь идет о «*первых*» и «*последних*». Кто они? Хорошие или плохие? *«Многие же будут первые последними и последние первыми»* (Мк.10:31). *«Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных»* (Мф.20:16). *«И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними»* (Лк.13:30). Не вызывает сомнения тот факт, что данное высказывание изначально идет от Христа. Но что оно означает? Смысл этих слов в канонических Евангелиях вопросов почти не вызывает: самые лучшие, если возгордятся или оплошают каким-то иным способом, станут самыми последними, т.е. худшими. И наоборот: худшие, если очень постараются и «избавятся от грехов» (с помощью Церкви, конечно) – станут лучшими. Но в данном коптском тексте, который, фактически, повторяет эту каноническую фразу, смущает следующее: те «*первые*», которые станут «*последними*», -- они станут «*одним-единым*» (*ва вот*). Вообще-то такое коптское *ва вот* – это почти тавтология, но дело в том, что переводчик копт вспомнил в данном случае свое «языческое прошлое». *Ва вот* – по текстам, написанным древними египетскими иероглифами, -- это Абсолютный эпитет Высочайшего Бога Творца: именно Он – «*один-единственный*» или «*один единственный*». Причем, мы должны отдавать себе отчет в том, что ко времени написания данного Евангелия (да и сам стиль свидетельствует об этом) переводчик-копт еще не успел «озвереть» до такой степени, чтобы использовать это Имя Высочайшего «языческого» Бога в качестве ругательства в отношении «согрешивших христиан», которых он тут же заклеил своими самыми страшными словами. Более того, как пишет Уоллис Бадж в своей книге «Жители долины Нила» (стр.188):

Египетское слово, обозначавшее понятие «бог» (бог языческий! – Г.Б.), звучит как «нечер» или «нечет», а во множественном числе – «нечеру». Значение этого слова неизвестно. Египетские христиане, копты, перенесли это слово в свои переводы Священных Писаний, в которых оно выглядит как «нуте».

А значит эти слова – *ва вот* -- в устах копта звучат как высшая похвала таким «*последним*». Но и анализируя все остальные случаи использования этого словосочетания – *ва вот* – в тексте *Фомы* мы должны признать, что все они – исключительно положительные.

Вот что пишет Уоллис Бадж по этому поводу в книге «Древний Египет»:

Когда египтянин называет своего Бога «единственным» или «одним единым», он имеет в виду именно то, что говорит... (стр.13).
Интересный пример использования *Уо* – «Один» (в настоящее время это египетское слово чаще записывается фонетически как *во* – Г.Б.) -- можно найти в Текстах Пирамид, где мертвый царь (фараон – Г.Б.) *Унас* называется «Одним единственным» (стр.134).

Анализируя смысл этого слова «последний», следует также вспомнить о том, что в коптском тексте буквально написано *ер-хаэ*, т.е. «сделать конец»: «и многие первые -- сделают конец». И в данном случае будет уместно напомнить нашему читателю выдержку из книги Ямвлиха о тех пифагорейцах, которые не прошли предварительного испытания у Пифагора (стр.59):

(73) Если же они не выдерживали испытания и изгонялись, имущества они получали вдвое больше, чем внесли, а «совместно слушающие» (так называло себя окружение Пифагора) насыпали им надгробный холм и, встречаясь с ними впоследствии, вели себя так, как будто перед ними кто-то другой, и говорили, что умерли те, которых они выдумали сами себе в надежде, что они станут прекрасными и добрыми благодаря учению, так как были убеждены, что тот, кто плохо организован и, так сказать, недокончен (*ателэс*) и бесплоден, плохо поддается обучению.

Слово *а-телэс* – это, буквально, «без конца» или «не оконченный», «не исполненный». То есть у пифагорейцев это *ателэс* является главной характеристикой человека, неспособного познать божественные истины, и, напротив, *телос* – это тот, кому такие истины доступны. Но *телос* как раз и означает «конец» в его буквальном значении (как мы и видим в данном логии *Фомы*), а если обратиться к лексикону *мистерий*, то это же самое слово означает «посвящение в мистерии».

Иногда создается такое впечатление, что коптский *Фома* выполняет для канонических Евангелий ту же роль, что и *Септуагинта* для «безгласной» еврейской *Торы*: текст *Фомы* разъясняет смысл тех высказываний Христа, которые непонятны, исходя из «подпорченного» греческого текста канонических Евангелий. Мы еще вернемся к этому «концу», когда будем рассматривать логий **19/18**. Там встречается именно это коптское слово – *хаэ* – «последний» или «конец». Но уже сейчас скажем нашему читателю: «последний» (по переводу, конечно) – это и есть та «недосягаемая мечта», к которой стремится всякий искатель Царства Небесного.

В Оксиринхском тексте, если его сравнивать с текстом *Фомы*, нет всех этих «маленьких кусочков». Да и «дитя» здесь – не «сын», а просто уменьшительное *пайдион* от *пайс* – «дитя, слуга, раб». Однако, само окончание этого Оксиринхского логия гораздо ближе к тексту *Фомы*, чем к каноническим Евангелиям: «*И он (этот человек) будет жить, потому что многие будут первые – последними и последние – первыми, и в одно они придут*» (*катантао* – «приходить, достигать чего»), т.е. они (?) «станут одним». И вот еще что следует взять на заметку. Исходя из логики построения этой греческой фразы, и «первые», и «последние» -- это одинаково хорошие, или иначе – это одни и те же. Просто, судя по всему, Иисус употребляет одно и то же греческое слово в его двух различных значениях или смыслах. То, что данный Оксиринхский текст предшествует и *Фоме*, и, тем более, каноническим Евангелиям, в этом сомнений нет. «Одинаковость» этого текста у синоптиков вызвана исключительно более поздней «гармонизацией» евангельского текста редакторами Церкви. Они сделали, «как красиво», ориентируясь при этом на любителя эпатажа африканца Тертуллиана; а все «остальное» -- выплеснули вон... вместе с *шэре*. Судя по всему, на этапе «корректировки» евангельского текста никто из церковных богословов в нем уже ни-че-го-шеньки не понимал: ни даже самой маленькой «крошечки» *шэм*.

В завершение рассмотрения этого логия интересно (уже почти по традиции) обратиться к мандейским параллелям и вернуться к числу «семь», которое в коптском тексте фигурирует в качестве положительного или, еще точнее, -- «предтечи» положительного. В упомянутой выше книге «Мандеи...» (стр.100) сказано: «У мандеев это число («семь») не считается святым, оно представляет силу тьмы и используется как символ ненавистного иудейства», т.к. «Семь (планет) загоняли душу в телесную оболочку» (там же, стр.150).

Или из текста Haran Gawaita (BIBLIOTEKA APOSTOLICA VATICANA, 1953): «*Адонай* (так называют мандеи иудейского Бога – Г.Б.), который пришел (эманировал) из дома *Рухи* (*руха* -- «дух» -- Г.Б.)» (стр.4); «*Руха и Адонай и ее семь сыновей (планет)*» (стр.7).

Последнее выражение – это, по почти научному определению, «формула иудаизма» в мандейских текстах. Назарейский «еретик» Иисус, конечно, не мог не знать о том, что число «7» является назарейским символом иудаизма. Но ведь Учение Иисуса Христа построено на обращении к тексту *иудейского Бытия*, в котором в качестве Бога *Отца* фигурирует *ЭлохИм*. Кстати сказать, и само слово «Отец», именно в характерном для Иисуса доверительном тоне, тоже имеет назарейское происхождение. Как мы уже говорили, у мандеев это обращение чаще встречается в форме «Отец-Жизнь», но есть также и просто «Отец». А вот отношение Иисуса Христа к назарейскому понятию *Руха* (Дух) гораздо сложнее, чем это может представить себе сегодняшний христианин. Но сначала приведем читателю мандейский Гимн, который носит название «Письмо Истины», и который содержится в мандейской *Книге Иоанна* (имеется в виду – Крестителя). Читателю уже известно, что название «мандей» происходит от слова *манда*. Manda – это то же самое, что греческое «гносис» -- «знание, познание». Мандейский Спаситель носит имя *Манда д-Хийа*, т.е. «Познание Жизни». Итак, вот этот Гимн, который был послан Иоанну Крестителю в виде традиционного мандейского «Письма» (иудеи от этого «письма» отказались, т.к., как сказано в этом тексте, «оно не содержит того, что желают их души»). И еще один маленький штрих: все эти «письма» от Бога, которые так популярны у мандеев, имеют своим источником религию Египта):

Я пришел к тебе, о Душа,
Которую Жизнь послала в этот мир...
Покров семи Я взял,
И ухватился за Восьмого своей рукой.
Я преодолел (взял) Их, и Я преодолеваю Их,
И буду преодолевать Их.
И не позволю Им идти (как они хотят – Г.Б.).
Я преодолел Их и держу Их крепко,
И злые духи изменятся в добрых.

Местоимение «Их» в тексте этого Гимна -- это «семь» планет, включая Солнце и Луну, которые являются сыновьями *Рухи* («Дух» – женск. рода) и которые выполняют ее волю. Главная здесь, конечно, *Руха*. Леди Дровер пишет («Мандеи Ирака и Ирана», стр.263): «*Ruha. Дыхание или дух, персонификация дыхания или физической жизни*». Или в книге «Сокрытый Адам» (стр.295): *Руха – «земля, жизненный дух,местилище желаний и похоти*». По мандейским представлениям (если говорить обобщенно) именно мужчина обладает душой *нишиИмтой*, которая и является «искрой Света» (Божией) в человеке, а женская душа в основном состоит из этой самой *Рухи* (т.е. «духа»), которая тянет человека к земным заботам и наслаждениям. Но эта *руха* присутствует в той или иной степени также и в душе мужчины. Более того, до какого-то определенного времени, а для большинства людей -- в течение всей их жизни, мужчина может руководствоваться только этой своей *рухой* и ничего не знать о своей *нишиимте*. Подобное представление о составе человеческой души было и у пифагорейцев. Вот как характеризует эти представления В.Б.Черниговский в своей вступительной статье к книге Ямвлиха «Жизнь Пифагора» (стр.8):

У души, согласно пифагорейским представлениям, есть часть монадическая, мужская, разумная и часть диадическая, женская, чувственная. Последняя часть человеческой души страстно привязана к материальному миру, и эта страстная привязанность женской части человеческой души является источником страдательных состояний, в которые то и дело ввергается

человек, если он оказывается неспособным противостоять своим страстям и вожелениям.

Когда Иисус говорит: «*Блаженны нищие духом*» (*рухой*), Он имеет в виду именно эту «ипостась» *Рухи*, т.е. ту, которая дана человеку от его рождения. Но не всё так плохо в нашем земном мире (а точнее, в мире мандеев), и пока еще рано убиваться от горя нашим лебёдушкам, услышав такие страшные слова. Дело в том, что, как сказано в Гимне, -- «*и злые духи (рухи) изменятся в добрых*». По мандейским представлениям, если женщина (правильнее, -- девушка, т.к. второй брак для женщины у мандеев невозможен, и иудейское понятие «левират» должно было ввергнуть любого добропорядочного мандея в ужас), итак, если девушка выходит замуж за назарея (после изгнания назареев из Иерусалима назареями стали называться священники, а миряне -- мандеями), то в результате их совместной супружеской жизни *руха* этой девушки постепенно -- в результате «взаимообмена» с *нишимтой* мужа -- трансформируется в *Руха-д-Кудша*, что в дословном переводе означает *руха святая*, или -- в греческом переводе -- *пневма хагион*, или, уже по-русски, в «Святой Дух» Нового Завета или, -- и это будет правильнее грамматически, в «Святое Духо» (в греч. языке слово «дух» -- это существительное среднего рода). В русском языке, соответственно, но также и в коптском, это уже «мужской» Дух Святой. Вот такая странная метаморфоза произошла с одним и тем же «Духом» (а правильнее -- с одной и той же «Духой»), которая берет свое начало от назарейской «женщины *Рухи*» при переходе ее из одного языка в другой.

Этот «переход» *Рухи* из одного состояния в другое (имеется в виду -- в состояние *Руха-д-Кудша*), да и само понятие *Руха-д-Кудша*, в мандейских источниках раскрыты очень неотчетливо, -- так, что даже сами научные исследователи текстов пребывают в некотором недоумении от подобной «метаморфозы». Но для этого существуют вполне объективные причины: традиционный египетский запрет на разглашение религиозных тайн, особенно в письменной фиксации. Понятие *Руха-д-Кудша* принадлежало к одному из самых неразглашаемых понятий в назарейском гносисе. Причиной полного непонимания исследователями этого термина является также глубокая древность данных фрагментов в мандейском Писании. Повлиял на этот факт и полный разрыв традиции в передаче тайного знания *назируты*, который произошел в 1831 г., когда эпидемия холеры свела в могилу всех мандейских ганзибров и священников, и когда в священнический сан вынуждены были облачиться миряне, которые просто умели читать, но никогда не владели знанием *назируты*. Правда, оговоримся: миряне, которые происходили из потомственных родов священников-назареев.

Интересно здесь то, что как бы ни была плоха эта *руха* в своем изначальном виде, но в те времена, когда назареи жили рядом с иудеями, любой назарейский священник -- и это следует из текста *Саги о Мирьяи* из мандейского Писания -- был заинтересован в том, чтобы взять себе в жены дочь иудейского священника. По тексту этой *Саги* дочь иудейского священника Мирьяи тайно ушла из своей семьи к назареям. Более того, очень маловероятно, чтобы имя Мирьяи из этой *Саги* совершенно случайно совпало с именем Матери Иисуса Христа -- Марией или с именем Марии Магдалины. Возможно, эта *Сага* отражает реальную картину событий в семье Христа, что находит свое подтверждение в мандейских текстах о «лже-Мессии». Возможно, Иисус родился от этой связи и был воспитан в назарейской вере отца, в то время как Марию насильно вернули в лоно иудаизма. А когда у Матери Иисуса умер «обручник» муж -- иудей Иосиф -- Иисус вернулся к Матери, как оставшийся старшим в семье. Возможно, что именно к этому времени у Него и состоялся разрыв с назареями. Разумному читателю понятно, что это -- всего лишь предположения, всего лишь «возможно», и тем не менее подобные предположения имеют под собой реальную почву. Конечно, такой «побег» иудейских девушек происходил без согласия их родителей. Но судя по той роли, которая отводится этому тексту в мандейском Писании, такие случаи ухода дочерей из лона иудаизма не

были единичным явлением. Причина здесь та, что именно у иудейских девушек -- и особенно у дочерей их священников -- эта *руха*, по представлениям мандеев, была особенно сильной и «большой». Но именно это и хотел получить для себя назарейский священник от девушки-невесты, потому что у назарейских дочерей – в силу их традиционного воспитания и условий жизни – «количество» такой *рухи* было мало, и она была «слабая». Эта же причина объясняет, скорее всего, и тот факт, что мандейский священник *ганзИбра* (ранг христианского «епископа») имел, как правило, двух жен (или даже трех): чтобы их *рухи*, объединившись, стали тем вместительным «кораблем», который мог бы без труда взять «на свой борт» драгоценный груз в виде души-*нишимты* этого священника. Иудейские девушки, наверное, что-то слышали об этом Учении о спасении человеческой души, которое составляло суть *назируты*, -- поэтому наиболее смелые и умные из них уходили к назареем – в первую очередь для своего же блага.

Дело в том, что только благодаря *рухе* своей жены душа-*нишимта* мужа была в состоянии – на крыльях *рухи*! – подняться к *Мирам Света* и окончательно распрощаться со всем земным миром. То есть по мандейским представлениям (и пусть нашего читателя не смущает некоторая «запутанность» и даже определенная «наивность» таких представлений) спасаются одновременно муж и жена, и каждый из них без своего напарника – ничто. И при этом роль в таком спасении *Адама Касиа* или, сокращенно, – *Адакаса* («Адама Мистического») в назарейском Учении огромна. Судя по всему, *Адам Кадмон* еврейской Каббалы берет свое начало от *Адакаса* назарейского точно также, как и все каббалистические «ролевые игры» с буквами еврейского алфавита находят свое удивительное подобие в более древних мандейских текстах. Для доказательства этого существуют убедительные примеры, хотя возможно и такое, что общим источником для всех подобных текстов является древняя мудрость Египта.

Но и у Иисуса тоже -- Адам Шестоднева *Бытия*, как тот архетип, к которому должны вернуться муж и жена, играет первостепенное значение. Именно от такого «двойственного» представления об этой *рухе*, берут свое начало следующие слова Иисуса Христа, «бывшего» назарея: *«Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку; а хула на Духа (Руху) не простится человеку. Если кто скажет слово на Сына Человеческого (мандейский термин, означающий Анош-Утра, который был «сыном человеческим», т.е. сыном Адама Касиа и небесным защитником мандеев), простится ему; если же кто скажет на Духа Святого (Руха-д-Кудша), не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»* (Мф.12:31,32). Иисус, следуя назарейской традиции, различает просто *Руху* и уже *Руху-д-Кудша*, и эти два Его высказывания – о «разных *Рухах*». Далее Иисус (по тексту *Матфея*) говорит о «деревьях» и их «плодах», что, опять-таки, является одним из самых распространенных мандейских сравнений, причем, под «деревом» понимается священник или учитель, а под «плодом» -- паства или ученики.

К сожалению, мы вынуждены отвлекаться от текста *Фомы*, и, насколько это возможно, вводить нашего читателя в мир назарейских представлений, который был так хорошо знаком Иисусу Христу. Того исследователя, который занимается сравнительным изучением древних религий, действительно поражает то общее, что явно видно в религии египтян, зороастрийцев и назареев. Скорее всего, иудаизм – это более молодая религия, которая очень многое позаимствовала у этих древних.

§5(5).

Иисус сказал: Познай то, что (или: того, кто) перед лицом твоим, и то, что скрыто (хэн) (или: и тот, кто скрыт) от тебя, -- откроется (чолп) тебе . Ибо нет ничего тайного (хэн), что не будет явлено (вонх) вовне.

В коптском языке (как и в египетском и в семитских языках) нет среднего рода. Поэтому при переводе с греческого все имена среднего рода переводятся на коптский родом мужским. Но благо, что в Оксиринхском папирусе сохранился этот логий, а в нем мы видим -- *то хОн*, т.е. относительное местоимение среднего рода в винит. падеже, с артиклем: букв. **«познай то, которое перед лицом твоим»**. Так что М.К.Трофимова совершенно напрасно ввела эти слова в скобках (хотя, возможно, в то время Оксиринхские папирусы были для нее недоступны). Судя по всему, этот логий -- «чисто евангельский» (см. Мф.10:26; Мк.4:22; Лк.8:17; Лк.12:2), т.е. «!00% Иисусовый», и вряд ли здесь можно сказать что-то новое.

Хотя, наверное, необходимо добавить следующее. Речь в данном случае не идет о том, что если, например, я сделал какую-то гадость (или, наоборот, доброе дело), то, в конце концов, любое такое дело откроется. Конечно, это так: «как веревочке не виться, а кончик найдется». Но Иисус в данном случае говорит о другом. Он, ведь, не занят тем, чтобы учить бандитов «быть паиньками». В этом тексте Он – Воскресший, а Воскресший Христос к бандиту не приходит (разве что к Павлу только). А значит, говорить Он может только о великих вещах Жизни. В данном случае это можно понять следующим образом: знай (т.е. изучай) тот мир, который создал *Яхве*, -- и тот мир, который от *Элохима*, откроется тебе. Потому что *Яхве* «взял» Творение *Элохима* и «облепил его глиной». То есть этот «скрытый мир», который есть подлинная Жизнь, он рядом с тобой, он – внутри тебя. Твоя жена, которая «перед лицом твоим», -- это только «открытое». Ищи ее «сокрытую» -- когда она была «внутри тебя».

Слова Иисуса: **«то, что перед лицом твоим»**, должны пониматься, в первую очередь, как «то, что ты видишь перед лицом твоим». Иисус гораздо больше значения, чем любой другой проповедник, уделяет *взгляду* человека. И это вполне объяснимо. Именно от «взгляда» в человеческом сердце рождается зависть, и именно от «взгляда» рождается в нем «желание» или, по-евангельски, «похоть». Наиболее ярко эта особенность проповеди Христа проявляется в Его словах в Нагорной проповеди (Мф.5:28):

Вы слышали, что сказано: «Не будешь прелюбодействовать». Я же говорю вам, что всякий, кто взглянет (блєпо – «смотреть взирать, понимать») на женщину с пожеланием ее, уже совершил прелюбодеяние с ней в сердце своем. Если же глаз твой правый совращает тебя, вынь его и брось от себя...

К слову скажем, что здесь должен стоять именно правый глаз, а не левый, потому что «левый» будет относиться уже к жене этого человека. Но об этих мандейских «условностях» мы познакомим нашего читателя при разборе одного из очередных высказываний Иисуса.

А в данном случае мы хотим обратить особое внимание читателя на то, что по-Иисусу нельзя даже взглянуть на женщину «с пожеланием», а не то что «переспать» с ней разок-другой. Причем, -- и это следует особенно отметить -- «переспать», часто отвечая при этом пожеланиям в первую очередь, самой женщины, которая, вполне вероятно, сама мужа не имеет и не связана никакими семейными узами. Как поется в одной из известных советских песен: «Снегопад, снегопад, если женщина просит...». «Нельзя» -- говорит Иисус, нельзя даже из чувства «сострадания». При этом никто не возражает против того, чтобы просто *любоваться* красотой незнакомого или знакомого женского лица. Например, наш батюшка Иоанн Кронштадский часто корил себя за то, что не может изжить из себя привычку любования пригожими женскими лицами, и все равно любовался. Да и Серафим Саровский тоже брал себе в Дивеевский монастырь девушек не «абы каких». Красота -- всегда красота, а женская красота (причем, мы прекрасно понимаем, что главная красота женщины -- внутренняя, и именно она делает красивым любое, даже внешне непривлекательное лицо) -- это «красота вдвойне», потому что

«одушевленная». И взирать на такую божественную красоту «со стороны», с пожеланием такой «красоте» только добра -- в этом нет никакого «греха». А вот уже определять: «грех» это или «не грех» -- об этом судить только сердцу того человека, который взирает на эту красоту.

Но откуда у Иисуса такое *требовательное отношение* к простому взгляду человека? Отвечаем: от мандеев. Процитируем два отрывка из книги Е.Дровер «Сокрытый Адам», причем, отметим только то, что оба они имеют прямое отношение к «порождению потомства» («Мандеи», (стр.274, 275):

Физический человек или «Адам пагриа» возник в результате союза космической пары: «Когда они созерцали детей при реализации божественных таинств, возникли Адам и Шитиль (= Сет)...» ATŠ, p.173).

Затем следует сотворение Первого Адама: «Тогда Он стал на краю Источника, у Финиковой Пальмы, и вгляделся в Источник, и узрел в нем нечто чудное. Тогда внутри Источника образовалось Семя, и (= ибо) Он замыслил создать Адама, Своего Старшего Сына...» (ARR, строка 67 и следующие).

Итак, когда ты познаешь, что не только любая женщина, но и любая березка – жива и даже камень – тоже жив... тогда ты много раз подумаешь перед тем, как прихлопнуть муху или убить крота на своем огороде. Хотя убивать все равно придется. Но главное «скрытое», о котором ведет речь Иисус, -- это Его *мистерии*, которые открывают тебе духовный мир. Но сначала ты должен понять этот земной мир *Яхве*, который перед тобой, и по-своему полюбить его: ведь понять или узнать можно только то, что любишь сердцем.

Мне всегда было удивительно наблюдать по TV такую картину из жизни африканской саваны: лежит отдыхающий лев, а совсем недалеко от него мирно щиплют травку антилопы. Лев сытый, и их не трогает. Будь такой «антилопой», если хочешь увидеть «сокрытое». Понятно, что это трудно и даже глупо: но когда-нибудь все равно будь! И если говорить об этом телевизионном сюжете, но уже в приложении к нашему человеческому миру, то только *хомо сапиенс* может «хватать и хватать» до бесконечности, и при этом никогда не быть «сытым». Только одно создание Бога не насыщается в своей жадности: то животное, которое стало человеком (читай *Евангелие от Фомы 7/7*) и которое не знает того, что носит в себе сокрытого Бога.

Оксиринхский папирус этого логия интересен для нас своим вариантом концовки, которая отсутствует у *Фомы* и в тексте канонических Евангелий. Вот она: «*потому что... нет ничего, что было бы схоронено (похоронено) и которое бы не эгертхэстай*». Последнее греческое слово – это страдательный залог будущего времени от глагола *эгейро* – «будить, восстанавливать, воскрешать», т.е. «то, что не было бы воскрешено»... А мы говорим, что человек умирает со смертью тела. Мы, как те неразумные внутриутробные *близнецы* братья (опять этот *Фома*!), которые пребывая в материнском животике, рассуждают: «Скажи, как ты думаешь, там, снаружи (коптское *бол*, а не *бал*) есть жизнь?» -- «Не знаю – отвечает другой – но ведь оттуда еще никто не возвращался»... Постучи легонько по животику и ответь: «Конечно, есть. Она есть даже в камне и в березке». А про Никодима ничего им не говори: если родятся во второй раз, то всё поймут сами.

§6(6).

Ученики спросили Его, они сказали Ему: Хочешь ли Ты, чтобы мы постились? И каким образом нам молиться, давать милостыню и воздерживаться в пище? Иисус сказал: Не говорите ложь, и то, что вы ненавидите, не делайте этого. Ибо всё открыто перед Небом. Ибо нет

ничего тайного (хэн), что не будет явным, и нет ничего сокровенного (хоэбс – «покрытое»), что осталось бы нераскрытым.

Но и в *Евангелии от Матфея* Иисуса спрашивают о том же: *«Почему мы (ученики Иоанновы) и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?»* (Мф.9:14). Тот Иисус, которого мы видим в евангельском тексте, -- о Нем говорят: *«Вот человек обжора и винопийца»* (Мф.11:19). Евангельского Иисуса мы часто видим возлежащим за столом, и почти никогда не видим – постящимся. Свидетельствует ли это о том, что реальный Иисус был действительно «обжорой» и «любителем вина»? Конечно, нет. Напротив, поведение евангельского Христа полностью подтверждает эти Его слова из *Фомы*. В древности греческим словом «философ», которое «изобрел» Пифагор (философ -- букв. «любитель мудрости», славянская калька – «любомудр»), называли только того, кто своим образом жизни, своим поведением, доказывал проповедуемую им «философию». И в этом отношении Иисус – подлинный «философ»: Он никогда не лжет, и никогда не постится напоказ. *«А когда ты постишься, помажь голову твою [маслом] и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не перед людьми, а перед Отцом твоим»*, т.е. «перед Небом» (Мф.6:17,18). В этом логии речь не идет о мистериях (*«все открыто перед Небом»*), а о той «веревочке», которую мы упомянули при разборе последнего высказывания Христа, т.е. о наших земных вещах. Главное, и самое первое, что сказал апостолам Иисус на их вопрос о посте, -- это о нашей человеческой лжи. Человек, который стремится к Царству, должен сделать все от себя зависящее, чтобы полностью искоренить в себе ту ложь, которая является нормой человеческого поведения в любом обществе. Лжет муж своей жене, и наоборот; лгут родители своим детям; лжет подчиненный своему начальнику и начальник – подчиненному; лжет президент своим избирателям и патриарх своей пастве. И как бы мы не оправдывали такую ложь – «во спасение», «ради детей», «из-за жалости», «ради сохранения семьи» или даже – «ради страны», -- лучше промолчи, но только не ври. Иисус прямо говорит апостолам в этом логии: «Сначала научитесь не лгать, а уже потом ведите речь о посте». Наш Серафим Саровский постился вдали от всех (даже монахов) – в своей «дальней пустыньке», а перед людьми всегда являлся «точно по Христу»: с сияющим личиком и в чистеньком белом балахончике (т.е. одет был не по монастырскому уставу). Главная наша беда заключается в том, что мы все эти слова Христа понимаем и с ними соглашаемся. Но никогда их не исполняем. Любой человек, каким бы он плохим ни был, - имеет в своем сердце этот **«маленький кусочек»** -- коптское *шэм*. То есть все мы **«делаем то, что ненавидим»**. А жизнь так и проходит... в вечных заботах. Вот эту «границу» между прошлой жизнью человека – «жизнью по *Яхве*» и новой жизнью – уже «по *Элохиму*» -- Иисус и называет в Своей проповеди греческим словом *метанойа* – «изменение ума». Потому что решение о проведении такой «границы» лежит всецело в руках того человека, который эту «границу» проводит.

Для того, чтобы наш читатель немного отвлекся от горестных мыслей, приведем короткую цитату из Первой Эннеады Плотина (Плотин, «Первая эннеада», Изд. Олега Абышко, С-П. 2004, стр.272):

1.8.6. Природа зла обладает бытием ложным и первой исконной ложью, [божественная же природа есть] истинное бытие, так что как ложь противоположна истине, так и несущностная природа зла противоположна сущностной природе Блага.

«Иисус сказал им: если бы Бог [Элохим] был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога [Элохима] исшел и пришел... Ваш отец [Яхве] диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала (ан архЭс) и не

устоял в Истине, ибо нет в нем Истины: когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин.8:42,44).

«Человекоубийца *ап архЭс*» -- это Тот, кто «убил» Адама Шестоднева, сотворенного *Элохимом ап архЭс*, -- «облепив его глиной» и разделив на «мужчину и женщину»: это и есть то «убийство», которое привело к возникновению Смерти в нашей человеческой жизни. Смерть -- не в том, что Адам согрешил, съев запретный плод: Смерть в том, что вместо «единицы» появилась «двоица», а «двоица» всегда умирает. И это – всеобщий Закон Бытия, установленный *ап архЭс*, установленный до *Яхве*. Поэтому Иисус и говорит: «*Ваш Отец... Отец лжи*». Но при этом мы должны хорошо понимать, что Сам Иисус никогда бы не сказал таких слов, потому что они – не до конца истинны. Это слова назарей-Иоанна, который писал Евангелие после убийства иудеями назорейских священников и после изгнания остальных назареев в Персию. В нем открыто проявляется резко отрицательное назарейское отношение к иудейскому *Адо́на*, и поэтому Иоанн невольно вкладывает свои собственные мысли в уста Христа. И дело здесь совсем не в том, что Иисус боится произносить такие слова, а Иоанн – «более смелый», т.к. готов был даже «сжечь самарянский город». Иисус ничего не боится, но Он – гораздо мудрее, чем все Его ученики вместе взятые. Он прекрасно знает, что человек в своей жизни сначала обязательно должен пройти период «обучения у *Яхве*», и только после этого он будет способен понять все то, что Иисус говорит ему об *Элохиме*. Глядя из фактического земного состояния человека -- его *статус кво* -- ему без *Яхве* не спастись. Просто в этом вопросе необходимо проявлять особую мудрость.

В своем Евангелии Иоанн чаще всех других евангелистов использует греческое слово *αληθεια* – «истина». Это слово эквивалентно одному из самых важных терминов мандейской религии – *Кушта* (о чем можно почитать у Р.Мацуха). Но мы же сейчас про *Фому* ведем речь, ведь так? Вот что ответил Иисус Фоме в *Евангелии от Иоанна* (Ин.14:6): «*Иисус сказал ему: Я есмь Путь и Истина* (мандейское *Кушта*) *и Жизнь* (мандейское *Хийя*)». На одной чаше весов – «Истина», на противоположной – «Ложь», в какую бы одежду она ни вырядилась. Но право выбора оставлено только за самим человеком, за тем его «нечто», которое пребывает в самом центре человеческого сердца. Когда человек «вырастает из коротких штанишек» любой религии, -- а это означает, что он, как минимум, не имеет в своем сердце лжи, -- тогда ему открываются очевидные вещи: этот «язычник» Плотин, которого мы только что цитировали, -- он гораздо ближе *стоит* к Христу-Истине, чем 99,9% всех остальных христиан мира, которые когда-либо жили на земле. А это означает, что именно он – подлинный «христианин Христа», а не мы с вами, носящие на своей груди христианский крестик.

§7(7).

Иисус сказал: Блажен тот лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят тот человек, которого съест лев, и лев станет человеком.

Ну вот, мы опять вернулись к тому «льву», который мирно дремлет в африканской саване рядом с пасущимися поблизости антилопами. Простите... мирно дремлет на бескрайних просторах России. В Оксиринхском папирусе от этого «льва» не осталось ровным счетом ничего: сохранился только обрывок слова «**блажен**». Вспомним евангельский текст и знаменитые «блаженства» Христа из Нагорной проповеди. Такие «блаженства» означают высшую похвалу в устах Христа. Вот и «**лев**» этот тоже «**блажен**», но только в одном единственном случае, который оговорил Христос. Уподобление человека тому или иному животному – это древняя традиция нашего человеческого рода,

которая ярче всего нашла свое выражение в баснях. Сегодня в России басни почему-то не любят, а в Советские времена они были очень популярны и звучали, как пословицы: «А вы, друзья, как ни садитесь, -- всё в музыканты не годитесь». Вообще-то басня – это первый «литературный» признак того, что общество здорово в нравственном отношении и не болеет «хроническими болезнями», в том числе и «венерическими».

В следующем за *Фомой* по данному коптскому Кодексу – в тексте *Евангелия от Филиппа* -- человек по своему духовному уровню приравнивается к разным «домашним животным», которых «нажил в доме Хозяин» (119/127): собакам, свиньям, домашней скотине, и тому, что уже высоко – рабам и детям. Но в рассматриваемом нами логии – несколько иное. Любой человек земли содержит в себе два существа: зверя, т.е. «льва» и, собственно, «человека». Первое идет от мира *Яхве*, а второе – от мира *Элохима*. Это можно назвать иначе и более привычно: в каждом человеке есть «плоть» и есть «дух», есть *руха* и есть *нишимта*. Несмотря на то, что *руха* – это всецело «духовное» начало, но именно она как бы наделяет эту «плоть» своим собственным «плотским разумом», который может повелевать теми или иными действиями человека. Если мы проанализируем греческие речи Христа из канонических Евангелий, то удивимся, насколько уважительно Иисус говорит об *антропосе*, «человеке». Такое впечатление, что Иисус всегда помнит слова *Элохима*: «Сделаем человека по образу Нашему, как подобие Наше» (Быт.1:26). («Наше» -- имеется в виду по подобию Самого *Элохима* и его женской «сизигии» -- *Руха-д-Кудша*, т.е. того «Духа Святого», который изначально «носился над водами» (Быт.1:2).) И далее следуют те самые слова, которые Иисус произнес, объясняя вопрос «мужа и жены»: «И оставит человек Отца и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Мф.19:5). В данном конкретном случае Иисус цитирует (по *Септуагинте*) слова Человека-Адама, сказанные этим Человеком после того, как Бог *Яхве* «сделал из его ребра женщину». По евангельской терминологии Христа «человек» -- это всегда мужчина, и никогда – женщина, т.к. именно мужчина является «правопреемником» того Шестодневного бесполого Адама, которого сотворил *Элохим* вместе с *Рухой-д-Кудшей*. Читатель должен понимать, что такое «раздвоение» *Элохима* на «мужскую» и «женскую» сущности вызвано исключительно невозможностью адекватного отображения реалий духовного мира нашими земными «парными» образами. В действительности этот *Элохим* такой же «бесполой», как и сотворенный Им по Своему подобию Адам.

Подводя черту под нашими рассуждениями о «человеке», мы можем смело констатировать, что в рассматриваемом нами логии *Фомы* речь идет именно о «льве», а не о «львице», как это может показаться некоторым читательницам текста *Фомы*. Любой человек, каким бы негодяем он ни был, всегда выглядит внешне по-человечески. Поэтому логий начинается со слова «человек». В этом логии одновременно присутствует два смысла, и первый из них намеренно закрывает второй. Не только в древнем обществе, но и сегодня, человек подсознательно уверен в том, что если он, например, убьет на охоте медведя и съест его печень или сердце, то приобретет силу и здоровье убитого им медведя. Но в то же самое время – если продолжать логику рассуждений -- эта «печень» и это «сердце» медведя в конечном счете превращаются в «плоть» и «кровь» того охотника, который их съел. То есть медведь из животного «превратился» в какую-то часть человека, и поэтому он «блажен». В нашем логии вместо привычного для России «медведя» речь идет о более значимом для региона Востока «льве». Понимая этот логий именно в таком «поверхностном» смысле, многие переводчики «поддались на удочку» и посчитали себя вправе исправить имеющийся текст *Фомы* и сделать, как «правильно по смыслу». Окончание логия в их варианте выглядит следующим образом: «И проклят тот человек, которого съест лев, и человек станет львом». Но в таком случае у нас получается изречение «величайшей мудрости»: «Покрась табурет красной краской – и он будет красным; покрась табурет белой краской – и он будет белым». А ведь для того Иисуса, который сейчас вещает нашему *Фоме*, подобные «духовные откровения» несвойственны. Правильно, конечно, как уже догадался наш читатель, -- у этого «все равно глупого копта»

(по научному мнению, разумеется). Потому что интерес Иисуса Христа – только к живому (хоть до поры до времени все равно «мертвому») человеку, но никак не к «съеденному». Речь здесь идет о том, что все мы рождаемся в первую очередь «животными», а не «ангелами». Именно это имеет в виду Иисус, когда говорит нам такие неприятные для многих слова: *«Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него»* (Мф.7:11). То есть Иисус обращается к Своим слушателям, прекрасно понимая их подлинную *злую* природу, хотя сами они «злыми» себя, конечно, не считают (впрочем, точно так же, как и все сегодняшние читатели Евангелия). Но может быть, это Сам Иисус слишком придиричив и несправедлив к нам с вами? Слишком многого от нас хочет? Но вот что говорит уже упомянутый нами ранее неоплатоник Ямвлих, когда перечисляет самые важные *акусмы* (иносказательные изречения) Пифагора (Жизнь Пифагора, стр.64):

«Что самое праведное?» -- «Жертвовать». «Какое высказывание можно считать самым правдивым?» -- «Что люди злы».

То есть Иисус, когда говорит о первом или втором, ничего от Себя не придумывает, а просто повторяет ту древнюю египетскую мудрость, о которой – по известным причинам – вынужден был молчать иудейский Бог *Яхве*. И все мы, христиане, *будучи, по сути дела, иудеями*, об этой египетской мудрости тоже ничего не знаем, и знать не хотим, считая себя – точно также, как и иудеи, -- «хорошими». Но человеком каждый из нас становится только в результате воспитания в обществе, а также – самовоспитания. Те люди, которые случайно выросли в джунглях со зверями, -- так и остаются навсегда животными, хотя внешне подобны человеку. Но эта присущая всем нам изначальная «животность» -- это все равно «мы сами», а не кто-то другой, к которому мы отношения не имеем. Это и есть тот «лев», которого мы должны «съесть» для того, чтобы в нас победило человеческое начало. Но при этом мы должны вспомнить, что критерии этого «человеческого» у нас и у Христа разные: *«не лги, не прелюбодействуй, не кради, возлюби ближнего»*. Именно эти качества показывают, что в нас начал формироваться тот человек-*антропос*, который освободился от своего «львиного» начала. По Иисусу тот человек, в котором возобладало «зверское» начало, т.е. которого «съел» его собственный «лев», -- он «проклят». Кем? Тем высшим *духовным* началом, к возврату в Которое призывает Иисус. И дело здесь не в том, что *Элохим*, как и в Первые дни Творения, *«сказал»* такое проклятие в адрес этого человека: по Закону развития Жизни такой человек сам собирает на свою голову *«горящие уголья»*. И если говорить максимально понятно для некоторых наших не совсем сообразительных слушателей, то это, фактически, означает «мочиться против ветра» (читатель, наверное, по достоинству оценил тот факт, что сам автор, следуя во всем проповеди Иисуса из *Евангелия от Фомы*, ведет речь исключительно о мужской половине человечества). И в таком формировании «львиной породы» своих сограждан *огромную роль* играют общественные институты, которые созданы в том или ином государстве.

Конец логия совершенно понятен, и он является ритмическим повторением окончания первой строки этого логия: *«лев станет человеком»*. Эти «львы», которые являются таковыми внутри, -- внешне выглядят безупречно: у них никогда даже не отрастают кошачьих усов, не говоря уже о безжалостных клыках этого зверя. Все они – в галстучках, у большинства из них на руке часы «за тридцать тысяч», и на всех идеально сидят костюмчики: каждый из них, по своему внешнему виду, действительно «стал человеком».

§8(8).

И Он сказал: Человек подобен мудрому рыбаку, который бросил сеть в море. Он вытащил ее из моря, полную малых рыб; среди них этот мудрый рыбак нашел (хэ или греческое «Эврика!») большую рыбу, хорошую. Он выбросил всех малых рыб обратно в море, он без труда выбрал большую рыбу. Тот, кто имеет уши слышать, да слышит!

И в этом логии мы тоже слышим знакомый голос того же евангельского Христа: *«Имеющий уши пусть слышит»* -- это известное выражение из канонических Евангелий (Мф.11:15, Мф.13:9, Мк.4:9, Мк.4:23). Иисус произносит эти слова, когда хочет обратить особое внимание Своих слушателей на то, что Он им только что сказал: чтобы они хорошенько подумали над этими Его словами. И образ *рыбака*, и *сеть*, и *рыбы* – тоже нам знакомы, хотя этой притчи в канонических Евангелиях нет.

В коптском тексте этого логия после слов *«полную маленьких рыб»* стоит дополнительное уточнение: *э·храй*, т.е. *«с верха (моря)»*. Здесь идет речь о тех рыбах-верховодках, которые всегда бывают маленькими. Большие рыбы водятся только «на глубине», поэтому одна «большая рыба» оказалась среди этой мелочи «случайно». Обычно это уточнение, присутствующее в коптском тексте, переводчики минуют, не обращая на него особого внимания. Но и их понять можно: во всех этих притчах Христа они не видят тех реалий, взятых из жизни (напр. «браки» для них – это мифический «чертог»), которыми так богаты притчи Христа. Для всех переводчиков Его притчи – это далекая от жизни «детская сказка»: хлопнул в ладоши – вот тебе и появилась одна большая рыба на 153 маленьких; хлопнул еще раз – и все 153 рыбы стали «большими». Такой «переводчик» Царства Небесного не достигнет: он так и не «познал то, что находится перед его лицом». «Большая рыба» -- это то Царство Небесное, на которое «случайно» наткнулся (хэ) этот мудрый рыбак: то самое Царство, которое никогда не лежит «на поверхности». А все остальные «малые рыбы» -- это Учения всех остальных религий. Все они одинаковы, как эти рыбки, несмотря на свои внешние кажущиеся отличия: все они могут предложить человеку только один и тот же Рай с его почти телесными «наслаждениями». Но «мудрому рыбаку» всего этого не надо.

§9(9).

Иисус сказал: вот сеятель вышел, он наполнил свою руку, он бросил. Но иные упали на дорогу, пришли птицы и собрали их. Иные упали на камень (*петра*), и не пустили корня в землю, и не послали колоса, поднимающегося к небу. И иные упали в терния, они заглушили семя (*чроч* – «семя, сперма») и червь съел их. И иные упали на хорошую землю и дали хороший плод кверху в небо. Это принесло 60 [мер] на [одну] меру и 120 на меру.

Евангельская притча о сеятеле, наверное, одна из самых известных (Мф.13:3, Мк.4:3, Лк.8:5). Во всех канонических Евангелиях эта притча завершается уже знакомыми нам словами: *«Имеющий уши слышать, пусть слышит!»*, т.е. слушая эти слова Христа, нам следует быть сугубо (славянское – «вдвойне») внимательными. А внимательный человек обязательно скажет: не вызывает сомнения то, что судьба каждого рода зерен характеризует здесь то или иное направление поиска Истины -- из тех, которые существовали во время земной жизни Христа. Попробуем в них разобраться. Но сначала обрисуем обстановку этой притчи, как ее понимает Сам Христос.

«Сеятель» -- это Высший Бог, которого Иисус отождествляет с *Элохимом Книги Бытие*. Именно от Него человек рождается на свет с «семенем» или «искоркой» *нишимты*-души. Предназначение любого брошенного на землю «семени» – дать «колос». Иисус уподобляет человека такому зерну или «семени», потому что для жизни любого

человека -- так же, как и для жизни любого зерна – нужна, во-первых, «земля» и, во-вторых, «небо». Земля – это то «плотское», что присутствует в любом человеке и что управляется жизненным духом – *рухой*. А небо – это именно то, к чему зовет Иисус: возвращение *нишимты* к Небесному Отцу. Поэтому Иисус и акцентирует этот небесный момент Своей притчи: *«не послали колоса в небо»*. А ведь мог бы просто сказать: засохли или увяли. Сразу же после этой притчи Иисус говорит апостолам Свои знаменитые слова: *«Вам мистерия дана Царства Бога»* (Мк.4:11) или: *«Вам дано познать (гнонай) мистерии Царства Небес»* (Мф.13:11). Молодые несмышлениши-апостолы тут же стали спрашивать Христа о значении этой притчи, а Иисус им в ответ, и это – сразу же после Своих слов о мистерии: *«Не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи?»* (Мк.4:13). И далее Он «объясняет» им смысл этой притчи. Но мог ли Он в то время сказать Своим ученикам правду этой притчи во всей ее полноте? Конечно, нет, ведь они пока еще «не разумели» даже ее самого поверхностного смысла. Да, конечно, Он сказал им «смысл» этой притчи, но только смысл ее «завершающей фазы». Его слова о *мистериях*, сказанные Им именно в этот самый момент, и Его слова о тех, «кто имеет уши», свидетельствуют о том, что считать данное Им объяснение этой притчи «исчерпывающим» -- это слишком невнимательно относиться ко всем Его предупреждениям. Понятно также и то, что всё сказанное Им об этой притче относится к категории «дозволенного иудейской цензурой (Законом)», а то, о чем Он промолчал, говорить было запрещено.

Итак, мы уже упомянули о трех направлениях поиска Истины, заявленных в этой притче. Четвертый путь – *«хорошая земля и хороший плод в небо»* -- это, конечно, Учение, проповедуемое Самим Христом -- Учение о Царстве Небесном. Любой логически дееспособный человек, взглянув на этот текст, без труда выделит в нем три главных «определителя» для нахождения тех Учений, которые осуждает Христос: «дорога», «камень» и «терния». Именно эти слова являются скрытыми «ключами» к искомым вариантам духовного поиска человека. Но если мы отвлечемся от этой притчи Христа, и даже если мы ее вообще на время «насильно» забудем; и если бы вдруг мы задумались после этого о том, кто именно являлся главными религиозными противниками Христа в Его Благовести исходя из конкретной исторической обстановки? -- мы, немного поразмыслив, ответили бы, наверное, так...

...Это религия эллинов с ее *Элевсинскими мистериями*, Митраизм и Иудаизм. У внимательного читателя евангельских речей Христа, с Его постоянными рассуждениями о «добре и зле», -- не вызовет удивления тот факт, если Иисус, например, – именно по этой причине -- не упомянет среди этих осуждаемых Им Учений зороастризм. Также Иисус не ставит *назируту*, т.е. Учение назареев, в один ряд с этими Учениями, потому что Он Сам считает Себя назареем – тем истинным последователем, который очистил это Учение от человеческих рукотворных религиозных обрядов и напрямую возвел человека (через введенные Им *мистерии*) к *Отцу*, т.е. к изначальному Царству Света.

Иисус никогда не считал Себя Главным и Высшим: Он в любых евангельских эпизодах выступает в роли исполнителя воли того Бога, который поставил Его на эту миссию. Бесспорно то, что Своим Благовестием Иисус увлек за Собой многих назареев (первый из них – это Иоанн евангелист), и именно по этой причине мандеи считают Его главным еретиком, извратившим назарейское Учение. Но *назирута* всегда оставалась Учением для избранных, и поэтому само число назареев было относительно невелико. Именно эта причина – необходимость расширения внешних границ проповеди о Царстве – побудила Иисуса выйти из назарейской среды и заняться проповедью среди окружающих назарейскую общину иудеев. Скорее всего, на это ушли годы, поэтому в Евангелиях мы видим Христа уже взрослого и полностью возвращающегося в иудейской среде. Но, с другой стороны, мы просто не видим в евангельском тексте всего того, что имеет отношение к *назируте*, а не к иудаизму. Точно также как не замечаем того очевидного факта, что весь

внешний быт евангельских персонажей – одежда, мебель, привычки – чисто греческие, причем, *исконные и древние*, и к иудаизму, каким мы его обычно себе представляем, они не имеют никакого отношения. Но это совсем не значит, что евангелисты писали то, о чем не знали, а означает только то, что наша доблестная наука «знает» то, чего никогда не было. И пытается убедить в этом нас с вами. И большинство всем этим заявлениям науки верит, т.к. проверить всё это самостоятельно почти невозможно.

Почему мы решили, что в первом случае, описанном этой притчей, речь идет об Элевсинских *мистериях*? Ну, во-первых, нам напрямую «намекнул» на это Сам Христос, когда фактически противопоставил Свои *мистерии* чему-то другому, о чем шла речь в этой притче. Но во всем Средиземноморье были известны только одни «подлинные», т.е. не «театрализованные» *мистерии* (как это было во всех других случаях), и это были *мистерии* Элевсина. Читатель прекрасно понимает, что если мы сейчас займемся подробным рассмотрением *Элевсинской религии*, стержнем которой был Элевсинский храм, а затем перейдем к *митраизму*, то мы так никогда и не доберемся до самого последнего логия *Фомы*. Поэтому мы приведем только те главные положения, которые будут доказывать правоту наших слов о том, что в притче Христа идет речь именно об этих Учениях. Но при этом мы также должны напомнить нашему читателю, что сама речь о «зерне» в этой притче адресует любого эллина к Богине *Деметре*, которая и даровала людям это зерно. Вот что пишет в своей книге «Очерк греческих древностей» В.В.Латышев (изд. «Алетейя», С-Пб 1997):

Из всех эллинских мистерий ни одни не достигали такой славы, как Элевсинские... Они совершались в ... аттическом городке Элевсине, лежавшем в углу Саронического залива к северо-западу от Афин по дороге в Мегары... Они основаны самой богиней (Деметрой), пришедшей в Элевсин во время поисков своей дочери, похищенной Плутоном; от этого прибытия богини, может быть произошло название городка Элевсис, раньше, по преданию, называвшегося Сесарией (стр.199).

В Афинах ежегодно совершалось два праздника, имевших отношение к элевсинскому культу... малые мистерии (*мюстериа та микра*)... служившие как бы предпразднеством великих и совершавшиеся в Агре, предместье Афин... Главным празднеством элевсинского культа были великие мистерии или *Элевсиния*... причем первая половина празднования происходила в Афинах, а вторая – в Элевсине (стр.204).

Двадцатого числа (середина сентября по европейскому календарю – Г.Б.) совершалась торжественная процессия из Афин в Элевсин. Процессия двигалась по Священной дороге (*хиера ходос*), украшенной множеством храмов, алтарей и памятников в сопровождении огромной толпы народа, так как в ней могли принимать участие и непосвященные в мистерии (стр.205, 206).

Эта «Священная дорога», ведущая из Афин в Элевсин, в то время была единственной такой дорогой, которая была известна во всем Средиземноморье, и если кто-то произносил эти слова, -- *хиера ходос* -- ни у кого из слушателей не возникало сомнения в том, что речь идет об Элевсине. Раз в год по этой дороге ночью шла группа для посвящения в мистерии -- от 500 до 3000 мистов во главе со жрецами. И в притче о сеятеле из канонических Евангелий мы тоже видим «дорогу» -- *ходос*. Но не только это. По логике этой притчи Иисус должен был бы сказать, что «птицы», которые «поклевали» это «семя», не «пришли», а «прилетели», но Он этого не сказал. Причем, не только в греческом тексте канонических Евангелий, но и в коптском *Фоме* мы видим именно «пришли». Использованный Христом глагол *эрхомай* (в греч. тексте это причастие --

«пришедшие» (птицы) – *элтхонта*) -- это тот же самый глагол, от которого и образовано слово Элевсин, т.е. «пришествие» в этот город Богини. То есть мы можем вполне обоснованно утверждать, что в этой притче присутствует еще один, намеренно поставленный «определитель»: слово, непосредственно указывающее на Элевсин. Объясняя эту притчу Своим апостолам, Иисус совершенно справедливо говорит о «Лукавом» или о «Сатане», который приходит (*элевсис*) и похищает такую душу в Ад (пусть и в его райские обители).

И все-таки, почему Иисус в этой притче сказал, что птицы «пришли», а не «прилетели»? Что именно могло «натолкнуть» Его на такое выражение? Ведь и без этой явной «нелепости» было бы понятно, что речь в данном случае идет об Элевсине. В упоминаемой уже книге Адольфа Эрмана (стр.274, 275) описана одна интересная особенность древнеегипетского языка, когда автор ведет речь о «детерминативах», т.е. о специальных иероглифах, которые замыкая «слово», указывают читателю на принадлежность этого слова к тому или иному роду имен. В египетском слове «лететь» -- *wo'er* – в конце определенного набора фонетических иероглифов этого слова, которые – и это следует особо отметить – не имеют никакого графического сходства с «крыльями» птицы, стоит целых два *детерминатива*, указывающих на «полет»: первый – это рисунок человеческой ноги от бедра до стопы (несколько согнутой в колене) – *детерминатив «идти»*; и второй – две ноги (в виде раскрытого «циркуля») с повернутыми в одну сторону ступнями – *детерминатив «ходьба»*. И не отражает ли такая нелогичная для обычного европейского представления фраза Христа о «шагающих птицах» подсознательное «воспроизведение» Им египетского письма во время Его возможного пребывания и обучения в Египте в тот период, который выпал из описания в евангельском тексте? Понятно, что это – всего лишь предположение, но оно лучше всех других объясняет эту явную «оговорку» в речи Христа – оговорку, связанную с Его «египетским (назарейским) менталитетом».

Читатель должен поверить автору на слово, что в тексте канонических Евангелий тема Элевсина присутствует, и она там далеко не случайна. Воскрешение Лазаря – это, фактически, вырывание человеческой души из цепких лап Ада, хозяевами которого, по общему убеждению греков, были «Две Богини». С человеческим сообществом имели контакт, как правило, именно они, а не главный Хозяин Ада – *Аид*. В евангельском тексте встречаются эпизоды, в которых Иисус, по мнению исследователей, выглядит просто ужасающим образом, причем, совершенно «некстати» и «не к месту». Эти эпизоды никогда не переводят буквально, а «гармонизируют», т.к. в противном случае читатель мог бы предположить, что видит перед собой сумасшедшего. Мы об этом уже упоминали, а теперь приведем эти эпизоды в их буквальном переводе:

Иисус исцеляет двух слепых: *«Тогда Он коснулся их глаз, говорящий (в греческом языке причастия используются гораздо чаще, чем в русском – Г.Б.): По вере вашей пусть будет вам. И сделались открыты их глаза... И прорычал (энэбримэтхэ) им Иисус, говорящий: Смотрите, пусть никто не знает»* (Мф.9:29,30).

Женщина в Вифании возливает миро на голову Иисуса: *«Были же некоторые негодующие... На что трата эта мира? Можно было бы продать его... и раздать нищим. И рычали (энэбримонта) на нее. Иисус же сказал: оставьте ее»* (Мк.14:4-6).

Воскрешение Лазаря: *«Мария... пала к ногам Его и говорила Ему: Господин, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус же, когда увидел ее плачущую и пришедших с ней иудеев плачущих зарычал (энэбримэсато) духом и потрясся (тарассо – «потрясать, волновать») и сказал...»* (Ин.11:32-34).

Этот «странный» глагол *эмбримамай* – «храпеть, рычать, реветь, шуметь, говорить резко, грубо, фыркать, негодовать» одновременно используют в своих текстах

все главные евангелисты (*Лука* и в этом случае «прихрамывает»: он попытался «помочь» Христу, как это позднее стали делать все без исключения «переводчики»). Было бы «простительным», если бы мы увидели это слово в тексте «косноязычного» Марка. Как быть? Богословская наука ответ на этот вопрос не дает и предпочитает заявлять, что «перевод евангельского текста на любой язык мира адекватно передает его содержание». Существует и иной способ решения наукой подобных проблем евангельского текста: поставить на них единый штамп: «анахронизм». И происходит это по той причине, что христианство с самого начала существования Византийской Церкви просто вычеркнуло из сферы своих интересов абсолютно всё, за исключением иудаизма. Но ведь реальная жизнь во времена Христа представляла собой не вымышленный «христианский инкубатор», а, как это было всегда и во все времена бывает, существовала со всеми своими противоречиями и соперничающими направлениями. И все это осталось в греческом тексте Евангелия, как... «анахронизмы». В том числе и этот глагол *эмбримамай*. Он имеет приставку *эм-* (*эн-*, переходящее перед губными в *эм-*), которая эквивалентна русскому предлогу «в». То есть этот глагол, в его «русскоязычной форме», можно передать как «в-Бримиться» (по аналогии с нашим «в-любить»), т.к. основой этого греческого глагола является слово «Бримо». Но вот что мы читаем у того же В.В.Латышева в разделе «Элевсинские мистерии» (стр.207):

Драматические представления (в Телестерионе Элевсина, т.е. на этапе Великих мистерий – Г.Б.), вероятно, ставились в хронологической последовательности. Первым актом их была, вероятно, сцена брака Зевса и Деметры... и рождения Иакха от этого брака, при этом иерофант возглашал: владычица Бримо родила своего сына Брима.

В примечании В.В.Латышев поясняет: «Бримо» -- мистическое имя *Деметры*. По объяснению Оригена, приводящего эту фразу, оно значит *исхюра* («крепкая, сильная»). То есть появление слова *эмбримамай* в евангельском тексте равносильно заявлению о том, что рядом невидимо присутствует (именно в этот момент) бесовский мир во главе с *Деметрой*, который добивается какой-то своей (конечно, противоположной) цели. Когда «в-Бримается» Сам Христос, это означает только одно: Его внутреннее противоборство с этим подземным миром. Пусть наш читатель почитает, для сравнения, сохранившиеся воспоминания о том, как такой экзорцизм совершал наш батюшка Иоанн Кронштадский всего 100 лет назад.

Элевсинская тема – это постоянный «рефрен» тех ранних христиан, которые еще что-то понимали в евангельском тексте. Вот что пишет Климент Александрийский в книге «Увещание к язычникам» в разделе «О христианских мистериях» (СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006, стр.140). При этом мы еще раз напомним читателю о том, что само слово «мистерия» -- элевсинское:

О поистине святые мистерии, о чистый свет! Я несу факел (атрибут Элевсинских мистерий – прим. переводчика), чтобы узреть Небеса и Бога.

Для слова «узреть» переводчик дает следующее примечание: «Употреблен глагол *эпонтэуо...* *Эпонт* («созерцатель») – высшая ступень посвящения в Элевсинские мистерии» (стр.202). Дополним, что и *Деметра* во время поисков своей дочери несла в руках два факела, которые впоследствии и перешли в элевсинский ритуал.

Ну и для того, чтобы на время распрощаться с Элевсином, приведем выдержку из Гомеровского «Гимна к Деметре» (V) в переводе В.В.Вересаева (перевод удивительно точный и прекрасный: вот уж переводчик так переводчик!):

Так сказала Богиня и рост свой и вид изменила,

Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
Светом от молнии прочно устроенный дом осветился (275-280).

Наверное, здесь не лишним будет вспомнить о том, что по воспоминаниям Леди Дровер один мандей, с которым ей довелось общаться, говорил, что его отец видел *Руху* и «она была необычайно прекрасна». Читатель, вероятно, помнит евангельский эпизод Преображения Христа, но в данном отрывке из Гимна – это уже Преображение *Деметры*, которое случилось задолго до рождения на свет Иисуса Христа. Или еще один подобный пример. *Деметра* сидела и отдыхала у «колодца прекрасных хороводов» («Гимн к Деметре», 273), где ее и увидели дочери царя Келея; а Иисус, устав от дороги, как и *Деметра*, присел у «колодца Иаковля», и к Нему тоже подошла женщина самарянка, у которой было «пять мужей». Да, бесспорно, часть этих совпадений – это художественный прием, призванный более полно донести Благоую Весть до слушателя. Но при этом совсем не случайно то, что аналогии берутся из «языческой» религии Элевсина. В основе всех этих «элевсинских сюжетов», попавших в евангельский текст, лежит реальное противостояние Христа с миром Ада еще в то время, когда человек Иисус жил на земле.

Как мы уже сказали, во втором сравнении в этой притче речь идет о религии «*Митры -- Непобедимого-Солнца*». Так звучит официальный полный титул этого Бога. Эта религия в своей основе персидская, и мы вообще не ощущаем ее присутствия в евангельском тексте. А зря. Но это происходит, опять-таки, исключительно из-за нашей полной неосведомленности относительно зороастризма и митраизма. Известный исследователь этой религии Ф.Ф.Зелинский называл ее когда-то «**главным соперником христианства**», и существует знаменитое высказывание о том, что «**если бы не победило христианство, наш мир бы был митраистским**». Конечно, здесь еще многое необходимо исследовать и доказывать, но наш христианский религиозный обряд, судя по всему, в очень многих своих чертах скопирован с митраистского, включая и саму дату рождения *Митры*, как Солнца – 25 декабря, которая стала датой рождения Христа. Но также и таинство Причастия во многом напоминает митраистское, о чем с гневом упоминают христианские апологеты. Но ведь митраизм, как религия, сформировался значительно раньше христианства.

Как известно, митраизм – это религия воинских гарнизонов Римской армии. И кто знает, может быть, тот римский воин **Пантера**, о котором говорили, что именно он является земным отцом Христа, -- был тоже митраистом. Возможно, Иисус об этом знал, а значит, знал и саму эту религию не понаслышке... Пусть читатель не удивляется тому, что ранее мы заявляли, что Иисус был сыном назарея, а сейчас говорим иное: любому понятно, что все это – только различные предположения, основанные на логическом анализе евангельского текста и косвенной информации из других древних источников. Но мы также говорили о том, что *назирута* и персидский зороастризм имеют общие черты, а религия *Митры* – тоже персидская. Никто сегодня не может определенно сказать, кто был земным отцом Христа, и, тем не менее, ныне уже вряд ли кто-то из научных исследователей будет серьезно отрицать тот факт, что земной отец у Христа был, как и у каждого из нас, и что этот отец не был иудеем...

Для того чтобы доказывать свои предположения о наличии митраизма в этой притче, автору легче всего опереться на авторитет какого-нибудь признанного ученого, как мы это сделали, например, в вопросе с Элевсином. В данном случае мы будем цитировать книгу Франца Кюмона «Мистерии Митры» (СПб.: Евразия, 2000). Но перед этим напомним читателю те два «определителя» из притчи о сеятеле, которые мы попытаемся найти в религии *Митры*. Первый – это «**каменистая почва**» (копт. *петра* – «камень, скала»; греч. текст Евангелий – *петродес* – «каменистая почва»). Второй

«определитель» присутствует только в тексте канонических Евангелий: *«Когда возшло Солнце, [они] были выжжены»* (Мф.13:6). Этот «определитель» -- *Солнце*, причем, на этот раз в его отрицательном аспекте -- содержится в самом титуле *Митры*: «Непобедимое Солнце». «В Авесте Митра предстает божеством небесного света» (Ф.Кюмон, стр.15). Ну и теперь мы можем смело обращаться непосредственно к работе названного автора:

На территориях, находившихся под властью (Римской) империи... обнаруживаются святилища Митры, установленные в некоторых портах на побережье Финикии и Египта, близ Арда, в Сидоне, в Александрии... (стр.48).

На всем протяжении древней границы римской империи, от Черного моря до гор Шотландии и песков Сахары, в изобилии встречаются митраистские памятники (стр.59).

Мы должны сделать отступление и сообщить нашему читателю, что такое бурное распространение митраизма относилось, судя по всему, ко II в. н.э., однако возникновение культа *Митры* даже в самой Европе датируется серединой I в. до н.э. Но вот, наконец, тот материал, ради которого мы раскрыли книгу Ф.Кюмона:

В мифологии магов свет, изливающийся с неба, которое представлялось в виде твердого купола, сделался Митрой, родившимся из скалы, и его называли «богом, вышедшим из скалы» (*тхэос эк петрас*). Сохранившаяся традиция утверждает, что эта «Родящая скала», изображению которой поклонялись в храмах, произвела его на свет на берегу реки, в тени священного дерева, и лишь пастухи, спрятавшиеся на горе по соседству, наблюдали чудо его явления в мир. Они видели, как он отделился от скалистой груди... Тогда поклонившись божеству-ребенку, пастухи принесли ему в дар первый приплод от своих стад и первые плоды от своего урожая (стр.171-173).

А мы заявляем, что в наших Евангелиях нет ничего от *Митры*! А это рождение Христа *в пещере*? А *пастухи*, пасущие ночью скот? А *дары*, принесенные новорожденному Христу волхвами? Да и сами эти евангельские «*волхвы*» (опять этот перевод! – в греческом тексте стоит *μαγοι* – персидские «маги»), и эта «*звезда с Востока*» -- это, ведь, «чистый зороастризм», т.е. тот же самый Древний Иран, что и *Митра*! Но при этом мы не должны терять из виду – среди всей этой «мифологии» -- того реального человека Христа, который говорит нам о реальном духовном мире и который учит нас *Пути* к подлинному Спасению. Мы должны научиться отделять евангельский вымысел от евангельской правды. «Визитной карточкой» *Митры* является миф о его поединке с Быком, «первым живым существом, созданным Юпитером-Оромаздом» (там же, стр.176), и барельефы, на которых *Митра* изображен убивающим этого Быка («*тавроктонный Митра*»). Но и в этом мифе тоже фигурирует «каменная пещера»:

Победитель (Митра), схватив его (Быка) за задние ноги, понес в пещеру, которая служила герою жилищем» (стр.176). Когда первых людей на земле мучила жажда от засухи, насланной на землю злым Ахриманом, «божественный лучник (Митра) пустил стрелы в отвесную скалу, и из нее забил источник живой воды (там же, стр.180).

То есть мы видим, что само существование *Митры* все время сопровождается присутствием «каменистой тематики». Все храмы Митры (*митрарии*) устраивались под землей или в гrotах, копируя тем самым скалистое жилище самого *Митры*.

Как мы уже могли видеть, Митра считался у древних магов богом света, а поскольку свет распространялся через воздух, предполагалось, что этот бог обитает в средней зоне, между небом и преисподней, благодаря чему его называли *месИтэс* (посредник)... Когда Митра был отождествлен с Шамашем (Вавилонский бог Солнца – Г.Б.), то соотнося с ним данное имя «посредника», несомненно, принимали во внимание и то, что согласно учениям халдеев, солнце занимало четвертую ступень, т.е. среднее положение, в хоре семи Планет... Митра являлся «посредником» между непознаваемым и недостижимым богом и родом человеческим, пребывающем тут, на земле (там же, стр.166, 167).

Читателю прекрасно известно определяющее положение Иисусовой проповеди о Спасении, в соответствии с которой подлинным «посредником» между Богом Отцом и человеком является Сам Христос, дающий человеку «*мистерию Бога*». То есть *Митра*, фактически, покушался на соперничество с Христом по самому главному вопросу Его Благовестия, а, следовательно, был одним из главных Его духовных противников. Здесь следует добавить также и то, что «*митраисты даже доводили свои принципы до крайности, и их идеал совершенства начал склоняться в пользу аскетизма. Они считали похвальным воздержание от некоторых видов пищи и абсолютное целомудрие*» (стр.183, 184)

Возможно, Иисус принимал во внимание и этот аспект митраизма: Учение Христа предназначалось не для «монахов», а при этом вокруг были кумраниты, ессеи и терапевты, большинство из которых вело монашеский образ жизни. И кто знает, может быть, Иисус и назвал Своего женатого апостола Петра греческим словом «камень» (*петрос*) как бы в противовес или оглядываясь на митраистов? Но и действительно: если Его семейный апостол Петр не «*пустит корень в землю*» (в этих словах – огромное богатство смыслов, особенно если подходить к ним с назарейской точки зрения!), т.е. не будет жить со своей женой, он «*не пошлет колоса, поднимающегося к Небу*», т.е. не войдет в Царство Небесное. И, с другой стороны, митраистская религия оказалась очень близкой к воззрениям апостола Павла: и по превозношению целомудрия; и по своей строгости; и по той причине, что она, в отличие от проповеди Христа, держала женщину «на удалении»; и по предвещаемому ей *Концу Света* «в огне» (в соответствии с общим традиционными представлениями иранской религии). И поэтому нет ничего необычного в том, что ранняя Церковь могла очень многое заимствовать из практики богослужения и из мифов митраизма. А соответственно, какая-то часть этого материала могла попасть в евангельский текст.

Пользуясь случаем, мы еще раз хотим обратить внимание нашего читателя на тот факт, что в евангельском тексте во всем своем многообразии присутствует «инородная» религиозная тематика. Возьмем, например, этих «ночных пастухов» из мифа о *Митре*, которые «принесли дары» новорожденному Богу. Проблему детства Христа отважился затронуть в своем Евангелии только один *Матфей* (*Лука* здесь «не в счет», и о нем – речь впереди). Ясно, что для самих евангелистов эта тема была «закрытой», и Иисус им об этом ничего не говорил. Евангелист Матфей – это самый умный и самый образованный из всех евангелистов, и по происхождению он – иудей, а не назарей. Для того чтобы решить проблему рождения Христа должным образом, он привлек не только этот митраистский миф о пастухах: он ввел в свой текст зороастрийских магов («дары» Матфей позаимствовал, все-таки, у этих пастухов), показав тем самым, что именно Иисус является тем самым иранским Спасителем мира – *СаошьЯнтом* («*грядущий спаситель*»), который, по преданию, должен родиться от Девы, которая искупается в озере и зачнет от чудесно сохранившегося в этом озере семени Заратуштры. Именно Матфей ввел в свой текст ссылку на Исаию из греческой *Септуагинты*, прекрасно зная о том, что в еврейском

тексте нет слова «дева», которое мы видим в *Септуагинте*, а есть -- «молодая женщина». Но, судя по всему, во время создания евангельских текстов эта проблема стояла очень остро, и «репутацию» Иисуса надо было как-то защищать. Так решил эту проблему мудрый Матфей, внимательно проанализировавший все речи Христа и пришедший к выводу, что проповедь Христа о Царстве – это продолжение проповеди Заратуштры о *добре и зле*. К этой интересной теме еще можно будет когда-нибудь вернуться и показать нашему читателю, что рассуждения Матфея были во многом верны. Эту тайну рождения Иисуса от Заратуштры Матфей скрыл в греческом тексте своего Евангелия, который мы сейчас имеем в качестве канонического. Этот текст изначально планировался и был создан, как грекоязычный, а в противном случае (если бы арамейский прототип действительно был исходным) эта «тайна» из текста сразу бы исчезла. Но наличие в тексте Матфея **«магов»** однозначно свидетельствует о том, что этот текст был написан на греческом в расчете на сохранение в таком тексте тайны рождения Христа.

Вообще следует отметить, что сюжеты, связанные с рождением в результате «зачатия от воды», в религиозной мифологии не единичны: У мандеев, например, пророк Света -- Иоанн Креститель -- своим рождением обязан тому, что его мать, Елизавета, выпила воды из Иордана. И вполне возможно, что именно это назарейское сказание явилось отправной точкой для Матфея с его сюжетом о чудесном рождении Христа.

Итак, третий «определитель» в этой притче – это, безусловно, определитель иудаизма: это **«колючки, тернии»** или, по евангельскому тексту, **«акантха»** («шип, колючка») у куста, имеющего название **«батос»** – «терн, терновник»). Для Самого Иисуса это -- главный «синоним» иудаизма, и берет он свое начало от того куста **«несгорающей купины»**, от того **«терновника»**, который встретил на своем пути Моисей, когда он пас стадо овец Иофора в пустыне (Исх.3:2, пер. И.Ш. Шифмана):

*И явился посланец Яхве ему в огненном пламени посреди терновника (евр. **сэне** – «колючка, терновник, терновый куст»; греч. **батос** – «терновник, колючее растение, колючка, шип»), и вот: терновник горит огнем, и терновник не пожран <им>.*

Читателя не должен смущать тот факт, что Иисус не использовал в Своей притче греческое слово **батос** из *Септуагинты*, а заменил его синонимом **акантха**: Если бы Он сказал **батос**, тогда смысл Его притчи мог бы оказаться слишком очевидным для окружающих. Но у читателя еще будет возможность убедиться в том, что наше предположение относительно этого **«терновника»** верно. Разъясняя апостолам смысл притчи, Иисус так характеризует этот «термин»:

Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода (Мк.4:18,19).

А вот что о подобных «густых зарослях» говорят пифагорейцы (Жизнь Пифагора, стр.61,62):

Ибо плотные и густые заросли окружают умы и сердца тех, кто, не пройдя очищения, посвящает себя занятиям наукам. Эти заросли закрывают собой в душах все кроткое, нежное, разумное и мешают умозрительной способности расти открыто и выступать на первый план. Коснувшись этого вопроса, назову и тех, кто насадил эти заросли: невоздержанность и корыстолюбие, они же обе имеют большое потомство.

И именно только про эти семена – посеянные в тернии -- Иисус в притче сказал, что *«червь съел их»*. «Червь» -- это «житель подземелья»... *«Червь их не умирает»* -- эти слова Иисуса, наверное, свидетельствуют также и о том, что Ад живет вечно.

МОЛИТВА ОСИРИСУ

Слава, тебе, о мой божественный Отец, Осирис!
Ты живешь, имея свои члены.
Ты не сгнил, ты не превратился в червей,
Ты не разрушился, ты не подвергся распаду,
Ты не разложился.
Я бог Хепри, и мои члены будут существовать вечно.
Я не сгнию. Я не разложусь. Я не подвергнусь распаду.
Я не превращусь в червей...
Я буду жить, я буду жить...

(У.Бадж «Жители долины Нила», стр.230).

Эти слова древнего автора о «червях» опять обратили наши мысли к Египту. И, наверное, именно по этой причине мы хотели бы в очередной раз отвлечься от рассматриваемого намилогия *Фомы* и обратить свой взор к религии Древнего Египта. Зачем? Для того чтобы еще раз показать нашему читателю, что иудаизм имеет с Египтом много общего. Иудаизм – это, в какой-то степени, «дитя» Египта, -- то «дитя», которое после поспешного Исхода из своего нелюбезного «отечества», дополнительно приобрело новые для него черты, заимствованные уже от тех народов -- Палестины, Ближнего Востока, Персии и Вавилонии, -- которые его окружали в новом доме. Молодой еврейский народ, вышедший на свободу, – это та «губка», которая активно «впитывала» в себя мудрость и достижения народов более древних. Почему нас постоянно волнует эта тема – тема подлинных «корней» иудаизма? Только по одной причине: наш читатель должен поверить в то, что земной Иисус не является «продуктом» иудаизма, как это сейчас повсеместно принято считать: подлинный евангельский Иисус сформирован *назиритой*, а она – вместе с иудаизмом – берет свое начало в Египте и, частично, в зороастризме.

То представление об иудаизме и о связи с ним Христа, которое сформировалось к настоящему времени в европейской цивилизации, вызвано исключительно поведением ранней христианской Церкви, которая, вопреки первому Канону Маркиона, включила в свой Канон иудейское Писание целиком. И именно по этой причине Церковь сохранила книги Иосифа Флавия и Филона Александрийского, а также – но уже со временем – стала активно изучать язык библейского иврита и все, связанное с историей еврейского народа. Но одновременно с такой линией поведения Церковь намеренно и планомерно уничтожала все встречающиеся ей религиозные тексты Египта, Греции и Зороастризма, -- т.е. те тексты, которые могли бы свидетельствовать о подлинных воззрениях Христа при сравнении этих текстов с каноническими Евангелиями. А о *назирите* речи вообще быть не могло: эта религия довольно скоро «ушла в болота» Междуречья, причем, мандеи делали все возможное для того, чтобы не вступать в контакты с внешним миром: все их Писания, да и сама секта, были для мира закрыты. А через какое-то время появился ислам, и он стал той «китайской стеной», которая наглухо оградила мир мандеев от посягательств христианского мира.

Способы борьбы христианской Церкви со всеми без исключения «еретиками» прекрасно иллюстрируются не только ранними примерами, например, борьбой с «язычниками-греками» (и их «языческим искусством»), митраизмом, или -- уничтожением всей без исключения «гностической ереси». К более поздним примерам следует отнести полное уничтожение европейскими «миссионерами» всей цивилизации индейской

Америки; причем, главным побудительным мотивом к таким действиям был самый банальный -- нажива в виде «золота инков». При этом уничтожение древних текстов индейцев было «поставлено на поток»: их, как и многие книги во времена Гитлера, просто сжигали грудками на площадях. Времена крестоносцев и инквизиции, уничтожающей «ведьм» легли очередным позором на биографию той Церкви, которая называет себя именем Христа. И внешне все это делалось -- как и в период ранней Церкви -- тоже «именем Христа». И при этом так же «именем Христа» обращали в «христианство» оставшееся местное население, как некогда поступали с евреями в Испании; или, если кто-то вдруг пытался возражать, использовали уже веками проверенный способ: физически уничтожали, как в свое время полностью уничтожили («огнем и мечом» -- женщин и детей!) катаров по всей Европе. Ислам был «цивилизованнее» христианской Церкви: мандеев пощадили «по Корану», как принадлежащих к «народам Писания» (вместе с иудеями и христианами). Им разрешили исповедовать свою веру и не стали насильно обращать в ислам. При этом особо напомним нашему русскому читателю -- чтобы никто вдруг не «запамятовал», -- как в XVII веке после церковных реформ патриарха Никона на Руси физически уничтожали старообрядцев (которые в своей вере были более правыми, если иметь в виду более ранние обычаи христианства), привлекая для этого специально созданные из регулярной армии карательные отряды государственных воинских подразделений.

И зороастризм, и эллинско-римская религия, и религия Древнего Египта, и даже ранний ислам -- ни одна из этих религий не была столь безжалостна и жестока к своим религиозным оппонентам, как христианство. Бесспорно, что в этом отношении христианские иерархи брали пример из исторических книг «своего» Ветхого Завета. И эту свою историю европеец обязан помнить: *«Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь»* (Мф.7:18,19). Церковь и эти слова Христа поняла в соответствии с уровнем своего безграничного вселенского высокомерия, и смело взяла в свои руки «топор», принадлежащий исключительно Богу. Вся нелепость создавшейся ситуации была связана, конечно, с тем, что нарождающаяся Церковь совершенно противозаконно «приватизировала» Христа и провозгласила себя Его «правоприемником», подлинным Его «оратором» и «исполнителем Его воли»; и с тех пор негласно считается, что это Сам Христос, уходя из этой жизни, «написал завещание», в котором даровал Себя Самому этой земной Церкви. Это -- ложь: Христос принадлежит только тому, кому Он явился в Своей *мистерии*. В том числе и апостолу Павлу. Но не тем Его «последователям», которые знают Христа «по Писаниям», и «по Преданию». Но не будем больше о печальном...

В книге Адольфа Эрмана «Жизнь в Древнем Египте» есть такие слова: египетский Бог «Птах своим земным воплощением явил быка Аписа» (стр.168). Описание этого «быка Аписа», который являлся «земным воплощением Птаха», судя по всему, и приведено в *Книге Исход* (Исх.32:1-5, 26-28 пер. И.Ш.Шифмана). Причем, эти слова о быке подтверждает заявление перводьякона Стефана из *Деяний апостолов*: приводя краткое описание истории еврейского народа, и, в частности, его странствий по пустыне, он заявляет: *«Отцы наши...обратились сердцами своими к Египту»* (Деян.7:39). Вот этот заявленный нами текст *Исхода*:

...И собрался народ к Аарону, и они сказали ему: «Встань, сделай нам богов, которые бы шли перед нами, ибо вот, Моисей, человек, который вывел нас из Страны Египетской, -- не знаем, что произошло с ним. И сказал им Аарон: «Выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите мне»... И взял он из их рук, и обработал это долотом, и сделал из этого литого Тельца, и они сказали: «Вот твои боги, Израиль, которые

вывели тебя из Страны Египетской!». И посмотрел Аарон, и построил жертвенник перед ним, и вскричал Аарон, и сказал: «Поклонение Яхве завтра!»... И встал Моисей в воротах стана и сказал: «Кто за Яхве, ко мне!». И собрались к нему все сыны Леви. И он сказал им: «Так говорит Яхве, Бог Израиля: положите каждый свой меч на свое бедро, пройдите и вернитесь от ворот до ворот, и убивайте каждого своего брата и каждого своего друга, и каждый – своего соседа». И сделали сыны Леви, как говорил Моисей, и пали из народа в тот день около трех тысяч человек.

Любой читатель Библии при прочтении этого текста невольно задает себе один и тот же вопрос: «А почему тогда Моисей, если он настолько справедлив и так любит Бога Яхве, не убил и своего брата Аарона, как главного организатора этого мятежа?» К слову скажем, что такое поведение Моисея во имя Бога Яхве (имеется в виду безжалостное убийство заблудших и испугавшихся соплеменников) несопоставимо с поведением евангельского Иисуса Христа, который исполнял волю Элохима. Но в таком случае также несправедливым оказывается и отношение Моисея к главному виновнику и исполнителю этого дела – своему старшему брату Аарону: почему и он тоже не понес заслуженного наказания? Только потому, что он брат Моисея? Да, только поэтому. И именно из такой «Библии» в нашем «демократическом» обществе берут начало те «двойные стандарты», которые действуют во всех сферах такого общества. Мир Яхве – это изначально и по происхождению -- мир «двойных стандартов». Ведь по тексту видно, что народ, испугавшись того, что Моисей долго отсутствует (а, следовательно, этот народ остается *без защиты Бога*), попросил Аарона «*сделать ему Богов*». И неужели Аарон, прекрасно владеющий искусством убеждения, не мог уговорить евреев подождать немного еще? В комментариях приводится объяснение, что Аарон испугался за свою жизнь, и поэтому выполнил просьбу народа. Молодому и неопытному апостолу Петру, когда он предавал *земного* Христа, еще можно было бы простить такую «боязнь за свою молодую жизнь», но 83-х летнему Аарону «бояться» за свою жизнь было бы нелестно, и тем более, предавать ради этого не только своего брата Моисея, но одновременно и Бога Яхве. И неужели здравый человек не в состоянии своим умом прийти к совершенно логичному в таком случае заключению: утверждение о том, что Бог Моисея и Бог Христа это один и тот же Бог – это полнейший абсурд; и заявляющий подобное лицемерит или проявляет тем самым паталогическое недоразвитие своих умственных способностей. Или, в противном случае, из евангельского текста необходимо изъять слова Христа «*возлюби ближнего твоего*», как Христу не принадлежащие. А если нет – тогда Иисус Христос Сам является *первым из тех лжецов*, которых Он так лицемерно осуждает. И в таком случае у нас нет с Ним ничего общего: тогда нам следует искать *другую Истину*, и в первую очередь – Истину зороастрийскую.

Но возвратимся своими сердцами и мыслями к ставшему уже почти нашим *мирному* Египту. Разбирая этот библейский эпизод о сотворении «золотого тельца» -- быка *Аписа*, который был «земным воплощением» египетского Бога *Птаха*, можно предположить, что инициаторами такого предложения, зафиксированного в тексте *Исхода*, как раз и были те, вышедшие вместе с Моисеем египетские жрецы, которые впоследствии выделились в назарейство. И в таком случае заявление мандейских текстов о том, что *назирута* старше иудаизма, вполне справедливо, т.к. *назирута* – это полномочная представительница религии Древнего Египта, причем, в гораздо большей степени в том неведомом для нас *духовном* аспекте, который все еще остается сокрытым «песками Египта», чем в явленных именах Богов.

Рассуждая о Древнем Египте, нельзя недооценивать роль *магии* в этой религии. Если в большинстве других религий человек мог иметь непосредственный контакт с Богом и тем самым как-то «корректировать» свою текущую жизнь в соответствии с указаниями этого Бога, то здесь вопрос обстоял иначе. И фараон (женщина) Хатшепсут, и

фараон Эхнатон, например, тоже могли получить «оракул» от Бога, но не это было главным в жизни Древнего Египта. В Египте, как правило, сам Бог Творец (или Боги) как бы отстранялся от непосредственного участия в судьбе созданного им человека, но при этом он изначально даровал человеку два *тайных знания*, которые помогали человеку правильно ориентироваться и жить в этом мире. Первое – это небесная «матрица жизни» Великих богов (миф об *Исиде* и *Осирисе*), с помощью которой человек мог выстраивать также и свою будущую жизнь в ожидающем его потустороннем бытии по принципу «подобия»; и второе -- это магия (*хека*), с помощью которой человек мог бы защитить себя и близких, -- но также и государство, и фараона -- от воздействия злых сил (и потусторонних, и человеческих). Это стремление египтянина к *знанию магических тайн*, а также сила этого необыкновенного «абсолютного оружия» очень хорошо видны на примере известного египетского мифа о том, как Богиня *Исида* узнала *«тайное имя»* главного Бога египетских богов – Бога *Ра*. Приведем выдержки из этого мифа по книге Адольфа Эрмана «Жизнь в Древнем Египте» (стр.176):

Старость бога Ра шевельнулась у него во рту
И заставила его плюнуть на землю...
Тогда Исида перемешала это своей рукой
С землей, которая там была,
Из этого она вылепила благородного червя
И сделала его похожим на копье...
И бросила его, свернувшегося (?) на тропу,
По которой великий бог имел обыкновение ходить...
Благородный бог шел вперед в своем блеске...
Тут благородный червь ужалил его...
Святой бог открыл свой рот,
И голос его величества достиг небес...
Его челюсти стучали,
Все члены его тела дрожали,
И яд растекался по его телу,
Как Нил затопляет свою землю.

Как мы уже упомянули, Богиня *Исида* не знала *тайного имени* Бога *Ра*. Этот Бог:

...со многими именами (точно так же, как и иудейский Бог *Яхве* – Г.Б.) хранил в тайне одно, *особенное свое имя* (точно так же, как и иудейский Бог *Яхве* – Г.Б.), на котором была основана его власть, имя, дававшее магическую силу (*хека* – Г.Б.) тому, кому оно было известно» (там же, стр.176).

Вот что пишет о *тайном имени* (по-египетски -- *ран* или *рен*) знаменитый отечественный египтолог Ю.Я.Перепелкин (цит. по книге А.Л.Вассоевич «Духовный мир народов классического Востока», стр.184):

Старому царству (один из периодов хронологии Древнего Египта – Г.Б.) *имя* представлялось особой душой или сущностью. Имя жило, ему могло быть плохо... Знание его давало власть над его носителем, поэтому выгодно было иметь сокровенное имя, неведомое даже родной матери.

Исходя из этого заявления маститого ученого совершенно нереально предполагать, что Бог *Яхве* открыл Моисею свое *тайное имя*. *Яхве* – это действительно имя того Бога, который открылся Моисею в неугасаемой купине, но истоки понимания этого имени

следует искать в Текстах Пирамид, которые были знакомы Моисею, как верховному жрецу Египта. Когда-нибудь мы вернемся к этому вопросу отдельно и объясним читателю тайну имени *Яхве*. Но именно из этих египетских представлений о значении имени *рен* берет свое начало запрет на произнесение самого имени *Яхве* в иудаизме. При чтении *Торы* благочестивый иудей заменяет *написанное* там имя *Яхве* (*кетив* – араб. «написано») на произносимое *Адонай* («Господь мой»; такая замена называется *керэ* – араб. «должно читать»).

Подобное представление о *магическом имени* иудейского Бога нашло свое отражение в иудейском трактате *Тольдот Иешу* («Родословие Иисуса», т.е. стандартное название для описания «биографии» того или иного человека). Текст очень ранний, найдены его арамейские фрагменты, относящиеся к V в. н.э. В этом трактате, где Иисус (бесспорно, в качестве прототипа такого Иисуса выступает «Иисус назарейский») представлен исключительно в негативном свете, об Иисусе сказано, что Он обманным путем завладел «*тайным именем*» иудейского Бога, пробравшись для этого в Храм. После чего Иисус приобрел способность творить великие чудеса. Как пишет автор книги «Иисус Христос в документах истории» (Изд. «Алетейя», СПб, 1998, стр.339) Б.Г.Деревенский:

Лейтмотив произведения – похищение Иешу из Святой святых Иерусалимского храма тайного имени Бога, пользуясь которым он стал творить чудеса.

Для любого египтолога понятно, что речь в данном случае идет о египетской магической силе *хека*, которую несет в себе имя этого Бога. Именно такой *хека* и обладал Моисей, а вместе с ним и его брат Аарон (что, в свою очередь, исключает возможность воспитания Аарона вне египетской жреческой среды, точно так же как и самого Моисея). И именно с помощью этой силы он мог творить чудеса перед выходом евреев из Египта, при переходе через Тростниковое озеро и уже во время странствия евреев по пустыне. Но и про Аарона тоже сказано очень интересно, когда приводятся его объяснения, почему он сотворил «*золотого тельца*» (*Шемот* 32:24, пер. Давида Йосифона): «*И бросил я его (золото – Г.Б.) в огонь, и вышел телец этот*». То есть «вышел» сам собой. Именно так трактует это место *Торы* «Толковая Библия» А.П.Лопухина (Т 1., стр.387): «*...они сами дали золото, которое он бросил в огонь, а телец образовался сам собой*». Но в природе чудес не бывает: если есть ребенок, -- значит, есть отец; если есть «золотой телец», -- значит, есть *хека*.

...Странными кажутся эти слова Христа: «*Червь их не умирает*». В иудейском Писании нет аналога силе этих слов о черве, сказанных с такой силой, именно таким образом. Слова псалмопевца Давида: «*Я червь, а не человек*» (*Пс.21:7*) отражают современное смысловое содержание этого слова – умаление самого себя перед Богом. Ближе к этим словам Христа – в их буквальном выражении – слова пророка Исаии (*Ис.66:24*): «*И будут выходить, и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут мерзостью для всякой плоти*». Но и здесь тоже – речь идет о «плоти», пожираемой червем, что и видят предполагаемые оставшиеся в живых наблюдатели, хотя истоки этих слов Исаии -- те же самые, что и у Христа. Прекрасно понятно, что слова Христа о «*черве*» носят исключительно духовный характер, точно также как и то, что они имеют резко отрицательную окраску. Что имел в виду Христос, когда произносил эти слова? Ясно без слов, что истоки такого «*червя*» могут лежать только в Египте. Богиня *Исида* сотворила этого «*червя*» из слюны Бога *Ра*, смешав ее с землей. И Бог *Яхве* тоже сотворил человека «*из праха земного*», вдунув «*в его нос*» свое дыхание (а еще правильнее – дыхание *Рухи*). Возможно, Иисус проводит параллель между этими «двумя творениями», показывая слушателям то, что у них обоих общая причина: получить *магическую власть* над всем миром, и в том числе -- миром людей? Власть *Исиды* – и власть *Яхве*?

ЧЕРВЬ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Во **Тьме безутешной** – блистающий праздник,
Огнями волшебный театр озарен;
Сидят серафимы, в покровах, и плачут,
И каждый печалью глубокой смущен.
Трепещут крылами и смотрят на сцену,
Надежда и ужас проходят как сон;
И звуки оркестра в тревоге вздыхают,
Заоблачной музыки слышится стон.

Имея **подобие Господа Бога**,
Снуют скоморохи туда и сюда;
Ничтожные куклы, приходят, уходят,
О чем-то бормочут, ворчат иногда.
Над ними нависли огромные тени,
Со сцены они не уйдут никуда,
И крыльями Кондора веют бесшумно,
С тех крыльев незримо слетает – **Беда!**..

Но вот комедиантов сброд
Замолк, оцепенев:
То **Тварь багровая ползет**,
Вмиг оборвав напев!
Ползет! Ползет! Последний мим
Попал в **разверстый зев**,
И плачет каждый серафим,
Клыки в крови узрев.

Свет гаснет – гаснет – погас!
И всё покрывается Тьмой,
И с громом завеса тотчас
Опустилась – покров гробовой...
И, вставая, смятенно изрек
Бледнеющих ангелов рой (*ангелов Ада – Г.Б.*),
Что Трагедия шла – «Человек»,
В ней же **Червь-победитель** – герой.

(Эдгар Аллан По, пер. К.Бальмонта, В.Рогова)

Я не знаю откуда, но «безумному Эдгару» каким-то неведомым и «диким» в своей безжалостной откровенности образом, каким-то непостижимым «сдвигом временных категорий», посчастливилось (но разве *так* об этом следует говорить?) еще в этой жизни узреть то, что встречает человек после своей смерти. И может быть именно отсюда – его такое особое – В ЭТОЙ НАШЕЙ ЖИЗНИ -- не по мужски нежное отношение к «ребенку» Вирджинии... Ведь «разверстый зев», «Тьма», «клыки в крови» -- это *мистерия Ада*, когда «глаза человека -- в глаза»... какого-то омерзительно могущественного и безжалостного **ЧЕРВЯ**, свернувшегося «спиралью» Остывшей Галактики, -- как какая-то

произросшая в сыром и темном подвале Чёрная Мохнатая Плесень, неожиданно встречающая путника в подземелье.

Нам осталось только рассмотреть «числовую загадку» этой притчи: что означает «60» и «120»? В канонических Евангелиях *Матфея* и *Марка* мы видим «30», «60» и «100», а у *Луки* – просто «100» (он и в этом случае тоже «не додумал»). Но скорее всего это уже более поздние «доработки» тех изначальных цифр, которые мы видим в *Евангелии от Фомы*. Эти числа характеризуют «степень приближения» человека к Царству или «степень полноты» Царства у того или иного человека, получившего «мистерию Бога». Мы, решая эту загадку, можем только строить какие-то предположения. Иисус прекрасно понимал, что в жизни может оказаться так, что человек вынужден будет идти к Царству без жены. Разве Иоанн евангелист этого Царства не достиг? А наш Серафим Саровский (хотя наш Серафим, если говорить точнее, как бы сотворил себе жену «из пробирки»)? Возможно, таким «одиночкам» Иисус дает «60 мер», а супружеской паре – «120», т.е. ровно в два раза больше, потому что по Его Учению душа мужа строго уравнивает душу жены «на весах Абатуры». Может быть именно так надо понимать эти «числовые меры» Христа для Своих избранных? Особо отметим тот факт, что сами числа – 60 и 120 – это «мера» шумерская: только у шумеров существовала шестидесятиричная система исчисления, которая позволяла им производить операции с числами на уровне современных исчислений. Кстати, и разбивка циферблата часов на 60 минут, и разбивка круга (в том числе Зодиака) на 360 градусов – это та же самая шумерская шестидесятиричная система измерения, впервые введенная этим народом.

Матфей и *Марк*, судя по всему, решили, включить сюда и женщину-одиночку, «подарив» ей «30» мер, а совместную «долю супругов» они уменьшили до скромной «сотни», посчитав, что «60» для женщины-супруги -- это много. Может быть так? Судя по всему, ко времени написания канонических Евангелий эти цифры уже варьировались, и не существовало точного предания, относящего какой-то конкретный вариант к традиции Самого Христа. Но в то время, когда составлялся текст *Фомы*, это знание еще утрачено не было. Но, скорее всего, подобные наши предположения неправомерны: как женщина не может быть «немного беременной», точно также и у человека не может быть «немного Царства». Оно – или есть, или Его нет.

Возможно, сами цифры – когда таких цифр присутствует три -- характеризуют определенные последовательные «степени посвящения» в «мистерии Царства Небесного». По аналогии с Элевсинскими, в которых мы видим: степень I. – *мюэсис*; степень II. – *телетэ* и степень III. – *эпоптэя*. В евангельском случае это может быть: I. – *телетэ* (или, точнее, *телос* «брака»); II. – *схисма* («открывшееся небо»); III. – *микрос* («малый») или *макар* («блаженный»). Все такие варианты выводятся из соотношения 30:60:100 и основаны на привязке конкретного слова к тому или иному числовому значению. Но и такое решение вопроса вряд-ли будет верным.

Ну а теперь мы откроем, наконец, нашему читателю наш «главный секрет» и сообщим ему истинную тайну этих чисел – именно тех, которые мы видим у *Фомы*, -- т.к. именно они отражают проповедь Христа о спасении в своем изначальном виде: «60» и «120». И ключ к этой тайне лежит, конечно, в мандейском Писании. По мере чтения нашего *Комментария* читатель более подробно познакомится с отношением мандеев к религиозному обряду, например, к обряду крещения. Если говорить одним словом, то мандеи (назарей) – это *крестители*. Священник, например, который проходит обряд «Большого крещения», должен креститься в реке **360 раз** за время от воскресения (в которое начинается этот обряд) и до следующего воскресения. Еще раз обратим внимание нашего читателя на тот факт, что и эта цифра -- **360** тоже является «шумерской». И опять-таки, как увидит наш читатель из разбора одного из высказываний Иисуса из *Фомы*, у мандеев все *Правое* относится к Отцу, к Свету, к *нишимте*, а все *Левое* – к Матери, к Тьме, к *рухе*. Когда мандей принимает священнический сан, он, «по Писаниям»,

переходит «от *Левого к Правому*», т.к. все миряне принадлежат к *Левому*. Также именно здесь следует искать правильное понимание евангельских слов Иисуса о тех, кого Он ставит «*одесную*» Себя, т.е. хороших, и тех, кто поставлен «*ошуюю*», т.е. плохих: эти слова – мандейского происхождения. А теперь процитируем отрывок из книги Е.С.Дровер «Сокрытый Адам» («Мандеи»), -- отрывок, который относится к описанию уже другого, не менее важного мандейского религиозного обряда:

В главе, посвященной Адаму Кассия, много говорится о *masiqta* (обряд «вознесения» души умершего в Царство Света – Г.Б.), мистерии из мистерий. Мы уже видели, что оно символизирует сотворение Тайного (Сокрытого) Адама (Первочеловека), Космического Адама. Это происходит по частям в первобытной бесконечности космического Чрева или Матери (стр.322).

“Ты видишь: Земля – это Мать, а Миры Света – Отец. И эта (первая) часть (обряд – Г.Б.) – эти шестьдесят «фатириа» (прим.170: «круглые лепешки из пресного теста», которые готовятся в процессе этого обряда – Г.Б.) – касается Матери. Но раздел «*d-abahatan*» (прим.181: «длинная поминальная молитва») касается Отца... И вот душа освободилась от своей темницы – земли – и возродилась в духовном теле. Очищенная «руха» объединяется со своей «сестрой» – Душой” (*нишимтой* – Г.Б.).

Мы намеренно привели расширенную цитату из этого текста – чтобы читатель немного проникся тем «мандейским миром», в котором прошло, судя по всему, детство Христа. То есть из этого древнейшего богослужения видно, что число «60» (тоже шумерское) принадлежит Матери, а значит – *рухе*, а следовательно, – и жене того мужа, который ищет Царство. Число «60» -- это и есть та «очищенная *руха*», которая характеризует состояние, в первую очередь, супруги искателя Царства в конце ее земного поприща. А цифра «120», т.е. 120 зерен в одном колосе – может быть только «земным багажом» самого мужа, -- это его *нишимта*. То есть и здесь Иисус верен себе: Он ведет речь о муже и жене, о соединении *рухи* и *нишимты* тех, кто устремлен к Царству. Из такого понимания слов Иисуса можно сделать очень важные выводы. Во-первых, Иисус не говорит вообще о «человеке», а строго разделяет весь наш людской род на «мужчин» и «женщин». И, во-вторых, -- вывод о том, насколько велики требования Христа к той избраннице, которая решилась встать на этот «узкий путь» вместе со своим мужем. Поэтому молодому человеку следует «сто двадцать» раз подумать и перепроверить себя и свою будущую жену, прежде чем остановить свой окончательный выбор на какой-то девушке.

§10(10).

Иисус сказал: Я бросил огонь в мир (космос), и вот Я охраняю его, пока он не разгорится.

В данном логии речь, конечно, идет не об эсхатологии, а исключительно о благодатных, *божественных* свойствах такого огня. Ведь существует же, например, такой общепризнанный факт, что есть огонь, который не сжигает, а только *светит*? Здесь под словом «**ОГОНЬ**» Иисус, скорее всего, подразумевает Свое Учение о спасении через обретение бессмертия. И такое сочетание понятий – «огонь-бессмертие» -- хорошо знакомо Его слушателям через известную уже нам Элевсинскую тему. Богиня *Деметра*, которая пришла в Элевсин в образе старухи, нанялась воспитательницей в дом царицы Метаниры, и стала ухаживать за ее «поздно рожденным» малюткой, сыном Демофонтom.

О том, как *Деметра* его «воспитывала», в «Гимне к Деметре» сказано так (пер. В.В.Вересаева):

Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
Словно как факел, она погружала, и было им дивно, --
Так он стремительно рос, Так богам становился подобен.
И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти... (239-242).

Но эти «тайнства» *Деметры* -- по извечному и естественному женскому любопытству -- подглядела царица Метанира и «вскричала в горе великом»:

Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит!

На это действие Метаниры – *Деметра*

Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет,
В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно,

Далее *Деметра* говорит Метанире следующее:

Жалкие, глупые люди!..
Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
Клятвой богов я клянуся, водой беспощадного Стикса, --
Сделать могла бы навек нестареющим я и бессмертным
Милого сына тебе.

То есть, здесь налицо связь между *окунанием в огонь* (конечно, *особый*, а иначе можно превратиться в «головешку») и – *обретением бессмертия*. Но и Иоанн Креститель тоже говорит про Иисуса Христа: *«Он будет крестить (бапти́дзо – «погружать, окунать») вас в Духе Святом и Огне»* (Мф.3:11). В одном из египетских гимнов Богу *Ра* читаем:

Я тот, кто создал живой огонь...
Я Хафра утром, и Ра в полдень,
И Атум в вечернюю пору...

А вот -- один из наиболее древних и наиболее красивых мандейских гимнов, который исполняется при обряде *крещения* («Мандеи», стр.301, 303):

Во имя *Жизни!*
Что сделал твой *Отец* для тебя, Душа,
В великий день, в который ты поднялась?
«Он свел меня вниз к Иордану, окунул меня (т.е. «крестил» -- Г.Б.),
И поднял, и поставил на берег.
Он преломил и подал мне хлеб (= пихта),
Благословил чашу и дал мне ее испить.
Он произнес надо мной имя Могучей (Жизни).
Он пошел в гору впереди меня.
Он громко кричал, чтобы я Его слышала,
Чтобы я услышала, Он громко прокричал:
«Если у тебя есть силы, Душа, иди!»...

«Он пошел в Огонь впереди меня
И громко кричал, чтобы я Его слышала,
Чтобы я услышала, Он громко прокричал:
«Если у тебя есть силы, Душа, иди!»
«Если я войду в Огонь, я сгорю,
Я обгорю и погибну на белом свете!»
К небесам обратила я свои взоры,
И Душа моя созерцала Обитель Жизни.
Я вошла в Огонь и не сгорела,
Я пошла и обрела Жизнь моего Я».

Мудрому читателю уже понятно, что после чтения такого Гимна можно заканчивать все разговоры об этом «огне» из речи Иисуса. И, тем не менее, мы могли бы вспомнить и о том, как представляли себе «огонь» древние иранцы (И.В.Рак «Мифы древнего и раннесредневекового Ирана», СПб., Москва: «Журнал “Нева”», «Летний Сад», 1998, стр.452,454,22):

Атар. Авест. «огонь»; ...В «гатиическом» зороастризме Атар мыслится как одна из священных стихий и одновременно нематериальная субстанция, разлитая по всему Космосу и связанная с понятием «Аша»... Аша или Арта Авест. «Истина»... Вселенский закон, регулирующий природные процессы, общественные отношения, мораль и этику (в личном и социальном плане)... Истина-Аша в зороастризме – персонификация праведности, справедливости и благочестивой приверженности «ахуровскому учению». Ей (и морально этически, и космологически) противостоит Друг (среднеперс. Друдж) – Ложь, первопричина всех людских грехов и пороков, источник Зла.

Читатель, наверное, еще помнит, что ответил Иисус на вопрос апостолов о посте: **«Не лгите»**. В рассматриваемом нами логии Иисус говорит о том «огне», который Он «бросил» в наш мир. Базой Учения Христа, которая имеет отношение к нашему земному поведению, является Его моральный Закон, зафиксированный в евангельских заповедях. И если посмотреть на эти заповеди «с высоты птичьего полета», то самое первое и главное в них – это различение Добра и Зла, т.е. говоря зороастрийским языком, -- это различение Аши и Друга. А небесным представителем Аши-Истины как раз и является Огонь-Атар. И не кажется ли читателю удивительным то, что мы и здесь тоже, как и раньше в случае с мандейской Куштой, опять пришли к понятию «Истина»? Вот эту Алетейю, Кушту, Ашу и «бросил» Иисус в наш мир: Истину Царства Небесного вместо прежней «истины» Рая.

«Огонь, наиболее легкий из четырех элементов и всегда стремящийся вверх, к богам, считался главным признаком божественной природы» (Ямвлих, Жизнь Пифагора, прим. В.Б.Черниговского, стр.207). В представлении древних о составе Космоса огню всегда отводилось одно из самых почетных и высоких мест, причем, в этом случае «огню невидимому». Огонь и Свет – это почти синонимы, если речь вести об огне «невещественном».

Это высказывание Христа намеренно сформулировано таким образом, чтобы его можно было трактовать широко, в том числе и в смысле «огня сжигающего». Учение Христа о Царстве Небесном противостоит всем без исключения религиям мира, и бесспорно то, что оно по своей «высшей духовности» превосходит всякий Рай. А это означает, что на земле между этим Учением и миром всех остальных «богов» будет всегда существовать вражда: Ад никогда не согласится добровольно отдать человеческую

душу в Царство Небесное, т.к. любая «кровь», в том числе и человеческая, -- это его насущное «пропитание». И важнейшее действие такого по-своему «мудрого» Ада (а этой «мудрости века сего» никогда не отрицал и Сам Христос) – это нейтрализация Учения Христа посредством «доказательства» того, что Иисус проповедовал на арамейском языке.

Интерес в этом высказывании вызывает также его вторая часть: «*Я охраняю* (этот «огонь Учения» – Г.Б.) *пока он не разгорится*». Во время земной жизни Христа Его Учение распространения не получило. Христос это знал, когда уходил из земной жизни. Евангелисты описывают Его Воскресшее, но не Вознесенное состояние. И, наверное, именно в этом Своем состоянии Он «охранял» дальнейшую судьбу того дела, которое получил от *Отца*. «Охранял» до тех пор, пока не нашел Павла. Апостол Павел разнес этот «Огонь» по всему эллинистическому миру. Фактически, Павел разнес это Учение по миру, не имея ни малейшего представления о его подлинной сути, которая стала востребована уже позднее (после Павла) в виде евангельского текста. Почему Иисус не доверил такую работу кому-то из выбранных Им апостолов? – Наверное, по той причине, что никто из них не был способен на такую титаническую работу: все они всегда были «за спиной» у Христа, -- только в роли Его «учеников»; и предали Его («по иудейскому Писанию») в самый тяжелый для Него час земной жизни совсем не случайно. В евангельском тексте не показан ни один апостольский характер, на который мог бы опереться земной Иисус в трудную для Него минуту. Павел был «на голову выше» их всех по самостоятельности в принятии решений и, при необходимости, в отказе от тех или иных положений иудейского Закона ради возлюбленного им Христа. Может быть по той причине, что апостолы знали Христа, как *земного* человека, -- но так, как любил Христа Павел, ни один из апостолов никогда не любил: на это была нужна «Павлова» сила характера. И складывается такое впечатление, что Своих апостолов Иисус «держал» совершенно для другой цели: они должны были стать тем «живым материалом», «живым мостом», на примере которого любой ищущий Царство, мог бы «набить» на свою голову «апостольские шишки», читая евангельский текст. Вот мы все, искатели Истины, по очереди их и «набиваем»: и при каждом таком «ой!» -- кланяемся в сторону учеников Христа.

Завершая рассмотрение этого логия, отметим: несмотря на многозначность понятия «огонь», главное значение этого «огня» остается положительным. И это подтверждает логий **86/82**: «*Тот, кто вблизи Меня, вблизи огня* («божественной Истины» – Г.Б.), *и кто вдали от Меня – вдали от Царствия*». Так что Иисусов «Огонь» -- это почти что Царство. В заключение скажем, что мандейские тексты очень часто описывают «лже-Мессию», как пребывающего «в огне» или являющегося «из огня».

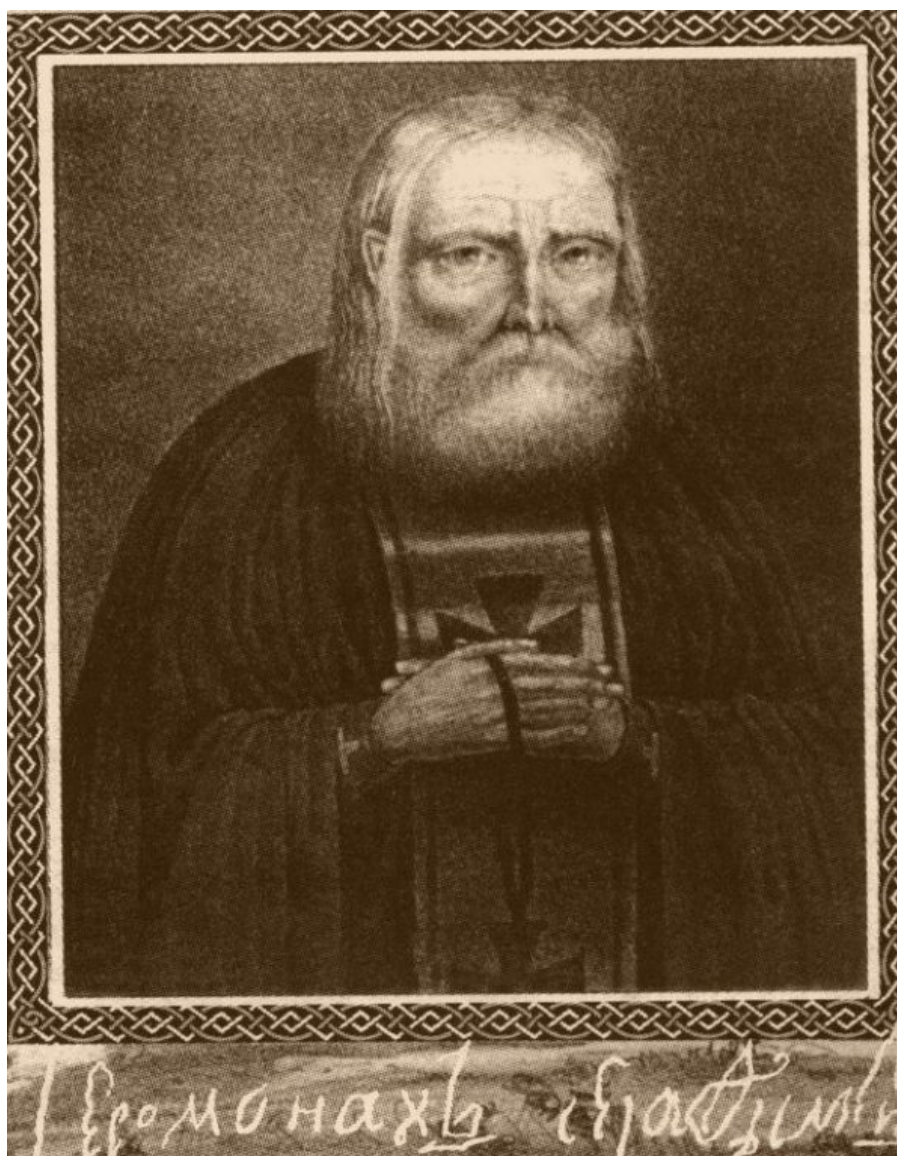
* * *

Небольшое отвлечение

На этом мы сделаем краткую остановку в обсуждении логий *Евангелия от Фомы* и предложим читателю следующий план нашего дальнейшего исследования этого текста. Те *десять логий*, которые мы уже разобрали, причем, намеренно достаточно подробно и с многочисленными отвлечениями в сторону окружающих мир Христа религиозных воззрений, дают читателю полное представление о характере этого интереснейшего документа первоначального христианства. Но мы не намерены ограничивать простор самостоятельной мысли читателя, а хотели бы дать только основные принципы подхода к пониманию этого текста. И, тем не менее, в оставшихся логиях присутствуют такие интересные, а точнее, базовые для Учения Христа положения, рассмотреть которые мы хотели бы вместе с нашим читателем. Потому что далеко не каждый читатель в состоянии сразу во всем этом разобраться.

По такой схеме – т.е. пропуская без упоминания часть логий (наиболее простых и понятных) и останавливаясь на наиболее важных и интересных – мы и будем исследовать этот текст дальше. И хотим надеяться, что к завершению нашего рассмотрения *Фомы* у читателя сложится вполне законченное и четкое представление о том Учении Христа, которое является гораздо более сложным, чем мы это представляли себе раньше. Потому что оно вобрало в себя древнюю духовную мудрость многих народов мира: египтян, назареев, эллинов, иранцев и иудеев.

Иудаизм играет в этом Учении Христа далеко не самую главную роль. Возможно потому, что эта религия была самой молодой из всех вышеназванных, и сама училась у этих народов «уму разуму». У иудеев Иисус взял начало *Книги Бытие*, и откровения некоторых пророков, -- чаще всего Исаии и псалмопевца Давида. Причем, взял не как «первоисточник», а как вполне пригодную для целей проповеди среди иудеев «копию» тех знаний, которые были прекрасно известны Христу ранее из других, более древних религиозных текстов. И нет сомнения в том, что если бы в *Книге Бытие* отсутствовала ее первая -- самая важная для Христа *Глава*, тогда бы христианство никогда бы не было «иудейским», а оставалось бы всегда «назарейским». И, возможно, на месте своего Ветхого Завета христианство имело бы сегодня... мандейскую *Гинзу*.

Глава II

Хибиль-Зива сказал Абатуру:
«Супружеская верность для тебя
важнее, чем все Миры Света».

Диван Абатур

Моцарты и Сальери у Господа Бога

В 2003 году в России была издана книга Э.Р.Доддса «Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина». Доддс является общепризнанным авторитетом в научной среде в вопросах исследования психических явлений и «специфики религиозных переживаний». В аннотации к русскоязычному изданию сказано:

Книга знаменитого английского филолога, историка и религиоведа Э.Р.Доддса (1893-1979)... посвящена... времени формирования христианской религии... Доддс ставит перед собой задачу восстановить имманентные, ментально-психологические стороны процесса перехода от антично-языческого мировосприятия к средневеково-христианскому, вскрыть потаенные глубины сознания и подсознания Человека Средиземноморья первых веков нашей эры... ту психологическую основу, на которой и произошло новое религиозное учение.

Приведем также отдельные высказывания на эту тему уже самого Доддса: как говорится, «из первых рук»:

Как агностик, я не могу разделять взгляды тех, кто рассматривает триумф христианства как божественное событие, к которому двигалось все творение. Но равным образом я не могу рассматривать его как осквернение солнечного эллинизма тем, что Прокл называл «варварской теософией»... Я стою вне битвы, хотя и не над ней (стр.22). Я попытаюсь внести вклад в понимание того, что происходило, и даже в некоторых случаях, почему это произошло. Это лекции о религиозном опыте в джеймсовском смысле (стр.18).

И далее приведем некоторые определения, которые Доддс дает тому или иному проявлению «религиозного опыта» (подчеркивания, как и ранее, наши):

Теперь я должен обратиться к рассмотрению различных типов «демонической личности» — мужчины или женщины, которым, или через которых, сверхъестественное говорит днем. В нашем обществе такие личности действуют весьма часто, хотя и не всегда как «медиумы» (стр.95).

Отвлекаясь от текста, поясним читателю, что к подобным «демоническим» личностям в этом случае следует отнести и нашего Серафима Саровского. Все то «чудесное» или «необычное», что он говорил своим просителям или просто посетителям, сам Серафим воспринимал как услышанное им (конечно же «днем») от Бога: «Когда

говорю от себя, бывает ошибаюсь» («Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря») -- так он объяснял свой дар одному из священников другой обители. Итак, продолжаем читать лекции Доддса:

В античности они назывались разными именами. Если вы верили их прорицаниям, вы называли их *профэтай* – «говорящие от лица сверхъестественного». Или *энтеой* – «одержимые Богом»; если не верили – они были для вас одержимые демоном (*даймононтес*), что относит их к классу эпилептиков или параноиков. Также вы могли использовать психологически нейтральный термин *экстатикой*, который мог быть применен к любому, у кого нормальное состояние рассудка было временно или постоянно расстроено... Новый Завет и ранние Отцы употребляли термины *профэтай* и никогда *пневматикой* («одержимые духом»)... Все эти слова являются или могут являться описаниями для одного психологического типа – человека, который подвержен раздвоению личности. Древние, как и мы, признавали две степени раздвоения: при первой нормальное сознание человека сохраняется наряду с навязанной личностью, вторая же – более глубокий транс, в котором нормальное Я полностью подавлено (стр.95, 96).

Мы должны взять на себя смелость и немного «поправить» уважаемого профессора Э.Р.Доддса: для подлинного «древнего» человека слова о «раздвоении личности» в данном случае звучали бы как кощунство. Древний человек никогда не приравнивал себя самого тому Богу, который выбрал именно его, смертного, для проявления своей высочайшей воли. И если делать выводы из этой лекции для нашего сегодняшнего времени, то -- по причине фактического неверия и незнания современным христианином духовного мира – любого *пневматика* следует отнести «к классу эпилептиков или параноиков». Ибо, как говорит Христос в приложении уже к нашему современному христианскому обществу: «Каково дерево – таков и плод; по плоду узнаете их». Если бы все эти «христиане» действительно *знали* или хотя бы просто *верили* – тогда бы «демократическое общество» было бы совершенно иным. Современные же «христиане» не только не верят Христу, но даже не исполняют заповеди *Яхве*. А если чего-то и страшатся и чего-то придерживаются, то только запретов Уголовного Кодекса и «гнева царей».

Итак, представим себе, что какая-то милая девушка выросла в «пуританской» семье (наверное, такое возможно сегодня только в самой отдаленной таежной глуши России), и ее никто своевременно не просветил относительно того факта, что в каком-то возрасте у девочек начинаются месячные. Проснувшись рано поутру, она вдруг с ужасом обнаружила, что «смертельно заболела». Такое же точно состояние растерянности ощутил прославленный русский подвижник Старец Силуан, после того как над ним неожиданно «раскрылось Небо». Он обращался за разъяснением ко многим опытным монахам Афона, но никто не мог ему сказать ничего конкретного. В конечном счете, Силуан пришел к выводу, что это была «прелесть», т.е. дьявольское наваждение. И если проводить параллель с нашей юной героиней, то обследовавший ее врач-профессор должен был бы решительно заявить, что у нее действительно «смертельная болезнь». Но подлинный врач человеческого тела скажет, что она – в обычном человеческом порядке – достигла возраста «телесной зрелости», когда возможно деторождение. А подлинный «врач Духа» сказал бы нашему Силуану, что он, напротив, достиг состояния «духовной зрелости», результатом чего и стало получение им «мистерии Царства Небесного» в виде «открывшегося Неба». И в одном и в другом случае открывается путь: или для чадородия, или для ухода души в Царство *Отца*. Но пока и первое, и второе – только как возможная перспектива.

Можно ли то «религиозное явление», которое пережил Старец Силуан, отнести к разряду тех, которые Доддс классифицирует как *экстатикой* («экстаз»? Конечно. Но в таком случае, к какому из двух описанных вариантов «раздвоения личности»? К первому, когда сознание человека существует «наряду с навязанной личностью» (например, Серафим Саровский, у которого такой «навязанной личностью» был «Бог/бог»)? Или ко второму, именуемому «глубинным трансом»? Конечно, к первому. Когда над человеком «раскрывается Небо», он всегда остается в состоянии полного контроля над своим сознанием. Он просто старается сделать все от себя зависящее, чтобы не спугнуть это «волшебное мгновение» и продлить этот «миг очарования». Но и евангельский пример «раскрывшегося Неба» над Иисусом, или пример с перводьяконом Стефаном из Деяний апостолов свидетельствует о том же самом: никакого «раздвоения личности» не происходило, ни с Иисусом, ни со Стефаном. И вряд ли найдутся такие здравые «верующие» (т.е. пребывающие пока что «в своем уме»), которые бы отнесли Иисуса или Стефана в этом состоянии «к классу эпилептиков или параноиков» (цитируем Доддса). В противном случае и девочку, с ужасом наблюдающую за своей «болезнью», также следует причислить к разряду параноиков.

Но судя по всему, дело заключается совсем в ином. В данном случае уважаемый Э.Р.Доддс является прекрасным примером того, как «наука» вторгается в сферу духовного, не понимая при этом, что она в таких вопросах изначально слепа. Она пытается сотворить такое же «чудо», как женщина, которая, не имея месячных, надеется забеременеть. Уважаемому Доддсу сначала следовало бы «родиться свыше», т.е. хотя бы получить самую первую «мистерию Царства Небесного», прежде чем начинать разговор о «психологии христианства». Но он об этом «даже не слы-ы-шал», как не слышали о Духе Святом те самаряне, которых крестил когда-то Филипп.

Христианство – это проповедь Христа о Царстве Небесном, а не те явления шизофрении, которые современная наука пытается «свалить в одну кучу» с откровениями подлинного религиозного опыта. И самое страшное здесь то, что подобный повсеместный научный апломб имеет в качестве своего основания действительно прекрасное знание всеми такими «Доддсами» и древних языков, и исторической перспективы, и еще многого другого, что «по шкале Духа Святого» приравнивается к нулю. Но ни один из таких «Доддсов» даже и не подозревает о существовании этой «шкалы»; и любого, кто о ней заикнется, он готов «уместить» в разряд эпилептиков. Однако лицемерие нашего демократического общества таково, что оно не позволяет таким «Доддсам» начать общий всемирный список подобных эпилептиков с имени Иисуса Христа (а о нашем Серафиме эти «Доддсы» и «слухом не слыхивали»). Все-таки у этих «дебилов Духа» (да простит мне Бог эти слова, учитывая то, что это вовсе не ругательство, а печальная констатация факта «смертельной болезни» души) имя Христа вызывает уважение за свои... тысячелетия. Хотя и пирамида Хеопса у них тоже... вызывает уважение, и тоже – «за тысячелетия».

При этом, говоря о «третьестепенных вещах», мы все-таки отметим, что наш конкретный Доддс, бесспорно, обладает прекрасным знанием того материала о мистическом опыте, который можно почерпнуть «со стороны» из многочисленных литературных источников, а также неплохо этот материал систематизирует. Причем, знает этот материал по первоисточникам. Но своего собственного духовного опыта не имеет «ни на грош».

Есть такое известное предание о Моцарте и Сальери. И оно – универсальное. На эту тему и наш Александр Сергеевич Пушкин стихи слагал (Господа, господа! именно **наш, русский**, а не тот африканский, памятник которому установлен в Эфиопии!). И в религии тоже -- есть свои «Моцарты» и есть свои «Сальери». Доддс – это «Сальери». Но разве исторического Сальери можно отнести к категории обычных недалеких завистников? Совсем нет. Сальери – это талантливый и трудолюбивый композитор. Но Бог не дал ему «крыльев Моцарта». «Доддсы» не в состоянии поднять свою голову к небу

и увидеть там Бога, потому что для этого необходима не невероятная по своим размерам... (пусты похвальная) «усидчивость» Доддса, -- а то *сердце* Плотина, которого у них нет. И этим «Доддсам» не понять, зачем надо было первым христианам так «истязать свою плоть», предаваясь безудержному аскетизму. Они ищут во всех подобных случаях проявление «Фрейдовского психоанализа». Но и Фрейд, точно также как и эти «Доддсы», всю свою жизнь «проползал по земле на брюхе». Но именно такие, как Сальери, не могут и не хотят смириться с этим убийственным для них фактом: они – не Моцарты, и не Плотины, и не Пушкины. И учатся, учатся наукам... И сидят, и сидят (ох, братцы, *как* сидят!) на стуле... И сочиняют, сочиняют умные книги... И выдумывают, и выдумывают «стихи»... очерняя Моцартов своими черными чернилами. И уже которое «тысячелетие» с улыбкой опускают свой «змеиный» яд в бокалы «золотого как небо, *аи*» доверчивых Моцартов. Оправдывая все свои действия тем, что они, «Доддсы»,... «*аИгностики*».

* * *

§11(11).

Иисус сказал: Это (земное) **небо уйдет** (для человека), **и то** (небо), **которое над ним** (т.е. **Рай**) **уйдет** (тоже); **и те, которые мертвы** (т.е. живущие сейчас на земле) **не живы, и те, которые живы** (т.е. получившие «мистерии Царства») **не умрут.**

§12(11).

В (те) дни (т.е. в то время, когда земной Учитель был рядом с учениками, а обобщенно – все земное время человека) **вы ели мертвое** (ту пищу, которая питает «тело»), **вы делали его живым** (т.к. именно это «мертвое» обеспечивает возможность существования тела, а значит и разумной души в этом теле. И только благодаря этому земному времени, отпущенному человеку, и только благодаря своему потенциально «мертвому» телу -- человеческая душа имеет возможность пройти путь духовного развития и через свое «второе рождение» обрести «жизнь». Причем, для получения «второго рождения» необходимо создать на земле предпосылки «Единого Адама» из двух отдельных «половинок» -- мужа и жены. Но при этом основополагающую роль в данном процессе играют нормальные сексуальные отношения между супругами, которые «склеивают воедино» мужское и женское, и которые как раз и являются своего рода «трамплином» от земного – к небесному. Поэтому данные слова Иисуса можно отнести и к нашим земным телам: ведь именно они, а не наши «благие» мысли, позволяют совершить скачек от «мертвого» – к «живому»). **Когда вы окажетесь в Свете** (т.е. предстанете после смерти своего тела перед ликом *Элохима* или, по-мандейски, -- «Отцом Света») **что вы будете делать?** (если вы так и не смогли сделать «мертвое» «живым»). Речь идет о том, что люди в обычном порядке женятся и – пусть неосознанно – делают эти попытки – создать «единое тело», т.к. супруги живут сексуальной жизнью). **В этот день** (перед словом «день» стоит определенный артикль, т.е. речь идет об особом дне – Шестом дне *Книги Бытие*, а точнее – о том реальном событии в праистории человека, когда Творец -- назовем Его *Элохим* -- создал Человека – назовем его Единый Адам -- «по Своему подобию», т.е. содержащего в себе неразвоенное «мужское и женское») **вы были единым, вы стали двое** (перед словом «двое» -- определенный артикль единственного числа, т.к. райские Адам и Ева были единственными жителями на земле. Затем в человеческом мире стало «много мужей» и «много жен»: речь идет о сексуальной связи, которую Иисус называет словом «прелюбодеяние»). **Когда же вы придете в бытие двое** (перед словом «двое» -- определенный артикль уже множественного числа, т.к. в пакибытие «штамп в паспорте» или «брачный контракт» уже ничего не значат, и это тем более не означает «единство семьи»), **что вы будете делать?** (т.е. «что вы будете делать в Свете, если вы своей земной жизнью, включая связь с другими «женами» и «мужьями» разрушили мистическое тело Единого Адама и сейчас представляете собой «конструкцию» Ада, а не Света? Вас оттуда низвергнут вон, -- в тот Ад, в котором будет решаться ваша дальнейшая судьба, но уже как каждого человека в отдельности -- мужчины и женщины).

§13(12).

Ученики сказали Иисусу: Мы знаем, что ты уйдешь от нас. Кто тот, кто будет большим над нами? Иисус сказал им: В том месте, куда вы пришли, вы пойдете к Иакову справедливому (праведному), из-за которого возникли небо и земля.

Как правило, этот логий понимается абсолютно неверно, т.е. Иаков возводится читателем на ту высоту, которая не соответствует этим словам Самого Иисуса. Во-первых, из такого перевода не совсем понятно, что означают слова Иисуса «в том месте, куда вы пришли». Буквально по тексту: «это место, вы пришли сюда», т.е. речь идет о том, что ученики в очередной раз воплотились на этой земле и сейчас они пребывают в конкретной земной ситуации. Иисус этими словами просто фиксирует *статус кво* Своих учеников -- и ничего больше. «Иаков справедливый» (греч. *δικαιος*) – это тот, который способен справедливо различать добро и зло. То есть здесь речь идет все еще о земном. В логии, который следует за этим, Петр сравнивает Иисуса с «ангелом справедливым» (*δικαιος*), т.е. фактически приравнивает Его к этому Иакову, что – как видно из контекста – соответствует самой низшей степени сравнения из всех, заявленных учениками. Но это ясно и из содержания канонических Евангелий, где главными начальными «нотациями» Христа являются беседы о необходимости приобрести умение различать «добро» и «зло». И в этом отношении зороастризм (который именно по этой причине не попал в текст притчи о Сеятеле в качестве «врага» Сеятеля) является необходимой исходной предпосылкой для морали любого последователя Христа. Просто ученик Христа, в отличие от приверженца зороастризма, не останавливается на «войне» между добром и злом, посвящая этому всю свою жизнь. Но евангельские речи Христа о «добре» и «зле» говорят сами за себя: ученик обязан безошибочно различать действие этих сил в окружающей жизни, и поэтому он должен сначала «стать зороастрийцем».

И вот этот Иаков как раз и представляет собой идеальный вариант человека со способностью такого различения. А у самих учеников Христа такой способности пока еще нет, т.е. они пока еще не доросли даже до этого уровня, и им необходим «судья» в виде Иакова. Но это очевидно и из поведения учеников, описанного в евангельском тексте (например, предложение Иоанна «свести огонь» на самарянский город; желание учеников получить для себя «лучшие места» в «правительстве Христа» в Иерусалиме; споры о том, кто больше, безмятежный сон учеников накануне взятия Христа под стражу и т.д.). И при этом мы должны четко уяснить, что по представлениям самого Христа иудаизм не является такой же «идеальной» религией для воспитания в человеке способности этого различения, какой является зороастризм. А иначе Иисус никогда бы не тратил Свои силы на то, чтобы обучить Своих слушателей тому, что, в действительности, является «злом», а что – «добром». Но учит – потому что знает, что такого правильного представления о «добре» и «зле» в иудаизме нет.

В том, что «небо и земля» возникли не ради какого-нибудь бандита, которому уготовано не повторное рождение на земле, а окончательное «рассеяние» на элементарные частицы низшей материи, а возникли они только ради «справедливого человека», -- то есть такого, который способен впоследствии совершить восхождение к истинному Богу, -- этого, наверное, доказывать никому не надо. «В начале (*an archэс*) сотворил Элохим небо и землю». Для кого? Конечно, для тех, справедливых, -- которые просто обязаны к Нему вернуться снова. И именно из-за них, из-за вернувшихся к Отцу «справедливых», после этого будут «свернуты небо и земля» -- в конце очередного космического цикла. А что с остальными? Об этом сказал Иисус: «Отойдите от Меня, никогда не знал вас, делающие беззаконие» (Мф.7:23). Для Отца-Элохима важнее одна «найденная овца», чем девяносто девять «потерянных». И при этом вряд ли следует лелеять надежду на бесконечное

«милосердие Бога»: что человек заслужил, то он и получит, и никакая церковь ему в этом не поможет. А умирать-то все-равно придется. ...Была дана целая жизнь, -- и на что мы ее потратили? Но вини во всем -- только себя самого. И как ты можешь обижаться на то, что брошенный тобой вверх камень, падая, разбил тебе голову? Поэтому Иисус и говорит о справедливости. Не придуманной кем-то, а именно той, что записана в «умных книгах». Не понимаешь? Тогда спроси у умного человека, если действительно хочешь **жить**.

§14(13).

Иисус сказал ученикам своим: Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож. Симон Петр сказал ему: Ты похож на ангела справедливого. Матфей сказал ему: Ты похож на философа мудрого. Фома сказал ему: Господи (коптское *сах* – «учитель, наставник»), мои уста никак не примут сказать (*шоп* – «принимать, хватать, брать, терпеть, переносить», т.е. смысл такой, что: «не могут выговорить» из-за дерзости предполагаемого сравнения), на кого ты похож. Иисус сказал: Я не твой господин (*сах* – «учитель», «наставник»), ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего (также «бурлящего» в смысле «бьющего ключом»), который я измерил. И он взял его, отвел его (и) сказал три слова. Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: Что сказал тебе Иисус? Фома сказал им: Если я скажу вам одно из слов, которые он сказал мне, вы возьмете камни, бросите (их) в меня, огонь выйдет из камней (и) сожжет вас.

Начнем с самого начала логия. Петр – простая душа, и он ищет «справедливости». *Евангелие от Марка*, которое, фактически, принадлежит Петру, -- самое простое по внешней форме из всех канонических Евангелий, и самое «справедливое», т.к. точно фиксирует как слова самого Христа, так и все нелицеприятные промахи апостолов. Матфей – наиболее умный и сложный по характеру – он «философ», и этому критерию в полной мере отвечает его Евангелие. Фома – ищет неземного, и его Евангелие в большей степени об этом неземном, чем все канонические. Фома не может сказать богохульства по иудейскому Закону, и поэтому не говорит, что Иисус «похож на Бога». Иисус видит это и отвечает ему, используя назарейскую терминологию: «Ты напился из источника пузырящегося (т.е. «бьющего ключом»)). «Источник кипящий (или бурлящий)» -- это самая высокая степень «Живой воды». Назареи от самого начала своего существования почитали «текущую воду», т.е. воду не стоячую, а текущую «как Иордан», который является «двойником» Иордана Небесного, представляющего собой «первоначальный Океан». Любая река – а мандеи селились только у реки – это, по их названию, всегда «йордан». И месопотамские Тигр и Евфрат, где они в конце концов осели, – это тоже «Иордан». Для сегодняшнего мандея слово «йордан» -- это просто «река». Все обряды очищения («крещения») мандеи проводят только в «живой воде». Р.Мацух в своей книге «Истоки мандеев» пишет («Мандеи», стр.55-56):

Для мандеев Иордан сам по себе свят вследствие своего небесного происхождения... Для мандеев текущая вода – это нечто святое, а Иордан – не только центральное понятие в их религиозной жизни, но и в повседневной жизни тоже... Проточная вода – «вода живая»... стоячая – «вода обрезанная»... Сирийцы крестили в «отрезанной воде», что было неприемлемо для мандеев. Такое крещение презиралось и строго отделялось от крещения по-мандейски в «живой воде»

Читатель, наверное, хорошо помнит слова автора о том, что Иисус проповедовал не только среди иудеев, но и назареев, а также о том, что учение назареев считалось более «высшим» и уважалось иудеями. И читая в то время эти «странные» слова, читатель отнесся к ним с большим предубеждением и настороженностью. Но раз уж мы начали разговор о «бурлящей воде» и «Иордане» назареев, то уместно будет, пользуясь этим случаем, хоть как-то прояснить вопрос «уважения» иудеев к назареев, которое имело место до изгнания назареев из Иерусалима. Мы начнем наш разговор с того известного всем факта, что мандеи в прямом смысле слова «помешаны» (в хорошем смысле этого слова) на обряде крещения или окунания. В отличие от христиан, они проходят этот обряд многократно в течение всей своей жизни (в некоторых случаях по «360 крещений» на одно очищение), причем, в обязательном порядке каждое воскресение (а мандеи чтят именно *воскресение*, а не *субботу*, как иудеи). При этом у мандеев существует обряд «большого крещения» и «малого крещения». При любом «осквернении» (или когда «крещение» проводится в обычном порядке) религиозное очищение осуществляется путем определенно-кратного окунания в «Иордане». Главное мандейское богослужение – это *масбута*, что в переводе означает «погружение». Также именно по той причине, что мандеи постоянно окунаются в воду, мусульмане с самого начала стали называть этот народ *сабиями* (или *сабеями*), т.е. «окунателями».

А теперь обратимся к каноническому тексту *Евангелия от Марка*. Мы не будем приводить текст стандартного Синодального перевода, а сразу же дадим свой перевод-толкование, который передает смысл слов, сказанных евангелистом Марком (Мк.7:1-4):

И собираются к Нему фарисеи и некоторые из книжников, которые пришли из Иерусалима. И увидев некоторых учеников Его, что они едят хлеб ритуально не чистыми (койнос – «общий (для всех)» -- как противоположность «отделенному для Бога») руками, то есть не обмытыми по положенному ритуалу (нипто – «мыть, умыть (как часть целого)»; напр. у Софокла: «очистить дом» от запятнавших его преступлений – словарь И.Х.Дворецкого). Ибо фарисеи и все иудеи (из этой греческой фразы можно сделать интересный вывод о том, что фарисеи – от слова *парс* – «Персия» -- не являлись иудеями) если не окунут (нипто -- глагол, который, в отличие от *бантидзо*, означает не полное «окунание» предмета) руки ПЮГМЭ (пюгмэ – «кулак»; похожее слово, близкое по написанию и состоящее из такого же числа букв – *пюгон* – «локоть», в т.ч. как «мера длины») не едят, придерживаясь предания старцев (прэсбютэрос – «старший», отсюда – пресвитер). И с рыночной площади когда что-то приносят, если предварительно не «крестят» (*бантидзо* – «окунать», «крестить»), то не едят. И многое другое есть, которое они приняли держать (у мандеев-назареев – Г.Б.): «крещение» (*бантидзо*) чаш и кружек и (медных) сосудов и скамеек (лавок для сидения – Г.Б.).

Появившееся в этом тексте греческое слово *пюгмэ* «кулак» -- с самых ранних времен смущало как переписчиков древних папирусов, так и всех переводчиков. Это место традиционно считается «темным» во всех без исключения толкованиях и переводах. Поэтому переводы этой части фразы имеют «нефиксированный» характер и отличаются друг от друга. Хотя при этом все переводчики (судя по их переводам) придерживаются того мнения, что речь идет только об «отмывании рук», а не о ритуальном очищении (погружении в воду). Вот и представляет себе читатель таких учеников Христа некими «замарахами», которые сначала покопавшись «в грязи», тут же принимаются «хватать хлеб» своими грязными руками. Вот некоторые примеры стандартных переводов этой фразы: «тщательно умоют руки», «умоют руки определенным образом», «умоют руки с

помощью кулака» (т.е. очень усердно оттирая кулаком налипшую грязь), «умоют руки вплоть до запястья», «умоют руки до самого локтя».

Это евангельское место не понятно также по той причине, что подобные обычаи в еврейском Писании не зафиксированы, и именно поэтому Иисус называет их **«преданием старцев»**. Но откуда все-таки берут начало эти обычаи? Конечно, от назареев. И «старцами» для этих иудеев и книжников с фарисеями являются, бесспорно, назарейские Учителя. Вот что мы читаем в книге Е.Дровер «Мандеи Ирака и Ирана» о мандейских обычаях (The Mandaean of Iraq and Iran, Oxford 1937, pp.47, 50, перевод наш):

Отец отвечает за воспитание своего сына... Ребенок должен быть воспитан, дисциплинирован, накормлен и научен своим религиозным обязанностям и омовениям... Перед едой он должен мыть свои ладони и руки аж до локтей, и он должен произносить Имя Жизни и Манда-д-Хийя («Познание Жизни») над едой.

Пусть христианин вспомнит при этом о том, как Христос перед приемом пищи всякий **раз произносил благословение** Отцу, «возводя глаза к Небу». Этот обряд остался у христиан в виде чтения «Отче наш», как благодарение Отца, перед любым принятием пищи. Итак, цитируем Е.Дровер далее:

Овощи (часть из которых, бесспорно, принесена с рынка – Г.Б.) и вся еда должны быть очищены троекратным «крещением» в реке, котелки и сковороды должны быть «крещены» несколько раз (буквально, в течение того времени, пока произносится крещальная формула).

Мы намеренно переводим мандейское слово, означающее ритуальное погружение в воду с целью очищения от скверны, привычным для читателя словом «крещение». В этом случае гораздо нагляднее проявляется связь между греческим текстом Евангелия и описанием назарейского ритуального обряда. При этом мы должны хорошо представлять себе, что для древнего человека «помывка чего-либо с молитвой» и простое «отмывание налипшей грязи» несли в себе принципиально разные смыслы, хотя при этом «ритуальная помывка» могла включать в себя и такое «отмывание». Так же и с обычной едой: вкушая «с молитвой», мы одновременно насыщаем свое чрево. Но при этом мы – также с молитвой -- «вкушаем» Причастие, что таким «насыщением» назвать уже нельзя.

Завершая рассмотрение этого евангельского отрывка, обращаем внимание нашего читателя, что уже в III в. н.э. никто из богословов не понимал, почему в этом тексте возникло «случайное» слово «кулак», и никто уже не был в состоянии вернуть сюда первоначальное слово «локоть». Или, напротив, именно «богословы» новой христианской Церкви вполне сознательно подменили исходное слово на похожее «кулак» для того, чтобы в тексте исчез явный «мандейский след». Как понимает здраво рассуждающий читатель, в данном случае равновероятны оба варианта утраты первоначального смысла.

Возвращаясь к тексту нашего логия и говоря о **«бурлящей воде»**, можно сделать еще одно наблюдение о связи традиций иудаизма с ритуальными нормами назареев. Иудейская *миква*, т.е. ритуальный бассейн для водного очищения (*обрезание* и *миква* -- это два самых важных религиозных обряда для любого иудея), скорее всего, именно у назареев позаимствовала в своем устройении тот «живой ключ» на дне (пусть и в виде современного «водопровода с краном»), который обязательно должен присутствовать в любой полноценной *микве*.

Итак, Иисус отвечает Фома: **«Я не твой Учитель»**. Почему? Потому что Фома, по представлениям Иисуса, сам стал таким «Богом». Именно это означают слова Христа: **«Ты наполнил из источника бурлящего»**. Это подтверждают также следующие слова Христа из канонического Евангелия (Мф.10:24,25): **«Ученик не выше Учителя... довольно для ученика, чтобы он был как Учитель его»**.

Вообще, тема «воды живой» («из чрева его потекут реки воды живой» -- Ин.7:38), которая так ярко представлена в *Евангелии от Иоанна*, -- это одна из самых характерных тем мандейских текстов. И когда Иисус, ссылаясь на Писание, («как сказано в Писании» -- см. там же у *Иоанна*), в данном случае Иисус ссылается на Писание назореев, а не иудеев, т.к. в иудейском Писании параллелей этим словам Христа нет. Приведем еще один пример присутствия назарейской «живой воды» и «Иордана» в словах Христа в одном из фрагментов неизвестного Евангелия – Пар. Ох. 840 (Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. Изд-во «Мысль», 1989, стр.47, пер. И.С.Свенцицкой). Иисус со Своими учениками входит во двор Иерусалимского Храма и ведет беседу с «главным жрецом из фарисеев по имени Леви», который задает Ему следующий вопрос:

Кто позволил тебе войти в это чистое место и смотреть на эти святыни без омовения, и даже твои ученики не вымыли ног своих? Нечистыми вы вошли во двор Храма, чистое место... И Спаситель остановился со своими учениками и спросил его: А как же ты, который находишься здесь во дворе Храма, ты чист?... Ты омылся в стоячей воде, в которой собаки и свиньи лежат день и ночь... Но Я и Мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, Мы омылись в живой воде, которая нисходит с небес)...

«Живая вода, которая нисходит с небес», -- это небесный Иордан. Те «собаки» и «свиньи», о которых упоминает Спаситель в этой речи, не являются обычным грубым ругательством. Как помнит наш читатель, именно эти «свиньи» и «собаки» фигурируют в тексте канонических Евангелий, когда речь идет о «бисере» Царства Небесного. В обоих этих случаях Иисус «Эзоповым языком» говорит о тех религиях, которые противостоят Его Царству Небесному, т.к. эти религии – от *Яхве*. «Свинья» или «поросенок» -- это жертвенное животное эллинской *Деметры* и египетской *Исиды*, а «собака» -- это постоянный спутник *Митры-Непобедимого Солнца*, но также – главный помощник человека во всех духовных вопросах «борьбы с нечистью» в зороастризме. И здесь тоже – точно также как в притче о Сеятеле – Иисус противопоставляет Себя (Свое Учение) трем современным Ему религиям: иудаизму, Элевсину и Митре (а возможно, и зороастризму). То есть «стоячая вода», по словам Иисуса, – это символ всех религий *Яхве*.

В дополнение к этому мы можем упомянуть и о тексте *Дидахе* («Учение двенадцати апостолов»), который принадлежит к одним из самых ранних христианских документов и который в первоначальной церкви почитался, как Писание. Здесь тоже говорится о «живой воде» (7.1,2): «Что же касается крещения, то крестите так: сказав все то, о чем речь шла выше, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа, в воде живой. Если не имеешь живой воды, то крести в другой воде» (Журнал *Символ*, №29, 1993). Как видим, уже в скором времени после проповеди Христа Его последователи стали утрачивать знание ее подлинных основ, и сама проповедь о Царстве, начиная от апостола Павла, превратилась в «теоретические выкладки» богословов со ссылками на иудейское Писание.

И все-таки, откуда берет свой исток это понятие о «живой воде»? От мандеев? Конечно же, нет: мандеи – это «дети Египта». Мы сейчас процитируем надгробную надпись, высеченную на одной из «Стел Мемфисских жрецов», которая опубликована в Сети. Перевод замечательный, он прекрасно передает внутренний мир тех египтян, которые – еще в самой древности -- стояли у истоков проповеди Христа о Царстве. Выполнил этот перевод современный русский египтолог М.В.Панов. По указанным выше причинам мы позволим себе привести несколько расширенную выдержку из этого текста. Как сообщает автор перевода, стела относится к I в. до н.э. (ок. 40 г. до н.э.) и посвящена супруге египетского первосвященника Пашрин-Птаха из семейства Падибаст, которое длительное время занимало ключевое место в жреческой храмовой иерархии в Мемфисе –

должность «верховного жреца Птаха» и древний титул «великий управляющий мастерами». Итак, слушаем речь молодой, прекрасной женщины – Тиимхотеп, и особо отметим, -- женщины безупречного поведения, которая обращается к нам из мира мертвых сквозь ушедшие тысячелетия:

А Запад – это земля в вечном покое,
тягостный **мрак**, место пребывания для
«находящихся там», спящих на своих ложах.
Не просыпаются они, чтобы увидеть своих братьев,
и не видят они своих отцов и своих матерей,
их сердца забыли своих жен и детей.

Вода жизни, которая есть на земле,
предназначена она для каждого человека на ней,
жажда (к этому) у меня!
Но приходит она (лишь) к тому, кто на земле.
Я жажду, а вода рядом со мной.
Не знаю я места, где нахожусь, с тех пор как
добралась я до этой долины.
Дайте же мне воду, которая течет!

Что касается смерти, то «прийди!», -- вот ее имя!
Всех, кого она зовет к себе, тотчас приходят к ней.
при этом их сердца трепещут от страха перед ней.
Нет никого среди богов и людей, кто смог бы увидеть ее.
Великие в ее руке также как и малые.
И нет никого, кто смог бы отвратить ее руку от
себя и от всех дорогих (себе) людей.
Она похищает сына у ее матери,
при этом старик блуждает недалеко от нее.
Все трепещущие молятся перед ней,
но не обращает она на них свое внимание,
не приходит она к взывающему к ней,
как и не слышит она восхваляющего ее.
Нельзя увидеть ее, (чтобы) преподнести ей
подарки из всевозможных вещей.

О вы, кто придет в этот некрополь!
Жертвуйте мне хлеб и пиво, зажигайте ладан
и (совершайте) возлияние в каждый праздник
Запада!

Обратим внимание читателя, что не только «вода жизни», но и «хлеб», и «вино» («пиво» -- это «египетское вино»), все это -- то, исконно древнее, которое -- как скрытый глубоко под землей родниковый ключ -- через посредство *назируты* вышло на поверхность в проповеди Христа о Царстве Небесном в своем очищенном, «кристальном» виде. Но и тот богач, которого видит евангельский нищий Лазарь, пребывающий «**на лоне Авраама**», -- он тоже жаждет напиться той «**воды, которая рядом**», о которой говорит эта прекрасная Тиимхотеп: «**жажда к этому у меня**».

Итак, теперь нам уже понятно, что именно сказал Иисус Фоме, когда отвел его в сторону от остальных апостолов. Он сказал: «Ты тоже Бог» или «Ты есть Бог», «Ты стал Богом» и т.п. В этой фразе только одно слово – «Бог» – является богохульством. Если

человека назвать Богом, то за это по иудейскому Закону полагается побивание камнями. Поэтому Фома и говорит апостолам, которые пока всё еще укоренены в иудаизме (среди них мы, следуя тексту этого логия, не видим Иоанна назарея): «Если я вам скажу одно из [сказанных] слов...» (т.к. остальные два слова – «безвредны»). В иудейском обществе дозволялось цитировать Писание, например, строки из Псалма в узаконенном переводе *Септуагинты*: «Я сказал – вы боги» (Пс.81:6) (греческое *тхэой* – это именно «боги», а не «ангелы» или «судьи»). И этим разрешением Иисус пользуется, и в данном случае Он специально оговаривает, что это «написано в Законе вашем» (Ин.10:34) (но не «нашем», как того бы следовало ожидать, не правда ли?). Но не дай Бог заявлять подобные вещи кому-нибудь «от себя»: забросают камнями, ибо, если этого не сделают, -- будут сами нарушителями Закона.

Вообще, необходимо отметить, что *Септуагинта* – это перевод, созданный иудейскими толковниками и ориентированный на благоприятное восприятие иудейского Писания эллинским миром, в который иудеи в то время стремились активно интегрироваться: стремились стать равноправными партнерами и в культурной, и в экономической жизни Средиземноморского бассейна. И поэтому *Септуагинта* далека от подлинного «буквального» религиозного содержания иудейского Писания. Это замечание о переводе особенно актуально в отношении вопроса «различения имен Богов». И этот перевод однозначно характеризует состояние иудейского мира по отношению к миру эллинскому на период своего создания, так как создан он был религиозной элитой Иерусалима. Конечно, после разрушения Иерусалима и утверждения христианства отношение иудеев к «ромеям» резко изменилось. Но мы впадаем в ошибку, когда «опрокидываем» более поздние отношения между иудаизмом и христианством (но также между иудаизмом и назарейством, иудаизмом и остальным эллинским миром) на реалии земной жизни назарея Христа. В то время все было «в одной куче», все было «своим», «многоликим» и развивалось как единый организм. Отторжение иудеями христиан и назореев произошло позднее. Это внутреннее бескомпромиссное «отторжение» было гораздо легче реализовать, т.к. у иудеев к этому времени уже не было «ахиллесовой пяты» в виде своего государства, своей исторической земли: они проживали своими закрытыми диаспорами, и в этом отношении были «неуязвимы» для активной атаки со стороны «ромеев». Но именно такое решительное «отторжение» полностью исказило подлинную картину жизни Палестины времен Христа в глазах более поздних историков.

§16(15).

Иисус сказал: Когда вы увидите того, который не рожден женщиной, падите ниц (и) почитайте его; он – ваш Отец.

В этом логии Иисус говорит о «*мистерии Царства Бога*», заявленной Им в канонических Евангелиях, -- в которой Иисус предстает перед человеком в силе Отца-Элохима. Именно этой мистерии обязано своим рождением основополагающее христианское понятие – Троица. Об этой же мистерии, но немного иначе, сказано в *Евангелии от Филиппа* (96/102): «Был Отец в Сыне и Сын в Отце. Это есть Царство Небесное».

Эти слова Иисуса полностью подтверждаются поведением иудея Савла в то время, когда ему предстал образ «Того, кто не рожден женщиной». И какую «замысловатую» богословскую систему пришлось выдумывать апостолу Павлу после всего этого – и всё только для того, чтобы объяснить себе самому, что представший перед ним Христос – это... «не Иисус Христос». Ведь иудей Павел, который совершенно не был знаком с духовным миром до этой встречи (иудаизм *мистерии* отрицает), так и не отважился назвать Христа Богом. Почему? Потому что по представлениям иудаизма – и в этом Павел абсолютно искренен – *Яхве и человек* – их просто невозможно поставить рядом,

потому что против этого решительно «возражает» в первую очередь сам *Яхве*. Но если бы нашелся кто-то из получивших настоящую «мистерию Бога», кто сказал бы ничего не понявшему Павлу, что речь здесь идет совсем не о *Яхве*! ...и совсем не о еврейском Мессии.

§17(16).

Иисус сказал: Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир (*эйрэнэ*) в мир (*космос*), и они не знают, что я пришел бросить разделения на землю: огонь, меч, войну. Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих. Отец против сына и сын против отца; и они будут стоять как единые (*монахос*).

Для того чтобы правильно понять первую часть этого логия, необходимо сначала разобраться со второй его частью, которая содержится также в канонических Евангелиях, где она дана полнее (Лк.12:52,53):

Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трех; отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.

Путем совершенно незначительных логических усилий – речь, ведь, в этом логии идет об «**одном доме**» -- можно определить состав участников этой «драмы» («**двое против трех**»). «Двое» -- это муж и жена, т.к. в тексте упомянута та же самая «дочь», но уже в роли «невестки». Всего персонажей пять: отец, мать, их женатый сын, его жена и мать этой жены, т.е. те самые главные «действующие лица», которые в семье бывают наиболее близкими к молодым и между которыми, как правило, возникают трения при образовании новой молодой семьи. Понятно, что «трое» -- это отец, мать сына и его теща. Одна из главных заповедей иудаизма – «*почитай отца твоего и мать твою*» (Исх.20:14). А о жене в этом же Декалоге сказано как о прочем «имуществе» хозяина, состоящем из «семи позиций» (Исх.20:17):

Не желай (1) дома ближнего твоего, не желай (2) жены ближнего твоего, ни (3) раба его, ни (4) рабыни его, ни (5) вола его, ни (6) осла его, (7) ничего, что у ближнего твоего.

Заповедь «не прелюбодействуй» в этом Декалоге находится между заповедями «не убивай» и «не кради», т.е. она предназначена исключительно для того, чтобы не внести раздор в коллектив, связанный «кровными узами». То есть в иудаизме (точно так же как и в конфуцианстве, например) почитание отца и матери поставлено на несравненно **большую** высоту, чем связь между мужем и женой. Иисус эту заповедь упраздняет полностью. Иисус во главу всего нашего земного человеческого бытия ставит связь между мужем и женой: «**двое против трех**». То есть по-Иисусу сын ради своей жены -- ради сохранения первой и еще непрелюбодейной семьи -- т.к. в те строгие времена и речи быть не могло о том, чтобы девушка или парень имели сексуальные связи до замужества, – сын ради этого должен идти вплоть до разрыва отношений со своими родителями, а дочь – со своей матерью.

И теперь нам понятно, почему Иисус принципиально не мог нести Свою Благую Весть в мир эллинов-ромеев. Только у назареев и иудеев в то время (а у назареев еще и сегодня) сохранялся строгий запрет на добрачные отношения (а в отношении иудейского

левирата Иисус высказался особо и совершенно определенно). А вот у эллинов и, тем более, у ромеев, в этом отношении действовали наши «демократические свободы». По представлениям эллинов мужчина мог *одновременно* иметь три женщины: первую – мать своих детей (они и будут наследовать его имущество); вторую – рабыню для «снятия сексуального напряжения»; и третью – образованную и умную *гетеру* для интересного и веселого времяпровождения, в том числе за обеденным столом. При этом у эллинов и римлян считалось также не зазорным проявлять интерес к мальчикам, т.е. гомосексуальные связи. Как уже читатель понимает, подобная «война против родичей» по Иисусу оправдывается тем, что спасение возможно только в «браках», т.е. при совместной жизни мужа и жены, причем, жизни непрелюбодейной. А это исключает такой вариант решения семейной проблемы, когда, например, муж бросает свою жену, которая не пришлась по душе свекрови, и женится второй раз на той девушке, которая ей пришлась по нраву. По Иисусу у райского Адама была только одна жена – Ева. А если будет две, -- тогда возврат к Адаму Шестоднева уже невозможен. Тогда уже невозможно будет выйти из сферы притяжения *Яхве* и вернуться к изначальному *Элохиму*, к Его Царству Небесному. И пусть такие слова покажутся демократически настроенному человеку бессмысленными, наивными и неубедительными, но ведь такой европейски образованный человек давно уже не верит «ни в бога, ни в чёрта», ни в потустороннюю жизнь.

Можно задать себе такой, наверное, не очень продуманный вопрос: а не жестоко ли поступает Иисус по отношению к нашим родителям, которые дали нам жизнь? Во-первых, какую именно жизнь? Ведь мы знаем и верим только в «жизнь тела», а другой жизни не знаем, и знать не хотим. А для Иисуса главное не «жизнь тела», и ведет Он все Свои разговоры о «спасении», только имея в виду жизнь посмертную. При этом Он, также разумно, как и все мы, считает, что наше тело не вечно, и что оно умрет. И, во-вторых: нет, не жестоко. Наши отец и мать сами были когда-то такими же молодыми и находились в той же самой ситуации по отношению к своим родителям. Если родители молодоженов желают своим чадам добра, они никогда не доведут дело до развода молодых ради удовлетворения своих собственных земных амбиций. И второе: рождение любого ребенка связано далеко не только с самоотверженным желанием родителей вырастить нового человека для своей страны. И даже не с желанием иметь для себя утешение и поддержку в старости. Любимое дитя всегда рождается как «сопутствующий» результат тех «браков», которые для молодых -- «слаще меда» сами по себе. Поэтому корить сына за эту свою «сладость» -- это проявление обычного людского лицемерия.

Иисус пришел «бросить *эйрэнэ*» только в мир супругов, т.к. это и есть прообраз мира *Элохима* в нашей земной жизни. А в наш *космос*, т.е. в мир *Яхве*, Он пришел бросить «меч и войну», потому что, несмотря на все «увещевания», люди, как правило, не меняются. Последние слова логия – «**и они будут стоять как единые**» -- относятся, безусловно, к тем молодым, к той семье, которая знает *куда идет*, и в которой «оборону» держат вместе. Единственно, что здесь следует отметить: копт-переводчик, скорее всего, не совсем правильно оставил в тексте без перевода греческое слово *монахос*. Правильнее здесь было бы видеть то «стандартное» коптское *ва вот*, которое неоднократно встречается в тексте *Фомы*. Хотя, возможно, это древнеегипетское *ва вот* соответствует более позднему периоду жизни таких супругов. А в самом начале, -- когда все в новой большой семье еще «воюют» и всё определяется еще только волей и устремлением двух молодоженов, правильнее все-таки – *монахос*, которое пока еще «менее *единое*», чем *ва вот*.

§18(17).

Иисус сказал: Я дам вам то, чего не видел глаз, и то, чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не приходило в сердце человека.

Иисус в данном логии говорит о *«мистериях Царства»*: Он обещает своим последователям, что им откроется подлинный *гносис* нашего бытия, т.е. знание духовного мира. Логий короткий, без каких-либо объяснений, потому что Иисус прекрасно знает: объяснить это нельзя, это можно только знать своим опытом.

§19(18).

Сказали ученики Иисусу: Скажи нам наш конец, каким образом он произойдет (*шопэ* – «прийти в бытие»). Сказал Иисус: Открыли ли вы [определенный артикль] начало (*архэ*), чтобы вы занялись поисками конца? Ибо в том месте, где [находится] это начало (*архэ*), там и осуществится конец. Блажен тот, кто будет стоять в этом начале (*архэ*): и он познает конец, и он не вкусит смерти.

Этот логий, наверное, является важнейшим во всем *Евангелии от Фомы*. Более того, подтверждение этому логии можно найти только в тексте канонических Евангелий. Этот логий полнее всего выражает простую истину Учения Христа о спасении. Более того, он гораздо проще многих других, исходя из своей прозрачной логики и чистоты смысла. И «ай-яй-яй!» -- погрозим мы пальчиком всем маститым исследователям евангельского текста, вооруженным знанием греческого языка, -- которые «за деревьями не увидели леса».

Сначала дадим маленький совет тому нашему молодому читателю, который собирается приступить (или хотя бы вникнуть) к чтению любого оригинала священного текста: «Всегда помни о том, что самое первое для тебя в таком тексте – это та *терминология*, которой придерживается древний создатель этого текста». Копты совсем не случайно выделили это греческое евангельское *архэ* в самостоятельный термин своего языка. Потому что, например, в следующем логии *Фомы* (20/19) мы тоже видим *«начало»*, но уже в виде коптского слова *эхэ*.

Начнем, как говорить, *ап архэс*, т.е. *«от начала»* этого логия. Само построение того вопроса, который задают Христу Его ученики, и тем более сам ответ Христа, ясно показывают читателю, что здесь речь не идет о том, каким образом закончится земная жизнь каждого из них, т.е. как произойдет физическая смерть каждого. Учеников интересует духовная сторона этого вопроса (*шопэ*), и более того, вполне возможно, что они совсем не надеются получить этот искомый ими *«конец»* именно в этой их жизни. Скорее всего, это -- простое человеческое любопытство той полной сил и здоровья молодости, которая просто хочет выяснить для себя один из вопросов, который возник у учеников во время слушания речей Христа.

И, тем не менее, возможно также и такое решение, что вопрос учеников ничего не подразумевает кроме своего простейшего буквального значения, а мы, на основании ответа Иисуса, просто подумали об учениках слишком высоко. Но ведь это в характере Иисуса: на заданный «посторонний» вопрос отвечать «не по теме», а используя этот заданный вопрос только как отправной пункт для разъяснения сокровенных тайн духовного восхождения человека к Богу. Ведь апостолы пока еще молоды, и они ничего не понимают из всего того «странного», что говорит им их Учитель.

И опять-таки, но уже вопреки установившемуся мнению христианской Церкви, скажем нашему читателю: если говорить о Христе, как о человеке, то это был, наверное, один из самых образованных религиозных проповедников за всю историю человечества. Он знает и помнит все Писания: и не только иудейское Писание на иврите и в виде *Септуагинты*, но также тексты *назируты* и священные тексты эллинов и персов, а кроме этого, Ему знакомы никогда не излагавшиеся в виде записанного текста древние тайны религии египтян. Здравый человек сегодняшнего века прекрасно понимает, что знание

древних языков, например, невозможно получить как «вдохновение» от Бога: их надо учить, исследовать, обдумывать. И все это было присуще тому человеку – Иисусу Христу, – логии Которого мы сейчас разбираем. Бесспорно то, что Иисус от природы обладал феноменальными лингвистическими способностями, которые и позволили Ему пройти весь период ученичества в достаточно молодом возрасте: даже если ко времени выхода на проповедь Ему было не 30 лет, а 50, как пишет об этом опосредованно евангелист Иоанн. Хотя не стоит, наверное, упоминать, что одно наличие этих способностей не в состоянии дать миру такого духовного гения, каким был Христос.

Иисус и проповедует и общается с апостолами на греческом языке, а арамейский использует в Своей речи только изредка, -- Он знает его, как язык детства. Причем, неизвестно, какую именно форму этого арамейского Он использует – иудейскую или назарейскую. Хотя, как пишут ученые, в то время эти диалекты между собой могли почти не отличаться. И именно по той причине, что языком Его проповеди был греческий, Он цитирует иудейское Писание по *Септуагинте* (хотя, конечно, не только по этой причине: использование греческого, а значит и *Септуагинты*, позволило Ему скрыть подлинное имя Своего Отца от окружающих иудеев). И в разбираемом нами логии Он тоже верен Своей традиции цитирования *Септуагинты*. Ученики спрашивают Его о «конце», и Он их прекрасно понимает, -- а потому адресует к греческому *ап архЭс*, или просто к *архЭ*, т.е. к «началу». Но раскрыв *Септуагинту* мы тут же «натываемся» на это «начало» -- в самых первых словах *Книги Бытие*: «В начале (эн архЭ) сотворил Элохим...». Имя Элохим мы берем из еврейской *Торы*, т.к. в «причесанной» относительно имен Богов *Септуагинте* мы видим безличное греческое *тхэОс* – «бог». Но и это еще не все. Мы уже сказали нашему читателю, что подтверждение этому логию мы находим в тексте канонических Евангелий. Когда фарисеи спрашивают Иисуса, можно ли разводиться с женой, Он им отвечает (Мф.19:4):

Не читали ли вы, что Сотворивший (читателю уже понятно, что речь идет об Элохите – Г.Б.) в начале (ап архЭс – букв. «от начала» -- Г.Б.) мужское и женское сотворил их.

В этом ответе Иисус тоже цитирует *Бытие* по *Септуагинте* (Быт.1:26), т.е. тот же самый Шестоднев, где сказано:

И сотворил Бог (Элохим -- Г.Б.) человека по образу Своему, по образу Бога (Элохима) сотворил его: мужское и женское сотворил их.

До этого Элохим говорил: «Сотворим по образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт.1:26), а сейчас – «по образу Своему». Но в этом нет никакой «путаницы» редактора древнего текста. И Сам Бог Элохим – это не та *сизигия*, состоящая из Самого Элохима и его «женского аспекта» в виде *Рухи Элохима*, (т.е. Духа Святого) «*носящейся над водами*» (Быт.1:2), -- а Единый Бог, одновременно – «слитно и нераздельно» -- сочетающий в Себе «мужское и женское». Поэтому мы и видим такое непонятное «двойственно-единичное» описание этого Бога у автора древнего текста: по нашей человеческой «немощи» Его иногда показывают «разделенным».

О том, что в тексте *Бытие 1:27* следует читать именно «мужское и женское», а не так, как это дается во всех библейских переводах – «мужчину и женщину» -- говорит сам выбор существительных для этой фразы в тексте на иврите, и в тексте *Септуагинты*. В обоих этих языках, как и в современных, слово «женское, самочное» и слово «женщина» - - уже как существительное, точно так же как и в случае с мужским аналогом – это разные слова. Поясним для тех переводчиков, которые не видят этой разницы: «женщина» -- это только представитель *хомо сапиенс* и ничего больше, а вот к разряду «женского» следует

относить все без исключения «женские» породы нашего земного мира, включая всех самок животных. Объясним это еще раз, но уже для самых непонятливых: кошка – это не «женщина», а «самка» из породы кошачих. И неужели при переводе текста этой разницы не видит ни один переводчик? Но печальнее всего в такой ситуации то, что такой принципиально неправильный «перевод» -- «мужчину и женщину» -- из *Книги Бытие* автоматически переносится в текст уже цитируемого нами *Евангелия от Матфея*. А это полностью разрушает Учение Христа о спасении человека через его возвращение к изначальному Богу. И просто диву даешься, *как* могут Институты по исследованию библейского текста санкционировать такой абсолютно безграмотный с точки зрения грамматики обоих древних языков перевод! – «Два балла, без права пересдачи экзамена!» -- вот вердикт *Элохима* всей переводческой богословской науке христиан. Но этот вопрос – о различии «женщины» и «женского» в текстах *Торы* и *Септуагинты* -- мы подробно рассмотрели в книге «Слово в защиту мирян». И с другой стороны – разве такой перевод не является одним из самых наглядных примеров существования «двойных стандартов» даже в научном мире? Да и чему тут удивляться? – Ведь речь в данном случае идет о «мире *Яхве*», а не о «мире *Элохима*». А в этом мире такие «двойные стандарты» -- это норма жизни общества.

Но продолжим наши рассуждения. Хотя, о чем еще рассуждать? – читателю и так уже все ясно. Муж и жена в течение своей жизни на земле формируют собой «единого Человека» (пусть внешне они и выглядят отдельными людьми, как и все остальные). И если они достигают желаемого (а это подтверждается, в том числе, «*мистериями Царства Небесного*», получаемыми мужем), то завершая свое земное поприще, т.е. «**в конце**», они возвращаются к состоянию Адама Шестоднева, т.е. к тому своему «**началу**» (*архэ*), которое ожидает их после смерти физических тел.

Вопрос апостолов «**каким будет наш конец?**» -- можно понять также в эсхатологическом плане, то есть: «каков будет наш *окончательный* конец существования на земле?». И речь в таком случае идет о том *последнем* существовании человеческой души на земле, после которого она уже не будет возвращаться на землю в новом теле. Любая «возвращающаяся» душа проходит через этап пребывания в Аду (или – в Раю: мы в данном случае считаем целесообразным не менять общепринятую терминологию), но та, которая не возвращается, -- уходит навсегда в Царство *Элохима*. Вспомним при этом также логий 4/4, в котором сказано, что «**многие первые** (т.е. лучшие) **сделают конец**».

Это важное евангельское слово *архэ* помогает нам также понять загадку самой земной жизни Христа. Странно получается: Иисус проповедует супружество, а Сам не женат? Он очень тепло и с нежностью относится к женщинам вообще, и особенно к Марии Магдалине, видя ее искренность. В *Евангелии от Филиппа* (55/59) из той же коптской библиотеки сказано, что Иисус «**любил Марию более всех учеников, и Он часто целовал ее в губы**». На основании этого текста нашлись такие «исследователи», которые инкриминировали Иисусу сексуальную связь с Марией, а отсюда понеслась вся прочая околесица вплоть до «берегов Франции». Но это – для глупеньких. Для тех же, кто в состоянии читать по-гречески хотя бы по складам, как наш «Хви—фи—лии--ли... Фи-ли-пок» (почти что тот же самый *Филипп*, однако, к сожалению, другой!), Иоанн евангелист приводит следующий диалог (Ин.8:25):

Тогда сказали Ему: Кто же Ты? Иисус сказал им: От начала Сущий, как и говорю вам.

«От начала Сущий» -- это «осмысленное научное объяснение» того греческого слова, которое стоит в евангельском тексте: *тэн архэн*, т.е. буквально «**начаток**» (производное от того же *архэ*). То есть Иисус пришел на землю (или стал таким за время Своего последнего пребывания на земле) этим самым Адамом Шестоднева, который был

an архЭс. Поэтому сейчас Ему не нужна жена: она уже – «в нем Самом», как свое собственное «ребро» в Адаме Шестоднева. Но также именно по этой причине Он знает то, *о чем говорит*. А что именно знает? Знает то, что... Но зачем все это «метать»? -- все равно не поймут, или в лучшем случае скажут: «*Это гром*».

§20(19).

Иисус сказал: Блажен тот, кто был (*шопэ*) **от** [опред. артикль] **начала** (*эхэ* – «начало») **до того как** (или «перед тем как») **он был** (*шопэ* – в данном случае лучше перевести «стал», а не «был»).

Как мы уже говорили, в тексте *Евангелия от Фомы* греческое слово *архЭ* используется в том случае, когда речь идет о Шестодневе *Бытия* и создании *Элохимом* Единого Адама. В *Септуагинте* (т.е. в том переводе Писания на греческий, которым пользовался Иисус в Своей проповеди) начало этого Шестоднева (и всей *Книги Бытие*) выглядит таким образом: «**В начале** (*архЭ*) **создал Бог...**». В греческом тексте здесь стоит безличное «**бог**» (*тхеОс*), а в иудейской *Торе* – слово *элохим*. (Мы это всё уже неоднократно цитировали, но, как говорится, «повторение – мать учения».) В том случае, когда Иисус хочет сказать о каком-то ином, земном *начале*, Он обычно использует другое слово, т.е. синоним. Именно это мы и видим в коптском тексте. Коптский глагол *шопэ* является эквивалентом греческого глагола *гинестай* (inf.) – «рождаться, становиться, происходить, быть, случаться, появляться, делаться, прийти в бытие».

То есть по тексту получается «бессмыслица» в следующей последовательности: было непонятное, хотя и отмеченное определенным артиклем, «**начало**» (*эхэ*), затем кто-то «**пришел в бытие**» -- после такого «начала», а затем он еще раз «**пришел в бытие**». И после этого Иисус заявляет, что этот человек «**блажен**» именно тогда, когда «**пришел в бытие**» в первый раз, а не во «второй», окончательный. Но эта «бессмыслица» -- мнимая. Здесь описана «вся жизнь» подлинного последователя Христа. *Эхэ* – это земное рождение такого человека или «начало» его жизненного поприща; поэтому здесь стоит определенный артикль: земное рождение у каждого из нас одно. А вот глагол *шопэ* используется здесь в двух разных смыслах, т.к. он многозначен. И оба эти смысла, как различные этапы человеческого пути, для Иисуса очень важны. Первое *шопэ* означает поиск человеком смысла своего существования – через какое-то время после того, как он родился и немного повзрослел. В России таких называли «*богоискателями*». Кто знает, отчего? – но такой человек не бывает удовлетворен общепринятым отношением к окружающему миру: он «ищет» и «стучит» во все двери без разбору. Причем, «пробует на зуб» все «золото» подряд: и Агни-Йогу, и Вивекананду, и даже мормонов. Он хочет убедиться в том, что нашел настоящее «золото», поэтому доверяет только своему «зубу». Но очень долго бывает так, что человек, в очередной раз обманувшись теми или иными «*религиозными фантиками*», уходит уже в другую веру и опять ищет Истину своего бытия. А потом – опять в другую. Все главные религии мира предлагают человеку в виде истины один и тот же *рай*, хотя и завернутый в «разные по цвету фантики». Но человеческое сердце по своей природе знает подлинную Истину, потому что само произошло оттуда, и именно поэтому человек инстинктивно не хочет признавать такую полу-истину (т.е. *рай*) за Истину полную. Эти поиски не являются пустой тратой времени: такой человек со временем приобретает способность различения «добра и зла», что является, например, краеугольным камнем *зороастризма*; он обучается различению истины (пусть и ограниченной) и той лжи, которая живет на земле вечно. Более того, именно религия *рая* может открыть – и, как правило, открывает – человеку его *сердце*. Что это такое? – об этом мы уже говорили, также говорили и о

том, что «открывшееся сердце» -- это стандартный религиозный термин, обозначающий духовное понятие, начиная от Древнего Египта. Но при этом такой человек, «погостив» во многих Учениях, никогда, никакому из них, не отдает свое *сердце*. Хотя об этом он еще не догадывается. Как любовь: кажется, что действительно любишь, но когда встречаешь настоящую любовь, видишь, что то, что было прежде, -- это легкое «вечернее дуновение» по сравнению с настигшим человека ураганом.

Мы говорим о Царстве Небесном Христа. Такой подлинный «искатель» в конце концов все равно придет (будет привлечен Самим Христом так, что сам об этом даже не догадается) к Евангелию. Вот это всё – лет до сорока пяти – это и есть первое шопэ разбираемого нами логия. Но где-то около пятидесятилетнего возраста (ср. у Иоанна евангелиста: «Тебе еще нет и пятидесяти» (Ин.8:57).) человек получает завершающую «мистерию Царства Бога», после чего он, по словам Христа, «возникает» (*шопэ*) или «рождается» во второй раз. Речь идет о духовном рождении человека или о его «рождении свыше». Это и есть второе шопэ данного логия. Но именно за «первое шопэ», а не за «второе» Иисус *Фомы* воздает «блаженство» этому человеку -- то греческое *макариос*, которое в эллинском мире всегда имело отношение только к богу, но не к человеку. «Второе шопэ» человек получает от Бога только в качестве «награды» за свои труды по приобретению «первого шопэ». Хотя в действительности -- это обычное действие естественного духовного закона, известного всему миру как восточная мудрость: *когда ученик готов – приходит Учитель*. И именно в таком контексте следует понимать слова Христа о «мертвецах», которые воспринимаются как «обидные» некоторыми христианами: «Оставь мертвым хоронить своих мертвецов» (Мф.8:22). По Иисусу только это «второе рождение» -- *шопэ*, т.е. «рождение в Духе» (точнее, «рождение в Святом Духе», потому что Дух бывает разный, а еще точнее – «Она» бывает *разная*) – именно это и делает человека *живым*. Почему? – потому что только такое рождение влечет за собой уподобление человека *Элохиму*, а значит – подлинное бессмертие такого реализовавшегося, по Христу, «бога». И точно так же, когда в сердце человека приходит «ураган любви», и он уже точно знает, что *действительно* любит (потому что оказывается в положении «редкого жучка, одетого на булавку» коллекционера-ботаника, а «Коллекционер» в данном случае – *Сам Элохим*), -- с такой же точно уверенностью он знает то, что сейчас – бессмертен, и после смерти -- не умрет.

Иисус воздает «блаженство» не тому, кто достиг «состояния бога», а именно тому, кто к этому состоянию стремился всю свою жизнь, не зная этого сам: он просто искал Истину. «Блажен» именно тот, кто «был от своего начала-рождения», а не тот, кто «стал *потом*». Перевод М.К.Трофимовой не является буквальным, но он хорошо отражает именно такое понимание этого логия. Вот этот перевод: «Иисус сказал: Блажен тот, кто был до того, как возник».

§22(19).

Ибо есть у вас пять деревьев в раю, которые неподвижны и летом и зимой, и их листья не опадают. Тот, кто познает их, не вкусит смерти.

В Евангелии от *Фомы*, в котором неоднократно говорится о Царстве (*мэнтэро*), понятие «рай» (*парадисос*) выделено особо от Царства и об этом рае Иисус говорит иначе: «у вас в раю». Сам Иисус от такого «рая» дистанцируется. То есть *рай* – это реальность того человеческого бытия (пусть и потустороннего), которая существовала до прихода Христа, и которая существует на момент Его проповеди о Царстве. Но вот про Царство Иисус никогда не говорит, что оно -- «у вас»: его надо отыскать, а как это сделать ученики пока не знают. А вот о рае Он говорит определенно: «у вас (иудеев)».

В самом начале *Евангелия от Фомы* Иисус обещает Своим слушателям: «Тот, кто обретет истолкование этих [тайных] слов, не вкусит смерти». Но и здесь Он говорит то же самое: «Тот, кто познает их (эти деревья), не вкусит смерти». То есть одной из главных задач любого ученика Христа является познание этих «пяти деревьев в раю». Но что это за деревья? И в каких краях их искать? Куда вообще направлять свой взор?

Но такой вопрос будет праздным: на него уже ответил Сам Иисус. Смотреть надо в тот самый *рай*, который описан в иудейской *Книге Бытие*. В *Бытие* сказано (*Быт.2:9*): «И произрастил *Яхве-Элохим*...». Пусть читатель не пугается такого странного имени Бога: при переходе в текст *Септуагинты* это имя трансформируется в «отвлеченное» *κюриос тхэОс*, а на наш русский – уже знакомое всем «Господь Бог». В данном случае это тот же самый Бог *Яхве*, который появляется на сцене *Книги Бытие* начиная со стиха 2:7. Возможно, он просто не совсем законно «присваивает» себе имя *Элохим*, -- хотя при этом следует также сказать, что данный вопрос гораздо сложнее, чем это может показаться при нашем простом делении мира на «белое» и «черное», и он требует отдельного рассмотрения.

И произрастил Яхве-Элохим дерево жизни посреди рая и дерево познания добра и зла.

Но если в раю есть «дерево жизни», значит -- и по логике, и по этим словам Иисуса – там должно быть также и «дерево смерти». О том, что существует «дерево познания (гносиса) добра и зла», мы уже прочитали. Но в таком случае должно существовать также отдельно «дерево добра» и отдельно «дерево зла». Итак, вот эти пять деревьев по порядку: дерево добра, дерево зла, дерево жизни, дерево смерти и, конечно, дерево *гносиса*, т.е. того *познания добра и зла*, о котором впрямую говорит текст *Бытие*. *Добро* всегда существует отдельно от *зла* – это главная аксиома *зороастризма*; поэтому и представляющие эти духовные категории «деревья» тоже произрастают в этом раю как отдельные «виды». Например, точно так же не существует на земле единого дерева «дубоель». Как сказал Гермес-Трисмегист: «Что вверху – то и внизу, чудеса единой вещи». Но вот дерево *познания* этих двух различных категорий духовного мира *Яхве – добра и зла* -- оно уже едино, т.к. рождается в сердце человека как цельное знание, имеющее «двоичный код».

То есть для того, чтобы преодолеть наше земное бытие, и даже сам рай, следует сначала познать главные базовые категории именно этой земной жизни. И вот именно такой жизни, включающей наше земное телесное бытие и последующий ему духовный рай, Иисус противопоставляет Свое Царство, в котором эти базовые категории мира *Яхве* упразднены. Причем, в данном случае понятия «жизнь» и «смерть», извлеченные из рая в виде «деревьев», -- это и есть наше традиционное понимание вопроса: пока человек живет на земле – это «жизнь»; когда человек умирает – это «смерть». Но это – обман Ада.

На каких «китах» держится вселенная *Яхве*? Первое и начальное – это противопоставление и выбор между *доброт* и *злот*. Или, как говорит в своем известном детском стихотворении В.Маяковский: «Что такое хорошо и что такое плохо?». Эту задачу любой человек решает каждую секунду – когда он думает, когда говорит, когда что-то делает (см. «зороастрийскую формулу»), -- сам не отдавая себе в этом отчет. И именно этой проблеме посвящены очень многие строки канонических Евангелий: вопросу распознавания «добра» и «зла». Вторая и более сложная задача – это познание того, что есть «жизнь», и что есть «смерть», и она решается только после «сдачи экзамена» по «дереву познания добра и зла». Когда Иисус говорит: «Оставь мертвым хоронить своих мертвецов» -- это означает, что по Его представлениям не только наша земная человеческая жизнь, в ее обычном представлении, но и загробный рай – есть «смерть». Эти «деревья» вечны, и «лист их не опадает». Но в Царстве Небесном их нет, т.к. они

остались в раю, созданном *Яхве*. Но и слово «вечны», которое мы только что произнесли, - оно тоже не совсем верно: Иисус этого не говорит, и никогда бы такого не сказал. Вечно только Царство Небесное, а все остальное имеет общий конец в виде «всемирной катастрофы», которая одновременно уничтожает и духовный мир богов, и земной мир людей: *исчезнет всё*. И Иисус это знает – поэтому и зовет человека-Бога в Свое Царство.

...И все-таки, очень необычно это выражение Иисуса: **«И листья их не опадают...»**.

Наша слава засверкала.
Она засверкала в этой новой короне,
Подобной которой не существует.
Благословенна эта новая корона,
И благословенны листья, которые не опадут.

(«Мандеи», стр.309, *Диван Малькута лайта*)

§26(21).

Да был бы среди вас умелый (греч. *эпистэмон*) человек! Когда плод раскалывается (*нох*), он пришел поспешно – его серп в руке его – [и] он сжал его. Тот, кто имеет уши слышать, да слышит!

Этот логий относится, наверное, к разряду самых трудных для понимания, и мы просто попытаемся предложить читателю свою версию объяснения этого высказывания Иисуса. Вообще следует отметить, что к любому тексту самого высшего духовного содержания, следует относиться, как к вполне «реальному» высказыванию. Мы имеем в виду то, что Иисус – это очень «практичный» человек, и Он никогда не будет говорить о «заоблачных вещах», закатывая к небу глаза. Даже апостола Павла можно попытаться обвинить в подобных «восхищениях», но только не Христа. Его слово – всегда **«с силой»**, а значит, с разумением. И постольку поскольку «зубки» у нас довольно-таки слабые для такого «твердого орешка», как этот логий, попробуем «грызть» его со всех сторон, по очереди, как та собака, которая грызет сахарную косточку, прижав ее к земле своими передними лапами.

Во-первых, нам надо разобраться с тем «умелым», который **«пришел с серпом в руке»**. Ясно, что это не «Смерть с косой», т.к. по смыслу логия речь идет именно о *человеке*. Мы намеренно перевели греческое слово *эпистэмон*, как «умелый» (можно «опытный»), а не «знающий», как у М.К.Трофимовой, чтобы четко отделить этого «умелого» от того «знающего», который выступает в этой притче в виде **«лопнувшего плода»**. Для того, кто способен воспринимать только внешнее, этот **«лопнувший»** или **«расколовшийся»** плод означает просто плод «созревший», т.е. готовый к употреблению в виде пищи. Кстати сказать, и такое значение здесь тоже присутствует, т.к. именно за таким «созревшим плодом» любят охотиться обитатели Ада: поэтому здесь и идет речь о **«поспешности умелого»**.

Теперь мы должны обратить внимание нашего читателя на другое, причем чрезвычайно важное коптское слово этого логия: *нох* (через долгое «о») – «раскалываться, лопаться, открываться». Назвать этот плод «созревшим», когда мы видим в тексте именно слово *нох*, -- это уже не перевод, а школьное сочинение «по смыслу». Но ведь не даром Иисус завершил это Свое высказывание особыми словами: **«Имеющий уши пусть слышит!»**. А это означает, что такой **«созревший плод»** может оказаться покрепче той кости, которую сейчас грызет на лужайке наша собака. Поэтому сначала нам надо поговорить об этом коптском слове *нох*, чтобы иметь ясное представление о том, что оно означает. И пусть – уже в сотый раз! -- простит нас читатель за те длительные отвлечения от текста, которые могут показаться ему скучноватыми. Мы будем сейчас говорить о том

главном, что у многих народов мира и во многих языках стоит «на пороге» Иисусова Царства Небесного.

Мы сейчас приведем нашему читателю несколько цитат из древних религиозных текстов; причем, сами эти тексты между собой никак не связаны, т.к. относятся к разным религиям и разным эпохам, и их составители вряд ли могли, даже физически, заимствовать друг у друга какой-либо материал. Но то, что они описывают, между собой очень похоже. Причем, все описываемые здесь события относятся к определенным кульминационным моментам бытия тех персонажей, которые являются «главными героями» этих событий. Начнем мы этот экскурс «в духовную бездну» с уже знакомого читателю *Гимна к Деметре*, который является главным сакральным текстом эллинской религии.

Дочь *Деметры Персефона* вместе со своими подругами океанидами (дочерями Бога *Океана*) резвится на лугу Нисийской равнины, собирая прекрасные цветы. И вот в то время, когда

[Руки к прекрасной утехе \(цветку – Г.Б.\) в восторге она протянула](#)
[И уж сорвать собралась, как вдруг раскололась широко](#)
[Почва Нисийской равнины...](#) (пер. В.В.Вересаева)

В греческом варианте текста подчеркнутые нами слова переданы следующим образом: *хайнэ дэ хтонэвруагуи*, или, буквально: «разверзлась же земля широко». Первое слово в этой фразе – это глагол *хайно* – «раскрываться, разверзаться, разевать (рот или пасть)» (словарь И.Х.Дворецкого). Второй русскоязычный словарь – А.Д.Вейсмана отсылает читателя, интересующегося этим словом, к глаголу *хаско* – «зевать, зиять, раскрывать рот»; *хайной хтон* – «да разверзнется земля!». В словаре И.Х.Дворецкого на слово *хаско* дана ссылка, что форма имперфекта у этого глагола такая же как у *хайно*. А однокоренное существительное *хасма* – это «яма, пропасть, расселина (в том числе Тартара), зияющая бездна, зев, пасть». То есть перед *Персефой* земля вдруг разверзлась, как «зияющий рот» или какая-то хищная «пасть». В греческом языке прилагательное *хтхонийос* – «хтонический, земной» -- переводится и как «подземный, отсюда – *хтхонийой* (мужск.) – «подземные боги». В словаре А.Д.Вейсмана читаем: *хтхонийос* – «часто как эпитет Плутона». То есть речь в этом тексте не идет о безотносительном «разверзании земли», как это происходит, например, в нашем представлении при землетрясении, а именно о том, что данный «зияющий рот» ведет в открытую обитель Ада. Но и по тексту самого Гимна это именно так: из этой «зияющей пасти» вылетел на своих бессмертных конях «Гостеприимец-владыка», т.е. тот Хозяин Ада, который «гостеприимно» принимает в свою обитель любую отошедшую человеческую душу. На этом расстанемся на время с прекрасными эллинами.

Следующий текст, который мы хотим рассмотреть, -- это знаменитая индийская *Бхагават-Гита*, которую иначе именуют *Библией индуизма*, и которая входит в состав величественного индийского эпоса под названием *Махабхарата*. В этой небольшой, но очень емкой поэме Бог *Кришна*, который принял образ возничего на колеснице воина-*кшатрия* Арджуны, дает ему свои божественные наставления на поле боя перед великой битвой Арджуны и возглавляемого им войска с войском своих же сородичей. Практическая суть всех этих наставлений заключается в том, что Арджуне, как воину, недостойно впадать в слабость и жалеть тех своих родственников, которых ему сейчас предстоит убить своими руками. Он должен делать положенное ему дело, т.к. оно соответствует божественным законам. Вместо того чтобы чувствовать жалость ко всему временному и проходящему, -- ему необходимо устремлять свое сердце к Богу и искать пути к нему. И вот эти пути к Богу *Кришна* как раз и дает Арджуне в своих наставлениях, чем и знаменита эта поэма. В середине этой беседы Арджуна просит *Кришну*, который к

этому времени уже открыл ему свое подлинное имя (т.е. открылся, что он не просто возникший):

Ты таков, о Владыка великий,
Как Ты сам мне сегодня поведал. Но теперь... дай мне
Лик Твой царственный въяве увидеть.

Эта глава *Гиты*, в которой *Кришна* являет Арджуне свой лик (санскр. *рупа* – «форма, образ»), носит название *Вишварупа* («величественный образ» Бога). Мы приводим выдержки из нее в поэтическом переводе В.С.Семенцова (Бхагаватгита. Пер. с санскрита В.С.Семенцова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999). Итак, доблестный Арджуна просит *Кришну*: «покажи мне свой лик бессмертный». *Кришна* соглашается, но при этом говорит, что этот его лик был «прежде недоступен зрению смертных». Поэтому для того, чтобы Арджуна смог его увидеть, *Кришна* торжественно провозглашает:

Я дарю тебе новое (*дивьям* – «божественное») зренье
Властью йоги Моей чудесной...
А затем этот Харри,
Этот йоги великий Владыка,
Высочайший свой царственный облик (*рупа*)
Показал изумленному Партхе (Арджуне – Г.Б.).

При рассмотрении этого «божественного облика» мы остановимся только на интересующих нас подробностях, которые увидел изумленный Арджуна «с вздыбившимися волосами». Вот что он говорит при виде такого «облика» (стр.64):

Образ ужасен Твой тысячеликий,
тысячерукий, бесчисленноглазый;
страшно сверкают клыки в Твоей пасти.
Видя Тебя все трепещет, я тоже.

Пасти оскалив, глазами пылая,
Ты головой упираешься в небо... (но не выше – Г.Б.)

Словно костры ненасытного времени
пасти Твои, Твои челюсти страшные...
Все они... (воины противоположного стана – Г.Б.)
внутрь Твоей пасти, оскаленной страшно,
словно спеша друг за другом вступают;
многие там меж клыками застряли –
головы их разможенные вижу.

И словно к морю бегут неустанно
реки, ручьи, иной цели не зная,
так мира смертного эти герои
к пасти чудовищной шаг устремляют.

Как мошкара летним вечером в спешке
лезет в огонь себе на погибель, --
так, погибая, все твари стремятся
в пасти Твои, нетерпеньем влекомы.

Ты их, облизывая, пожираешь
огненной пастью – весь люд этот разом...
Кто Ты? – поведай, о ликом ужасный!..

* * *

Благой Господь (Кришна) сказал:
Время Я – мира извечный губитель.

Да, мы, конечно, забыли предупредить нашего читателя, что слабонервным «девицам из пансиона» такие тексты читать вредно, и тем более, на сон грядущий. Можем ли мы упрекнуть автора этого великого древнего трактата в склонности к духовным заболеваниям? Ведь в этом сравнительно коротком отрывке *Гиты* слово «пасть» повторяется «несчетное» число раз. Нет, не можем. Автор описал Правду нашего земного бытия, в котором и Царь, и Время – это *Кришна*. Автор *Бхагават Гиты* просто «застенографировал» то, что видел своими *духовными* очами. И если с кем-то из нас после прочитанного случилась «истерика», то в этом виноваты только мы сами. В отличие от более поздних «политиков от религии» древние авторы всегда пишут только то, что есть, без прикрас. Они навсегда связаны с духовным миром «клятвой», и изменить этому миру не могут.

Удивительным является то, что подобный сюжет о «поедании людей» и ненасытной прожорливости «бога» мы находим в египетских Текстах Пирамид. В этом случае «братом-близнецом» нашего «клыкастого» *Кришны* является фараон *Унас*, который пришел в царство мертвых и стал самым *Осирисом*. То есть мы несколько бы не погрешили, если бы в этой *вишварупе* заменили бы имя *Кришны* на имя египетского Бога *Осириса*. Вот этот знаменитый *Гимн Каннибала* из Текстов Пирамид. Этот *Гимн* приведен в различных русскоязычных изданиях, в том числе в книге *Египетская мифология* (Энциклопедия. – М.: Изд-во Эксмо, 2007, пер. с англ., стр.203):

Унас властитель
Мудрости; имя его – тайна (а значит – не *Унас – Г.Б.*)...
...власть его подобна власти *Атума* (первоначальный Бог Творения – *Г.Б.*),
Его божественного отца... Он выше *Атума*.

Тени его двойников (духовное тело *ка* -- мн. число – *Г.Б.*) следуют позади...
Он видит свой *ба* (душа духовного тела – *Г.Б.*) – пламя живого огня.
Сила *Унаса* охраняет его...

Унас приступает к трапезе –
Он ест людей; он угощается плотью богов...
Унас поедает их тайные имена;
Унас поглощает их души –
Поутру он съедает самых больших,
Людей среднего роста – под вечер,
Оставляя до ночи тех, кто поменьше.
Тела стариков становятся хворостом в его огне.

Смотрите! Могучий *Унас* заставляет пламя плясать
Средь бедер стариков, а ноги женщин
Он бросает в котлы, чтобы ими затем угощаться.

Унас Великий, Великий среди Великих!
Унас, могущественный бог, бог всех богов!
Жадно съедает он все, что находит...
Унас теперь самый главный над всеми –
Много тысяч он съел, много сотен он сжег;
Он правитель Рая...

Он поедает печень одну за другой без счета;
Сердца богов он съедает, и они становятся его;
Он проглатывает Белую Корону и Красную (символ Верхн. и Нижн. Египта – Г.Б.)
Жир внутренностей течет по его горлу; тайные имена
У него в животе, и он процветает –
Смотрите – он пожрал мозг каждого бога,
И будет жить теперь вечно.

Нет, «вечно» жить он, конечно, не будет, но судя по всему, он жив еще и сегодня. Мы должны отметить, что, возможно, данный перевод несколько утрирует людоедские пристрастия Унаса, но суть «каннибальской проблемы», тем не менее, передана здесь безо всяких прикрас. Данный текст можно дополнить еще одной цитатой из египетских текстов, но уже из книги У.Баджа «Древний Египет» (стр.290). Бадж приводит «Речь праведного усопшего из папируса Ну»:

Мои уста чисты, мои руки тоже. Пусть мне будет сказано теми, кто увидит меня:
«Приходи, приходи с миром», потому что я слышал великое слово, с которым Саху обратился к Коту в Храме *Хант-Ре*...

На имя *Хант-Ре* У.Бадж дает следующее примечание: «То есть бога с широко открытым ртом; об этом мифе ничего не известно». Мы должны подтвердить эти последние слова У.Баджа: египетская религия – это самая «закрытая» религия мира. Египтяне не предавали тайны своих знаний «записанному слову», а то, что ученые выискивают «по крохам», -- это только то «внешнее» (экзотерическое), без чего обойтись было нельзя (тексты заупокойного культа, которыми снабжались мумии, саркофаги и гробницы). Для информации отметим, что текст приведенного выше Гимна Каннибала сегодня доступен в сети в русской версии в более точном переводе, причем, не одном. Он также присутствует в упомянутой выше книге У.Баджа.

А теперь обратимся к Древнему Китаю, а точнее – к древнему символу власти китайского Императора: это -- традиционный нефритовый диск. Форма этого диска повторяется в известной форме китайских монет: круглый диск с квадратным отверстием посередине. Обычное объяснение такой формы заключается в том, что «круг» -- это символическое изображение Неба (как бы «горизонта», который наблюдает путешественник в степи или пустыне), а «квадрат» -- это символ Земли (а точнее, Поднебесной, т.к. древние китайцы были уверены в том, что Поднебесная – это и есть вся реальная земля), которая как бы «охватывается» Небом-*Тянь*. Но это – только «внешнее» объяснение. Сакральный смысл этого древнего символа состоит в том, что *Тянь* – это самое высшее (пусть и достаточно неопределенное) Божество китайского пантеона -- проявляет себя «на земном плане» именно так, как отображено в этом древнем символе. Исполнение «веления Неба» (*тянь мин*) – это кардинальное понятие всей религиозной жизни императорского Китая, а также одна из важнейших категорий конфуцианского *Лунь Юя*. А вот «квадрат», который расположен «внутри» этого *Тянь* -- т.е. который пребывает в его власти, -- это изображение древнейшего иероглифа *коу* – «рот». Это понятие «раскрытого рта» передано еще более отчетливо и ужасающе в своей

«откровенности» в хорошо известном всем китаеводам древнем орнаменте Китая: маске *таотэ*, которая изображает утрированно огромную разинутую пасть, причем, разинутую так широко, что ее нижняя часть (челюсть) иногда даже не изображается. Кстати, можно заметить, что изображение, подобное *таотэ*, встречается и среди орнаментов индейцев Центральной Америки.

Рассматривая вопрос мистической встречи древнего человека с «ужасом Земли» в виде «раскрытой пасти» или «открывшейся бездны», «расселины», мы хотели бы упомянуть и о религии Заратуштры. «Символ Веры» зороастрийцев начинается с отречения от всего бесовского, которое принадлежит *Анхро-Майнью*, «Злому Духу», противнику Благого Бога т.е. *Ахура-Мазды*. Вот что пишет по этому поводу переводчик *Гат* Заратуштры и других Авестийских текстов И.М.Стеблин-Каменский (Гаты Заратуштры, «Петербургское Востоковедение», СПб.: 2009, стр.171):

Начинается зороастрийский «Символ веры» отречением, проклятием демонов-дэвов – бесов Откровения Заратуштры. Отречение, отказ от общения с дэвами повторяются многократно. При одном из таких отречений упоминается слово *raxs[a]yanta*, бывшее неясным (ср. в переводе В.И.Абаева: «Отрекаюсь от всего... рашевского (дружжевского?)»). Предлагается сопоставить основу **raxh-* с персидским *rax* «трещина, щель»... *raxhe* «брешь, пробоина, дыра»...

Единственно, что можно сказать в дополнение к этому, -- это удивиться такому поистине уникальному явлению в мировых религиях: только зороастрийцы отважились бросить вызов Злому Духу (*Рухе* мандеев и *Рух* иудеев), открыто встав на сторону *Ахура-Мазды* или *Спента-Майнью* (второе название этого Бога), что в дословном переводе с авестийского означает «Святой Дух». Древние греки относились к своим Богам несколько иначе, -- соблюдая человеческое достоинство и не унижаясь перед ними, т.е. как бы «на равных»; евреи служили *Яхве* как преданные телохранители; кшатрий Арджуна искал *любви-бхакти* у своего Великого Бога, но подавляющее большинство народов перед своими Богами «трепетало, как осиновый лист». Египтяне, напротив, все время пребывали в состоянии «поиска» в отношении к своим «богам», что, бесспорно, делает им честь. И, наверное, только *мандеи* действительно любили своего *Бога Света* безо всякого страха перед ним: как дети любят своих родителей, как Иисус любил Своего *Отца*.

Из всего вышесказанного мы можем сделать вполне уверенный вывод: во всех перечисленных выше случаях мы видим духовное отображение человеком священной «мистерии Земли». Земля всегда приветствует «своих посетителей» «мистерией раскрытого рта». Как сказал прекрасный русский поэт Ф.И.Тютчев:

Природа знать не знает о былом
Ей чужды наши призрачные годы.
И перед ней мы смутно сознаём
Самих себя лишь грезой природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

В мандейских текстах тоже есть описание, напоминающее эту «раскрытую пасть». Прочитаем, например, строки из тайного текста «Тысяча двенадцать вопросов» («Мандеи», стр.265):

Видишь, все имеет основу в Земле, и происходит из нее, и держится на ней, и ничто не может покинуть ее, кроме души (*нишиимты* – Г.Б.) и духа (*рухи* – Г.Б.): то, что Иордан забирает у нее и освобождает от ее ловушек и оков. Ибо Земля – это Руха, которая ловит в тенета и запутывает все таинства и любые существа, если оно не стремятся покинуть ее. Взгляни на это прекрасное тело, которое она вырастила! (Со смертью) она обволакивает его и поглощает, и делает это так, что его как бы никогда не было. И все удивительные явления, которые она производит и оберегает, как человек оберегает огонь масляной лампы (как оберегали свои светильники пять дев в притче у *Матфея* – Г.Б.), -- и вдруг она набрасывается на них и пожирает зубами ярости» (АТŠ, р,238-239).

«Пожирает зубами ярости»... точно так же, как Бог *Кришна*, или Бог *Осирис*, Небо-*Тянь*, греческий *Аид* и все другие главные Боги религий *рая*. Эти слова мандеи пишут о Земле-*Рухе*, которую они отождествляют с верой иудеев, а значит с Богом *Яхве*, которого мандеи ставят «ниже» *Рухи* и которого именуют *Адона*.

Но неужели все религии мира предлагают человеку в завершении его земного поприща только «раскрывшуюся пасть» Земли? Но уже из процитированного выше отрывка из «Тысяча двенадцать вопросов» видно, что назареи хорошо знали эту проблему и «стремились покинуть» Землю-*Руху*. Но и они не были в этом вопросе первыми: именно египтяне впервые стали решать эту задачу, используя свое знание *хека*, что хорошо видно из их философских трактатов, которые стали сегодня достоянием научных исследований. Но и у мандеев, и у египтян эти попытки ограничивались созданием сложного религиозного ритуала и в дальнейшем -- строжайшему следованию этому выбранному ритуалу при проведении богослужения. Мы должны понимать, что в данном случае речь не идет о каких-то тайных египетских «изобретениях» в религиозной сфере, которые впоследствии «заимствовали» назареи, а затем и Иисус -- в Своей практике и в Своем Учении.

Если подбросить камень вверх, то он всегда падает на землю, независимо от того, кто его бросает вверх и что он при этом думает и как это явление объясняет: древний ли это египтянин, или искатель Миров Света мандей, или китаец, или ацтек или Иисус. Есть *духовные законы*, которые так же незыблемы, как и те земные законы, которые управляют этим «камнем»: их не может изменить никакой Бог Творец. Мандеи искали выход, но они его не нашли, потому что, как говорит Иисус, тогда еще не «*исполнились сроки*». А когда они «исполнились», тогда то новое, что принес на землю Иисус, стало полностью отрицать ритуал, как всякую прежнюю парадигму служения Богу. Потому что если раньше все народы служили Богу Земли, -- после Христа у человека появилась возможность служить Богу Неба. Но служить уже не в качестве «раба», а в качестве «сына».

И еще два слова о служении этим Богам. В каноническом евангельском тексте мы видим определенные «реверансы» Христа в сторону Бога Иудеев. Неужели Иисус лицемерит? Конечно, нет. Еще раз повторим нашему читателю: подлинно духовный человек связан «кровной клятвой» с миром духовным, и изменить этому миру не может. Иисус в данном случае просто показывает Своим слушателям, что любой человек на своем пути к Царству Небесному, как правило, не в состоянии миновать период служения Богу *Яхве*: точно так же, как любой абитуриент высшего учебного заведения обязательно должен иметь в кармане аттестат об окончании средней школы. И все это – тот же самый *духовный закон*, который упразднить никто не может. Человек должен родиться сначала «от воды» и только потом – «от Духа (Святого)». Лучшей такой «школой» для любого человека является православие: именно здесь одновременно со служением Богу *Яхве* (а как иначе назвать наличие в составе христианского Писания иудейской *Торы* целиком?) у человека есть возможность постоянного «контакта» с Христом через *церковнославянский*

язык Евангелия. Никакой другой язык не в состоянии так же точно передать дух Евангелия Христа.

Итак, пришел Иисус и «открыл» для нас не «[пасть Земли](#)», а «Небо», т.е. Царство *Отца*. Вот как об этом сказано в евангельском тексте ([Мк.1.10](#)):

И тотчас восходящий из воды [Иисус] увидел [разрывающиеся \(схидзоменус\) небеса...](#)

Глагол *схидзо* – это «раскалывать, разрывать». У «философа Матфея» и у «собиранителя предания» Луки при описании крещения Христа этот глагол заменен на более «умеренное» греческое *аноийго* – «открывать, отпирать»: «[Небеса открылись](#)». Но у Марка – более правильно, если исходить из реального опыта получения этой мистерии, т.е. правильнее *психологически*: именно глагол *схидзо* передает ощущение внезапности, неожиданности и «вселенскости» происходящего события. Обратим внимание нашего читателя на такой немаловажный факт, что данное событие оказалось неожиданным и для Самого Иисуса Христа. А вывод из этого пусть сделает сам читатель.

Мы, конечно, можем прочесть в религиозной литературе также о том, что небо «открывалось» и над тем или иным персонажем иудейского апокрифа. Но во всех таких случаях подобное «открытие неба» -- это обычное «сказочное повествование», причем, чаще всего небо здесь открывается для того, чтобы этот персонаж туда «поднялся», и увидел «сокрытые тайны», или -- только для того, чтобы пролить на землю благодатный дождь из закрытых до этого «небесных хлябей». По крайней мере, в иудейском Писании такого феномена, как мистерия «[открывшегося неба](#)», не зафиксировано, да этого и не могло быть в принципе: «мистерии Неба» и *Яхве* – это несовместимые понятия.

Но, с другой стороны, читателю, наверное, будет интересно «прочитать» (правильнее было бы сказать – «увидеть», т.к. речь идет о китайских иероглифах) строки из знаменитого китайского *Дао дэ цзина* (чжан 10):

[Небесные врата открываются \(кай\) и закрываются \(би\),](#)
[Можешь ли быть как самка \(цы\)?](#)

Наш человеческий ум просто отказывается верить в то, что эти строки написаны в далеком Китае и что этот текст не имеет никакого отношения к проповеди Христа о спасении человека из мира *Яхве*. Текст *Дао Дэ цзина* очень лаконичен (гораздо более лаконичен, чем конфуцианский *Лунь Юй*) и таит в себе множество нераскрытых загадок. Но он в корне отличается от всей традиционной религиозной китайской литературы. Мы не будем сейчас останавливаться на этой теме, однако можем позволить себе сделать предположение, что эти строки *Лао цзы* ближе стоят к евангельским параллелям, чем что-либо еще во всей мировой литературе. *Дао Дэ цзин* ближе к Евангелиям, чем апостол Павел.

Говоря о «[расколовшемся небе](#)», мы не можем не упомянуть о *Коране*. Вот начальные строки *Суры 84* «Раскалывание» (пер. И.Ю.Крачковского): «[Когда небо раскололось, и послушалось своего Господа...](#)». Или еще одна цитата, но уже в более понятной для читателя форме: «[И как же вы спасетесь, если останетесь неверными, от того дня, который детей делает седыми? Небо раскалывается тогда; обещание Его совершается](#)» (*Сура 73:17,18*). Даже если мы будем принимать во внимание одну только эту терминологию, мы можем со всей определенностью сказать, что Мухаммед был подлинным мистиком и имел откровение духовного мира. Но данные слова о «[раскалывании неба](#)» в *Коране* относятся не ко времени земной жизни человека, а ко времени «начала» смерти. Потому что ислам, точно так же как и иудаизм, -- это религия не мистериальная, и это тоже – «религия рая». Хотя, ничего в жизни не бывает случайного, и тем более – в великих религиях, к которым относится ислам. Имя того Бога,

которому поклоняются мусульмане – *Аллах*. Это имя – однокоренное с *Элохимом*, а не с *Яхве*.

И кто знает? -- возможно, *Коран* дан человечеству по той причине, что люди не приняли проповедь Иисуса о Боге Отце – *Элохиме* – и вернулись к служению Богу *Яхве*. Здесь мы опять касаемся той проблемы, от которой ушли совсем недавно: но мы и сейчас не будем обсуждать «запутанный вопрос» о *Яхве-Элохиме*. В *Коране* зафиксировано то, что произойдет с любым человеком после его смерти (независимо от теологического толкования этих слов *Суры*). Но при этом следует добавить, что именно из числа первоначальных исламских суфиев (т.е. еще не организованных в суфийские братства) было больше достигших Царства Небесного, чем из числа первых христиан.

Первые суфии были «свободными художниками», большинство из них имело одну жену и в естественном порядке (это только для нашего сегодняшнего «перевернутого» демократического менталитета кажется «дикостью») соблюдали заповедь верности своей жене. Судя по всему, разрешение брать не одну жену Мухаммед позаимствовал у мандеев. Причем, в исламе существуют такие же жесткие санкции в части супружеской измены, как и у мандеев. Первые суфии знали Иисуса и по *Корану* – как великого Пророка, -- и из бесед с живущими рядом христианами, и фактически были «мусульманами Иисуса», которого они почитали как олицетворение Любви. То, что они видели в Нем Пророка, а не Бога, -- это только способствовало достижению ими Царства. По этим причинам первые суфии «мистерии Царства» получили.

В противоположность историческому развитию ислама, в иудаизме мистерий не было никогда, даже «заимствованных» (ни «мистерий Земли», как, например, у эллинов, ни тем более «мистерий Царства»). На откровение *мистерии* изначально наложил запрет Бог *Яхве*, ограничив интересы своих избранников (включая все формы почитания себя самого, как Бога) исключительно «земным» горизонтом. Причем, в данном случае Бог *Яхве* проявил себя очень последовательным образом: в свое время он точно так же запретил райскому Адаму вкушать плод от «дерева познания добра и зла». И, тем не менее, в иудаизме все-таки существует единственный прообраз мистерии или «псевдо-мистерия», которая нашла свое выражение в религиозной жизни уже более позднего иудаизма. Это чудесный переход евреями через Тростниковое море, когда по мановению жезла Моисея (египетского жреца, владеющего знанием *хека*), воды этого моря перед евреями расступились, и весь народ прошел по его спасительному дну на другой берег. Именно отсюда берет начало правило погружения в иудейскую *микву* – бассейн для ритуального омовения: любой входящий в *микву*, должен коснуться дна этого бассейна. То есть *миква* – это религиозный обряд, который «творится в воспоминание» мистерии перехода евреями через Тростниковое море (или озеро). Но и эта историческая «однократная» «мистерия воды» – это точно также, как и Элевсинская «мистерия Земли», тоже мистерия Ада.

При этом читатель должен знать, что подобный чудесный переход по дну водного бассейна не является событием, уникальным в религиозной истории человечества. Так, например, в древнем арийско-иранском Гимне, вошедшем в состав зороастрийской *Авесты*, -- Гимне, посвященном прекрасной богине арьев *Ардовисуре Анахите* (богине главной реки арьев) тоже присутствует подобный эпизод, когда воды этой широкой реки «расступаются» и богатырь-арий проходит по дну реки с одного берега на другой. А вот рассмотренный выше чудесный переход евреями Тростникового моря (озера) оспаривают у них – в своем Писании, конечно, причем в несколько путанном виде – те мандеиназарей, которые бежали от них из Иерусалима в I в. н.э. в сторону Мидийских гор – причем, бежали как раз через такие «тростниковые моря-озера», которых в этой местности достаточно много.

Вообще если рассматривать мандейские тексты как бы «с высоты птичьего полета», то можно, наверное, отважиться сделать такое предположение относительно происхождения этого народа – того народа, из которого вышел евангельский Христос. В

какой-то из своих работ – кажется, «Мандеи Ирана и Ирака» -- Леди Дровер пишет, что среди мандеев существует две четко различающиеся по своим этническим признакам группы людей. Одна группа, более многочисленная, -- это темнокожие и низкорослые люди, похожие на представителей живущего вокруг них народа. А другая – это очень красивые люди стройного телосложения, со светлым цветом кожи, какой встречается среди племен Северной Африки. Леди Дровер заявляет, что более красивого народа она не встречала. Священники, как правило, относятся именно к этой светлокожей «касте». Возможно, в то время, когда Моисей выводил свой народ из Египта, вместе с ним вышла какая-то группа египетских жрецов, которые выполняли обязательные в таком случае жреческие функции на первом этапе Исхода. Возможно, они-то и были родоначальниками будущего народа, именующего себя мандеями. Но затем Моисей отказался от их услуг, т.к. религиозные убеждения этих жрецов разошлись с теми требованиями, которые предъявил к Моисею и к своему избранному народу Бог *Яхве*. По этой причине мандеи-назарей отделились от иудеев и остались, фактически, единственными наследниками Древней религии Египта. Но вплоть до времени земной жизни Христа между этими «назарейями» и иудеями не было принципиальных противоречий: оба народа помнили общую древнюю родину их отцов и мирно уживались на одной и той же земле Палестины. И в завершение этого абзаца скажем: если Иисус – это назарей, то Его внешний облик был прекрасен.

Итак, занимаясь исследованием мистериальных аспектов религий мира, мы почти забыли о том, ради чего начали весь этот разговор -- о тексте *Фомы*. Нет, дорогой наш читатель, автор об этом, конечно, не забыл, но прежде чем мы опять вернемся к *Фоме*, нам необходимо рассмотреть ближайшего «собрата» коптскому слову *пох* в мандейских текстах. Как уже, наверное, догадался наш читатель, все эти не совсем обычные слова, которые встречаются в древних текстах и которые мы только что рассмотрели, -- «расколоться, раскрыться, раскрытая пасть, рот» -- являются «маркером» такого явления в жизни человека, которое и древние греки, и Иисус называли словом «мистерия». То есть того необычного «происшествия», которое человек встречает не после своей смерти, а во время своей земной жизни. Когда между нашим земным миром и миром духовным на какое-то мгновенное «отсутствующее время» вдруг упраздняется «средостение», возведенное в этом земном мире Богом *Яхве*. И назарей, из которых вышел сам Иисус, уделяли в своих текстах этому явлению – *мистерии* – больше внимания, чем все остальные религии вместе взятые. Исходя из описания мандейской веры в мандейских источниках, становится ясно, что это – религия того *мистериального откровения*, которое явилось фактом реального жизненного опыта отдельных назареев. Можно сказать с очень большой долей вероятности, что это откровение было каким-то образом связано с проповедью «Иисуса Христа», пусть и несколько иначе названного в мандейских источниках. Причем, возможно и такое, что «мандейский Христос» -- *Анош Утра* – жил за 100 лет до жизни того иудейского «Лже-Мессии» (так он именуется по текстам мандеев), которого римляне распяли при Пилате. В мандейских религиозных текстах то слово, которое является «маркером» мистерии, представлено корнями ПХТ, ПТХ и ПТА. Они означают «открывать», «разламывать» и даже «порождать». Ритуальный мандейский хлеб – это ПиХТа (букв. «открытый»). В книге «Сокровенный Адам» Леди Дровер пишет о назарейском Царе Света, цитируя *Гинзу*:

«Это Таинство и Книга Сияния, пылающего в *pihta*, лучезарное в своем собственном сиянии и сильное в своем свете» (GRr 238). *Pihta* в данном случае означает не обычный «священный хлеб», а нечто «открытое» или «откровение»...» (стр.236)

А в одном из гимнов, который приводит Леди Дровер («Мандеи», стр.301), есть такие прекрасные строки, связанные с мандейским обрядом крещения:

Во имя Жизни!
Что сделал твой Отец для тебя, Душа,
В великий день, в который ты поднялась?
«Он свел меня вниз к Иордану, окунул меня,
И поднял и поставил меня на берег.
Он преломил (пта) и подал мне хлеб (пихта),
Благословил чашу и дал мне ее испить.
Он произнес надо мой имя Могучей (Жизни, т.е. сделал Душу бессмертной – Г.Б.)
Он пошел в гору впереди меня.
Он громко кричал, чтобы я его слышала...

Этот Гимн описывает получение душой человека откровения Высшей Жизни в виде мистерии *пта* и затем – все то, что происходит с человеком после получения этой мистерии. В примечании к слову «преломил» (Примечание 123, стр.376) леди Дровер пишет: «*Рта*, буквально «раскрыл», здесь, скорее, «разломил на части», «преломил». При этом у читателя сразу же возникают ассоциации с хорошо известным для каждого христианина действием – тем чудесным «преломлением хлеба», которое совершает Христос перед «чудесным насыщением» тысяч людей в пустыне. И нет сомнения в том, что Иисус «преломляет хлеб» вполне сознательно, и такое Его «преломление» имеет прямое отношение к этому мистериальному мандейскому ПТА, а не является «общепринятой восточной практикой», как это нам объясняют «научные богословы». И размышляя над этим *пта*, невольно задаешься вопросом: неужели имя мандейского Демиурга *Птахиля* выбрано именно по этой одной причине? Ведь этот Бог тоже есть ПТА, -- который, как и человек, одной ногой стоит на земле, а другой – в Небе. Приведем еще один небольшой отрывок из книги Е.Дровер «Сокрытый Адам» («Мандеи», стр.299-301). Леди Дровер цитирует тайный мандейский текст «Тысяча двенадцать вопросов»:

Мы, Великая Жизнь, создали все мистерии (*ginzia*) (ритуалы, как вместилище Света – Г.Б.) и Мы освободили душу, дабы она не оставалась в заточении (=в теле). Та сущность, что Мы извели из Нашей среды, придет и вернется на свое место, но не в том обличье, в котором она когда-то изошла от Нас. Когда она вернется (и будет) с Нами, она уже не уйдет обратно. Ибо когда Мы послали ее и поместили в Тело, как горчичное семя (см. Мк.4:31)... И тогда она появилась из Чрева, как цыпленок появляется из яйца. И Душа живет в окружении зла и даже производит мистерии, так что она воспринимается зрением и становится видимой... И затем Тело разрывается трещиной, которая изначально существует посреди миров и поколений... Ибо когда *ruha* (*руха*) сопровождает *nisimta* (*нишимта*), эти двое становятся как бы единым телом... Когда они смешиваются в едином ликовании, у них образуется единая форма...

Судя по всему, речь в этом тексте – принципиально – идет о «форме» Адама Шестоднева. Мы позволили себе несколько расширить последнюю цитату, понимая при этом, что она очень наглядно подтверждает и наши прежние рассуждения о тексте *Фомы* в целом.

И уже окончательно возвращаясь к рассматриваемому нами логии *Евангелия от Фомы*, скажем: это коптское *пох* (почти мандейское *пхт*) является прямым аналогом всех рассмотренных выше «маркеров» религиозных текстов. Оно свидетельствует о том, что речь в данном случае идет о «мистерии Царства Небесного», при которой или «раскалывается» Небо или «трескается» невидимая окружающая человека «Стена» зримого земного мира, отделяющая наш мир от мира духовного.

Итак, **«расколовшийся плод»** -- это человек, получивший *мистерию*, а **«умелый»** -- это тот, кто уже имеет подобный опыт, и который хорошо знает, что эта мистерия означает. Получивший *мистирию* **«плод»** может пребывать в растерянности, потому что он не понимает, что с ним произошло, и что за этим может последовать. Получение *мистерии* -- это очень редкое событие, и оно нигде не описано, потому что это -- наиболее закрытое знание любого мистериального Учения. Еще раз напомним нашему читателю, что за 1500 лет существования *Элевсинских мистерий* ни один *мист* -- из многих сотен тысяч получивших посвящение -- не выдал тайну того, что он *созерцал (эпиптейя)* в Телестерионе. И в то же самое время все Таинства первоначальной Церкви, которые впоследствии тоже стали именовать словом *мистерия*, -- были известны язычникам уже со времени апологета христианства Иустина Философа, который описал их в своих работах, защищая христианские обряды от наветов.

Но такое подлинное *мистериальное* знание всегда передавалось только устно, от Учителя к ученику. В этом логии Иисус желает своим ученикам, чтобы, когда подобное произойдет с ними самими, тогда нашелся бы такой Учитель, который объяснил бы им, что с ними произошло в действительности. Человек, только что получивший *мистирию*, имеет раскрытую для духовного мира душу, а этот духовный мир включает в себя также мир inferнальный, мир Ада. Иисус хочет, чтобы такой **«расколовшийся»** для духовного мира **«плод» «срезал» серп** посланника Царства Небесного, а не «серп» посланника Ада. Причем, -- срезал **«быстро»**, потому что если это не сделает один, то сразу же сделает другой.

В качестве наглядного примера можно привести уже упоминаемый нами случай из жизни русского прославленного Старца Силуана, который подвизался в своем молитвенном подвиге на Афоне в первой половине XX века. Вот как это описывает сам Старец («Старец Силуан. Жизнь и поучения», Православная община, Издательство «Воскресение», 1991 г., Издательство «Университетское», стр.387, 388):

Я сам дважды ошибался. Один раз враг мне показал свет, и помысел говорил мне: прими, это благодать. Другой раз я принял одно видение и много пострадал за это. Однажды, в конце бдения, когда запели «Всякое дыхание да хвалит Господа», я услышал, как Царь Давид в небе поет славословие Богу. Я стоял на хорах и мне казалось, что нет ни крыши ни купола и что я вижу отверстое небо. Я говорил об этом четырем духовным мужам, но никто мне не сказал, что враг посмеялся надо мною, а я сам думал, что бесы не могут славословить Бога и что, значит, это видение не от врага. Но прелесть тщеславия боролась со мной, и я снова стал видеть бесов.

Бесы действительно не могут славословить Бога таким образом, как это предстало в видении Силуану. Обращение Старца Силуана к «четырем духовным мужам» свидетельствует о том, что *никто* на Афоне не имел представления о том, что действительно с ним произошло. Он остался один ни один с «серпом» inferнального мира «бесов».

И еще одно маленькое, но очень важное практическое замечание: катализатором «мистерии Царства Небесного» (и не только ее, но и «мистерии Ада», как, например, было у «дионисийского» Ницше) часто служит музыка -- классическая или духовная.

§27(22).

Иисус увидел младенцев, которые сосали молоко. Он сказал ученикам своим: Эти младенцы, которые сосут молоко, подобны тем, кто идет в царствие. Они сказали ему: Что же, если мы -- младенцы, мы войдем в царствие? Иисус сказал им: Когда вы сделаете [опред. артикль ед. числа мужск. рода] двоих

одним (ва)... и когда вы сделаете мужское (хоут – «мужское, самцовое») и женское (схимэ – «женщина, самка, женское») одним единым (ва вот), так чтобы мужское не было мужским и женское не было женским... тогда вы войдете в [царствие].

Смысл этого логия уже должен быть понятен нашему читателю без объяснений. «Когда вы сделаете мужское и женское одним единым (ва вот)» -- это почти цитата из Шестоднева или *Евангелия от Матфея* (гл.19), где Иисус ведет с фарисеями разговор о возможности развода. Здесь все понятно, но, наверное, следует обратить внимание нашего читателя на начало этого логия, где почему-то два раза подряд повторяется слово «молоко», что вообще-то кажется несущественным и избыточным для такого лаконичного текста. Но такое впечатление складывается только потому, что христиане давно «позабыли свое прошлое» и совсем не знакомы с поэтическим языком христиан-назареев. Для Самого Иисуса Христа речь здесь совсем не идет о том материнском молоке, которым вскармливается земной младенец. Вот описание того подлинного «молока», которое любой знающий древний читатель видел в этих строках логия *Фомы*:

Чашу молока предложили мне,
И я пил его во сладости доброты Господней.
Сын суть чаша сия, а Отец – Тот, кто доил,
А Дух Святой – Та, которая доила Его;
Ибо груди Его были полны, и не хотелось бы
Чтобы молоко Его пропало без толку.
Дух Святой обнажил грудь Ее
И смешал млеко из двух грудей Отца...

И такие слова о «молоке» встречаются в том Сборнике песнопений (текст взят из Сети), из которого процитированы эти строки, не один раз. Христиане сетуют на то, что от подлинной первоначальной евангельской традиции не сохранилось древних текстов. Этот текст о «молоке» – именно оттуда, просто мы настолько отошли от проповеди Христа по своему духу, что не в состоянии своими глазами различить то, что действительно принадлежит Ему. Это -- *Ода 19*. Она взята из Сборника недавно найденных поэтических текстов, название которого научные исследователи «перевели» как «Оды Соломона», как будто эти *оды* имеют какое-то отношение к иудаизму. Стандартный трехбуквенный семитский корень ШЛМ – это «быть в безопасности, мире, покое»; от него же происходит и имя Соломон. Но если у евреев когда-то царствовал мудрый царь Соломон, то это совсем не означает, что в арамейском (в данном случае – сирийском) языке исчезло это слово «мир, покой», а все подобное по написанию стало «Соломоном». И в данном случае, -- это как раз и есть тот самый «покой», который человек обретает после того, как его сердце посетит Бог. Вот примеры такого *покая*: из *Евангелия от Фомы* – «и он обретет покой»; или из канонического *Евангелия от Матфея* – «и найдете покой душам вашим». Ведь никто же не переводит эти строки: «и вы найдете Соломона душам вашим»? Так почему этот древний сборник песнопений назвали «Одами Соломона»? Именно «покой» вынесен в заглавие этого сборника -- *Оды покоя*, причем само слово «покой» неоднократно повторяется в тексте *од* и вполне разумно переводится именно как «покой», а не как «Соломон».

Сама тематика этих *од* и способ выражения мысли автором этого текста, включая такие понятия, как «письмо», «текущая вода», «колесница», «храм» у воды (в Иерусалиме, ведь, Храм никогда не был расположен около воды, а у назареев иного «храма», чем около воды, и быть не могло), «царствие», «Мессия», «Спаситель», «фонтан», «воскресение», «печать», «Отец», «*Руха*» в виде голубки (именно *голубки*, а не *голубя*, что повторяется и в канонических Евангелиях в эпизодах крещения Христа, хотя опять переводится «по

смыслу» существительным мужского рода – «голубь») – все это характерная назарейская терминология того исторического времени, когда среди назареев появился человек, которого впоследствии стали называть Иисусом Христом. Все эти *Оды* – в высшей степени мистериальны, они проникнуты живым присутствием Бога.

У иудеев, как нам хорошо известно, *мистерий* никогда не было, и быть не могло – а, значит, и не могло быть прямой встречи обычного человека с Богом. Видения Исаии и Иезекииля – это отдельные откровения духовного мира, т.е. те «исключения из правил», которые присутствуют во всех без исключения религиях. Причем, таким «видениям» бывают удостоены выдающиеся основатели религий или Пророки (кстати сказать, и Исаия и Иезекииль были удостоены таких видений не на своей родной земле, а когда они находились в Вавилонии). Когда мы говорим о «мистериях» и противопоставляем их «видениям» отдельных людей, то имеем в виду следующее. Во-первых, «мистерии» (например, *Элевсинские*, или *Царства Небесного*) получает не один единственный человек за всю религиозную историю того или иного народа, а их получают многие. Во-вторых, «мистерии» являются «одинаковыми» для каждого получателя, т.е. они повторяются в своих главных «картинах», т.к. являются «матрицами» жизни того или иного Бога. И, в-третьих, «мистерии» в отличие от «видения» влекут за собой конкретное изменение посмертного статуса их получателя: они обещают человеку рай или Царство. То есть «мистерия» -- это не просто какая-то «случайная вспышка» духовного мира перед взором ничего не ожидавшего созерцателя, а определенная «возрастная веха», но уже в возрасте духовном: что-то наподобие «начавшихся месячных» у девушки, которая до этого была просто «ребенком среднего пола».

Бесспорно то, что *Оды Покая* требуют к себе особого отношения и пристального изучения как со стороны искателя Царства Небесного, так и со стороны богословской науки, которая должна, наконец, научиться быть беспристрастной в своих исследованиях.

§28(23).

Иисус сказал: Я выберу вас одного из тысячи и двоих из десяти тысяч; и они будут стоять как одно единое (ва вот).

Это высказывание свидетельствует о том (впрочем, как и мера зерна в колосе «60» и «120»), что Иисус не исключал возможности прихода к Царству таких «одинок», как Силуан Афонский или Серафим Саровский. В молодости, еще в своей деревне, Силуан имел эпизод любовной связи с девушкой, которая, как пишет источник, впоследствии благополучно вышла замуж за состоятельного купца и нарожала ему детей. А нашему Серафиму Саровскому, который по собственному признанию был девственником, достаточно было того, чтобы на старость лет общаться с Дивеевскими и приветствовать каждую приходящую к нему монахиню обниманием и целованием. **«А ты, матушка, подойди да обними и поцелуй, да не один раз»** («Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря») -- так он говорил своим смутившимся посетительницам, показывая *как* это надо делать. У него самого к этому времени **«уже давно всё умерло»**. Так он сказал одному из мирских работников Саровского монастыря, когда у того появились «нечистые мысли» при виде Серафима, сидящего в густой траве с одной из молоденьких монашенок Дивеевского монастыря. Серафим прочитал эти мысли и сказал ему: **«У меня все уже давно умерло, а ты что подумал?»**. При этом он взял ладонь этого человека и вложил ее в свой беззубый старческий рот. Тот из читателей, кто «от вышних», знает, что Серафим говорит правду. А что-то доказывать Иисусовым «псам и свиньям» мы в данном случае не собираемся, да и не с ними сейчас мы ведем беседу о *Евангелии от Фомы*.

«Двое из десяти тысяч» -- это муж и жена, непрелюбодейная пара. Несмотря на то, что Учение Христа о спасении обращено исключительно к семейной паре, и только в качестве редкого исключения предполагает приход к Царству одинокого мужчины

(одиночка-женщина исключается, т.к. она – *руха*), путь к Царству вдвоем значительно труднее по той причине, что характер женщины может быть непредсказуем, и надо нести ответственность не только за себя, но и за нее, в первую очередь. При этом совсем не обязательно ставить условие, чтобы жена была одной веры с мужем: назарейские священники считали за большую удачу получить себе в жены иудейку. Жена вообще может быть неверующей. Главное в такой семье то, чтобы жена любила своего мужа и была всю жизнь к нему привязана, как настоящая женщина, и чтобы верила ему во всем безоговорочно. Но, конечно, лучше, если при этом она будет еще и «умеренной христианкой». Но и для самого мужа жизнь превратится в пытку, если он выберет себе в жены девушку не по любви.

Имеет ли этот логий назарейское происхождение? Трудно делать какие-то предположения, но вот что пишет в своей книге «Сокрытый Адам» леди Дровер («Мандеи», стр.246):

Когда мне удалось настолько освоить их язык (язык мандеев – Г.Б.), чтобы прочесть эти рукописи, мне тут же попались на глаза неоднократные предостережения о необходимости строго блюсти тайну. Только «один из тысячи, а из двух тысяч – двое» могли быть признаны достойными посвящения в некие тайны, а посвященный, который допустил их разглашение, должен был понести наказание как в этом, так и в будущем мире.

§32(27).

...если вы не сделаете субботу субботой, то вы не найдете Царствия.

Здесь следует вернуться к нашему разговору о «Соломоне», и о том «душевном мире» или «покое», на место которого переводчики стали «вставлять» слово «Соломон». В данном логии Иисус адресует Своего слушателя к Шестодневу:

И закончил *Элохим* к седьмому дню работу Свою, которую Он делал, и отдыхал (*шават* по масоретскому прочтению но, возможно, и *саббат* по прочтению реальному) в день седьмой от всей работы Своей, которую сделал. И благословил *Элохим* день седьмой, и освятил его, ибо в этот день отдыхал (*саббат*) от всей работы Своей... (пер. Давида Йосифона, в котором мы позволили себе заменить слово «Бог» на имя *Элохим*, которое стоит в подлиннике – Г.Б.)

Обращаем внимание нашего читателя, что в этом тексте *Брейшит* (*Бытие*), как и в рассматриваемом нами логии, слово *шават* – «отдыхать» (сущ. *шевет* – «покой, перерыв, прекращение») повторяется дважды. По тексту канонических Евангелий мы видим, что Иисус относился «безразлично» к субботе, как к религиозному дню иудеев, -- точно так же, как назореи, которые почитают не субботу, а воскресение. Христос эту субботу постоянно нарушал тем, что проводил исцеления именно в этот день, да и его ученики тоже «срывали колосья в субботу» в Его присутствии. Иисус вызывал раздражение у фарисеев в первую очередь именно тем, что «нарушал субботу», а в этом логии... богословы, в противоречии со всей здоровой логикой, опять видят все того же вездесущего еврейского «Соломона». Вся земная жизнь человека – весь мир, устроенный *Яхве* – основаны на непрекращающемся «вращении» в земных заботах, и так – до самой смерти. «Покой» (евр. ШБТ) человек обретает только в мире *Элохима*, и именно об этом *покое* Иисус говорит в Евангелиях. Противопоставление такого вечного «вращения» (*котэ*) в мире *Яхве* и «покоя» (*анапаусис*) мира *Элохима* хорошо выражено в *Евангелии от Фомы*

(логий **64/59**), где *покой* противопоставлен безостановочному «вращению» жизни обычного человека.

По этой причине Иисус и убеждает Своих слушателей (Мф.6:31-33):

Не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?». Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства (Божия) и правды его, и это все приложится вам

Все живущие на земле христиане (но также и иудеи), вопреки этим словам Христа, постоянно «заботятся» о «дне насущном», а значит – они язычники. Истинный христианин – не таков: он всю свою жизнь ищет Царство, и поэтому -- по этим самым словам Христа -- в любое «время перемен» всё внешнее обходит его стороной: он живет, как «в тихой гавани», не голодая и не нищенствуя, но и не устремляясь к накоплению «сокровищ на земле». И автор свидетельствует, что эти слова Христа истинны: тот, кто действительно ищет Царство своим сердцем, -- тому **«приложится все»**, что требуется для его земной жизни, и в первую очередь – любящая и прощающая многое жена. А Царство – это, в первую очередь тот *неописуемый покой сердца*, который после смерти человека переходит в «покой седьмого дня» мира *Элохима*. Хотя... назареи заявляют, что это происходит не тотчас же после ухода души из этого мира.

В Оксиринхском папирусе это высказывание Христа сохранилось. Здесь тоже говорится о «внезапном обнаружении» («Эврика!» -- я нашел!) Царства, а конец логия звучит несколько иначе: **«Если вы не субботствуете субботу, вы не увидите** (от этого же глагола «видеть» происходит Элевсинская *эпоптея*) **Отца»**. Любому здравомыслящему и знакомому с заповедями иудаизма прекрасно понятно, что иудейский седьмой день недели не имеет ни малейшего отношения к Элевсинской *эпоптеие*. Более того, в иудаизме этот день посвящен *Яхве*, а не *Элохиму* -- Отцу Иисуса Христа.

§33(28).

Иисус сказал: Я встал посреди мира, и я явился им во плоти. Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущими, и душа моя опечалилась за детей человеческих. Ибо они слепы в сердце своем и они не видят, что приходят в мир пустыми; они ищут снова уйти из мира пустыми. Но теперь они пьяны. Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются (метаной).

Прекрасный логий, отражающий подлинное состояние дел в христианстве не только во время написания этого Евангелия, но -- в гораздо большей степени -- в настоящий момент времени. Будем искренни: мусульмане и иудеи, но даже и китайцы, -- больше верят в своих Богов, чем христиане. На сегодняшний день христианство – это самая лицемерная религия из всех великих: иудеи и мусульмане лицемерят большей частью иноверцам, а христиане – в первую очередь своим «собратям по вере».

В логии обращает на себя внимание подлинно «Иисусово слово» из канонических Евангелий -- *метанойя* – «изменение ума» (а не привычное всем «покаяние»), которое копты заимствовали в его греческой форме – коптское *метаной*. Итак, вот «вердикт» Христа тому христианству, которое «Он застал», восстав из египетских песков в 1946 году: **«Вы слепы в сердце своем»**.

§34(28).

Общепринятый перевод этого логия неверен, т.к. отклоняется от смысла коптского подлинника. Вот перевод в соответствии с текстом:

Сказал Иисус: если плоть (*саркс* – заимствовано из греч.) пришла в бытие из-за духа (*пневма* – заимствовано из греч.), [значит] эта плоть – чудо. Если же дух (*пневма*) [произошел] из-за тела (*сома* – заимствовано из греч.), [значит] этот дух – чудо из чудес.

Как понять Христа в этом случае: ведь Он говорит, что *Руха* – «это чудо из чудес»? Речь здесь идет о том, что любая *плоть* на земле создана тем духовным началом – *Рухой* («дух» -- по-мандейски; и, почти то же самое, – *Рух* – на иврите). Эту *Руху* («Духу» женск. рода) назареи считают властительницей «мира Тьмы», -- того мира, которому, по их убеждению, поклоняются иудеи. По *Книге Бытие* именно *Яхве* с помощью своего «дыхания», которое, фактически, и есть *Руха*, создал для Адама его «живую» земную плоть. Таким образом, Иисус Своим высказыванием вступает в полемику с «ортодоксальными» мандеями. Он заявляет, что появление *материального* начала от начала *духовного* – от презираемой мандеями *Рухи* -- это само по себе чудо. Но далее Он ведет речь уже не о той *Рухе*, которую чаще всего имеют ввиду мандеи, а о *Руха-д-Кудша* или о том понятии, которое в канонических Евангелиях стало именоваться Духом Святым (*то пневма то хагион* – дословный перевод с мандейского *Руха-д-Кудша*). Эта *Руха-д-Кудша* и есть то «**обрезание в Духе**», о котором Он говорит в логии **58/53** (мы его будем подробно разбирать). И действительно, человек приобретает возможность создать (или «сублимировать») Дух Святой – *Руха-д-Кудша* -- из «Духа *сапиенс*» (*Рухи*) только тогда и только по той причине, *когда и потому что* он пребывает в теле (*сома*). Иисус намеренно не упоминает в этом логии слов «человек», «мужчина», «женщина»: *Руха-д-Кудша* создается обоюдно двумя супругами: мужем и женой. И здесь удивляется уже Он Сам – тому, что возможность творения Духа Святого пребывает в плотских телах. Если принять во внимание логику древнего человека, то это подобно тому удивлению, что «огонь пребывает в дровах», -- хотя, конечно, это всего лишь сравнение, не соответствующее глубинной сути и духовному уровню рассматриваемого нами логия.

§30(35).

Этот логий (текст его мы сейчас приведем, причем в разных версиях) – один из самых интересных по двум причинам: во-первых, потому, что здесь упоминаются «**три бога**», что сразу же обращает мысль читателя к христианской Троице; и, во-вторых, потому что на этом логии, как ни на каком другом, можно наглядно проследить ту удивительную «трансформацию», которая произошла с подлинным высказыванием Христа начиная от его первой письменной фиксации и заканчивая канонизированным церковным текстом. Итак, приведем читателю эти тексты одного и того же высказывания Иисуса в их «исторической последовательности»: сначала из Оксиринхского папируса, затем из *Евангелия от Фомы* и, наконец, из канонического Евангелия.

1. Оксиринхский папирус:

Говорит Иисус: Там, где трое (или три), -- они без Бога (*а-тхэой*). И где один есть единственный (*эйс монос*), [Я] говорю – Я есть (*эго эйми*) вместе с ним.

2. Евангелие от Фомы:

Иисус сказал: Там, где три бога, там боги. Там, где два или один, я с ним.

3. Евангелие от Матфея (Мф.18:20):

Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

Перевод Оксиринхского папируса: «они без Бога» -- это стандартный научный (англоязычный) перевод «по смыслу». В греческом тексте мы видим *α-тхэой*, где начальная частица *α-* в сложных словах означает отрицание «не», например: *α-матхэс* – «непросвещенный», *α-дэлос* – «неявный», *αν-αксиос* – «недостойный» и т.д. Вторая часть этого сложного слова – это *тхэой* – «боги» (мн. число). То есть правильный перевод в данном случае -- «они не боги». Но речь здесь, конечно, не идет о христианской Троице. Во время проповеди Христа, и даже ко времени написания этого Евангелия, такого понятия в христианстве не существовало, т.к. сам догмат о троичности христианского Бога был выработан на Соборах только начиная с IV в. н.э. То есть ругать автора Евангелия (или самого Христа) за то, что он «хулит Троицу» -- это, по меньшей мере, безграмотно. О чем же в таком случае, ведет речь Иисус? Это видно из Его дальнейших слов, в которых присутствует греческий «маркер» (уже известный читателю из коптского текста) – «один единственный» (*эйс монос*). По смыслу достаточно было бы не повторять эту «единицу» дважды, но, судя по всему, такое «повторение» является примером еще одного характерного речевого оборота Христа, и в данном случае -- как наследника египетской традиции: когда египтяне говорили о Творце Бытия, они очень часто повторяли это «дважды единственный». А по Учению Христа тот человек, который становится Адамом Шестоднева -- а именно он и является в данном случае таким «одним единственным» -- «возвращается» в Бога Творца *Элохима* и становится Им. То есть по тексту этого Оксиринхского логия Иисус -- «вместе» с теми супругами, которые совместно творят на земле такого Адама.

Но что, в таком случае, Иисус противопоставляет этому идеальному семейному союзу? Об этом Он как раз и говорит в первой части этого логия: «там, где трое, -- они не Боги». Дело в том, что в Египте, и в Месопотамии всегда почиталась «божественная троица» в лице главных богов того или иного пантеона. Эта «троица» состояла из «Отца», «Матери» и «Сына»: например, для Египта – это Осирис, Исида и Гор. Такая «божественная семья» всегда устанавливала иерархию отношений в человеческом обществе «по своему подобию»: в любой семье главным всегда был отец, а сын обязан был, в первую очередь, исполнять волю своего отца и почитать своих родителей. Такие отношения в семье реально существуют в иудаизме (где они закреплены в заповедях *Декалога*), а также – где они особенно выпукло проявляются – в конфуцианском Китае с его обязательной «сыновней почтительностью». Всё это – религии Ада (рая). Как мы уже говорили, для Царства Небесного устанавливается иная иерархия «семейных ценностей»: сын – «против родителей», но за свою жену. То есть взаимоотношения «жена-муж» ставятся выше отношений «сын-отец». Вот эту «языческую троицу», где сын обязан слушать родителей даже в ущерб своим отношениям с женой, Иисус и разрушает такими словами о «трех». Но почему же эти трое – «не-Боги». По той причине, что существует только два подлинных Бога Бытия, которые еще доступны пониманию человека: *Элохим* и *Яхве*, и каждому из Них отводится своя особая роль в этом Творении, которая и зафиксирована в тексте Священного Писания иудеев и мандеев. А все иные боги народов – *Осирис*, *Кришна*, *Небо-Тянь*, *Зевс*, *Аид (Гадес)*, *Деметра*, *Юпитер*, *Велес*, индуистская троица – *Брахма*, *Вишну*, *Шива* и т.д. – это только внешняя «маска» или национальный «земной облик» того же самого Бога *Яхве* и его женской ипостаси-сизигии -- *Рухи*. Других «настоящих богов» на земле больше нет. Точно так же, как нет на земле «сына» Бога

(например, *Гора*), который входит в число этих главных «трех богов» языческого пантеона.

По проповеди Христа о Царстве «Сын *Отца*» является Богом только в том случае и только по той причине, что «Сын и *Элохим* – одно». А если этого нет, тогда тот «Сын», который живет «сам по себе», -- он еще не Бог. Именно по этой причине назвать *любого земного человека* словом «бог» (в том числе и самого Христа) – пусть он и получил все возможные обетования от *Отца* и все «мистерии Царства» -- можно только условно и как бы «авансом». И Иисус, заявляя о том, что «все *мы* – боги», или называя «богом» Фому, -- говорит это тоже условно, предвещая тем самым возможное для человека состояние после гибели его телесной оболочки. И в этом отношении – в отношении правильной постановки вопроса относительно «существа богов» -- правы были греки, у которых, например, Геракл (но также и любой другой человек) стал «бессмертным богом» только после своей смерти. Но при этом следует отдавать себе отчет в том, что бог-Геракл и Бог-Иисус, например, -- это принципиально разные посмертные духовные состояния. Бог-Геракл – это состояние «райское», а Бог-Иисус (или любой другой, ставший Адамом Шестоднева) – это уже состояние «Царства», т.е. «становление *Элохимом*». И как уже понимает наш читатель, «райское» состояние -- это (в противоположность «элохимскому») не есть «становление самим *Яхве*»: *Яхве* такого «равенства» с человеком никогда не допускал, пусть даже он и «вдунул» в человека свое дыхание (*Руху*).

Коптский вариант этого логия свидетельствует о том, что его создатель решил «уточнить» слова Христа относительно мужа и жены, которые этому автору показались не совсем «прозрачными». Да и само строение коптского языка уже естественным образом проясняет слова, сказанные Иисусом. Выше мы привели текст этого коптского логия, в переводе М.К.Трофимовой, но нам хотелось бы его немного изменить, придав этому переводу «буквальный вид»:

Место, которое имеет трех богов, -- [там] они (т.е. эти боги) в Боге. Место, которое имеет двух или одного, Я, Я существую с ним.

То есть Иисус заявляет, что Он пребывает вместе с этим подразумеваемым по тексту «богом»; т.к. слово «место» -- *ма* – в коптском языке имеет женский род, а в выражении «с ним» стоит местоименный суффикс *-ф*, который соответствует мужскому роду 3л. ед.числа. Коптский автор вводит в первой части этого логия существительное «бог», которое отсутствует в греческом тексте. Перед этим существительным «бог» (*нутэ*) в выражении («три *бога*») он ставит артикль множественного числа *эн-* (и это, несмотря на то, что в коптском существуют специальные формы множ. числа для слова «бог»); а в том месте, где это слово появляется уже и в греческом варианте текста (коптск. «в Боге», греч. – «не-Боги»), он дает это существительное *нутэ* («бог») без артикля, но с многозначным предлогом *хен-*, который чаще всего переводится как предлог «в». То есть в коптском тексте второе слово «бог» поставлено в единственное число, а значит «научный» перевод в виде «там боги» (как у М.К.Трофимовой) некорректен.

Итак, понять эту фразу таким образом, что все эти «три бога», (а точнее, -- «место их пребывания») находятся «в *одном* Боге» как раз вполне возможно: и *Руах*, и *Аддона*, и «семь» (планет, включая *Солнце*) – все они «пребывают» в *Яхве* (или, по-мандейски, в *Рухе*). Иисус и здесь верен Себе: «богов» иудаизма, т.е. «богов *Яхве*», Он противопоставляет «богам *Элохима*», о которых -- речь далее.

Во второй части этого логия коптский автор ввел дополнительное число «два», а слово «один» оставил в варианте *ва*, а не *ва вот*, как это можно встретить в других коптских логиях и что, при внешнем рассмотрении, соответствовало бы греческому варианту текста. Но такая замена автором *ва вот* на простое *ва* далеко не случайна, а объясняется именно появлением в его тексте дополнительного числа «два». Относительно слова «два» логика автора нам понятна: речь идет о супружеской паре. А в случае «один»

речь уже, судя по всему, идет о монашествующем мужчине, а не о едином Адаме Шестоднева. Если бы речь действительно шла об Адаме, копт бы поставил *ва вот*, а не простое *ва*. Объясняется это, судя по всему тем, что ко времени создания коптского перевода в египетской пустыне уже появилось отшельническое монашество. И копт решил показать читателю, что Иисус – не только с супружеской парой, но также «вместе с» таким монахом. Напомним читателю, что этот копт-переводчик обладает не только хорошим знанием живой проповеди Христа о Царстве, но и собственным духовным опытом познания этого Царства, причем, опытом гораздо *большим*, чем у апостола Павла. И этот свой опыт копт прекрасно соотносит с тем, что конкретно проповедовал Иисус. Но если даже Павел позволял себе дополнять проповедь Христа своими собственными соображениями, то тем более этот копт имел полное право дописать то, что действительно соответствовало истинной проповеди Христа о Царстве. И он не ошибается в таком «дополнении», а иначе Христос никогда бы не взял Себе в ученики апостола Иоанна. И обратим внимание читателя на особую числовую «стройность» этой коптской фразы: цифровой ряд здесь выдержан в его арифметической последовательности в порядке убывания: «три», «два», «один». Но самое главное в такой последовательности то, что именно «два» стоит на первом месте, а не монашеское «один». Заключительные слова Иисуса -- «Я существую с ним» -- подчеркивают то, что для Него семейная пара – это тоже «один». А точнее, не «тоже», а в первую очередь, т.к. проповедь Христа предназначена именно для мужа и жены.

Параллельное высказывание Христа из канонического *Евангелия от Матфея* – это полное непонимание смысла Иисусовых слов, с одной стороны, и, с другой, -- попытка «вогнать» эти слова Христа в «прокрустово ложе» догматического богословия уже существующей Церкви. В этой фразе полностью исчез супружеский путь к Царству. Но не только это: исчезла и та первоначальная «троица», которая бросала неприглядную тень на появившийся в христианстве догмат о Троице. В результате появилась совершенно «беззубая» фраза о «двоих» и «троих», которых, по мнению Церкви, уже вполне достаточно для того, чтобы организовать первичное «собрание» (*эклессию*) христиан. Но почему, все-таки, здесь нет «одного», если новое «христианство Павла» проповедовало монашеский образ жизни? Ведь греческое *μονος*, от которого образовано слово «монах», – это «один». Произошло это только по одной причине: новая образовавшаяся Церковь – это «коллектив», где правит «собор» или рукоположенный высшими церковными чинами епископ, и, следовательно, «индивидуумам» -- даже на монашеском поприще! -- здесь не место. Это подтверждается и историческими фактами. Монашество возникло как стихийное движение, т.е. без участия Церкви; но в скором времени Церковь включила монастыри в свою структуру, а затем наложила запрет на самостоятельное отшельничество в христианстве.

Серафиму Саровскому для того, чтобы заниматься монашеским подвигом в своей «дальней пустыньке», пришлось *выхлопотать* в «канцелярии» специальное письменное разрешение на выход из монастыря, которое сохранилось до сих пор: а иначе – просто не отпускали. И это – несмотря на то, что место его отшельничества находилось, в общем-то, не очень далеко от монастырской ограды. На таком расстоянии, что даже само руководство монастыря смогло нагрянуть к нему темной зимней ночью с неожиданной «проверкой»: а ну как «балует» там старик, по ночам, со своими Дивеевскими монахинями-девченками? Шли толпой и с факелами, во главе с самим игемоном монастыря: прямо как Элевсинские мисты по Священной дороге, правда в отличие от них, -- по колено в снегу.

§45(40).

И «виноградная лоза», и «Отец», которые фигурируют в этом логии – это в первую очередь назарейские, а не иудейские, термины. Поэтому здесь Иисус дает отповедь в равной степени и тем назареем, которые не приняли Его Учения.

§46(41).

Иисус сказал: Тот, кто имеет в своей руке, ему дадут; и кто не имеет, -- [у того тот] другой «маленький кусочек» (шэм -- см. Фома 4/4), который он имеет, его возьмут из его руки.

Мы привели буквальный перевод этого логия, т.к. по переводу М.К.Трофимовой правильно объяснить его смысл невозможно. Перевод любого религиозного текста, и тем более такого, как логии *Фомы*, требует предельной тщательности и точности. Но в переводческой практике бытует такое мнение, что необходимо «переводить по смыслу», хотя от понимания подлинного смысла сам переводчик очень часто бывает также далек, как от «звезды небесной». Вот и читает читатель в таком «переводе» совершенно бездарные «афоризмы Конфуция» (потому что и *Лунь Юй* очень часто переводят не по принципу, «что нарисовано», а по принципу «что я думаю»).

В том варианте, который приведен нами в качестве перевода, и который буквально соответствует коптскому подлиннику, все становится предельно ясно, если рассматривать этот логий с назарейских позиций. «Другой маленький кусочек», который имеют в своих руках и первый и второй мужчины (в коптском языке этот мужской род четко обозначен) – это «искра Света» из Миров Света или мужская душа назарея -- *нишиимта* из Царства *Отца*. Эту *нишиимту* человек «имеет в своей руке» с самого рождения, и несет ее в себе, как светоч, на протяжении всей своей земной жизни. Но для спасения души из мира Тьмы одного этого недостаточно: за время своей жизни человек должен успеть «взять в свою руку» также *руху* жены.

В книге «Сокровенный Адам» («Мандеи») Леди Дровер пишет: «Скрытый Адам является также архетипом Адама – модели человека, которому в браке с Хавой (Евой) суждено было стать Отцом человечества» (стр.283). В другом месте своей книги она заявляет, что именно Адам является прототипом (т.е. в нашем понимании как бы «матрицей») для спасения любой человеческой души (вместе и мужа и жены) из Мира Тьмы. Далее она пишет:

Метафизический Адам появляется в Великой Гинзе и в других канонических книгах под другим именем – Адакас (сокращенная формула от Адам Касиа) или Адакас-Зива, Адам Света. Адакас – это метафизический Адам, полностью духовное человечество. Он – макрокосм, воспринимаемый не только как Идея, но и как Идеал. Адакас – это Адам, страж микрокосма, его душа, его «манна» (персидское слово, которое переводится как «ум» -- Г.Б.), посланник, направленный к нему, «юный мальчик» (“youthful boy”)... (стр.284).

Вот этот направленный к «земному Адаму» «посланник Света», который в мандейском тексте назван «юным мальчиком», он, судя по всему, как раз и является тем загадочным *куй-шэре-шэм* («малыш-сын-маленький кусочек») из логия 4/4. Итак, приведем смысловой перевод рассматриваемого нами логия:

Кто имеет в своей руке *руху* жены, -- тому дадут Царство Небесное. А кто не имеет, у того и ту его *нишиимту*, которую он имеет от рождения, возьмут из его руки.

§48(43).

...но вы стали как те иудеи (коптск. *иудайос*), **ибо они любят дерево (Тору) и ненавидят его плод** (проповедь Христа, которая основана на Шестоднев этой Торы), **они любят плод** (исцеления и чудеса, которые творит Христос) **и ненавидят дерево** (самого Христа).

§49(44).

Иисус сказал: Тот, кто сказал хулу (ва – «один, одно, нечто») на Отца, -- ему простится, и тот, кто сказал хулу (ва) на Сына, -- ему простится. Но тот, кто сказал хулу (ва) на Духа святого, -- ему не простится ни на земле, ни на небе.

Частично этот логий мы уже рассмотрели. Но в коптском тексте опять появляется загадка в виде «двойного прочтения», причем, для ее решения мы, к сожалению, уже не можем обратиться к греческому тексту Оксиринхского папируса, т.к. он завершается логием **45/40**. Однако есть параллельные места в канонических Евангелиях.

Первый вполне ожидаемый вопрос заключается в том, что конкретно запрещается говорить о Духе Святом? У евангелистов Нового Завета однозначного ответа нет. У *Матфея*, например, -- «кто скажет слово...» (Мф.12:32); а ранее он говорит о «хуле» (*бласфэмиа* – «хула, злословие, поношение, богохульство») (Мф.12:31). У *Марка* – тоже речь о «хуле» (Мк.3:28), и у *Луки* – тоже «хула» (Лк.12:10). Но при этом мы должны понимать, что текст *Фомы*, во-первых, древнее; во-вторых, он не правился «гармонизаторами» от Церкви; и, в-третьих, этот текст, бесспорно, ближе к подлинной назорейской традиции самого Иисуса Христа. Причем, особо следует отметить, что надежность коптского текста *Фомы* в части правильности передачи смысла Благовестия была неоднократно подтверждена сохранившимися параллельными речениями из Оксиринхского папируса.

В коптской версии нет ни «хулы», ни «слова», которые присутствуют в канонических Евангелиях, а есть просто числительное «один» -- уже знакомое читателю *ва*. «Кто скажет один на Отца... один на Сына...кто же скажет один на Духа Святого, тому не отпустится (ко эбол)...». Конечно, предполагаемый смысл слова «один» -- это общепринятое «нечто», причем, подразумевается *нечто плохое*. Но в таком случае, почему «простится», если кто-то скажет это *плохое* на Отца? Ведь Отец, и по назорейской и по первоначальной христианской вере, -- выше Духа Святого. Понятно было бы, если бы Иисус «позволил» хулить только Сына: Сын – это человек, и для того, чтобы увидеть в Нем даже Христа, необходимо, чтобы на это «открыл глаза (даже Петру – *Г.Б.*) Отец Небесный» (Мф.16:17). Текст канонических Евангелий ответ на этот вопрос не дает, хотя и может что-то уточнить. Но именно в коптском варианте возможно буквальное прочтение этой фразы, причем, такое прочтение будет вполне разумным и основывается оно на мандейских представлениях о духовном мире.

Итак, начнем с Духа Святого: «Кто скажет один на Духа Святого...». То есть осуждаются те, кто заявляет, что *Дух Святой* только «один» и другого Духа нет. Этот анализ мы начинаем с Духа по той причине, что, судя по контексту, именно ради Него одного и появилось это высказывание Христа о «хуле»: именно Дух в данном случае принципиален для Христа, а не Отец и не Сын. И такое наше предположение подтверждается каноническим текстом *Евангелия от Матфея* (Мф.12:31,32):

Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам. И если кто скажет слово на Сына Человека, простится ему;

если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке (*айон* – «век, жизнь, эон»), ни в будущем.

В этом каноническом высказывании Христа совсем не случайно в первом предложении речь идет просто о «Духе», а во втором – уже о «Духе Святом». Это только для традиционного христианства выглядит как одно и то же, а для Христа и назареев – это принципиально разные понятия. Мы уже говорили, что в коптском языке слово «дух» имеет мужской род. Поэтому и про Отца, и про Сына, и про Дух в коптском сказано «один» (*ва* – мужск. род). Смысл этого высказывания заключается в том, что если кто-то будет утверждать, что Дух Святой «один», тогда он таким своим заявлением полностью уничтожит путь спасения человеческой души – *нишимты*, т.е. путь к Царству Небесному. Потому что этот путь зиждется на том утверждении, что Духа (женской *Рухи*) бывает два разных. Один – тот, что «от Земли» и который влечет человека к земным интересам и наслаждениям. Этот Дух-*Руха* – от мира *Яхве* (или, точнее, сам *Яхве* – от мира *Рухи*, как это излагается в Учении *назируты*), и он всецело принадлежит этому миру. А второй -- тот, что «от Неба», и который непосредственно участвует в «механизме» спасения человека из этого «мира Тьмы» -- это *Руха-д Кудша*. Но при этом не может быть сомнения также в том, что и иудеи, в среде которых проповедовал Христос, тоже называли свою «земную *Руху*» («земную» -- по представлениям назореев и Христа) – *Руах* Святая, т.е. «Духом Святым».

И в этом тоже нет ничего неожиданного. Это только для христианского восприятия слово «святой» является прямым синонимом всего положительного и божественного. А в древнем мире – не совсем так: все «святое» -- это то, что отделено от остального, мирского, как приношение Богу, или как Его непосредственное «владение». Тот баран, который подготовлен для заклания на храмовом жертвеннике, – он тоже «святой». Поэтому вполне вероятно, что в коптском тексте правильно поставлено «Дух Святой», а не просто «Дух»: во время земной жизни Иисуса Христа фактически «существовало» два таких «Святых Духа»: один у иудеев (в иудейском Писании он называется «Духом Божиим» или «Духом Господним», а, например, в *Псалме 50* прямо сказано: «Духа Твоего Святого не отними от меня»), а другой -- у назареев (тот, что *Руха-д-Кудша*). Понятно, что рассматривать всех «Духов» из иудейского Священного Писания, как принадлежащих миру «Земной *Рухи*», -- было бы совершенно неверно. Возможно и по этой причине тоже, Иисус строго разделяет «Святого Духа» на две категории: Та, что от *Элохима*, и та, что от *Яхве*. Но, как мы уже говорили, возможно и такое понимание этого логия, что речь идет о противопоставлении именно *Руах* иудеев и *Руха-д-Кудши* назареев. Хотя в таком случае правильнее было бы (с наших христианских позиций, когда для нас любой Дух – это Дух Святой), если бы в этом тексте мы увидели просто слово Дух (а не Дух Святой), как это имеет место в каноническом тексте.

Читатель уже видит, что однозначного ответа на вопрос о Духе дать нельзя, хотя при этом все возможные варианты такого ответа располагаются в одном и том же «смысловом поле». Но даже все то, что мы уже сказали, не до конца исчерпывает эту тему, если вести речь именно о коптском тексте этого логия. Дело в том, что копт, как переводчик, более «свободен» в трактовке Иисусовых слов, т.к. уже получил все то, к чему призывает Иисус. Поэтому он может варьировать исходным текстом в каких-то допустимых пределах. И в данном случае он, скорее всего, намеренно вводит «игру слов», которая возможна только в коптском языке. Слово «один» (а не «хула» и не просто «слово») мы видим только в коптском тексте. Но в коптском языке случайно оказалось так, что слово *ва* («один») формально является «составной частью» того коптского слова «святой» -- *вааб*, – которое в тексте логия следует за этим словом «один». То есть слово «святой» начинается с тех же самых трех букв коптского алфавита, какие мы видим в слове «один». И если используя это случайное совпадение, мысленно разделить слово «святой» на два слова (первое из которых «один»), тогда второе слово – *аб* – которое,

кстати, имеет такой же мужской род, как и слово «один», приобретает свой собственный «законный» перевод: «мясо», «плоть» или даже «муха» (которая у коптов тоже мужского рода – своего рода русский «мух»). При этом мы должны помнить, что в древнем письме коптов – точно так же как и в нашей непрерывно текущей разговорной речи – отдельные слова не разделялись друг от друга пробелом, а запись текста велась одной сплошной непрерывной «лентой». То есть сам слушатель или читатель должен был определять по контексту, где здесь «Дух», а где -- «один мух»? То есть «виртуально», при чтении этого текста, в сознании может возникнуть отождествление этого слова *вааб* не только с понятием «святой», но и (как бы в связи с искусственной предварительной «наводкой на цель» с помощью предшествующего слова *ва*) с выражением «одна плоть» или «только плоть». И в этом случае общее «фоновое» восприятие всей фразы может быть иным: “И если кто скажет про дух -- «один», «а именно одна плоть» (т.е. та «плоть», которая происходит от *рухи*; и тем самым такой человек будет отрицать наличие другого, «главного» Духа, т.е. *Руха-д-Кудша*), тому не простится”. При этом очевидно, что такое понимание весьма условно и оно вряд ли будет соответствовать нормам грамматики коптского языка.

Если перейти к варианту *Евангелия от Матфея*, то здесь все понятно. Как помнит наш читатель, «*хула просто на Духа не простится*», а вот о «*хуле на Духа Святого*» сказано уже совсем иначе: она «*не простится ни в сем веке ни в будущем*». То есть по самому высказыванию Иисуса статус «Духа Святого» выше, чем просто «Духа», что и влечет за собой иное наказание. Но это вполне объяснимо: Дух Святой формируется человеком (в лице мужа и жены) из структуры изначального Духа (*Рухи*) посредством воздействия на него (нее) *нишимтой*. Но если эта начальная структура не признаётся тем или иным человеком как пригодная для трансформации (а именно в этом случае такой человек «хулит» *Рухах* иудеев), тогда спасение человека из Мира Тьмы принципиально невозможно. Вполне вероятно, что эти два варианта – со словами «один» и «хула» -- отражают естественные вариации проповеди Христа о Духе.

Ну и в завершении – несколько слов об Отце и Сыне, которые тоже фигурируют в этом логии. Наши человеческие предположения и рассуждения о том, что Отец «один» или «не один» – принципиально никак не влияют на результат нашего спасения. Ведь, строго говоря, и Бог *Яхве* – это тоже изначальный Отец человека, пусть только нашей земной, «глиняной» природы. А с точки зрения сегодняшней эмансипированной женщины этот Бог может рассматриваться как главный «освободитель» всех женщин от «мужского ига» -- то есть как истинный «Отец родной». Так как именно он «вырвал» это «ребро» из плоти Адама Шестоднева и дал ему отдельное от Адама большое женское сердце и хоть какой-то ум, которого у этого «ребра» изначальное быть не могло. Хотя, возможно, для женщины вполне хватило бы того «костного мозга», который содержался в этом «ребре» изначальное. Именно он и «превратился» в ум женщины (мы ведем речь исключительно об «эмансипированных» женщинах). Но и действительно: недаром все древние религии с таким почтением относятся к этому загадочному веществу внутри наших костей. А зороастрийцы вместо привычного для нас выражения «земная жизнь» пользуются словосочетанием в виде «костная жизнь», имея в виду именно эти «кости» нашего скелета. И не странно ли видеть, что и в этом случае происходит всё то же самое: кольцо опять смыкается, и «где было начало, там будет и конец». Ведь, по существу, наша «костная жизнь» -- это и есть *Руха* в своем самом «очищенном» от «мяса» виде. И не это ли заявляют назареи? И не об этом ли говорит в Своих логиях Иисус?

То есть понимать этот вопрос можно по-разному, и при этом -- не отрицать так бескомпромиссно, как это делали мандеи, роль *Яхве* в нашем человеческом пути к духовному совершенству. Да и как это можно отрицать, если наша жена, которую мы берем себе в невесты девушкой – она в эту пору своей жизни гораздо больше от *Яхве*, чем от *Элохима*? А мы сами, когда молодые? Неужели все подряд – «Элохимцы» (почти «нахимовцы»)? Только по мере продвижения по этому духовному пути человек

приобретает верное зрение на все эти вопросы о «существовании» *Элохима*, *Яхве* и *Рухи*, и гораздо «терпимее» начинает относиться ко всем этим «философским проблемам». Только по этой причине, и только для совершенных в понимании этого вопроса Иисус говорит: «**Не противостань злому**» (Мф.5:39). Но в начале своего пути любой человек «назорейского толка», вставший на путь Христа, всегда разделял не только основополагающие назорейские понятия – «Отец (*Элохим*) Света» и «Отец (*Адона*) Тьмы», но даже -- Отец (*Элохим*) и Дух Святой (*Руха-д-Кудша*), решительно заявляя при этом, что «Отец – один». Нет, голубчик, Он не один, точно так же, как ты сам уже «не один», а «ты и твоя жена». Ближе к истине было бы сказать, что Отец – «это два»: Он Сам и Его *Руха-д-Кудша*, которая некогда «носила над водами» первоначальной неоформленной Материи. И эти «Два» -- есть единое, как и будет единым то, что сегодня представляется «двумя» -- в виде тебя самого и твоей жены.

Но и разговор о Сыне тоже не так прост, как это кажется исходя из христианского богословия. Для традиционного христианина заявление о том, что кроме Христа на земле может жить человек, который имеет полное право называться «Сыном Бога» – это величайшая ересь. Но Иисус, если следовать тексту коптского логия, прощает грех подобного понимания этой проблемы нашему «традиционному христианину»: «**Тот, кто говорит «один» на Сына** (что Сын один и другого нет – Г.Б.), **ему простится**». И действительно: а иначе, для чего Он тогда пришел на землю, если не с Благой Вестью о том, что *каждый* может стать «Сыном Бога»? Если мы будем утверждать, что «Сын» -- это только Христос и больше никто из нас, тогда мы никогда не увидим Его Царства Небесного. В подтверждение наших слов о Сыне приведем две небольшие цитаты из коптского *Евангелия от Филиппа* (пер. М.К.Трофимовой):

2(2). Раб только ищет (путь) быть свободным, но он не ищет имущества своего господина. Сын же – не только сын, но он присваивает себе (и) наследство отца.
29(33). Отец создает сына, а сын не может создать сына. Ибо тот, кто порожден, не может порождать. Но сын приобретает себе братьев, не сыновей.

Речь в обоих случаях идет не только о Христе, как о Сыне, но и о Его «братьях», которые есть подлинные Сыны того же Отца. Если бы речь шла о единственном Сыне-Христе, в первом высказывании никогда бы не появились те, кто таким Сынам противопоставляются – рабы. По логике самого текста, как рабов много, -- так же много (по крайней мере, не один) и сынов. Подтверждением справедливости такого понимания являются непосредственные слова Иисуса из логия *Фоми* **55/50**. Причем, правильно говорят иудеи и мусульмане: у Бога сына нет и быть не может. И Иисус с ними полностью согласен. Но дело в том, что и иудеи, и мусульмане при этом ведут речь о Боге *Яхве*, а *Яхве* – Бог «ревнивый», и у него нет и никогда не было «Сына». Но другое дело – *Элохим*, который сотворил Адама Шестоднева «по Своему образу и подобию»: вот у Него «сыны» действительно есть, и первый из них – это Адам Шестоднева, а второй – Сам Иисус. Потенциально «сыновьями» являются все живущие на земле люди; реально – те, кто создал на земле Адама Шестоднева.

Понятно, что все подобные рассуждения абсолютно непривычны с точки зрения нашего традиционного понимания «основ христианства». Но в таком случае необходимо еще раз вспомнить слова Самого Христа: «**Вы стали как иудеи, ибо они любят дерево и ненавидят его плод**». В данном случае «дерево» -- это тот Христос, которого любят христиане, а «плод» этого дерева – это все те цитаты из канонических Евангелий и *Евангелия от Фоми*, которые мы сейчас приводим для доказательства истинности наших рассуждений о проповеди Христа-назаряя. Вот и получается, что мы любим Христа, но не любим Его слов, потому что уже давно заменили их своими, «по Преданию старцев». То есть тысячекратно прав Христос: мы давно уже стали иудеями, пусть и не осознавая этого.

§50(45).

Иисус сказал: Не собирают винограда с терновника и не пожинают смокв с верблюжьих колючек. Они не дают плода. Добрый человек выносит доброе из своего сокровища. Злой человек выносит плохое из своего дурного сокровища, которое в его сердце, (и) он говорит плохое, ибо из избытка сердца он выносит плохое.

Ни «терновник», ни «верблюжьи колючки» «не дают плода» в виде Царства Небесного. Иисус в этой притче предельно конкретен. Эти два образа – «терновник» и «верблюжья колючка» -- сразу же «схватывались» человеческим умом и становились понятными тем Его слушателям, «кто имел уши». «Терновник» -- это та «несгораемая купина» (букв. «терновый куст»), из которой к Моисею впервые обратился Бог *Яхве*. Как мы уже говорили при рассмотрении притчи о Сеятеле, «терновник» -- это символ иудаизма. Он «не дает плода», потому что знает только Бога Земли и только «земную *Руху*». А под «верблюжьей колючкой» (как и во всяком «верблюде» евангельского текста) скрывается имя основателя другой великой религии – имя Заратуштры, т.к. само это имя переводится как «Староверблюдый», или что-то подобное, но тоже включающее в себя слово «верблюд». По Иисусу и это Учение тоже «бесплодно», т.к. различие «добра» и «зла», и противостояние злу -- это только самая первая ступень на пути к Царству. А Заратуштра призывает своих последователей к тому, чтобы они посвятили этому всю свою жизнь: битве за фактически земное добро против тех сил зла, которые, опять-таки, проявляют себя именно на нашем земном плане. Но это «зло» имеет своим истинным источником – через нашу человеческую природу, конечно, – *Руху*, а она – духовна и бессмертна, и, следовательно, зло на земле неуничтожимо вплоть до того времени, когда «небеса свернутся, как свиток». А затем – будет опять новый цикл космического Творения, со своими «новыми» Богами, и в том числе, -- с «новой» *Рухой*, которая будет похожа на свою погибшую всеильную Предшественницу, как сестра-близнец. И это – не очередной «день Брахмы»: это – то древнее Учение Египта о «Уроборусе», которое Иисус считал истинным.

В качестве примечания к этому логию можно добавить, что у коптов (как и у древних египтян) понятие «сердце» -- *хэт* – включало в себя и то, что мы понимаем под словом «ум». В те времена человек был ближе к Истине: он думал своим сердцем, а не «холодными извилинами» своей черепной коробки. В самом человеческом уме нет, и никогда не было Любви. И пусть эта ненавистная, по мандейским представлениям, *Руха*-Любовь бывает мстительна, но те из мандеев, которым довелось ее случайно увидеть, заявляют: *Руха* необыкновенно прекрасна, и у Нее -- большие голубые глаза. Она – необычайно прекрасна и привлекательна, как женщина.

§51(46).

Иисус сказал: От Адама до Иоанна Крестителя из рожденных женами нет выше Иоанна Крестителя... Но я сказал: Тот из вас, кто станет малым, познает Царствие и будет выше Иоанна.

Этот логий имеет параллельное чтение в *Евангелии от Матфея* (Мф.11:11), где смысл сказанного Христом тот же самый. Но у *Матфея* существует и продолжение этой речи Христа об Иоанне (Мф.11:12): «*От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется (букв. «насилуется») и употребляющие усилие/насилие восхищают его*».

По словам Иисуса Христа Иоанн Креститель «выше всех рожденных женами». Это означает, что он выше всех тех, кто имеет только «первое рождение», -- то, которое «от

воды» (т.е. от околоплодных вод материнской утробы). Обратим внимание нашего читателя на то немаловажное обстоятельство, что Иисус тем самым ставит Иоанна выше создателя иудейского Закона -- Моисея. Но тот, кто получил «мистерии Царства Небесного» (а среди них и «мистирию Бога»), -- тот, тем самым, получил «второе рождение» от Духа Святого. Под Адамом этого логия следует понимать райского Адама, «вылепленного» Богом *Яхве*, а не Адама Шестоднева. Этот райский Адам, сотворенный *Яхве*, -- такой же «земной» по своей плоти, как и Иоанн Креститель.

Слово «малый» из этого и подобных этому канонических высказываний Христа, судя по всему, полюбили Христу не только по причине указания на «смирение» человека Царства, а по более прозаическим и земным причинам. Ведь назвать евангельского Христа «смирненным» согласится далеко не каждый читатель Евангелия, несмотря на то, что о Своем «смирении» говорит Сам Христос. Как мы уже упоминали, языком детства Христа был язык арамейский (скорее всего тот, на котором говорили назореи), а все семитские языки (но также и язык египетский), в отличие от языков индоевропейских, имеют в составе слова ярко выраженный, чаще всего трехбуквенный корень, фиксирующий «главные» согласные этого слова. Иисус очень часто использует в Своих речах греческое слово «блаженный» или «блажен», которое на греческом языке произносится как *макариос*. «Блаженными» у эллинов могли быть только боги, но Иисус прилагает это слово -- в качестве высшей «награды»! -- к тому человеку, который доказывает свое ревностное стремление к Царству. И если посмотреть на это греческое слово «семитскими глазами», то в нем очень четко выделяется «семитский» корень МКР. Но именно этот «корень» как раз тоже присутствует в греческом слове «малый» -- *микрос*, т.е. то же самое МКР. По Христу «малый» -- это почти что «бог».

И наконец, -- о продолжении этого логия в каноническом тексте. Почему Иисус говорит про Царство, что оно -- «от дней Иоанна Крестителя»? Как понимать эти слова? В тексте у того же *Матфея* сказано, что Иоанн Креститель, придя в пустыню Иудейскую, стал проповедовать: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф.3:2). Мы эту проблему уже подробно разобрали, но сейчас хотим сказать о другом. Понятно, что Иоанн не имеет ни малейшего представления об Иисусовом Царстве Небесном, а проповедует известное всем иудеям «Царство» -- *малькут шамдим*, -- и видит в приходящем к нему Христе -- причем, конечно же, ошибочно -- грядущего иудейского Мессию, приход которого ожидает весь Израиль. Но почему все-таки, *«от дней Иоанна Крестителя»*? Здесь мы должны вспомнить другие слова Христа, причем тоже из канонического Евангелия, но уже из *Марка*. Какой же молодец этот Марк, и насколько точно он воспроизводит в своем неказистом Евангелии подлинные слова Христа! (Мк.1:14,15): *«Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие»* («царство» и «царствие» -- это варианты перевода одного и того же греческого слова *басилейя*). То есть это «исполнившееся время» совпало по своим срокам с выходом на проповедь о Мессии известного всем иудеям Иоанна Крестителя: оно, это время, «исполнилось» как раз «от дней Иоанна Крестителя».

Мы «буквально» разобрали эти слова Христа для того, чтобы у читателя не появилось искушения возвести Иоанна на более высокие «духовные степени». Но при этом мы нисколько не намерены умалить роль Иоанна, как Предтечи, заявившего Израилю об Иисусе и тем самым привлечшим к Нему внимание многих. Без такой «рекламы» из уст знаменитого Иоанна вряд-ли у Иисуса сразу же появились бы ученики и сторонники, включая богатых женщин, которые, фактически, содержали на свои средства первоначальный узкий круг почитателей Христа. Ведь Иисус, не в пример новым «целителям», за Свои «чудеса» денег не брал. Здесь, для сравнения, можно вспомнить о подобном (и обязательном для всех великих проповедников) периоде «обретения учеников»: *как* это случилось у знаменитого индийского Учителя Парамахамсы Рамакришны. Сколько вечеров он выходил на крышу своего дома и сокрушенно взывал в

безответное пространство: «Ученики, где вы? Приходите! Я устал ждать вас!». У Христа этого не было. И только благодаря Иоанну Крестителю.

И последнее относительно канонического продолжения этого логия. Иисус очень «смело» использует в заключительной фразе о Царстве слово **«насилуется»** (*биадзо*). В греческом языке оно означает, в том числе, насилие в отношении женщины при сексуальном акте. И невозможно себе представить такое, что подобные речи могли быть адресованы тем «монахам», которые, по заявлению Церкви, как раз и являлись «подлинными слушателями» Благой Вести Христа. А вот в контексте постоянных притч Христа о «браках» -- кстати сказать, это тоже очень смелое сравнение, о чем, почему-то говорить не принято -- это слово *биадзо* читается вполне естественно. Но также нереально будет предположить вероятность того, что при «переводе» «арамейских речей» Христа (ведь библейская наука утверждает, что Иисус проповедовал на арамейском, а не на греческом) переводчики осмелились по собственной инициативе «вложить в уста» смиренного Христа такое «хлесткое» греческое слово. А вот если Иисус действительно проповедовал на греческом, в таком случае мы и имеем то, что Он говорил на самом деле, т.к. никто не посмел бы «корректировать» те особенности речи Христа, которые не имели никакого отношения к богословским догматам. А в противном случае получилась бы совершенно нелепая картина: и тут (относительно «духа», «родословия», «иудеев» и т.п.) подправили, и тут (относительно «жен») тоже... И в конце концов оказалось бы так, что откорректированных «евангельских» речей Христа никто бы уже не узнал: они потеряли бы ту свою индивидуальность, которая бросается в глаза при самом поверхностном чтении Евангелия. А ведь мы должны объективно признать тот факт, что речь Христа узнаваема во всех Евангелиях, даже в их коптском переводе. И иногда удивляешься тем богословским спорам, которые велись в Германии во второй половине XIX века, когда стоял вопрос о «мифичности» Христа, как исторической личности. Как будто все проповеди Христа не говорят грамотному лингвисту и разумному филологу сами за себя.

§52(47).

Иисус сказал: Невозможно человеку сесть на двух коней, натянуть два лука, и невозможно рабу служить двум господам: или он будет почитать одного и другому он будет грубить. Ни один человек, который пьет старое вино, тотчас не стремиться выпить вино молодое. И не наливают старое вино в новые мехи, дабы они не испортили (*пox* – «разрывать, раскалывать, открывать»)) его. Не накладывают старую заплату на новую одежду, ибо произойдет разрыв (*пox* – «разрыв, раскол»)).

Иисуса, проповедуя среди иудеев, прекрасно видел, что иудеи не видят различия между *Яхве* и *Элохимом*, т.е., фактически, они одновременно «служат двум господам». Под «двумя господами (или: властителями)» Иисус понимает назарейского Царя Света (иудейского Отца-*Элохима*), с одной стороны, и **«Руху с семью (планетами)»**, или мир *Яхве-Адона*, с другой. **«Старое вино»** это *назирута*, а также традиционный иудаизм. В этом логии дважды встречается уже знакомое читателю по логииу **26/21** коптское слово *пox* – «раскалываться, разрываться». Под **«новыми одеждами»** и **«новыми мехами»** Иисус подразумевает Свое Учение о спасении, которое хотя и имеет в своем основании Писания назареев и иудеев, но, в то же время, является совершенно новым. Во-первых, потому, что оно не предусматривает посредника в виде жреческого сословия, во-вторых, потому, что оно вводит такое новое духовное понятие, как «мистерия Царства Небесного», и, в-третьих, потому, что в этом Учении исключительная роль отводится Самому Христу, как Посреднику -- «Первому Сыну» Бога *Элохима*. Но вот эта связь Его Учения с прошлым, и одновременно с этим -- полный разрыв с этим же прошлым, -- предполагает обязательные попытки живого человеческого ума «совместить» воедино «новое» и «старое». Наглядное

подтверждение этому – наличие в Священном Писании христиан Ветхого и Нового Завета одновременно. Такое положение вещей в христианстве можно объяснить только той огромной и противоречивой ролью, которую сыграл в нем апостол Павел. Но когда сталкиваются друг с другом две «тектонические плиты» -- «лоб в лоб» – тогда происходит землетрясение и земля «раскалывается», образуя глубокие трещины. Эта притча о «старой заплате» (или, как вариант, о «новой заплате на старой одежде»), -- которая повторяется в тексте трех синоптических Евангелий (Мф.9:16, Мк.2:21, Лк.5:36), -- наверное, самая сложная из всех притч Христа. Потому что главный ее смысл – причем «вперемешку» с тем первым, о котором мы только что говорили – заключается совсем не в отношениях между всеми этими Учениями, а в Нем самом, -- в Христе.

Дело в том, что человек знакомится с Христом по евангельскому тексту, как с обычным земным человеком. А во время Его земной жизни окружающие Его люди знали Его, непосредственно общаясь с Ним. И если, по словам Христа, «нет даже пророка в своем отечестве», то тем более, нет и не может быть, никакого Бога. Именно от общения с Христом, как с мудрым Учителем -- но при этом все-таки с земным, пусть и необычным, человеком -- ученик приобретает первоначальные знания о Его Учении, выраженные в Его заповедях, притчах и в Его поступках, как земного человека. Эти знания формируют в этом человеке такое восприятие Христа, которое Сам Он называет в коптском тексте «старой заплатой», т.к. такое знание – «первое» или более старое. Но точно так же, как размер этой «старой заплаты» отличается от величины всей «новой одежды» в целом (в канонических текстах это сравнение «перевернуто» ближе к земным реалиям: «заплату из лоскута неваляного», т.е. идеально нового, «нашивают на старый гиматий», т.е. греческий плащ; таким образом, у каждого из вариантов есть свои достоинства), -- точно так же все то «новое», что получает муж в мистериальном откровении, полностью «перечеркивает» все прошлое знание этого человека о Христе «земном», которое этот человек получил из евангельского текста. Но при этом человек точно знает, что и Тот, и Другой – это «тот же самый» Иисус Христос. Собрать воедино, «не соединяя», а гармонично сочетая в себе эти два различных образа Христа – «новый» и «старый» -- это одна из самых сложных внутренних задач такого христианского визионера. Сначала это не будет получаться, потому что «новый Христос» -- Он Живой, и здесь, рядом, и Он полностью «вытесняет» из сознания «Христа земного». Но со временем все встаёт на свои места.

Именно проводя в жизнь такую «безумную попытку» -- сочетать в одной и той же личности Христа -- и Его человеческий земной образ, и Его облик мистериальный, но уже как Бога – «сломали себе зубы» все Вселенские Соборы, вырабатывая догматические формулировки о Христе и Троице, которые кажутся безумием для любого здравого ума. И именно принятие таких «формулировок», и обязательное требование «присягнуть им» на верность для тех, кто только-только становится на христианский путь, -- изначально выработало в самих недрах христианской Церкви лицемерие, как ее «родовое пятно». И именно это *лицемерие* – как «голубая кровь», передаваемая только по истинному родству – перешло на православную Россию, сокрушая и коверкая ее исторический путь вплоть до самых последних событий ее новой истории.

До тех пор, пока человек не встретит Живого Христа в своей личной жизни, он будет считать «идиотами» (выражение Ницше, заимствованное им у Достоевского) и тех, кто придумал эти «противоестественные догматы», и того, кто заявляет, что этого Христа «видел». Лучше бы этих «формулировок» никогда не было: «не нашивают старую заплату на новые одежды»! Христос должен оставаться для всего человечества только евангельским Учителем или Пророком, как Его и воспринимают, например, мусульмане. А тайну Живого Христа должны носить в своем сердце только те, кому Он открылся, как Живой. Для всех остальных – это безумие и шизофрения. И только по этой одной причине – не из-за самого Христа, а из-за «Его» Церкви -- во всем мире время от времени слышны возмущенные выкрики при взгляде на «такого Христа»: «А король-то -- голый!». Но кто из этих кричащих «правдолюбцев» понимает то, что таким «голым» Его делают только

христианские догматы? И что они не имеют ничего общего ни с евангельским Христом, ни с Живой реальностью *Параклета*.

§54(49).

Иисус сказал: Блажены (макариос) единые (монахос) и избранные, ибо вы найдете (хэ) Царство, потому что вы – от Него, (и) вы снова туда возвратитесь.

«Блаженными» бывают только боги, но не люди. Используя это слово применительно к тому или иному человеку Иисус, тем самым, делает его равным богу, обходя тем самым все иудейские запреты. В переводе М.К.Трофимовой есть одна существенная неточность: *монахос* – это в данном случае не «единственные», а «единые», т.е. муж и жена. *Как* здесь могут появиться «единственные», когда любому понятно, что этих «единственных» все-таки много? И тогда в чем же конкретно заключается «единственность» тех, кто достиг Царства? Более того, как видно из следующего по тексту логия, и слово «избранные» тоже относится к этим же «единым». А не так, что есть некая группа «единых» и есть, отдельно от них, группа «избранных». «Единые» -- они и есть «избранные Богом».

И обращаем внимание нашего читателя на то, что в этом логии Иисус даже не «заикнулся» о тех одиночках-мужчинах, которые упоминаются Им в некоторых других случаях. Его «блаженство» адресуется только супругам. И несколько отвлекаясь от текста логия надо, наверное, сказать следующее: Иисус всё прекрасно понимает, Он понимает, насколько сложно исполнить все то, о чем Он проповедует, как идеал. Поэтому Его речи и наставления не следует понимать, как слова проповедника, нацеленные только на «сиюминутный приход» какого-то конкретного человека к Царству. Он говорит также и для того человека, который может умереть -- и в этой своей жизни Царства не получить. Но в следующей своей жизни этот человек начнет свой путь к Царству уже не «от азов», а от той «остановки», на которой он оказался в момент своей «очередной» смерти. Поэтому возьму великий грех на свою душу и скажу: многие выдающиеся монахи – это все-таки только «предтечи» Царства; они обязательно родятся еще раз; они обязательно найдут себе верных жен – и вместе с ними, уже навечно, уйдут в Царство нашего Отца -- *Элохима*. Потому что законы Бытия -- они, ведь, незыблемы для всех, и даже Богов...

«Вы от Него, и вы снова туда возвратитесь». Но мы как раз и вели речь о том, что душа-*нишиимта* или, иначе, «частица Света», ниспала в наш земной мир из Царства Света, в котором некогда пребывала. У иудеев о Свете сказано несколько иначе, но при этом смысл остался прежним. Из Мира *Элохима* – а это и есть Мир Света, т.к. именно Элохим сказал знаменитое: «Да будет Свет!» -- Адам Шестоднева ниспал в Мир *Яхве*, что означает «Мир Тьмы»: «И отделил Элохим Свет от Тьмы» (Быт.1:4). И иначе эти слова из *Книги Бытие* понять невозможно. Итак, обобщая можно сказать, что смысл этой процитированной выше фразы следующий: **«Где ваше начало, там будет и ваш конец».**

§55(50).

Иисус сказал: Если вам говорят: Откуда вы произошли? – скажите им: мы пришли от Света (с большой буквы, т.к. стоит опред. артикль) [от] места, где Свет произошел от Самого Себя... Если вам говорят: Кто вы? – скажите так: Мы Его сыновья, и мы избранные Отца Живого. Если вас спрашивают: Каков знак вашего Отца, который в вас? – скажите им: Это движение и покой (анапаусис).

Начнем с конца этого логия, чтобы все сразу же встало на свои места. Этот конец логия не представляет труда для «расшифровки», т.к. понятно, что Отец (или Отец-Жизнь) – это тот Бог *Книги Бытие* (*Элохим*), который шесть дней Творил духовный мир, т.е. «был в движении», а на седьмой – «обрел покой».

Немного отступая от темы, и как бы в дополнение к нашим разговорам об этих именах Божьих – *Элохим* и *Яхве*, – предложим нашему читателю на досуге поразмышлять над таким вопросом. Предположим, что действительно правы иудеи и христиане: *Яхве* и *Элохим* – это один и тот же Единый Бог. При этом всем богословам хорошо известно, что подлинное имя этого Бога – *Яхве*, а слово *элохим* – означает просто существительное «бог», причем, таким богом может быть даже бог языческий (что мы и видим по тексту иудейского Писания). Но в таком случае мы должны поверить также и в то, что древний автор текста *Бытие*, который является бесспорным почитателем и приверженцем Бога *Яхве*, начиная свое сакральное Писание, посвященное именно этому Богу, решил вообще не упоминать его имя (которое хорошо известно этому автору!), а начать свой текст «безлично»: так, что речь как будто идет и вовсе не о *Яхве*, а о каком-то *Зевсе* или вавилонском *Бэле* или шумерском *Ану*. И что может сказать о таком начале «Писания о *Яхве*» любой здравый человек?

Мы привыкли подсознательно думать, что древние люди были глупее нас, современных, у которых – у каждого! – в кармане мобильник. И поэтому мы полагаем, что такой «туповатый» древний автор, царапая на камне или папирусе свой текст, мог допустить в этом тексте такой «промах», который хорошо замечен нашему «проницательному» научному взгляду, но на который не обратил внимание этот древний автор. Но именно исходя из такой оценки интеллекта древних (включая и того копта, которого мы разбираем), у нашей «науки» появляются следующие переводческие шедевры: «покрась табурет красной краской, -- и он будет красным, покрась его белой краской – и он будет белым»; или: «смотри своим правым глазом на левое ухо твоей жены, а левым – на правое [ее ухо]».

Для сравнения – продолжая уже начатый нами разговор о *Яхве* и *Элохиме*, которые фигурируют в начале *Торы* -- представим себе книгу какого-то известного зарубежного историка, который пишет серьезный труд о Цезаре. Он начинает свое повествование с самого кульминационного события в жизни этого великого полководца – знаменитого перехода через Рубикон. Но вместо того, чтобы назвать имя своего героя, т.е. имя «Гай Юлий», автор в этом эпизоде – от самого начала своей книги и далее! -- все время пишет о нем просто как о «человеке»: «этот человек», «он решил», «этого человека поддержала армия, которой он командовал» и т.д. и т.п. И только уже после того, как «этот человек» одержал победу и вошел в Рим императором, автор «вдруг» вспомнил, что Полководца-то зовут Цезарь. И как бы спохватившись и помятуя о том, что, по пословице, «что написано пером,-- того уже не вырубишь топором» (а значит написанного им -- не исправить!), он, как-то «неловко изловчившись», завершает свой величественный труд следующими словами: “А предательский смертельный удар мечем этому человеку, Гаю Юлию Цезарю, нанес его друг Брут: «И ты, Брут! -- только и успел вымолвить прекрасный полководец Гай Юлий Цезарь»”. «Ага! – изумленно восклицает наш обрадованный почитатель трудов этого историка – так вот кто, оказывается, переходил через Рубикон!». Именно такую картину мы и наблюдаем в *Книге Бытие*, если считать, что более правильная точка зрения по этому вопросу -- у иудеев и христиан. А вместе с ними – и у «беспристрастного» научного сообщества, в совершенстве владеющего всеми древними языками.

Ну а все научные рассуждения о том, что иудейский текст *Книги Бытие* случайно оказался «склеенным» из отдельных древних «лоскутов», составленных неким «элохистом» и неким «яхвистом», и что эти части оказались логически мало связанными между собой, но при этом «бережное отношение» к древнему тексту не позволило последующим «реставраторам» вносить какие-либо изменения в это Священное Писание – всё это не выдерживает никакой серьезной критики. Нереально предполагать такое, что

эти «два различных текста об одном и том же» – о Сотворении мира *Элохимом* и о Творении мира *Яхве* – каким-то случайным образом оказались в *Книге* не до конца «пригнанными» друг к другу, и вот мы видим такую «неряшливую чересполосицу», «шитую белыми нитками». Бесспорно то, что этот текст многократно редактировался и «дорабатывался» на предмет соответствия всё новым утвердившимся воззрениям иудеев, как и текст любой другой религии (например, *Лунь Юй*, который «нашли» при «реставрации стены древнего дома» Конфуция: этот эпизод с «обретением» текста *Лунь Юя* удивительным образом копирует обстоятельства обнаружения Креста Господня царицей Еленой). Но даже при такой регулярной периодической «реконструкции» древнего текста (включая беспрецедентную работу масоретов) еврей-«систематизаторы» не посмели исключить из Писания полностью основу основ того истинного представления о Становлении мира, которое сами иудеи заимствовали некогда у египтян: «В начале (*an arxэc*)» был Бог «вечный», который «проявил Себя» вовне и который остается таким вечным всегда. А потом появляется другой Бог -- тоже «вечный», но все-таки прекращающий свое существование после окончания очередного космического цикла. «Истинно вечный» Бог владеет Царством Небесным (говорим это условно, т.к. такого термина в Египте не существовало), а Бог «не совсем вечный» -- владеет Раем. Фараон *Унас* в своем безумном Гимне – рвется именно в это «Царство», т.к. Рай доступен всем без исключения праведным людям. Подумай об этом на досуге хорошенько, читатель, и рассуди, кто из нас прав: Иисус Христос – или иудеи, вкупе с «христианами» и научными богословами.

А в дополнение скажем, что такую «точку зрения» Христа полностью разделяет неопифагореец Нумений (III в. н.э.) – замечательный человек! – о котором мы, если этого не забудем, когда-нибудь тоже поговорим. Нумений римлянин – это философ-мистик, который, очень точно сформулировал «теоретические основы» того Бытия, в котором мы все пребываем. А Христос – практически реализовал те человеческие чаяния, которые «витали в воздухе» начиная от мудрейших египтян, но при этом Его представления о Бытии полностью соответствуют тому изложению, которое мы находим впоследствии у Нумения уже в виде философии. Но вернемся, наконец, к *Фоме*:

И завершил *Элохим* в седьмой день Свою работу, которую Он делал, и предался отдохновению (*ката-пауо*; от *пауо* – «прекращать, отдыхать») в седьмой день от всех Своих работ, которые Он делал... в тот день предался Он отдохновению (*катапауо*).

Именно отсюда «знак Отца» -- «это движение и покой». Но когда этот «знак» переходит в Его «сыновей» (как мы уже говорили, «сыном» по тексту *Фомы* является не только Иисус, но и те, в ком есть «знак Отца»), то этот «знак» -- что вполне естественно – приобретает те отличительные черты, которые должны быть присущи земному человеку. В греческой версии логия 1/2, как мы уже отмечали, сказано: «И пусть не останавливается тот, кто ищет» -- это и есть «движение» сыновей Отца. А в конце этого логия (греческого) мы видим следующее: «И царствуя [он] обретет покой (*ана-паэстай*)», т.е. то же самое слово «покой» -- буквально.

И вот это понятие – «покой», который человек получает после обретения им Царства, настолько важно для всей проповеди Христа, что в *Евангелии от Фомы* о нем говорится еще раз в логии 94/90: «Придите ко Мне, ибо иго Мое благо (греч./коптск. *хрэстос*) и власть Моя кротка, и вы найдете (хэ) покой (*анав-пасис*) себе». Именно «покой», как у *Элохима*, а не «рай», как у *Яхве*, -- является окончанием пути в Царство. Но может быть, это только какая-то случайная «гностическая идея», которая проникла в «почти ортодоксальное» *Евангелие от Фомы* и «повредила» этот текст в четырех местах (не говоря уже о греческом варианте первого логия)? Открываем *Евангелие от Матфея*,

глава 11, стих 28, и читаем: *«Идите ко Мне, все тяжело работающие и обремененные (фортидзо – «нагружать, обременять ношей») и Я дам покой (ана-паусо) вам. Возьмите ярмо Мое на себя... и найдете (Эврика!) покой (ана-паусин) душам вашим»*. И как в тексте *Книги Бытие* это слово, означающее «покой», повторяется дважды, так же и Иисус его тоже повторяет дважды, чтобы *разумеющий* мог лучше понять все то, что Он говорит. *«Имеющий уши, да слышит!»* Но зададим себе совсем не праздный вопрос: что лучше всего фиксируется нашими «ушами» из всех ораторских приемов лектора? – Двойное повторение сказанного. Поэтому и говорится: повторение – мать учения.

«Ну, хорошо -- скажет наш читатель – с «покоем» все ясно, и даже будем считать, что и с *Элохимом-Отцом* – тоже ясно; но откуда тут взялся тот Свет, о котором говорит Иисус?». Вопрос совершенно справедливый и более того, пролог *Евангелия от Иоанна*, где о Христе заявляется, как о Свете, тоже не дает ответа на этот вопрос. Но напомним нашему читателю эти слова Иоанна о Свете (Ин.1:6-9):

Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него. Он не был Свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, который просвещает всякого человека проходящего в мир.

Христианские богословы утверждают, что тот Свет, о котором здесь говорится, -- это Иисус Христос. Это действительно так. Но это – только «половина правды». В этом логики Иисус говорит, что есть место, где *«Свет произошел от Самого Себя»*. А это означает, что Сам Иисус не является тем первоначальным или исходным Светом: как может Он говорить о Себе Самом, как о пребывающем в каком-то «месте Света», находясь при этом рядом со Своими ученикам? Он – человек разумный и практичный, и подобной «загадки» никогда бы не стал задавать Своим ученикам, которые и простейшего пока не разумеют. Но как Сын этого Света, Он этим Светом обладает в полной мере. Можно сравнить для примера два высказывания Христа из канонических Евангелий: *«Я – Свет миру»* (Ин.9.5) – так говорит Иисус о Себе Самом. Но дальше Он говорит уже нечто странное, что не совсем укладывается в богословские положения Церкви: *«Доколе Я в мире, Я – Свет миру»* (Ин.9:5). Иоанн евангелист прекрасно понимает, что он говорит: покуда Христос ходит во плоти – Он Свет миру (*космосу*). А после того, как умрет и воскреснет? После этого Он – *Живой Свет* только тем, кому является в Своей мистерии. А прежним «земным Светом» Он продолжает светить только в Евангелии. Но вот что Иисус говорит Своим ученикам уже в *Евангелии от Матфея* (Мф.5:14): *«Вы – Свет мира»*. И в том, что евангельский текст утверждает, что и Иисус, и Его ученики – это *один и тот же* Свет, покуда они пребывают на земле, никакой ошибки нет: источник этого Света один – *«место, где Свет произошел от Самого Себя»*. Так в чем же разница между Светом Христа и Светом учеников, или любого «избранного Отца»? Разница только в одном: «не зажженная свеча» ученика или «избранного» загорается Светом только от «прикосновения» к «свече» Христа; зажечься непосредственно от Света Отца она не может. Но как только она «загорелась» -- это уже один и тот же Свет, Свет Отца. Теперь для читателя все понятно со «Светом Христа» и «Светом Его учеников», но остался невыясненным следующий вопрос: если в иудейском Писании о существовании исходного Света вообще ничего не говорится, тогда откуда знает о таком свете Сам Иисус? Речь при этом не идет о том, что этот Свет Иисус знает опытно, как Отца. Речь о том, что должен существовать какой-то религиозный (священный) текст, на который опирается в Своих высказываниях о Свете Иисус, как на Писание. И конечно, правильное направление поиска такого текста может указать только Иоанн евангелист: это -- назареи.

Исследователь религии мандеев Курт Рудольф (Мандеизм, 1978 г., пер. Д.Алексеева, сетевой ресурс) так описывает мандейское богословие и мифологию:

Мир Мрака враждебно противостоит миру Света. Высшая Сущность находится на вершине мира Света и обладает несколькими именами, которые датируются разными периодами развития мандейской религии. Самым ранним является Жизнь (*хайе*) или «Великая Жизнь» (*хайе рбе*)... Более позднее имя – Царь Света (*малка-д-нхура*). Высшая Сущность окружена бесчисленными световыми существами Утрами (*утхре*), то есть «божествами» или «изобилиями». Они обитают во множестве Миров Света (*алме-д-нхура*) и на небесных реках или Иорданах... Не всегда единообразные рассуждения (мандеев) подразумевают идею постепенной деградации или падения от первичного Единства и Единственности в условные Миры Света и даже до сотворения земного мира Птахилем... Мандеи верят, что они происходят от протагонистов, Адама и Евы, и составляют «племя (род) Жизни», поскольку их души ниспали из Мира Света и из-за этого падения вынуждены обитать в нашем телесном мире... Сердцевиной мандейской сотериологии является спасение частиц света, которые мандеи называют *нишимта* (душа) или *мана*...

Отметим еще раз, что важное мандейское слово *мана* («ум, душа, сосуд») имеет иранское происхождение. Здесь же будет уместно еще раз привести текст *Книги Бытие*, к началу которого так часто обращался Иисус во время Своей проповеди среди иудеев (перевод И.Ш.Шифмана):

...и Земля была неупорядочена, и Тьма над Океаном, и Божье дыхание (*Руах Элохим*) носилось над водами. И сказал Бог (*Элохим*): «Да будет Свет!» И стал Свет. И увидел Бог (*Элохим*), что Свет хорош, и отделил Бог (*Элохим*) Свет от Тьмы.

Из приведенного выше отрывка из работы Курта Рудольфа читателю становится понятно так же и то, что в этом логии тот перевод М.К.Трофимовой, который мы привели -- «**Отца живого**» (мы позволили себе второе слово написать с большой буквы) -- не совсем точен. Правильнее будет перевести буквально: «**Отца, который [есть] Жизнь**» (*п йот эт онх*). Поэтому все те, которые ходят по земле без Отца – мертвые.

§58(53).

Ученики Его сказали Ему: Обрезание полезно (копт. *офели*, греч. *офелимос* – «полезный, выгодный, ценный») **или нет для нас? Он сказал им: Если бы оно было полезно** (*офели*) **[для человека] их отец** (т.е. отец всякого иудея – Г.Б.) **породил бы их из их матери обрезанными. Но истинное обрезание в (хэм) духе** (копт., греч. *пневма*) **обнаружило полную пользу** (*хэв*).

Во-первых, концовка этого логия, переданная в русском переводе, совершенно не отражает смысл слов Христа, хотя этот перевод почти буквален. В коптском тексте выражение «**полная польза**» передано словами *хэв тэр*, в которых мы видим обратную последовательность слов. Слово *хэв* означает «польза»: (Crum, стр.729) – profit, usefulness; а *чен хэв* – «находить пользу»: find profit, gain. Слово *тэр* переводится как «всё» -- all, whole, every, а с артиклем и тем местоименным суффиксом –*ф*, который присутствует в нашем тексте, -- как «Всё (Творение)» -- the whole, all (creation). Итак, английское profit, приведенное выше, -- это «польза, выгода», а usefulness – «полезность». Но при этом мы должны понимать, что если копт для передачи понятия «польза», «полезность» использовал уже слово с другим корнем, нежели у слова *офели*, значит, оно и означает нечто иное, чем то первое, которое поставлено в начале логия.

Словосочетание *чен хэв*, в котором слово *чен* является сокращенным вариантом от коптского *чинэ* -- а это слово уже известно нам из логия 1/2 по Оксиринхскому папирусу как аналог греческого «Эврика!» -- судя по всему, означает не просто «найти что-то полезное», а получить какое-то чрезвычайно важное, «полезное» знание, т.е. обрести искомый *гносис*. И когда мы обращаемся ко второму слову этого выражения – *тэр* с суффиксом –*ф*, мы опять вспоминаем логий 1/2 с его концовкой: «и он будет царь над **всем**» (*n тэр ф*). В данном случае таким «всем» является «весь мир», «Вселенная», «Бытие». И несмотря на то, что этого определенного артикля мужского рода *n*- в нашем случае нет, тем не менее нет сомнения в том, что копт хотел передать именно это: *обрезание в духе* дает человеку все искомое, все самое полезное и самое желаемое, т.е. Царство.

Но следом за таким решением вопроса сразу же возникает следующий, еще более непонятный вопрос: что это такое – «обрезание в духе»? Когда мы подойдем к рассмотрению первой части этого логия мы покажем нашему читателю, что Иисус был назареем и поэтому Сам обрезан не был. Кстати, и вопрос Его учеников тоже выглядит очень неожиданным и странным: «**Обрезание полезно для нас?**». Это конечное местоимение «нас» в переводе М.К.Трофимовой опущено, но именно оно дает нам повод поставить под сомнение то общепринятое мнение, что ученики Христа, как иудеи, были обрезаны на восьмой день. Возможно, Иисус набирал Своих учеников большей частью из среды назареев, и именно они задают Ему такой непонятный, с точки зрения христианско-иудейского мировоззрения, вопрос. По крайней мере, нет сомнения в том, что апостол Иоанн был назареем. А значит и его брат – Иаков, второй сын Зеведея, тоже был назареем. И вполне логично, что именно они, да еще апостол Петр, составляли наиболее узкий круг учеников того Христа, который Сам был назареем. Упоминая в своем Писании о «лже-Мессии», мандеи сетуют на то, что этот Мессия своим Учением совратил много назареев и увел их в свой лагерь. При этом мы должны понимать, что даже если «наш Христос» был действительно распят на Кресте, то Его нагота, которая обнаруживала отсутствие обрезания, не вызывала никакого удивления у проходящих мимо иудеев: им прекрасно было известно, что назареи не обрезаются.

Но вернемся к последней фразе нашего логия. Если Иисус действительно является назареем, тогда Ему хорошо известна *назирута* – тайное учение назареев о спасении из этого мира. Как мы уже говорили, в этом Учении присутствуют такие основополагающие понятия о душе, как *нишилта*, *руха* и *руха-д-кудиша* (не путать с другим мандейским базовым термином – *кушта* – «Истина»), т.е. *Руха* Святая или Дух(-а) Святой(-ая). Но этот Дух Святой или *Руха-д-Кудиша* «рождается» в человеке только в результате настойчивого преобразования в себе – с помощью «Искры Света» (*нишилты*) – той «земной *рухи*», которую человек получает по своей земной природе от рождения. Вот этот подвиг преобразования «одной» *рухи* в «другую», но уже Святую, Иисус и назвал словами «**обрезание в духе**», т.е. «**обрезание в пневме**», или, уже по-мандейски, -- «**обрезание в *рухе***». Иисус имеет в виду, что следует «обрезать» в себе «нижнюю», земную часть *рухи*, оставив от этой *рухи* только ее «верхнюю», или высшую часть -- *аганэ* – «любовь».

В данном логии мы заменили при переводе слово «**зачал**» (из перевода М.К.Трофимовой) на слово «**породил**», делая тем самым Иисуса *Фомы* не таким «всезнающим», как этого хочется М.К.Трофимовой, а вместе с ней и всей христианской Церкви. В коптском тексте стоит глагол *джпо*, главное значение которого – «порождать, родить». В древности люди считали, что лоно женщины – это просто «гнездо», в котором выращивается «порожденный отцом» ребенок—в виде семени этого отца. Древние ценили и возводили в ранг «божества» именно мужское семя (это прослеживается и у египтян, и у зороастрийцев, и у эллинов), а женские месячные считали «осквернением» и высшей ритуальной нечистотой. Поэтому у всех древних народов национальная (а значит и религиозная) принадлежность ребенка определялась именно отцом, а не матерью, которая

могла быть и рабыней, привезенной из дальних стран в гарем какого-то восточного *басилевса* или, например, царя Соломона.

Говоря о национальной принадлежности того или иного человека, следует также отметить, что в древнем мире главной всегда была его религиозная принадлежность, а значит и язык его общения, а не «кровь», текущая в его жилах, как это стало принято уже в те более поздние времена, когда «духовное» полностью уступило место «земному». Но в любом случае все древние родословные – начиная от египетских и – что для нас уже более важно и интересно – вплоть до евангельских, в которых приводится «родословная Христа», идут только от отца, но никогда – от матери. Все «псевдо-евангельские» родословные «от Марии» -- это попытка церковных богословов выйти из того крайне затруднительного положения, в которое они попали, решив, что отцом Иисуса Христа является Дух Святой (мужского рода). В тексте *Матфея* – том, который мы читаем в составе канонического *Нового Завета* – этого утверждения нет и быть не может (что можно доказать здравыми рассуждениями). Но и «родословие Христа», которое предшествует всему тексту *Евангелия от Матфея*, судя по всему, тоже носит подложный характер, т.к. противоречит всем евангельским заявлениям Христа («кто мне Мать...», например) и всему последующему евангельскому тексту, авторство которого (как принадлежащего Матфею) не вызывает никакого сомнения.

Итак, наш следующий вопрос – это вопрос обрезания Христа. Был ли Он обрезан по иудейскому обряду, как это утверждает Церковь, или нет? Перед тем, как дать читателю ответ на этот вопрос, мы хотели бы воспеть хвалебную Песнь (почти «Оду Соломона») современной богословской науке. Несмотря на то, что эта наука не имеет ни малейшего представления о Духе Божьем, мы должны признаться нашему читателю, что наш дорогой читатель никогда бы ни читал этих *Комментариев* на *Фому*, если бы ни труды и старания научных исследователей, которыми пользуется и к которым постоянно прибегает автор этих *Комментариев*. Без многочисленных трудов этих неутомимых исследователей, этих подлинных «червей науки», которые искренно стремятся обрести подлинное знание о Христе и всей той жизни, которая Его окружала, автор, например, никогда бы не имел возможности выписать себе по почте научный греческий текст *Нестле-Аланда* или найти в Сети интерлинеарный английский перевод *Фомы*. Честь и хвала этой «бездуховной Науке», и мы, искатели Истины, признаёмся ей в своей искренней любви.

Вот что пишет о назарее Иисусе один из самых известных исследователей мандейской религии Р.Мацух («Мандеи»):

«Имя *Надзорайос* (греч. – Г.Б.), присвоенное Иисусу, не может быть возведено ни к имени «Назарет», т.е. к названию города Иисуса (Матф.2:23), ни к *незер* (иврит. – Г.Б.) – «побег, росток, отпрыск, потомок» (Jesaja II,1), на которое ссылается евангелист» (стр.47). А чуть раньше этого Р.Мацух пишет: «Мандейская формула *назурайа* полностью соответствует новозаветной форме *Надзорайос*», и далее, уже цитируя Лидзбарского: «*Назурайя* – «ученый, в особенности такой, который обладает тайным или, по крайней мере, умозрительным (по)знанием» (стр.46).

«Согласно Лидзбарскому (L.S. XVII f) *Надзорайос* по содержанию идентично *nosri*, образованному от того же корня, то есть прозвищу, которое в Талмуде дается Иисусу для обозначения принадлежности к некоему религиозному коллективу (общине), название которой образовано от еврейского причастия *nser...* (стр. 48). Палестинская форма *Надзорайос*... точно соответствует мандейской *nasuraia*, как по форме, так и по содержанию, и потому представляет собой надежнейшее доказательство, свидетельствующее как о месте возникновения, так и о возрасте мандейского «назарейства» (или «назарейства») (стр. 50, 51)».

Читатель не должен быть введен в заблуждение столь «поздней» датировкой появления назарейства, высказанной Р.Мацухом. Мы должны поблагодарить этого мужественного ученого за то, что он сумел «отвоевать» у всего «научного сообщества», которое яростно защищало (и продолжает защищать) «корпоративные интересы» иудаизма и христианства, столь раннюю дату появления назарейства, поставив тем самым «большой вопрос» на происхождение Самого Христа из лона иудаизма. Добавим: у непредвзятого исследователя не может быть сомнений в том, что *назирута* по своему возрасту никак не моложе иудаизма. Но то, что назареи существовали до Христа, об этом сообщает также такой не совсем объективный писатель, как обличитель ересей Епифаний (Против ересей, XXIX, см. «Мандеи», стр.251).

И далее по тексту Р.Мацуха следует детальное рассмотрение и сравнение терминов, имеющих отношение к мандеям и назарейам. Бесспорно то, что такой маститый ученый, как Р.Мацух, очень осторожен в своих языковых исследованиях этого чрезвычайно щепетильного и «взрывоопасного» вопроса и не делает поспешных выводов, но нам вполне достаточно и того, что он уже сказал, и что мы процитировали выше. О том, что назареи никогда не делали обрезание, пишет в своей книге «Сокрытый Адам» леди Дровер («Мандеи», стр.348):

Принципы... такие, как **обрезание**, пищевые запреты и **празднование субботы**, не проявлялись в Назироте, которая и не была иудейской с самого начала... Обрезание несовместимо с назорейским вероучением, поскольку калечить человеческое тело – значит надругаться над тем, что было создано по образу и подобию Божию, и человек, имеющий какой-то дефект половых органов, считается непригодным для священной службы.

Добавим, что в мандейских текстах сказано также о том, что Авраам сначала принадлежал к *назируте*, но затем приобрел какую-то болезнь и с целью излечения от нее сделал себе обрезание крайней плоти. После этого он вынужден был выйти из среды назареев и организовал собственную «секту», где стал делать обрезание всем своим приверженцам. Данный пример вовсе не следует рассматривать с точки зрения исторической достоверности, однако он прекрасно иллюстрирует подлинное отношение мандеев к вопросу обрезания.

Так выглядит вопрос обрезания Христа, если смотреть на него с мандейской (назарейской) точки зрения. Что можно сказать по этому поводу, если рассматривать аргументы Церкви? О том, что Иисус был обрезан, мы читаем только в *Евангелии от Луки*. Вот эти слова (Лк.2:21):

По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Его, дали Ему имя Иисус, нареченное ангелом прежде зачатия Его во чреве.

Причем и здесь, даже у *Луки*, этот вопрос намеренно показан не до конца ясным: *Лука* не говорит, что Младенца «обрезали на восьмой день», а заявляет, что в тот день, когда должно происходить обрезание, Младенцу «дали имя Иисус». То есть *Лука* «фантазирует», но при этом «знает меру». Но даже не об этом сейчас речь. Мы видим, что больше ни у кого из евангелистов нет упоминания об обрезании Христа, точно так же, как отсутствуют подобные свидетельства и в апокрифических текстах. Но при этом читатель уже знает, что *Евангелие от Луки*, которое является самым поздним из всех синоптических Евангелий, и которое написано человеком, наиболее далеким от евангельских событий и самой проповеди Христа, больше всех других подверглось последующей доработке с целью согласования евангельского текста с догматами Церкви. Фактически, *Евангелие от Луки* явилось тем «козлом отпущения», который пострадал за всех своих собратьев. И мы заявляем это вполне ответственно, а не голословно. В данном

случае на нашей стороне находится та самая наука, которую мы совсем не зря похвалили, приступая к рассмотрению этого логия.

Дело в том, что по какой-то непонятной исторической случайности оказалось так, что самый первый Канон христианского Священного Писания составил еретик Маркион в превой половине II в. н.э. И в этот свой Канон он включил только две составных части (отсюда такое деление в Церкви и в дальнейшем): *Господне Евангелие* и *Апостол*. Маркион не считал, что Ветхий Завет (Писание иудеев) имеет какое-то отношение к христианству, т.к. полагал, что иудеи и Христос говорят о разных Богах, и именно по этой причине их Писание в свой Канон не включил. При этом *Апостол* Маркиона состоял исключительно из посланий апостола Павла, которые до этого времени были никому не известны, и которые впервые «извлек из небытия» именно Маркион. Так вот, *Господне Евангелие* Маркиона – это и есть *Евангелие от Луки*, т.к. никаких других Евангелий Маркион не признавал. После того, как Церковь объявила Маркиона еретиком (в первую очередь за то, что Маркион принципиально разделял «добротого Бога» из Благовестия Иисуса Христа и «злого Бога» иудеев) и создала свой Канон Нового Завета, в котором тоже присутствовало «это» Евангелие (в виде *Евангелия от Луки*), последователями Маркиона было обнаружено, что это «новое Евангелие» значительно отличается от того, которое первоначально входило в Канон Маркиона. Начались жаркие споры сторон с взаимными обвинениями и доказательствами. Победила, конечно, Церковь, но от этих исторических «баталий» остались тексты, в которых подробно рассматривается содержание одного и другого Евангелия и сравниваются их отличия (сомнений в том, что эти Евангелия представляют собой один и тот же текст, но «испорченный» одной из спорящих сторон, ни у кого не было).

Изучением всех этих сохранившихся материалов и занялись в последнее время ученые, т.к. «главная мечта» всего библейского научного мира всегда заключалась в том, чтобы отыскать, или логическим путем прийти к тому изначальному варианту евангельского текста, который уже не был бы ни кем исправлен. Наука всегда стремилась найти «настоящего Христа» под уцелевшими «обломками» древних текстов. Мы не будем приводить читателю имена тех ученых, которые внесли в дело воссоздания исходного текста *Евангелия от Луки* наиболее значительную лепту. Но окончательный, и не вызывающий никаких сомнений в своей правоте, вывод научного сообщества заключается в том, что первично более короткое Евангелие из Канона Маркиона, а не каноническое *Евангелие от Луки*. С реконструкцией исходного текста этого Евангелия можно ознакомиться в Сети (правда, русскоязычная версия этого текста пока еще не опубликована). В этом приведенном в свой первоначальный вид Евангелии повествование начинается со следующих слов:

В пятнадцатый год правления Тиберия Кесаря [Понтию Пилату бывшему правителем Иудеи] Иисус спустился в Капернаум, город в Галилее и учил в Субботы: и они удивлялись Его Учению, потому что Его слово было с силой.

Как и следовало ожидать (и это вытекает из здравого логического анализа всех остальных Евангелий, включая *Евангелие от Фомы*) в первоначальном тексте *Луки* отсутствовали следующие картины, появившиеся впоследствии в его каноническом варианте: эпизод зачатия Иоанна Крестителя, Благовещение, Гимн Марии, рождение Иоанна Крестителя, рождество Иисуса, Его обрезание и встреча Его Симеоном Богоприимцем, возвращение божественной четы в Назарет, эпизод с двенадцатилетним Иисусом в Храме (заимствован из биографии перса Мани), служение Иоанна Крестителя, Крещение Иисуса Христа, родословная Марии. Все эти главы дописаны усердным и бесспорно талантливым «подражателем Луки» -- церковным богословом. Но в этих

«дополненных главах» присутствует то, о чем никогда не говорили сами апостолы евангелисты или те люди, которые эти Евангелия написали.

Продолжать тему обрезания Христа, наверное, уже излишне: для разумного читателя она исчерпана полностью. Но, пользуясь случаем, хочется сказать несколько слов о «еретике» Маркионе и даже Мани. У человека, вращающегося в христианском мире, это уничижающее слово «еретик» как будто навсегда «прилипло» к этим двум величайшим гениям христианского мира: к безумному хрому фантазеру Мани (лучше бы он никогда не фантазировал!) и к правдолюбцу Маркиону, отыскивавшему для Церкви тексты Павла (лучше бы он их не отыскивал!). Но все мы, христиане сегодняшнего дня, -- все вместе взятые, со своими «патриархами и иерархами», как один «пучёк петрушки» в базарный день – все мы не стоим даже одного мизинца Мани или Маркиона. Потому что они прошли по жизни Живыми, пусть даже они во многом или в чем-то заблуждались, -- Бог им это простил. А мы -- ходим по Жизни мертвыми, и не то что «палец о палец», но «ноготь о ноготь» не ударим для того, чтобы ожить. А всё туда же -- как и эти гении Духа Святого, так же называем себя «христианами». И как голодные *псы* (не пугайся, друг мой! это – всего лишь евангельское слово из Синодального перевода) пытаемся отнять эту «кость» из зороастрийского «дома смерти» у давно уже отошедших в миры *Яхве*.

§61(56).

Иисус сказал: Тот, кто узнал (коптск. *совн* – «знать») [опред. арт.] **мир** (греч. *космос*), **тот обнаружил** (*хэ* – «Эврика!») [неопред. арт.] **труп** (греч. *птома* – букв. «падение, падшее, труп»), **и тот, кто обнаружил труп, -- мир не стоит** (коптск. *емпша*) **его**.

Сначала обратим внимание читателя на то обстоятельство, каким образом Иисус выражает подобную мысль, когда говорит о Себе Самом (в предыдущем логии **60/55**):

И кто не взял свой Крест (греч. *ставрос*) **таким же образом** (то же самое слово *хэ*, но уже в смысле «путь»), **как Я, -- тот придет в бытие** (коптск. *шопэ*), **не будучи достойным** (греч. *аксиос*) **Меня**.

То есть похожее понятие «стоять», «быть достойным» в случае сравнения с миром (*космосом*) и с Самим Христом передано различными словами коптского языка. Человек может быть достойным (*аксиос*) Христа, и в этом случае мир не стоит (*емпша*) этого человека. При этом первое слово – греческий аналог – имеет оттенок «цены», а второе – «величины». Коптский глагол *шопэ* – «быть, случаться, происходить, стать» многозначен, но в тексте *Фомы* он используется также в значении бытия человеческой души после смерти.

А теперь вернемся к основному тексту первоначального логия. Неопределенный артикль перед словом «труп» свидетельствует о том, что речь не идет конкретно о земном теле того человека, который ставится в пример в этом логии. Да и как можно вести речь о «труп» того человека, с которым сейчас разговаривает Иисус и тело которого еще не умерло? Речь здесь идет обо всем том «видимо живом», которое «движется по земле и дышит», и на которое любой человек всегда смотрит своими глазами «со стороны», отделяя себя самого от всего этого окружающего. Человек, познавший *гностицизмом* окружающий его мир, видит в нем не ту «жизнь», которая только «притворяется жизнью», а подлинное «нутро» этого мира – *Смерть* или «труп». Потому что ощущение *вечности* такой «жизни» -- это только видимость: всё на земле умирает, и один день ничем, в принципе, не отличается от тысячелетия. То есть сам по себе мир (*космос*) – это обманщик, и когда обман раскрыт – фальшивка, казавшаяся ранее ценной денежной купюрой, превращается в бумажку для мусора. Обман этого мира подобен обману ленты

кинематографа. Видимость движения, т.е. самой жизни, происходит только потому, что один «неподвижный кадр» сменяется другим, и тоже «неподвижным». И в том, что тот «первый кадр» уже давно «умер», человек просто не отдает себе отчета: ему кажется, что «экран» в кино все тот же самый, такой же «живой». Поэтому Иисус и говорит: **«Оставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф.8:22)**. Поэтому Иисус и призывает (*Фома 64/59*):

Посмотрите на Того, кто Жив, пока вы живете (т.е. существуете на земле в виде тела и души), **дабы вы не умерли – ищите увидеть Его!**

Он говорит о Себе, Живом, который может дать от этой Жизни тем, кто сейчас живет жизнью мнимой. Потому что только во время этой «мнимой» жизни человек может найти Жизнь истинную: за порогом смерти такой возможности у него уже нет.

Здесь же мы должны рассмотреть «тот же самый» логий из *Фома*, но в котором слово «труп» (греч. *птoма*) заменено на слово «тело» (греч. *сoма*). Это логий **84/80**. Принципиальная разница в прочтении заключается в том, что перед словом «тело» этого логия стоит определенный артикль (в коптском языке, как и в греческом, есть все три вида артиклей, включая «нулевой»). А это означает, что речь идет именно о «моем собственном теле»:

Кто узнал мир (космос), тот нашел [свое] тело [глядя на него со стороны].

Почему этот логий вынесен в отдельное высказывание или параграф? Потому что для любого человека всегда существует естественное внутреннее противопоставление: это -- я, а это – весь остальной мир. Так вот, весь остальной **«мир (космос) не стоит (емпиа) этого человека»** только в том случае, если на чашу весов этого остального мира человек кладет и свое собственное «тело». То есть если человек не просто научен кем-то такому пониманию вещей, а знает *гностическим знанием*, что его земное «тело» -- это «не он». Он не отождествляет себя с этим своим телом, а «сидит в нем», как «танкист в танке», -- до поры до времени. Зная, например, что в такое-то время в «баках» этого «танка» «закончится горючее», или что его «танк» может «подбить противник». Но задача такого мудрого «танкиста» заключается в том, чтобы при всех возможных обстоятельствах – остаться до поры до времени «живым», т.е. – дотянуть «на этом топливе» до «места встречи с Живым». И перейти от своего земного состояния мнимой жизни -- к Жизни истинной. *Как?* – «Как свеча – от Свечи». А вот тот «бронзовый канделябр», на котором эта свеча красуется на радость всему «тленному миру», тот «танк», о котором мы говорили раньше, – он «гореть» не способен. *Почему?* – «Потому что всё это -- не от Царства Света».

§62(57).

Иисус сказал: Царство Отца подобно человеку, у которого хорошие семена. Его враг пришел ночью, посеял плевел на семена, которые хорошие. Человек не позволил им (своим рабам – Г.Б.) вырвать плевел. Он сказал им: Иначе вы придете вырвать плевел, а вырвете семена вместе с ним! В день жатвы плевелы появятся наружу, их вырвут и сожгут.

Данный логий – один из самых сложных для понимания. Существует параллельный текст в *Евангелии от Матфея (Мф.13:24)*. Но судя по всему, именно вариант *Фома* является исходным и более точным. Мы хотим предложить нашему читателю не совсем очевидную трактовку, оставляя за читателем право на отыскание лучшей версии.

Когда смысл высказывания тѐмен, тогда первое, что следует сделать, -- это обратить пристальное внимание на его буквальный смысл. Ясно, что в притче присутствует Сам *Отец* в лице «человека» и Его «враг», который действует «в ночи», т.е. Царь Тьмы. А то «поле», на котором высеиваются семена, -- это не наш мир вообще, а *сердце* конкретного человека. Уже в одной этой исходной предпосылке четко прослеживается назарейская основа этой логики. Мир Тьмы («ночи») – это *«Руха с семью»* или, если говорить более привычным для христианина языком, -- Бог *Яхве*. Ну а Отец – это, конечно, Царь Света или *Элохим*. Ту «жатву», которая встречается также в тексте канонических Евангелий, чаще всего принято отождествлять с указанием на Конец Света или окончание жизненного поприща конкретного человека. Причем, для такого понимания дает повод Сам Иисус. Но, скорее всего, такая трактовка не всегда верна, и мы уже имели случай в этом убедиться. Но об этом же говорят следующие слова Христа, обращенные к ученикам (Мф.9:37,38):

Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою.

Или -- параллельный текст из *Фомы* – **77/73**. Из этой фразы понятно, что «делателями» не могут быть ангелы, уносящие, например, души праведных людей: иначе следует предположить, что после слов Христа кто-то должен будет «нарожать» этих ангелов побольше, или, что *Отец* намеренно препятствует этим ангелам «выйти на работу». Нет, «делатели» -- это сами апостолы, но только в будущем: после того, как Иисус Воскреснет, и апостолы получают «мистерии Царства Небесного». Как мы уже знаем из логики **26/21**, таких «делателей» Иисус называет «умелыми», «опытными» или «знающими».

Но и в рассматриваемом нами логии мы тоже видим не совсем привычную для нас «жатву». И не только «жатву», но и само сеяние семян тоже не может не вызывать удивление у внимательного читателя: плевелы при посеве легли прямо на семена, а не рядом с ними, как это и бывает в реальной жизни. И именно по этой причине эти плевелы нельзя вырвать отдельно: они существуют – судя по всему, уже немного проклюнувшиеся – как бы «заодно» с хорошими семенами, еще не проросшими. Но дальше – еще интереснее. Во время «жатвы» эти плевелы прорастут (букв. «появятся») наружу или вовне, а вот про «семена» ничего не сказано, т.е. судя по всему, они пока так и останутся «семенами», и их рост, начиная от «прорастания наружу» и до *«колоса в Небо»* -- в 60 мер или 100 мер – еще только впереди.

По логике вещей, такая «жатва» -- это, возможно, «начало пути» человека, но только «пути» нового: от момента получения им первой *«мистерии Царства Небесного»*. До этого времени путь этого человека был «на ощупь», «в ночи», а после такого события на пути человека «зажигается Свет». Мы можем попытаться даже дать конкретное название этим «плевелам» и «семенам». «Семена» -- это то, что от *Отца*, а, значит, по мандейским представлениям, -- это душа-*нишимта*. В обычном человеке она всю жизнь остается «покрытой» *рухой*, т.е. земными устремлениями. В человеке, которого Иисус называет «избранным», эта *руха* со временем должна быть «вырвана» (как плевел) таким образом, что человек начал видеть свою *нишимту*. Если пользоваться христианской терминологией, то эта мандейская *руха* вьязе проявляет себя в виде человеческих *грехов*, которые человек знает за собой. Но «стандартный» опыт монашеского делания говорит о том, что когда к человеку приходит Бог, Он «сжигает» все человеческие *грехи* или, по тексту логики, «выдергивает плевелы».

Возможно и другое развитие этого направления с *рухой*, но уже «в глубину». Дело в том, что нельзя «вырывать» из нашей человеческой души эту *руху* до поры до времени. Ее можно и нужно контролировать, но если сразу же «вырвать окончательно», тогда не из чего будет растить тот «клеевой слой», который позволяет «надежно приклеить» *руху*

жены к своей *нишимте*. Ведь душа человека «улетает» в Царство Света на «крыльях *рухи*» собственной жены, и по этой причине существует большая опасность того, что «поднявшись в воздух», ты тут же свалишься в какое-нибудь «болото», как «лягушка-путешественница», напросившаяся лететь с птицами в «жаркие страны».

Или иначе: именно из этих «плевел», т.е. из *рухи*, Иисус предлагает – путем «обрезания в *рухе*» (Фома 58/53) – создать как бы «новую *руху*» -- *Руху-д-Кудша*, т.е. Дух Святой. Но как это можно сделать, если уже нет «того материала», который только и подходит для этой цели? То есть смысл логия «разветвляется» -- и это вполне естественно – как древний Нил в своей дельте -- на множество притоков, или как наша великая русская река Волга, которая «впадает в Каспийское море» (так, кажется, один из наших классиков когда-то заявлял).

Мы уже говорили о том, что все евангельские сюжеты связаны между собой каким-то почти «мистическим» образом. И сейчас, при очередной вычитке этого уже готового *Комментария*, -- пришел на память эпизод о том, как ученики Христа «срывали колосья» в поле, потому что испытывали голод. Причем, делали они это почему-то именно в субботу, т.е. в тот день, когда на подобные действия в иудаизме наложен запрет. И невольно на ум приходят разные ассоциации: «поле пшеницы» (или ржи) – это наш человеческий мир, где каждый такой «взросший колос» – это отдельная человеческая душа. А проходящие по этому полю «апостолы» – это и есть те самые «делатели», которые должны прийти на поле во время «жатвы», т.е. когда «пшеница» созреет. Они идут по полю и видят там «готовые души» -- то есть те, которые уже «созрели», а значит в колосе которых содержится «60 зерен» или «120 зерен». Именно их они и «срывают» для Царства Небесного. Но что представляет из себя каждый из этих «ростков пшеницы» в отдельности? Нижняя часть такого ростка, -- та, которая «сидит в земле», т.е. «корень» -- это та часть души, которая именуется *рухой*. А стебель – это *фила*. Эта часть ростка всегда гибнет или «сжигается», как «плевел» после того, как колос созрел. Причем, в данном случае неважно, сколько было «зерен» в таком колосе: не гибнет только «60» или «120». А верхняя часть – это и есть то полезное зерно, та *нишимта* плюс *руха*, которым предназначена будущая жизнь. И даже если она не набрала в своем колосе «60 зерен», она в очередной раз будет посеяна весной следующего года в «черную землю» и родится в «новом теле». Сеется только та *нишимта*, которая не попала в число «120». Но бывает *нишимта* и третьего вида, -- та, которую «съел червь».

§65(61).

Иисус сказал: двое будут отдыхать (мтон) на ложе (члоч): [опред. арт. мужск. рода ед. числа] **один (ва) умрет,** [опред арт. мужск. рода ед. числа] **другой (ва) будет жить. Саломея сказала: Кто ты, человек... Ты взшел на мое ложе (чпоч), и ты поел за моим столом. Иисус сказал ей: Я тот, кто существует (шопэ) от Того, который равен [мне]. Мне дано принадлежащее моему Отцу. (Саломея сказала:) Я твоя ученица. (Иисус сказал ей:) Поэтому я говорю следующее: Когда это станет (шопэ) разрушенным, он наполнится Светом, но когда это станет (шопэ) разделенным, он наполнится Тьмой.**

Вот читателю еще один наглядный пример того, как Иисус сознательно использует богатую лексику греческого языка для того, чтобы передать требуемый смысл. Именно по этой причине мудрые копты обогатили свой язык греческими словами, а не потому что они – «дикари-язычники», которые даже языка подходящего не имели. В этом логии понятие «отдыхать» (т.е. проводить время за обеденным столом, как это и было принято во всем эллинском мире) передано не известным уже нам *анапаусис*, заимствованным из греческого и применяемым, напр. в отношении описания Бытия Бога, а своим родным

коптским словом. Но это означает, что и в греческом исходном тексте здесь тоже было другое греческое слово. Например, *εσχαδζο* (отсюда «исихия») или *ανιμι* – «отпускать, ослаблять, отдыхать от напряжения». Это же самое *мтон* фигурирует в высказывании, где говорится, например, о «**лисицах, имеющих норы**» (*Фома 90/86*), и где Иисус говорит о Себе Самом.

И опять-таки, определенная проблема возникла бы в том случае, если бы Иисус проповедовал на арамейском. Арамейский язык беднее коптского по своей лексике, т.к. коптский вобрал в себя религиозную терминологию Древнего Египта. В арамейском такой богатой традиции не было: это язык бытового общения и «имперской канцелярии», обладающей лексиконом «Элочки-людоедочки». Наука до сих пор гадает, где возник этот народ – арамеи -- и когда?, и имели ли они вообще когда-нибудь собственное государственное образование? – тот «мифический народ», языком которого со временем стала пользоваться вся азиатская часть континента, располагающаяся восточнее Средиземного моря. И если кто-то хочет доказать, что язык проповеди Христа был арамейским, он в первую очередь должен представить научной общественности хотя бы один арамейский текст, наподобие коптского, который был бы так же «нашпигован» «греческими синонимами», как хорошее украинское сало чесноком. И при этом понятно, что в научном мире было бы не совсем этично выдавать арамейский язык средневековой Каббалы (пусть и убеждая всех любителей этой науки, что на «точно таком же» когда-то говорил Моисей) за тот «арамейский», который существовал во время земной жизни Христа. Арамейский Каббалы успел вобрать в себя богатейшие традиции арабоязычного ислама, а также все средневековые европейские представления.

И опять-таки, мы утверждаем, что Иисус происходит из назарейской среды, а в этой среде языком Писания и разговорным всегда оставался восточный диалект арамейского языка. Но это совсем не означает, что мандейское Писание по своей структуре и форме выражения мысли подобно евангельским речам Христа, которые возможны «для расшифровки» только исходя из их греческого языка. Возможно, именно по этой причине Иисус и отказался от Своего привычного «назарейского-арамейского» в пользу греческого: потому что «назарейский» язык не отвечал требованиям «раскрытия-сокрытия» тайн Его проповеди о Царстве. Язык назарейского Писания – это язык «священного детства», расцвеченный всевозможными «фантазиями», «восхищениями духа» и яркой радостной солнечной палитрой. Возможно, именно под воздействием впечатления от этих, по-своему чистых, и в основном беззлобных и «безгрешных» мандейских Писаний, Иисус ввел в Свой греческий лексикон совершенно «неудобное» для богословов «детское» слово: *лалЭо* – «лепетать, бормотать, говорить нечленораздельное, как ребенок, болтать». И использует Он его в тех случаях, когда говорит истинно духовное.

Но можно задать себе вполне естественный вопрос: откуда Иисус «позаимствовал» это слово *лалЭо*? Где следует искать «корни» употребления для такого «непростительно детского», несерьезного слова в Его речи? Конечно, в мандейском языке. В греческом слове *лалЭо* четко выделяется его очень выразительный «фонетический корень» -ЛАЛ-, который хорошо фиксируется ухом слушателя. Но в мандейском как раз и присутствует очень важное слово с тем же самым «фонетическим корнем»: *malalta*. И смысл этого мандейского слова, как и его греческого «прототипа», тоже имеет отношение к «разговорной речи». *Ма-лал-та* – это «изреченное слово», т.е. то «Слово», которым Царь Света (аналог *Элохима*) творил Мир (такое же значение имеет мандейское слово *мимра*). По крайней мере, такое решение данного вопроса имеет под собой хоть какое-то реальное основание.

Для несведущего человека назарейские Писания представляются какими-то «детскими бреднями», запутанными от начала до конца. Но такое мнение будет слишком поспешным, и абсолютно лишенным своей «духовной составляющей».

Но продолжим разговор об этом логии. Начало этого логия является логической параллелью уже рассмотренным нами словам Иисуса: Царство Небесное пребывает не снаружи, а внутри человека. Поэтому внешне, для всех окружающих, эти двое, которые отдыхают за обеденным ложем, ни чем не отличаются друг от друга. Однако между их подлинными «Я» существует «онтологическая» разница, т.е. между ними пролегает «бездна»: один после своей смерти наследует Жизнь, а другой – Смерть. Но эта самая важная особенность их земного бытия – остается сокрытой тайной для всех остальных людей.

В этом логии совсем не случайно присутствует женщина. Имя *Саломея* не фигурирует в канонических Евангелиях, но здесь мы видим, что существовали женщины (не только Мария Магдалина), которые открыто называли себя ученицами Христа, а не просто поддерживали Его материально своим состоянием. У человека, незнакомого с реалиями эллинского мира и читающего перевод М.К.Трофимовой в котором сказано: «Ты взошел на мое ложе», -- может возникнуть подозрение в том, что здесь «высоким стилем» сказано о сексуальной связи. Это – ошибка от незнания. Любая столовая греко-римского периода представляла собой *триклИний* (это слово присутствует и в *Евангелии от Иоанна* при описании брака в Кане Галилейской), т.е. три стандартных ложа для возлежания, расставленных вокруг обеденного стола. О том, что речь в данном случае идет именно об обеденном, а не о брачном ложе, свидетельствует и повторение этого же слова в самом начале логия, а также упоминание «стола» в словах Саломеи, хозяйки этого дома.

Поэтому следует сделать естественный вывод, что если евангельские события действительно описывают Иудею, значит, у евреев в этот период времени царили эллинские порядки быта. Если же в это время в Иудее были свои собственные традиционные еврейские одежды и правила приема пищи – как это утверждает богословская наука и сами иудеи, -- значит, евангельские события происходят в какой-то другой -- европейской или даже азиатской стране. Одно из двух, как говорили римляне: *тертиум нон датур*. В действительности же речь идет о том, что евангельская Иудея всеми силами стремилась быть «эллинским государством», как и все остальные страны средиземноморья.

Вообще следует отметить, что в этом логии текст изрядно подпорчен, поэтому перевод М.К.Трофимовой (особенно в середине логия) основан на тексте подлинника, который к этому времени не был до конца восстановлен. И, тем не менее, концовка этого логия не повреждена и читается полностью. После того, как Саломея пригласила Иисуса к себе домой пообедать и призналась Ему в том, что она – Его ученица, Он сказал ей, как женщине, очень многозначительные слова. «Когда это (в коптском – «он», т.к. в этом языке нет среднего рода) станет разрушенным, он (т.е. уже действительно «он» -- Г.Б.) наполнится светом. Но когда это станет разделенным, он наполнится тьмой». Вот как выглядит этот логий в понятном для читателя изложении:

Когда различие между мужчиной и женщиной исчезнет («перегородка будет разрушена»), -- тогда первозданный Адам, созданный этой супружеской парой, **наполнится Светом Отца Элохима. Но когда такой Адам станет разделенным надвое на мужчину и женщину** (как в райском Эдеме *Яхве*), **он наполнится Тьмой.**

«Наполнится Тьмой» -- и в своем женском, и в своем мужском аспекте. Эти слова Иисуса сказаны не о «библейских событиях», а говорит Он это женщине Саломее, Его ученице, как самое важное и необходимое для ее личной жизни.

§66(62).

Иисус сказал: Я говорю о Моих мистериях (*мистэрион*) тем, кто достоин (*мпиша*) этих мистерий. То, что твоя правая рука будет делать, -- пусть твоя левая рука не знает того, что она делает.

Так выглядит этот текст в восстановленном виде в стандартном переводе, хотя и тот неполный текст, который был доступен в свое время М.К.Трофимовой, в данном случае самодостаточен. Иисус говорит именно «о мистериях», а не просто «тайны», как это переведено у М.К.Трофимовой, которая, в данном случае «пренебрегла» коптским предложением *эн-*. Мистерии невозможно «говорить», но говорить *о них* – можно. Именно это Иисус и пытается делать, объясняя новое для учеников понятие – *мистерия* --то с одной, то с другой стороны. Причем, на фоне рассуждений этих учеников – и это следует отметить – Мария Магдалина выглядит гораздо симпатичнее и производит впечатление более понятливого слушателя. Но одно дело – слушать и не понимать (что имеет место у учеников), и совсем другое – видеть и переводить вопреки правилам грамматики того языка, с которого ты переводишь (что имеет место у современных переводчиков).

Учитывая то, что в этом логии, как и в тексте канонических Евангелий, мы опять встречаем «языческое» слово «мистерия», у нас появляется повод немного поговорить о внешней систематизации мистерий, причем, мистерий не только «небесных», но и «земных». Как мы уже неоднократно говорили, *мистерия* – это «санкционированное» Богом вторжение духовного мира в привычное земное бытие человека. Главная характеристика *мистерии* в отличие от какого-то другого случайного «видения» или иного «озарения» -- как мы уже говорили раньше -- заключается в том, что к *мистериям* – и в понимании самого Христа, и традиционно, например, для *Элевсинских мистерий* -- относятся только те «стандартные» духовные откровения, *содержание* которых соответствует тому или иному религиозному пути. Такие откровения – каждое для конкретного этапа духовного роста – подобны в своих главных чертах, и они повторяются для всех без исключения *мистов*, которые в ту или иную мистирию посвящаются (не человеком и не обрядом, а свободным «духовным миром»). Причем, это не зависит ни от того, в какую эпоху живет данный человек, ни от того, в каком возрасте он эти *мистерии* получает. *Мистерия* «открывшегося Неба» у Христа, например, или у Старца Силуана – это одно и то же, независимо от того, что эти *мистерии* разделяет период времени в 2000 лет. Разница только в том, что Иисус получил эту *мистирию* уже при Крещении, а Силуан – много позже подобного события в своей жизни. *Мистерия* дается человеку не по принципу своей принадлежности к тому или иному религиозному обряду, а только как факт достижения этим человеком какого-то определенного духовного уровня. Такая *мистерия* «Царства» – если она застаёт человека в то время, когда он пребывает в общении с другими людьми – для этих людей невидима. Она предназначена только для человека, имеющего иную (т.к. *духовный уровень развития* этого человека иной) «частоту резонансных колебаний» своей души: по этой причине «данный канал TV» может созерцать только он один (а точнее – его душа), но никакой другой, стоящий рядом с ним «Иоанн Креститель».

И раз уж мы заговорили о «*мистериях Царства Небесного*», мы хотим показать нашему читателю их внутреннюю связь с «*мистериями Земли*», к которым относятся, например, *мистерии Элевсинские*. Дело в том, что и эти древние *мистерии* – они, ведь, тоже не были придуманы человеком, а имели под собой реальную *духовную основу*. Внутренний закон взаимосвязи этих *мистерий* с «*мистериями Царства*» полностью повторяет собой внешнее отражение этого закона в тексте *Книги Бытие*: взаимосвязь или переход от заповедей Бога *Яхве*, нашедших свое выражение в иудейской *Торе*, т.е. в Законе Моисея (а еще правильнее -- в религиозном Учении любой другой религии Рая) -- к Закону *Элохима*, нашедшему отражение в Учении Христа. Иисус сказал (Мф.5:13):

Не пришел Я разрушить (каталуо – «букв. «развязывать») Закон (Тору – Г.Б.), но дополнить (плэрОО – «дополнять, делать полным, наполнить доверху», но не «исполнить» -- Г.Б.).

И в данном случае -- полная аналогия: «*мистерии Царства*» тоже призваны «дополнить» Закон *Яхве*, т.к. они принадлежат уже *Элохиму*. Они могут быть даны человеку только после получения им «*мистерий Земли*». Но и в нашей жизни тоже: сначала следует рождение «земное», и только потом – «духовное». Причем, если «*мистерии Царства*» может получить только муж, то «*мистерии Земли*» доступны и для мужчины и для женщины, независимо от их возможной связи с представителями противоположного пола.

И, наверное, именно сейчас будет уместно вспомнить о том греческом слове Христа, которое положено в основу Его проповеди о Царстве и которое разделяет «пограничной межой» этих двух Великих Богов *Книги Бытие* – *Элохима* и *Яхве*. *Метанойя* – это «изменение ума». Второе слово здесь «ум», а не то «сердце», которое в проповеди Христа является определяющим на пути человека к Царству. Ум в данном случае рассматривается Христом как начальная инстанция на этом пути. «Ум» -- это беспристрастное рассуждение и логическое рассмотрение какого-то вопроса. И если управлять своим сердцем нам трудно (например, заставить себя кого-то полюбить), то ум – всегда к нашим услугам, и всегда готов нас слушать, предлагая нам себя самого для решения той или иной задачи. В выражении «*изменитесь умом*» Иисус требует от нас (эти слова Христа сказаны Им в повелительном наклонении, потому что они аналогичны требованию, чтобы взрослая девушка рассталась, наконец, со своими «куклами» и подумала о своей «взрослой жизни»; или, -- чтобы юноша отказался от «детских игр в солдатики» и начал, наконец, думать о настоящей жизни), чтобы мы «перешли *своим умом*» от «менталитета *Яхве*» к «менталитету *Элохима*». А что это такое – мы узнаём из заповедей Христа, которые не имеют ничего общего с заповедями *Декалога* или с моралью любой другой религии *Рая*. По назарейски это звучит несколько иначе: обратитесь от вашей *рухи* к вашей *нишимте*. В *Септуагинте* присутствует аналогичное по смыслу греческое слово – *эпистрэфо*, которое используется также в выражении «обратитесь (умом, мыслями, сердцем) к Богу». Но по той причине, что речь в этом случае идет исключительно о Боге *Яхве*, Иисус не может использовать это же самое слово в случае разговора о Учении *Элохима*. Тем более что даже само имя *Элохим* Иисус назвать иудеям открыто не может -- Он называет Его только перед Своей смертью, когда уже висит на Кресте. «*Эloi, Эloi! Зачем Ты Меня оставил!*» *Эloi* – это арамейский (назарейский) аналог ивритского *Элохим*. И кричит Он это не «для Себя», не от боли и от отчаяния (Иисус, в отличие от апостолов, -- человек мужественный), а кричит Он только для Своих учеников: чтобы они поняли, наконец, о Ком Он им «втолковывал» всё то время, когда был рядом с ними.

Но вернемся к нашим *мистериям*. В наш век существует две подлинные «*мистерии Земли*», как предтечи «*мистерий Царства*». Причем, мы им присваиваем название «мистерия» в какой-то степени условно, и это -- по причине их гораздо более слабого проявления и воздействия на человека по сравнению с «*мистериями Царства*». Ясно, что во времена Элевсина было не так, как сегодня, и такие «*земные мистерии*» полностью отвечали своему названию, т.к. дополнительно сопровождались духовным созерцанием «двух Богинь» Ада, или *эпонтэей*. Итак, вот эти две заявленные нами «земные мистерии» в их сегодняшнем проявлении: первая -- «инициатическая смерть» человека и вторая – его «раскрывшееся сердце». О «раскрывшемся сердце» можно прочитать даже в текстах Древнего Египта, и этот опыт в какой-то степени знаком всем религиозным направлениям. У человека неожиданно «раскрывается» (правильнее психологически – «распахивается настежь») сердце («его душа»), которое с этого времени

приобретает новые, неведомые ранее черты. Оно вдруг обретает способность вобрать в себя весь мир и из этого сердца изливаются подлинные «потоки любви» на весь этот божий мир; в груди такого человека загорается пламя, которое, как «сердце Данко», может освещать путь в ночи не только этому человеку, но и всем его близким; из глаз такого человека почти «сыплются звезды», и у него за плечами как будто вырастают ангельские крылья, которые – как это ему самому кажется -- позволяют лететь над асфальтом улиц, почти не касаясь земли ногами. Но самое сильное чувство от такого «пробуждения сердца» -- это неиспытанная ранее, неизреченная внутренняя радость.

«Инициатическая смерть» -- это нечто другое: человек в какой-то непредсказуемый момент времени проходит через совершенно особый опыт, который заключается во внезапном появлении абсолютного знания того, что он «сейчас умрет». Причем, знание такой смерти не носит надуманный характер, а просто человек, отдавая себе в этом полный отчет и пребывая за 10 минут до этого в полном здравии, вдруг переживает «опыт смерти» -- той «настоящей» смерти, которая почему-то так и не состоится на физическом плане. Наше христианское Крещение – если оно окажется результативным в своей духовной составляющей – может «провоцировать» получение такого опыта. Именно по этой причине в христианстве осталась память о том, что Крещение – это «погружение в Смерть» с тем, чтобы начать новую жизнь, уже без греха. Крещение – даже христианское -- это обряд, соответствующий «уровню Рая», но не «Царства», и он знаменует собой «умирание» для животной телесной жизни и переход в мир духовный, пусть и низшего порядка, т.е. мир инфернальный, хотя и не осознаваемый таким человеком в полной мере. По сути, любой человек на земле может иметь три последовательных «рождения»: первое – из материнской утробы («от плоти», как говорит о таком рождении Христос Никодиму); второе – это и есть та «инициатическая смерть», о которой мы говорили только что, и после которой человек рождается в духовный мир *Яхве*; и третье рождение – это то «рождение свыше» (тоже из беседы Христа с Никодимом), при котором человек рождается в мир *Элохима*. В своей проповеди о Царстве Иисус, судя по всему, объединял первое и второе рождение, как «рождение от воды». Объясняется это тем, что оба этих рождения, во-первых, принадлежат миру *Яхве*, и, во-вторых, оба они происходят «от воды»: первое из них – от околоплодных материнских вод, а второе – от воды Крещения.

Получение человеком этих двух связанных между собой «*мистерий Земли*» свидетельствует о том, что посмертной участью такого человека -- его духовного «тела *ка*» (как его именовали египтяне) -- окажется Рай, а не мрачные обитатели Ада. Еще раз повторим: две «*мистерии Земли*» -- это смерть для мира телесного и рождение в мир духовный, пусть пока и мир *Яхве*. *Мистерия «открывшегося Неба»* -- это уже рождение в мир *Элохима*, т.е. то «рождение свыше», о котором Иисус говорит Никодиму в Своей тайной беседе из *Евангелия от Иоанна*. Но все эти три «начальных» *мистерии* – включая *мистерию «открывшегося Неба»* -- имеют ту общую особенность, что они даются человеку в таком его состоянии, когда он полностью владеет собой, своими мыслями и своим телом и как бы наблюдает за всем этим необычным и удивительным «со стороны». Он просто внутренне как бы «замирает» от неожиданности, а внешне – «цепенеет», потому что весь уходит в созерцание и умственный анализ того, что с ним происходит. Но при этом он видит всё, что происходит вокруг в земном мире и всё контролирует. Но даже при этом «*мистерия раскрывшегося Неба*» – это уже «полноценная» *мистерия* со всем вытекающим из этого комплексом чувств: «внезапности», неземной чудесности, «ужасности» и подлинным рождением человека в совершенно иной, отличный от прежнего, мир.

Все последующие, более высшие *мистерии* отличаются тем, что они как бы «вбрасывают» человека в мир духовной реальности, останавливая при этом течение земного времени и полностью «отключая» весь земной окружающий мир. Но всегда бывает так, что выходит из этой *мистерии* человек в «полном здравии», и никогда не случается, чтобы впоследствии хоть каким-то образом пострадали его умственные

способности. Не бывает при этом и каких-либо физических увечий или травм, как это случается, например, в случае эпилептического припадка. При получении *мистерии* человек на какое-то время «окаменевают» и застывает в той позе, в которой его застает это откровение духовного мира. Наглядный и описанный в литературе пример – это получение Серафимом Саровским «*мистерии Бога*» во время богослужения, когда он исполнял обязанности дьякона в Саровском монастыре. Он на какое-то время «окаменел» и перестал реагировать на внешний мир, но после этого был таким же адекватным, каким и ранее. Но духовидец скажет, что это не так: после этой *мистерии* Серафим стал другим *духовно*.

И сравнивая между собой две психологически похожие мистерии -- *мистерию* «открывшегося сердца», которая принадлежит к «*мистериям Яхве*» и «*мистерию Бога* (Троицы)», которая принадлежит уже к «*мистериям Элохима*», -- необходимо четко видеть в них то различие, которое нашло отражение в евангельских речах Христа. Если смотреть на эти две *мистерии* взглядом стороннего наблюдателя, то обе они имеют похожую характерную особенность: и в одной и в другой человек получает «в себя» *любовь* из духовного мира. Но эти две «любви» имеют принципиальное отличие, хотя обе они -- «хорошие». В Своей проповеди о Царстве Иисус четко различает эти две «любви», используя для каждой из них особое греческое слово. Первая любовь – это *филиа*, и ее можно назвать любовью в нашем земном мире, т.е. в мире *Яхве*. *Филиа* – это любовь между супругами или между настоящими друзьями, которые готовы даже отдать друг за друга жизнь. Но в представлении Христа существует и другая доступная человеку любовь, которая выше этой любви мира *Яхве* – это любовь мира *Элохима*, *аганэ*. Именно таким словом назывались древние собрания христиан, когда в завершение такой встречи собравшиеся обменивались «поцелуями любви», «поцелуем *Элохима*». *Аганэ* – это такая любовь, которую человек узнаёт только после получения им «мистерии Бога», когда Сам Бог дарует этому человеку – ни за что, т.е. «просто так» -- такую Любовь-Вселенную.

Для более убедительной иллюстрации этих греческих слов, а точнее – понимания различия между этими «словами-синонимами», мы хотим привести нашему читателю небольшую выдержку из *Евангелия от Иоанна*. Напомним читателю, что перед казнью Христа Петр от Него трижды отрекся, т.е. Его предал. И это отречение Петра зафиксировано во всех канонических Евангелиях. Итак, в последней главе *Евангелия от Иоанна* мы читаем о том, как четверо учеников Христа, которые ловят рыбу в лодке (и среди них – Петр), видят стоящего на берегу Иисуса, который «умер». Петр не задумываясь бросается в воду -- без одежды -- и плывет к Нему... Любой человек, имеющий нормальное сердце, прекрасно понимает те чувства, которые испытывает Петр в этот момент. Петр не знает, *для чего* он сейчас плывет, и *что* он будет говорить Христу: ему просто надо быть с Ним *рядом*, как будто никогда не было ни этой «ужасной» Смерти, ни этого «ненавистного» для самого Петра отречения. Психологически совершенно логично, что не Петр, а именно Иисус начинает этот трудный для самого Петра разговор на берегу (*Ин.21:15-17*):

-- Симон Ионин, любишь (*агапас*) ты Меня больше этих (учеников)?

«Да, Господи, Ты знаешь, что люблю (*фило*) Тебя»...

Говорит ему опять во второй раз:

-- Симон Ионин, любишь (*агапас*) Меня?...

«Да, Господи, Ты знаешь, что люблю (*фило*) Тебя»...

Говорит ему в третий раз:

-- Симон Ионин, любишь (*филейс*) Меня?

Опечалился Петр, что Он сказал ему в третий раз *филейс* Меня [а не *агапас*] и говорит Ему:

«Господи, всё Ты знаешь, Ты знаешь, что люблю (филѠ) Тебя...».

Ко времени этого разговора Петр уже действительно любит Христа любовью *аgапэ* (хотя, и это тоже «условно», как и все «условно» в этом *духовном* Евангелии!). Но вот как надо понимать этот греческий диалог между Христом и Петром. Первые два раза Иисус вопрошает Петра о любви высшей – *аgапe*, но совесть не позволяет Петру повторить в своем ответе это же самое слово Иисуса, потому что если бы у него в то время действительно была любовь-*аgапэ*, -- он бы умер, но не предал. А Петр – предал. И он, пребывая своим сердцем «на самом дне», заменяет это Иисусово *аgапэ* на свое земное *филеο*. Но в третий раз (точно по числу трех отречений Петра!) Иисус Своей жесткой, но справедливой заменой *аgапэ* на *филеο* как бы показывает Петру, что ответ Петра с этим его *филеο*, вобщем-то, соответствует истине, и что Петр предал Его даже не как Учителя или тем более Христа, которым он исповедал Его при жизни, а не удержался даже на уровне земной человеческой дружбы. И полностью «втопанный в грязь» Петр робко, но настойчиво Ему лепечет: «Господи, Ты знаешь всё, Ты знаешь, что сейчас я действительно *аgапѠο* Тебя». Именно так надо понимать эти последние слова Петра, и именно это известно Самому Христу с самого начала их разговора. Но Закон мира *Яхве* таков, что любое зло на земле должно быть уравновешено равноценным злом: «око за око и зуб за зуб» (т.е. присуждение наказания в виде «смертной казни» в случае намеренного совершения человеком убийства – это естественный Закон мира *Яхве*, и любое государство, нарушающее этот Великий Закон Земли грешит перед этим Богом). Поэтому роль такой «гири ответного зла» и исполняет сейчас Христос в разговоре с Петром, причем, исполняет вполне сознательно, т.е. спасает Своего апостола из рук *Яхве*. Бедняга Петр, конечно, ничего этого не понимает. Но для самого Петра *так лучше*, и только таким образом Петр выйдет из этой ситуации с наименьшими для себя потерями.

И все эти очень важные оттенки разговора Иисуса со Своим первым учеником-апостолом переданы простой заменой одного греческого глагола на другой, который, по мнению просвещенной богословской науки, является простым «синонимом» первого. А как же иначе эта наука может «доказать» всему миру, что Иисус проповедовал не на греческом, а на том арамейском, в лексиконе которого, как и в нашем русском, существует только одно единственное слово для выражения понятия «любить», «любовь»? Но если действительно так, и если Иисус действительно проповедовал на арамейском, тогда этой же самой науке – если быть действительно объективной, или, как говорят в народе, «если быть честной» -- придется отказаться от канонического *Евангелия от Иоанна*, как от подложного. Одно из двух: или проповедь Христа о Царстве состоялась на греческом, или *Евангелие от Иоанна* следует исключать из состава Нового Завета. *Тертиум нон дату*,-- так, кажется, говорили те древние римляне, которые жили в эпоху Христа. Но наша наука – от мира «земного», а в этом мире правит закон «двойных стандартов».

Для богословской науки было бы лучше, конечно, чтобы проповедь Христа состоялась на арамейском: тогда все эти разговоры о «мистериях» тоже можно было бы с полным правом признать за «фантазии» или обычные для психиатрии «онейроидные состояния». Но если смотреть на все эти вещи действительно *духовным* взором, который наука – по известной уже читателю причине – классифицирует как взгляд «шизоидный», то всё разом становится на свои места: эта наша богословская наука, которая рядится в «ризы Христа», на самом деле к этому Христу не имеет ни малейшего отношения, т.к. она – от *Яхве*, а не от *Элохима*. И именно по этой причине такая наука *стоит* на страже Ада, а не Царства Небесного, даже не понимая этого. Но именно об этом говорит Христос: «Царство Мое – не от мира сего» (Ин.18:36), а вся наша наука – и в этом нет ни малейшего сомнения – она именно «от мира сего».

Но возвратимся к началу этого интересного логия о *мистериях*. В коптском тексте это начало выглядит таким образом: *«Говорит Иисус: Я говорю»* (далее следует предлог *эн*) *Мои мистерии...»*. Правильнее всего, конечно, понимать этот предлог как исполняющий функции «инструментального значения» -- «чем», посредством чего». То есть Иисус Воскресший общается или «разговаривает» с человеком «посредством», «с помощью» мистерий. Но если подходить к этому вопросу чисто технически, то и перевод М.К.Трофимовой (*«Я говорю мои тайны...»*) тоже можно понять, с той лишь оговоркой, что и она тоже видела, что речь в данном случае идет о «мистериях», а не о простых тайнах. Причем во всех этих «грехах непонимания» можно и нужно «винить» именно копта-переводчика, который поставил современного читателя в такое трудное положение. Ведь именно он четко обозначил в своем тексте это Иисусово *«Я говорю»*. Но и копта-переводчика тоже можно понять: ведь он никак не мог представить себе, что его текст будет читать человек, для которого слово «мистерия» будет содержать в себе столько же «осмысленного» значения, сколько имеет, например, для древнего человека неожиданно грянувший «гром среди ясного неба». Поэтому на данном вопросе -- на правильном понимании самого слова «мистерия» -- нам необходимо остановиться более подробно.

Понимание смысла этого слова -- «мистерия» -- является «камнем преткновения» для любого исследователя евангельского текста. Это вызвано смешением разных понятий в единое целое. Дело в том, что во время Христа параллельно существовало два разноязычных слова, которые в дальнейшем стали переводиться на все языки мира -- а значит, и пониматься -- как слово «мистерия». Это, во-первых, греческое слово *мюстерион*, которое дало название греческим обрядам под названием *Элевсинские мистерии* (хотя, как мы помним, в греческом *Гимне к Деметре* речь идет о мистериях под названием *оргии*, но в данном случае это маловажно). И, во-вторых, -- это мандейское слово *разиа*, *раз*, которое, например, при переводе на греческий язык тоже будет выглядеть как *мюстерион*. Нам хорошо известно, что слово *раз* является персидским, а не мандейским. Однако, учитывая тот факт, что в иранской религии никогда не было подлинных мистерий (а то «видение», которое посетило Заратуштру на реке в 30 лет, как мы уже говорили, к разряду «мистерий» не относится), а в мандейском Писании, напротив, -- как в никаком другом -- тема *мистерии* занимает главенствующее значение, мы условно будем считать это слово «исконно» мандейским. Но если проанализировать смысловое значение этого мандейского *разиа* в контексте его употребления, то можно сделать вполне определенный вывод о том, что речь здесь идет о *тайне* такого рода, которая передается от человека к человеку посредством словесных объяснений или даже своего рода театральных представлений. Для примера можно сказать, что то, что читает сейчас читатель в этом *Комментарии* -- это, бесспорно, *разиа*, но ни в коем случае -- не *мюстерион*. Такие «псевдо-мистерии» (*разиа*) действительно «рассказывают», пусть и как самую священную и недоступную для непосвященного уха тайну. И то, что подобные *разиа* защищены от профанного проникновения множеством символов и своим образным описанием, ни в коей мере не делает эти *разиа* мистериями. Деление верующих на *назареев* -- священство, и *мандеев* -- простых прихожан, как раз и призвано провести *разделительную* черту между теми, кому эта тайна -- *разиа* -- может быть доступна и теми -- кому нет. И именно такое различие в понимании смысла этих совсем разных по своей сути, но одинаковых по своему написанию «мистерий» (если назарейские понятия выражать греческим языком), было усвоено автором текста *Фомы*. Он, бесспорно, понимает это как *раз*. Но читая в том греческом тексте, который он переводит, слово «*мюстерион*», он переводит его на коптский язык единственно возможной греческой калькой. Потому что, если переводить иначе, -- сам запутаешься и запутаешь своего читателя: речь, ведь, идет об Иисусе Воскресшем, а не о диалоге какого-то назарея *ганзибры* со своими учениками. «Говорить» можно только то, что подпадает под

категорию *разиа*, а вот *мюстерион* «говорить» нельзя, ее можно только *созерцать* в откровении: отсюда греческое -- Элевсинская *эпоптейя*, т.е. «созерцание», как высшая ступень этих мистерий.

И подобная «двойственность» -- это характерная черта всей проповеди Иисуса о Царстве: Он говорит, что *«приблизилось Царство Небесное»*, а иудеи понимают это как *«приблизилось малькут шамаим»*; Он говорит об *Элох~~име~~ Книги Бытие*, как о Своем *Отце*, но даже ученики понимают это как разговор об иудейском Боге *Яхве*; Он говорит о *мистериях*, а ученикам слышится ставшее семитским иранское слово *раз*. Но вся эта «двойственность» проповеди Христа будет сразу же дезавуирована, если принять за основу постулат науки о том, что проповедь Христа состоялась на арамейском языке. Только переход на греческий язык сделал возможным то, что такая проповедь могла состояться среди иудеев. Но именно такая проповедь делает Христа основоположником той религии, которая противопоставила себя всем без исключения религиям мира, включая иудаизм (*«Все, кто приходили до Меня – разбойники и воры [человеческих душ]»*): противопоставила открытое Иисусом для всего мира Царство Небесное существующему до той поры возможному «райскому блаженству». Получение человеком «мистерий Царства Небесного» является тем *единственным* «ключом», которым «отпирается» греческий текст Евангелий. И как мы видим из евангельского текста, такой «ключ» вверен только *семейному* апостолу Петру (Мф.16:19):

«Дам тебе ключи Царства Небес, и что свяжешь на земле («свяжешь» себя с женой в единого райского Адама – Г.Б.) будет связано на Небесах (в этом Царстве Небесном вы будете «связаны» в единого Адама Шестоднева – Г.Б.)», но если не свяжешь, -- тогда и Царства не увидишь.

И последнее, о чем стоит сказать, рассматривая эту интересную тему «разных мистерий»: почему, все-таки, мандеи решили предать бумаге эту «тайну тайн», превратив ее из божественной *мюстерион* в человеческое *разиа*? Ведь египтяне этого никогда себе не позволяли. Но у египтян и не было никогда этой назарейской тайны-*мистерии*: назареи были первыми из всего человечества, которым – а такое было возможно только через Христа, причем, через Христа Воскресшего – была дана «мистерия Царства Небесного». Но у этого народа -- у мандеев -- были совершенно другие цели и интересы, нежели у становящейся государственной Византийской Церкви: назареи эту «невыразимую тайну» хотели сохранить для себя и для своих потомков, и их совсем не заботили вопросы власти и распространения своей веры среди других народов, как мы это видим у христиан или у иудеев времени Христа. Но самое сложное и трагичное в сохранении этой «тайны» было то, что, как пишут назареи в своих тайных свитках, таких подлинных «мистерий» удостоивается только *«один на всё поколение»*, а значит, сохранить «живую преемственность» в передаче этой «тайны» было невозможно. И назареи создали свои *разиа*, -- как «зашифрованные» рассказы для посвященных об этом высшем чуде нашего человеческого бытия. И по этой же самой причине – потому что даются такие мистерии очень редко, а спасения жаждет каждая человеческая душа, -- назареи создали специальный сложный богослужебный ритуал (который у них тоже подпадал под эту категорию – *разиа*), с помощью которого они пытались искусственно «выстрелить» душу умершего в небесные миры Света своими религиозными обрядами. Вот что пишет о мандейском богослужении Е.С Дровер в главе «Мистерии и великое таинство» («Мандеи», стр.315):

*Каждая *raza*, каждая «мистерия» -- это драма, и действия, разыгрываемые священником, выражают мимически и символически то, что представляет собой эта «мистерия», и то, какое действие оказывает каждое таинство на душу, во благо*

которой это всё и исполняется. Свитки, предназначенные для прочтения в хижине для посвящения, более откровенны, но все же они изложены языком параболы и символа, таким неясным в выражении, что никто, кроме «истинного назарея» не может истолковать их значение. Мистерии Назируты (назарейского вероучения) предназначены для тех, кто осознал, что *arcana* должна быть скрытой от недостойных...

Исходя из общего описания мандейской веры становится ясно, что это – религия мистериального откровения, которое явилось фактом реальной жизни каких-то назареев. Это откровение связано с проповедью «Иисуса Христа», пусть и иначе названного в мандейских источниках. Именно после появления в сознании назареев этой Сущности (условно назовем ее «Воскресшим Христом») произошло существенное изменение (или дополнение) их практических ритуалов. Бракосочетание стало приравняться к возведению в священнический сан (обрядом) именно в связи с этим религиозным «переломом». Создается такое впечатление, что те назареи, которые получили «мистерии Царства (или Света)», отважились на то, чтобы «ВОПЛОТИТЬ» их в качестве «ЗЕМНЫХ ДВОЙНИКОВ» (а по мандейским верованиям существование таких «двойников» -- это вполне естественно, реально и объяснимо для всех знающих) в богослужебном мандейском обряде. И таким своим поведением они только «укрепляли» то небесное из идеального мира «небесных двойников» -- *Миунья Кушта*, -- с чем им пришлось непосредственно столкнуться в личном откровении. Именно так было с самого начала, а потом – всё забылось, т.к. не было реальных носителей мистериального откровения. И остались только «драма» и действия, разыгрываемые священником, которые, как это и было с самого начала, именуются словом, указывающим на своего «небесного двойника» - *razia*, «мистерия». О том, что в основе мандейской веры лежит именно подлинная, описанная Иисусом в притчах, «мистерия Царства Небесного», свидетельствуют многие факты, прочитываемые в мандейских Священных текстах. Во-первых, это кардинальные понятия мандейской веры – «Фениковая Пальма» и «Источник», -- которые берут свое начало в Древнем Египте и которые в разъяснениях исключительно для духовного сословия объясняются уже как истинные сексуальные символы (почти что те же самые Иисусовы «браки».

Продолжение этого логия тоже чрезвычайно интересно, но опять-таки, полностью испорчено «воображением» современного переводчика. Мы привели этот логий в «стандартном» переводе М.К.Трофимовой. Но если посмотреть на вещи здраво, то фактически такой перевод -- это почти то же самое, что и: **«И пусть твой правый глаз не смотрит туда, куда смотрит твой левый глаз...»**. Но ведь это уже «косоглазие» какое-то начинается... И уже начинаешь бояться за бедные головы наших «переводчиков», чтобы уже их самих не охватили эти «онейроидные состояния»! И действительно, африканцу Тертуллиану такое высказывание простить можно, но не Христу, и не М.К.Трофимовой.

Все переводчики берут в качестве прототипа (а значит и «эталона») похожее высказывание Христа из *Евангелия от Матфея*: (Мф.6:3):

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Но ведь стандартный подход к древним текстам такой, что более короткий текст считается, как правило, исходным. А у *Фомы* – текст короче. Вот буквальный перевод фрагмента этого логия в его истинном «коптском виде», не испорченном «лингвистическими знаниями» переводчика:

То, что твоя правая будет делать, пусть твоя левая не знает (коптск. ймэ) того, что она делает.

Во-первых, читателю сразу становится ясно, что речь здесь не идет о каком-то «мистическом откровении» или знании: наличие коптского слова *ймэ* в качестве «знания» **«обнаружило полную пользу»** для понимания этого вопроса. Вообще, еще раз следует сказать, что по отношению к тексту *Фомы* у научных исследователей проявляется ярко выраженная дискриминация коптского текста или «политический» к нему подход: всегда признаётся приоритет откорректированных Церковью канонических Евангелий. Но ведь возможен и такой вариант, что в те давние времена какой-то умный церковный богослов очень ловко «встроил» первоначальное речение Христа в контекст слов того же Христа о милостыне, которая всегда подается рукой...

Но не будем больше томить нашего читателя бесконечными ожиданиями. Обращаем внимание читателя на то, что в обоих евангельских текстах -- и у *Фомы* и в каноническом -- четко соблюдается одно условие, и это – несмотря на то, что эти тексты начинаются с разных «рук»: именно «левая» не знает того, что делает «правая», а не наоборот. Разгадка этого логия лежит, опять-таки, в назарейских корнях Иисуса Христа. Во всех назарейских текстах «левое» относится к женщине, т.е. к *рухе*, а правое – к мужчине, т.е. к *нишимте*. Женщина – это всегда «Левое». Вот что пишет Е.С.Дровер в своей замечательной книге «Сокрытый Адам» («Мандеи», стр.380):

Женщины относятся ко всему «Левому», и поэтому *Руха* имеет над ними куда больше власти, чем над мужчинами.

Или ещё -- из закрытого мандейского текста «Тысяча и двенадцать вопросов» (A Thousand and Twelve Questions. Text with transliteration and translation by E.S.Drower, Berlin, 1960, p.136):

Правое – божественно, потому что это – Царь «Сокровищ». Левое – это Мать... Тот, кто одевает корону (становится священником – Г.Б.), тот отвернулся от имени Матери и всего Левого... (далее там же, но уже в *Примечании 8* на стр. 136 – Г.Б.) Как и в поздней Зороастрийской литературе, Левое ассоциируется в Иудейской и Мандейской традициях со злом, материальным и темнотой, с «Женским», и все это -- земное. Отсюда – священник отказывается от Левого во время посвящения в сан.

И уже последняя цитата на эту тему, -- из «Сокрытого Адама» («Мандеи», стр.259):

Они (Свет и Тьма – Г.Б.) как Правое и Левое, как «руха» и «нишимта»; и еще это – те, кого зовут Адам и Ева (ATŠ, p.145).

Но речь в данном логии идет не просто о какой-то женщине: в обоих евангельских текстах четко оговорено: **«твоя левая»**, **«левая рука твоя»**. То есть речь идет о жене того человека, который устремлен к Царству. Чем можно объяснить такое указание Христа? Обращаем внимание читателя, что речь не идет о том, что жене надо лгать, а только о том, что не следует ее посвящать во все дела, связанные с внутренним поиском этого Царства, а соответственно, и с внешними проявлениями того пути, который требует от человека каких-то конкретных действий и поступков. Понятно также и то, что такие действия никак не могут выходить за рамки установленных заповедей Иисуса Христа.

Так почему же не следует посвящать свою жену в вопросы поиска Царства? Все по той же самой причине: мы не в состоянии избежать проявлений нашей внутренней природы, а жена – это *руха*, и значит она, как правило, более «хозяйственна» и практична, она более экономна и заботится в первую очередь о реальном благополучии своей семьи, включая, конечно, своего любимого мужа. Чтобы в доме своевременно было, что поесть и во что одеться, чтобы был какой-то запас денег «на черный день», т.к. жена, как правило,

и более расчетлива в части расходования домашнего бюджета. И все потому, что женщина по природе своей такая: она бережет свое семейное «гнездышко», она – *руха*. И *как* можно такое, причем совершенно оправданное *самой* женской природой стремление женщины к сохранению семейного очага, обойти стороной, если Иисус говорит: «*Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться*» (Мф.6:25, сравни параллельное из *Фомы 41/36*)? У мужа и у жены – разные функции в вопросе их общего спасения, и жена, как правило, всегда «подстраховывает» своего мужа на земном плане. А если оба они -- вопреки всем указаниям Христа! – «задрать штаны, побегут» (Есенинское выражение) к Царству, то... они просто рискуют стать бомжами. А эти слова Христа как раз и предназначены для того, чтобы дать ответ на подобный вопрос мужа.

И именно в таком контексте можно рассматривать параллельную евангельскую фразу из *Матфея* о «правой и левой руке», но уже -- в приложении к милостыне. Серафим Саровский в беседе с помещиком Мотовиловым в Саровском лесу говорил (а у Серафима отец был купцом и держал лавку в Курске), что человек, устремленный к Богу, должен брать пример с купца. И точно так же как мудрый купец торгует именно тем товаром, который приносит ему больше прибыли, так же и разумный искатель Духа Святого должен делать то дело, которое дает ему больше *благодати* этого Духа. Если это молитва, -- значит творить чаще молитву, если пение Псалмов или чтение Евангелия, -- значит делать именно это, если участие в церковной службе (а наш батюшка Иоанн Кронштадский почти исключительно этим поддерживал горение своего сердца в Боге) – значит служба.

Но очень часто бывает так, что именно милостыня (как раньше у русских купцов – шуба, сброшенная с плеч от «порыва сердца», от широты русской души -- пойдя, найди сейчас такое сердце у новых «русских» торгашей!) оказывается для человека первым реальным опытом познания Духа Божьего, которого он не знал раньше. Почему? Потому что твою душу – в молчаливой благодарности тебе -- непроизвольно и неосознанно поднимает «на крыльях своего сердца» к Богу тот человек, которого ты согрел своим искренним состраданием или участием к его беде. Закон такой есть *духовный*: когда ты даешь искренне и «без задней мысли», -- ты во много раз больше получаешь для себя обратно, но уже не деньгами, а тем «сокровищем», которое «не съедает червь», и которое – «на небесах». И речь здесь – исключительно о твоем пути к Царству. Поэтому и сказано у *Фомы*: «пусть твоя левая не знает, что делает твоя правая». Милостыня, подаваемая «рукой», -- это сужение такого гораздо более широкого понятия до элементарной вещи. Но если даже рука действительно может что-то давать, то *что* в таком случае, может дать твое сердце! А взамен получить... Бога.

§68(64).

...Он сказал ему: Мой друг будет жениться, и я буду устраивать [ему] обед. Я не могу прийти. Я отказываюсь от ужина.

Обращаем внимание нашего читателя на тот очень важный факт, что среди всех «неуважительных» причин отказа нет такой, чтобы приглашение было бы послано самому жениху, а он бы отказался. Это в принципе не совместимо с Учением Христа о пути к Царству, который пролегает через «браки». И только поэтому Иоанн евангелист в качестве первого чуда Христа показал претворение Им воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской, куда Он был приглашен, и куда пришел (а ведь мог бы и отказаться, тем более что, судя по всему, новобрачные Ему знакомы не были).

И обращаем внимание нашего читателя также на заключительные слова этой притчи: **«Покупатели и торговцы не войдут в места Моего Отца»**. Речь не идет о тех людях, которые после работы идут в магазин и покупают себе продукты. Речь -- о тех «торгашах», которых при социализме называли словом «спекулянт». В нашей

сегодняшней русской действительности в этом отношении ничего не изменилось, какими бы новыми словами этого человека не стали называть: «предприниматель» или «коммерсант» -- духовная суть от этого не меняется. Здесь же уместно будет вспомнить слова из Апокалипсиса (Откр.13:16; более правильное произношение во время земной жизни Христа -- *апокалюписис*):

Положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме тех, кто имеет это начертание или имя зверя, или число имени его...

Здесь тоже идет речь о «правой руке», но которая на самом деле – левая, причем, из *самого*, что ни на есть, «инфернального подземелья». У *самого* автора *Комментария* этот Апокалипсис уважением не пользуется: данный текст происходит из круга приверженцев того подлинного иудейского Мессии, который был распят на «прямом кресте». Распят при Понтии Пилате, как мятежник, призывающий к свержению римского ига. Того Мессии, который не имел никакого отношения ни к назареем, ни к евангельской проповеди Христа, которого мы знаем и любим. Того Мессии, который от *Яхве*, а не от Бога Отца -- *Элохима*.

§71(67).

Иисус сказал: Тот, кто знает (соун) всё (эм-п-тэр-ф) если [при этом] он нуждается (чрох) в себе самом (ваа-ф), -- [он] нуждается в [опред. арт.] месте (ма) себя всего (тэр-ф; букв.: «место-весь-он»).

М.К.Трофимова дает литературный перевод концовки: **«тот...нуждается во всем»**. Общепринятое понимание этого текста выглядит следующим образом: если человек познал весь мир (*п-тэр-ф* – букв. «Вселенная», сущ. мужск. рода), изучил все древние языки и прочитал все тайные тексты, постиг все науки мира и тайны человеческой психики, но при этом не познал самого себя, -- он, в таком случае, не знает ничего. Еще древние греки говорили: «познай самого себя», а здесь, судя по всему, именно об этом и идет речь.

Но, во-первых, Иисус никогда не был «попугаем», который копирует чужие мудрые мысли. Более того, исследование евангельских текстов убеждает нас в том, что знание Иисусом земного бытия гораздо глубже многих отвлеченных философских построений мудрых эллинов. И, во-вторых, изучая евангельские тексты, мы все больше и больше убеждаемся в том, что высказывания Христа очень конкретны и практичны: вплоть до таких «мелочей», что Он подбирает разные слова-синонимы для более четкой передачи Своей мысли. И если посмотреть на разбираемый нами текст с этих очевидных для любого читателя позиций, то в этом случае общепринятое толкование не выдерживает никакой критики. Даже по одной той причине, что глаголы «знать» и «нуждаться» не означают одно и то же. Но и традиционный перевод «во всем», который завершает этот текст – он тоже не очень входит в «прокрустово ложе» тех слов, которые мы видим в реальном тексте. Итак, попробуем понять смысл этого логия, сегодя при этом на то, что познания автора *Комментария* в коптском языке нельзя назвать даже самыми начальными.

То «знание», о котором Иисус говорит в данном логии, мы уже охарактеризовали в начале нашего рассмотрения. Бесспорно, что речь здесь идет в первую очередь о том «школьном знании», которое постигается науками и общением с другими людьми. Коптское *чрох* – означает «отсутствовать, не хватать, нуждаться». *Ваа* – это определительное местоимение, которое происходит от уже известного читателю числительного «один» (*ва*), и которое означает «сам», нередко с возвратным значением,

«один, «только», «единственный» (А.И.Еланская Коптский язык, М.: «Наука», стр.37). Коптская буква «фаи», поставленная в конце этого местоимения, -- это местоименный суффикс третьего лица ед. числа мужского рода – «он». Речь идет исключительно о мужчине, но не о женщине: в конце этого логия стоит слово *тэр* – «весь, целый», и опять тот же самый суффикс –*ф* – «он». Причем, в данном случае речь, судя по всему, уже не идет о «Вселенной» или обо «всём», т.к. во втором случае отсутствует определенный артикль.

Судя по всему, здесь действительно идет речь о человеке, который знает всё вокруг себя, но при этом он, буквально, «отсутствует сам для себя», т.е. его совершенно не интересует собственный внутренний мир. А значит, он ничего не знает о том *духовном* мире, который познаётся человеческим *сердцем*. Показанный в этом логии человек – это типичный «портрет» сегодняшнего представителя науки. В процессе нашего рассмотрения текста *Фомы* читатель стал уже хорошо представлять себе логику рассуждений Иисуса Христа, вытекающую из Его Учения о цели человеческой жизни на земле. Но ведь это понятно без лишних слов: *«Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые... По плодам их узнаете их»* (Мф.7,16,17).

Итак, «плоды» Учения Христа – это муж и жена, и ничего больше. Мы и в этом логии видим такого мужа, который ищет знание совсем в другом направлении. Об этом человеке в *Евангелии от Филиппа* сказано так (52/56, пер. М.К.Трофимовой):

Осел ходя вокруг жернова, сделал сто миль, шагая. Когда его отвязали, он находился все на том же месте.

Или еще одно подобное высказывание, но уже из *Дао Дэ цзина* (чжан 47, пер. А.А.Маслова):

Не выходя со двора, можно познать весь мир.
Не выглядывая в окно, можно узреть Путь Неба (*Тянь Дао*).
Чем дальше идешь – тем меньше узнаешь.
Поэтому мудрецы познавали, никуда не отправляясь;
постигали, не видя;
свершали, не действуя.

Главный герой этого логия нуждается в познании своего «мужского естества», -- букв. «своего «он»», -- т.е. говоря мандейским языком, в познании своей *нишимты*. А это из «школьного знания» не почерпнешь. Он должен найти *нишимту* в себе самом. Но как сказано в этом логии, для этого он «нуждается в месте себя всего», т.е. в знании того «места», где пребывает он, идеальный, состоящий из «себя полного» -- из своей *нишимты* и из *рухи* своей жены. Такое «место» Иисус называет Царством Небесным или Царством Света, а «он, идеальный» в этом Царстве – это Адам Шестоднева. «Место» это можно узнать только через получение «мистерии Царства Небесного». Без этого нельзя увидеть даже свою *нишимту* (не говоря уже о *рухе*), что для сегодняшнего христианина эквивалентно знанию своего *сердца*.

И раз уж мы вспомнили про далекий *Дао Дэ цзин*, то возьмем на себя смелость и приведем еще одно четверостишие из этого удивительного текста (чжан 33, переводчик тот же):

Познавший людей – мудр (*чжи*).
Познавший себя – просветлен (*мин*).
Побеждающий людей – силен (*ли*).
Победивший себя – могущественен (*цян* – «сильный, твердый»).

Иисус не отрицает «школьное знание», как это видно из текста логики. Идеал знания по-Иисусу – это когда человек обладает «знанием себя», используя для приобретения такого знания то «школьное знание», которое он получает за партой учебного заведения. А как иначе современный человек может понять слова Христа или того же *Лао цзы*, если он не умеет читать? Знание древних языков – это тоже «школьное знание», которое необходимо для понимания любого древнего Учения, зафиксированного в той или иной религиозной доктрине. В данной логике противопоставляется знание внешнего, материального мира – знанию того мира *духовного*, которое можно получить только опытом своей души *нишимты*, т.е. опытом того сердца, о котором в канонических Евангелиях очень много сказано.

§74(70).

Иисус сказал: Когда вы рождаете это в себе (рождаете «Знание Отца», т.е. «познали Отца в Истине», см. логику 73/69, а, следовательно, имеете знание и о своей духовной сущности. Можно сказать иначе и более применительно для этого логики, хотя это -- одно и то же: «когда вы рождаете в себе Сына», т.е. Христа. В любом случае подобное «рождение» происходит через *мистерию*), **то, что вы имеете спасет вас** (Сын-Христос). **Если же вы не имеете этого в себе** (Сына-Христа), **то чего вы не имеете в себе** (отсутствие Сына-Христа), **умертвит вас.**

§75(71).

Иисус сказал: Я разрушу этот дом, и нет никого, кто сможет построить его еще раз.

Речь идет о постоянном возвращении человеческой души на землю, т.е. о повторных рождениях *нишимты* в мире *Яхве*, Мире Тьмы. Любое такое рождение – это воплощение в новом теле, т.е. в том «доме» (по логике), в котором пребывает на земле душа. Заново «строит этот дом» хозяин Земли – Бог *Яхве*. По представлениям Христа этот мир является той темницей, в которой незаконно содержится душа человека, принадлежащая к высшим Мирам Света. Вернуться в эти Миры снова можно только вдвоем – мужчине и женщине – воссоздав в себе здесь, на земле, прообраз сначала «райского Адама» (человеческий брак и непрелюбодеяние), а затем – через *мистерии*, получаемые мужем, -- прообраз Адама Шестоднева. Если человек действительно реализует это за время своей земной жизни, тогда «земной дом» *нишимты* будет разрушен, и *Яхве* уже больше никогда не создаст его для этой души, т.к. она окончательно уйдет в Миры Света, к *Элохиму*. И такой Адам, состоящий из «мужского и женского», уже больше не будет возвращаться на землю для повторных рождений.

§76(72).

Некий человек сказал Ему: Скажи моим братьям, чтобы они разделили принадлежащее моему отцу со мной. Он сказал ему: О человек, кто сделал Меня тем, кто делит? Он повернулся к Своим ученикам и сказал им: Истинно (коптск. *мэ*, семитское *аминь*, назарейское *кушта*), **разве Я пришел в бытие как тот, кто делит?**

При таком уточненном переводе читателю уже должно быть все понятно. Отцу-*Элохиму* «принадлежит» человек Адам, как единое целое, совмещающее в себе «мужское

и женское». Человек, фигурирующий в данном логии, просит Иисуса «разделить достояние отца» по справедливости с его братьями. Но Иисус, который использует эту конкретную жизненную ситуацию для объяснения ученикам основных принципов Своего Учения, намеренно воспринимает сказанное этим человеком слово «отец» не в обычном земном смысле, а как «Бог Отец», т.е. *Элохим*. И в таком случае просьба этого человека выглядит уже совсем по-иному, т.к. *Элохиму*-Отцу принадлежит именно единый, нераздельный Адам. А этот человек, как получается в таком случае, просит «разделить» Адама, что можно сделать только разделив его на мужчину и женщину – как это и сделал в Раю Бог *Яхве*. Иисус, естественно, отвечает этому человеку отказом: Он, ведь, для того только и пришел в этот мир, чтобы снова *соединить* мужчину и женщину в единого Адама Шестоднева (т.е. «разрушить между ними перегородку», возведенную «Тем, кто делит» -- Богом *Яхве*).

§79(75).

Иисус сказал: Многие стоят перед дверью [в Царство Небесное], но единые (т.е. «объединившиеся в единого Адама» муж и жена) – **те, которые войдут в брачный чертог** (букв. по-коптски. «место брака»).

Именно «единые», а не «единственные», т.е. греческое слово *μοναχος* («одинокый, единичный» -- словарь И.Х.Дворецкого) понимается всеми переводчиками неправильно.

§81(77).

Иисус сказал: Я – Свет (с большой буквы, т.к. стоит определенный артикль – Г.Б.), **который на всех. Я – Всё** (с опред. арт. – *n-тэр*): **Всё вышло из Меня и всё раскалывается** (*пох* – «раскалывать, открывать, разрывать») **при встрече со (шаро) Мной. Расколи (пох) кусок дерева – Я, [Я] есть там; подними камень – и ты найдёшь Меня там.**

Прекрасный логий и, наверное, один из самых *мистических* (не в смысле «видения призраков», а такой, который из наиболее *мистериальных*). Некоторые исследователи пытаются связать заключительную часть этого логия с конкретными евангельскими событиями. Они имеют в руках греческий вариант этого логия и видят в нем слово «камень» (греч. *λιθος*), которым был привален гроб Христа; но также и «дерево» (греч. *κσυλον*), которое встречается в Новом Завете для названия орудия казни Христа. Однако бесспорно то, что такое предположение – явная ошибка. Мистериальный Христос никогда бы не стал упоминать о тех земных событиях, которые имели отношение к Его Собственному брэнному телу: Христос земной – это «**ветхий хитон**», а Воскресший – это «**новая заплата**». Но мы также помним, что в земной жизни Иисус был «плотником», а у древних таким словом (греч. *τεκτον*) называли тех, кто строил дома: и из дерева, и из камня. То есть «плотник» -- это одновременно и «каменщик». Именно по этой причине Иисус говорит в этом логии о тех вещах, которые были Ему близки в земной жизни и как бы автоматически «впечатались» в Его уже неземное естество. Но даже в том случае, если это просто авторский прием составителя текста, – следует признать такое решение автора близким к реальности.

В этом логии Иисус несколько не хвалится. Тот, кто знает «Свет», о котором Он говорит (а каждый из нас поймет, что это такое после своей земной смерти), -- Его только поддержит в таком высказывании. Мы перевели коптский предлог *шаро* не очень соответствующей коптскому варианту фразой -- «при встрече со (Мной)».

«Классический» вариант перевода этого предлога приведен у А.И.Еланской (Коптский язык, Изд. «Наука» М., 1964, стр.65): «обозначает предел или приближение к чему-либо (к месту, отрезку времени, лицу) («к», «вплоть до», «включая»)». В данном случае речь идет не о том, что «всё раскалывается» «при приближении» (как это переведено у М.К.Трофимовой), а происходит именно то, что бывает с автомобилем, когда он на полной скорости, «встречается» с бетонной стеной... Человек «и охнуть не успеет». Эти слова Христа очень напоминают по своему духу то, что мы читаем в *Евангелии от Матфея* (Мф.21:44) (и это несмотря на то, что научный текст Нестле-Аланда ставит под сомнение присутствие этого фрагмента в самых ранних версиях Евангелия). Причем, как это и бывает в тех случаях, когда богословы не в состоянии дать разумного объяснение словам Христа, перевод делается «по смыслу», что мы и видим в Синодальном переводе. Правильный буквальный перевод такой:

И упавший на камень этот (на «камень» Царства – Г.Б.) **будет раздавлен** (Иисус имеет в виду иудеев, т.к. они не признали Отца-Элохима, а продолжают поклоняться «земному» Яхве; это подтверждают те Его слова, которые мы читаем перед словами о «камне»: «*Будет взято от вас Царство Бога и будет дано народу делающему плоды его*», т.е. «плоды Царства» – Г.Б.); **на которого же [камень] упадет, [тот] будет очищен веянием [как зерно]**.

Внешне, с земной точки зрения, всё в этом высказывании «перевернуто» «с ног на голову». Но это сделано намеренно, как раз для того, чтобы наши «мозги встали на свое место». И это как раз является лучшим подтверждением того, что данные слова – это подлинная традиция, сохранившая слова Учителя. «Выбирает», в данном случае, не человек, а Сам Иисус, поэтому именно «камень» падает на человека, а не наоборот. «*Очищен веянием*» -- это хорошо известное, по своему практическому применению в земледелии, греческое слово *λικμαο* – «просеивать хлеб». И только для текста Нового Завета (!!!) богословы сделали особое «исключение» и придумали для этого слова дополнительное к первому «переносное» значение -- «уничтожать» (???), -- на что можно, в лучшем случае, только «пожать плечами» или даже «покрутить пальцем у виска».

Опыт «столкновения» человека с Христом в двух этих случаях – каноническом и у *Фомы* -- один и тот же: со всего размаху – «в бетонную стену». Вот эта «неожиданность» мистерии и передана такими привычными для человека того времени сравнениями: человек колет дрова для печи – и вдруг... Или ворочает камни для строительства... и замирает с «неописуемым лицом» на виду у всех окружающих, как наш Серафим Саровский. Коптское *пох* – это мистерия в ее «чистом виде». Приближение к Иисусу Воскресшему – это «**приближение к огню**», т.е. к мистерии -- откровению духовного мира Отца. Для того Света, о котором говорит Иисус, нет земных преград: Он просвечивает любые «стены» и любые «камни», потому что проходит через все. Сначала Иисус сказал об этом «в общем», а затем дал конкретные примеры на «камне» и на «дереве».

Начало логики -- «**Я – Свет, который на всех**» (буквально: «который на голове каждого»). В канонических Евангелиях есть похожие строки: «**Итак, если Свет, который в тебе, Тьма...**» (Мф.6:23). Речь здесь идет о том, что любой, живущий на земле человек, приходит в наш мир с тем изначальным «Светом» внутри себя, с которым и отождествляет Себя Воскресший Иисус в данном логии *Евангелия от Фомы*. Если человек проживет на земле «мертвым», он так и не узнает о существовании этого «Света», находящегося внутри себя. Но он в полной мере оценит «достоинства» этого «Света» и поймет всю Его «необходимость» для себя лично после того, как перейдет в мир иной и узнает своим опытом, что он этого «Света» лишился «навсегда». Евангельские слова Иисуса «**Тьма крошечная и скрежет зубовой**» -- подразумевают именно это посмертное состояние человеческой души, лишенной такого «Света».

В этом логии и «Свет», и «Всё», и слова **«Всё вышло из меня»** -- всё это, бесспорно, атрибуты Отца-Элохима. Но и по тексту *Книги Бытие* – это все, кроме «Тьмы» тоже выходит «из рта» Элохима: всё рождено Его Словом. В *Евангелии от Иоанна* (Ин.10:30) Иисус заявляет: **«Я и Отец – одно»**. Земной человек не может увидеть Отца «напрямую», но он может увидеть Его – и именно Его, а не кого-то другого -- «в лице Сына». Поэтому Иисус ничего Себе не присваивает, заявляя подобное: Он просто называет этими словами тот мистериальный опыт, который земной человек получает в своей жизни (а точнее, может получить).

И еще раз повторим нашему читателю: автор настоящего *Комментария* ничего не «придумывает» и не пытается что-то «доказать» этими своими «разъяснениями» своему читателю. Тот человек, который уже получил подобный опыт – а *Евангелие от Фомы* предназначено только для таких – подтвердит все это безо всяких «убеждений»: его собственный опыт ему это подскажет. Ну а все то, что он читает сейчас, только объяснит ему: что же с ним произошло на самом деле. А все остальные... они – могут верить и не верить, могут читать и не читать – никто, ведь, человека в этом не неволит. Но **«есть среди вас такие»**, кому это знать надо.

§85(81).

Иисус сказал: Тот, кто сделался богатым (в Боге Отце, т.е. Элохиме), **пусть станет царем** (см. логий 1/2; «царем над всем», т.е. как и его Отец Элохим), **и тот у кого сила** (греч. дюнамис, т.е. сила Элохима; элохим – «силы») **пусть отречется** (арна – «отречься, отвергнуть») [от царя Мира Тьмы, т.е. от Бога Яхве].

Данный логий легче понять, если рассмотреть подобный ему логий 114/110:

Иисус сказал: Тот, кто нашел мир (космос, т.е. открыл для себя его подлинную сущность) **и стал богатым** (в Боге Отце), **пусть отречется** (арна) **от мира** (космос).

«Отказаться» от земного мира невозможно, т.к. иначе придется наложить на себя руки, что не только Иисус, но и назареи делать запрещают. Приведенные тексты подобны, только в одном из них говорится о Царстве Тьмы (космосе), а в другом – о его Царе, не называя этого имени, причем, понятно по какой причине.

Два логия *Евангелия от Фомы*, в которых встречается слово «образ»

Наверное, самыми непонятными для любого читателя и самыми таинственными логиями можно назвать те, в которых говорится о каких-то «образах», которые как-то непостижимо связаны с представлениями Иисуса о духовном мире или о Свете. Приведем эти логии в том порядке, как они записаны в тексте самого Евангелия.

§87(83).

Иисус сказал: [опред. арт.] **Образы** (коптск. хикон от греч. Эйкон – «образ, изображение, подобие») **являются** (вонх – «откровение») [опред. арт.] **человеку, и Свет, который в них, он скрыт. В образе** (хикон) [предлог род. падежа] **Света** [предлог род. падежа] **Отца он** (т.е. «свет образов») **откроется** (или «будет открыт»: чолл – «обнаруживать, снимать покров»). **И Его** (т.е. Отца) **образ** (хикон) **скрыт из-за Его** (т.е. Отца) **Света.**

§88(84).

Иисус сказал: В те дни, когда вы смотрите на ваше подобие (йне – «сходство, подобие»), **вы радуетесь** (т.е. когда вы смотрите на своих детей, которые похожи на вас). **Но если бы вы увидели ваши образы** (хикон), **которые произошли** (шопэ – «пришли в бытие») **до вашего начала** (коптск. эхэ – «начало», в данном случае – земное рождение) – **они не умирают и не являются** (вонх) **[в обычной жизни] – сколь великое вы перенесете!**

Разработка темы «Света» осталась за пределами церковного богословия, т.к. оно изначально не было ориентировано на откровение-мистерию Царства Небесного. Но если слово «Свет» все-таки появилось в Прологе *Евангелия от Иоанна*, то понятие «образ», которое занимает в *Евангелии от Фомы* важное место, в канонических Евангелиях вообще не упоминается. Греческое слово *эйкОн* встречается у *Матфея* (Мф.22:20) и у *Марка* (Мк.12:16) всего один раз в параллельных текстах, когда Христу показывают динарий с изображением-образом (эйкОн) Кесаря, т.е. совершенно в другом смысле, чем у *Фомы*. И здесь следует отметить, что у самого *Фомы* в подобном же высказывании Христа о Кесаре (кайсар) – в логии 104/100 – этого слова *хикон*, конечно нет.

Мы не будем исследовать эти непонятные высказывания Христа об «образах»: то, что мы могли сказать, передано соответствующими разъяснениями Самого Христа в тексте логии. Но мы должны дать нашему читателю то базовое понятие о *хикон*, с которым читатель не знаком только потому, что в России отсутствует литература о *назируте*, -- кроме единственной упомянутой выше книги, которая появилась благодаря труду русского ученого А.С.Четверухина, под редакцией которого и в переводах которого вышел целый ряд знаковых книг, посвященных египетской и коптской тематике. Кроме этой книги, в Сети можно найти несколько работ исследователя этого вопроса К.Рудольфа, представленных в переводе русского коптолога Дм.Алексеева.

Сначала приведем короткий отрывок из мандейских текстов о «сокрытом Свете», -- пусть только для того, чтобы любому читающему текст *Фомы* было понятно, где следует искать ответ на все эти вопросы о «Свете в образах». Это Гимн 374, посвященный мандейскому Божеству Света *Явар-Зиве* («Ослепляющего или Пробуждающего Сияния») («Мандеи», стр.311, 312):

Я преклоняюсь, восхваляю и прославляю
Четыреста сорок четыре тысячи имен Явар-Зивы...
Царя Утр...
Владыки могущественных небесных миров
Сияния, Света и Славы,
Который сокрыт Завесой в своем собственном святилище,
Прежде которого Ничего не существовало.

Итак, по богословию мандеев существует особый идеальный мир – *Мишунья Кушта*. Это мир идеальных двойников нашего материального мира, или «мир идей». Леди Дровер пишет («Сокрытый Адам», стр.287):

Мишунья Кушта (от слова «удваивать, повторять» и второе слово – «истина») – это идеальный мир, удаленный от нашего мира. Это мир истинного бытия, сверхкосмический высший мир идей, в котором пребывает дубликат, двойник всего того, что существует в материальном мире. Это обиталище Ануша или Ануш-Утра, в которое он вернулся после своего телесного явления в Иерусалим...

И далее Леди Дровер цитирует Писание мандеев (Великая Гинза, GRr 29):

Ануш-Утра пришел в мир в силе великого владыки Света, исцеляя больных, даруя зрение слепым, очищая прокаженных, поднимая расслабленных, возвращая хромым способность ходить, заставляя глухонемых говорить, воскрешая мертвых, и обращая в веру иудеев, и показывая им, что «есть смерть и есть жизнь; есть тьма и есть свет, есть заблуждение и есть истина», и обращая иудеев во имя Высшего Цара Света...

Леди Дровер пишет далее:

Название «Мшунья Кушта» следует переводить с помощью парафразы: это другой мир высшей реальности, ибо этот материальный мир – иллюзия, мир нереальный, временный... Представления об этом мире... мне изложили мандеи, живущие в Ираке:

Мшунья Кушта – это идеальный мир мандеев, населенный потомками Адама-Касия и Хавы (Евы)-Касия (=сокрытых или мистических Адама и Евы), ибо как мне сказал один священник, «все вещи существуют в двух экземплярах: одна – фактическая, а другая – *mabda* (=идеал или архетип)». Другой же объяснил, что у каждого человека, живущего на земле, имеется свой двойник (*dmuta*) или подобие в Мшунья Кушта, и в момент смерти человек покидает свое земное тело и принимает эфирное тело своего двойника.

И далее Леди Дровер добавляет: «Теория двойников – иранская...» и указывает на то, что мандейский *dmuta* соответствует Авестийскому «Фраваши». Напомним также нашему читателю, что одним из важнейших религиозных терминов Древнего Египта, является *ка* человека. Это *ка* “по общему согласию ученых переводится как «двойник»” (У.Бадж. Путешествие души в Царство мертвых, стр.42).

Затронув тему *Мшунья Кушта*, мы упомянули имя Ануш-Утра. «Утра» -- это «духи» Света и Жизни; само слово происходит от корня со смыслом «увеличиваться, богатство, изобилие» (кстати сказать, это слово «богатство» мы встречали в логиях при упоминании о тех, кто «сделался богатым»). Анош-Утра – это основоположник *назарейского* Учения. Этот Анош-Утра (или Ануш) согласно мандейскому Учению был «Сын человеческий», т.е. сын Адама Касия (*адам* – «человек»), который, в свою очередь, представляет собой двойника (*dmut*) и Сына Верховного Существа. То есть в мандейских Писаниях можно проследить интересную параллель с евангельским сюжетом. И предполагать при этом, что мандеи заимствовали эту тему у того, кого они именуют не иначе как «ложный Мессия» (или «поддельный Мессия») было бы слишком опрометчиво и недостойно для серьезного исследователя этого вопроса.

Темы мандейского *дмут* и египетского *ка* далеко не всегда являются «одинаковыми» темами: *ка* более реален, но назареи не стали заимствовать этот термин у египтян, а создали свои собственные представления о неземных «образах» земного человека. И нет сомнения в том, что они, как и египтяне, тоже руководствовались при этом собственным духовным опытом. Но если в логии **87/83** мы видим, скорее всего, назарейское представление о *хикон*, которое, судя по всему, призвано дать некое объяснение тому, что предстает перед человеком в *мистерии* и что можно как-то соотносить с *Мшунья-Кушта*, то в следующем логии (**88/84**) речь, без сомнения, идет о египетском понятии *ка*.

§89(85).

Иисус сказал: Адам (имеется в виду «Адам райский») **произошел от большой силы** (греч. *дюнамис*, т.е. от *Элохима*) **и большого богатства** (аллегорическое именование *Яхве*, ср. греч. *Плутос*), **и он не сделался** (*шопэ* – «прийти в состояние, бытие») **достойным** (*мпиша*) **вас. Ибо если бы они** (Адам и Ева) **были достойны** (греч. *аксиос*), **он бы не вкусил смерти.**

Иисус различает Адама Шестоднева и Адама райского. Адам райский «не достоин» последователей Христа. По иудейской *Книге Бытие* тот рай (*парадейсос* Септуагинты, соб. «сад»), который создал *Яхве*, имеет название *Эден* (Едем), что в переводе с иврита означает «наслаждение». По Иисусу тот «брак», который имеют муж и жена в земной жизни (именно «брак», а не совместное «комфортное проживание»), -- это и есть «райское наслаждение» или *парадейсос Эден*. То есть у таких начинающих супругов их совместная земная жизнь эквивалентна Раю, а сами они представляют собой сначала райских Адама и Еву. Кстати сказать, это указывает на то, что такие супруги не имеют права связывать себя брачными узами только ради совместного практического интереса в «достижении Царства»: у них ничего не получится, т.к. они должны действительно любить друг друга, как Адам любил «единственную на земле» Еву. И судя по тексту *Книги Бытие*, он любил свою Еву больше, чем Бога *Яхве*. Но такой древний райский Адам «не достоин» нового райского Адама (в лице земных мужа и жены) по той причине, что если путь райского Адама Бытия идет вниз, к земле, то у нового Адама перспектива совершенно иная: вверх, в мир *Элохима*. И именно по той причине, что такие супруги представляют собой «райскую пару», у них не может быть сексуальной связи с другими партнерами нашего «падшего» земного мира. Если такая связь появилась или была до «брака», -- значит они уже «ниспали» из райского *Эдема* в мир обычных земных отношений, и поэтому повторный возврат в рай из состояния «многобрачия» в этой их жизни уже невозможен.

§90(86).

Иисус сказал: Лисицы (=даймоны или бесы Ада) **имеют свои норы** (под землей), **и птицы** (=ангелы Рая) **имеют свои гнезда** (в небе), **а Сын человека** (вспомним мандейские параллели с Анушем, «сыном человеческим») **не имеет места, чтобы преклонить Свою голову и отдохнуть** (*мтон*).

В этом логии Иисус заявляет, что Ему нет места на этой земле, т.е. в Мире Тьмы. Его место – в Царстве Света у Отца (возможно, в том мире *Мишунья Кушта*, о котором мы только что вели речь). Но до Своей земной смерти Он посетить этот Мир Отца – даже кратковременно, т.е. хотя бы просто «отдохнуть» -- не может, потому что этому препятствует Его земное тело. Из этого логия наглядно видно, что Иисус имел такое же тело, как и любой другой человек.

§91(87).

Иисус сказал: Несчастно [опред. арт.] **тело** (того мужчины), **которое зависит от тела** (какой-то женщины), **и несчастна** [опред. арт.] **душа** (*нишимта* этого мужчины), **которая зависит от их обоих** (т.е. от этих двух «тел»).

Душе мужа противостоят не только желания собственного тела, как это имеет место у монахов, но и желания тела собственной жены. И эти желания жены (а она всегда, по природе создания, связанной с деторождением, более «телесна», чем муж) нельзя полностью игнорировать: иначе никогда не будет создан общий Адам. Любовь предполагает жертвенность, но не рабство. Этот логий предостерегает осознающего свое

положение мужа, как от рабской зависимости от потребностей своего собственного тела, так и от потребностей тела своей жены. И это вполне справедливо и жизненно, т.к. требует от мужа воспитания силы воли и умения мудрого управления в своей семье. Но горе тому мужу, который держит свою жену «на сухом пайке», или, что еще хуже, -- который пытается, «манипулируя» такой возможностью, добиться для себя в семье каких-то «преференций». «Это» -- свято, и оно -- общее на двоих; и оно не должно становиться «предметом торга». «Обижать» свою жену в этом вопросе – это равносильно тому, чтобы отказаться от пути к Царству. У каждого человека – «своя мера», и любая семья способна решить данный вопрос без постороннего вмешательства каких-либо «психотерапевтов» и «целителей». И упаси Боже (!!!) делиться какими-то подробностями из своей интимной жизни со своими подругами или друзьями: если такое желание появляется – это верный признак того, что в семье что-то неправильно. Мать, -- если она все верно понимает и желает добра своему чаду – совет дать может.

§92(88).

Иисус сказал: Ангелы (греч. *ангелос*) приходят к вам с пророками (греч. *профэтэс*) и они дадут вам то, что ваше. И вы также: то, что является вашим, отдайте им это. Вы скажите себе так: В какой день они приходят и берут то, что [принадлежит] им?

Логий не понятен. Мы предложим нашему читателю «черновой набросок», который, возможно, поможет ему отыскать более точный смысл этих слов Христа. Во-первых, здесь следует иметь в виду, что *ангелы* – это общее название для сущностей духовного мира, потому что бывают не только «хорошие ангелы», но и «ангелы зла». *Ангелы* – это, буквально, «вестники», т.е. те посредники, через которых оба Бога Творца – и *Элохим*, и *Яхве* – общаются с нашим земным человеческим миром. И тем неожиданнее увидеть этих ангелов «в одной компании» с земными «пророками». Вообще, греческое *профэтэс* может не иметь ничего общего с иудейским *нави* – «пророк». Но, возможно, мы просто неправильно понимаем текст. Если бы действительно приходили ангелы и пророки, тогда в коптском, скорее всего, стоял бы обычный в таком случае соединительный союз *аво*, а не предлог *мен* – «с, вместе с». Возможно, первоначальный смысл заключался в том, что ангелы приходят не с «пророками», а с «пророчествами», т.е. с какими-то «возвещениями» или «картинами» от Бога». В любом случае слово «ангелы» вряд ли следует понимать в значении земных людей: «вестников», «делегатов». В этом случае смысл смещается в сторону каких-то вполне определенных религиозных установлений или традиций, а Сам Иисус, как известно, никогда не интересовался обрядовой стороной религиозных вопросов.

Речь, скорее всего, идет о том, что именно через этих «низших» посредников тому человеку, который живет на земле, впервые открывается принадлежащий ему духовный мир. Человек по своей духовной природе выше ангела, но именно эти невидимые духовные сущности «знакомят» человека с духовным миром, и вводят его в мир духовной реальности (например, «знакомство» человека с миром Ада, которое тоже осуществляется через мистерии). Когда земная жизнь человека завершается, тогда тоже – именно эти ангелы (или иначе – *архонты*; здесь можно вспомнить и устойчивое выражение «ангел смерти») приходят к человеку для того, чтобы взять у него «земное»: тело и низшую составляющую души. Акцент в этом логии сделан на том, мнимо принадлежащем человеку («то, что является вашим»), с которым ему все равно придется расстаться, т.к. все это принадлежит, в действительности, земным невидимым властям («то, что принадлежит им»). Вопрос, который задает себе человек в конце логия, еще будучи в земном теле, направлен на то, чтобы читающий или слушающий задумался о цели своей

жизни и о своем неминуемом земном конце. Одно дело – просто это знать, и совсем другое – обратить пристальное внимание на это «леденящее душу» обстоятельство.

§96(92).

Иисус сказал: Ищите и вы найдете, но те [вещи], о которых вы спросили меня в те дни (дни земной жизни Христа), -- я не сказал вам тогда (букв. «в [опред. арт.] день, который был тогда»). Теперь я хочу сказать их, и вы не ищите их.

Из содержания этого логия ясно видно, что тот Иисус, которого мы видим в *Евангелии от Фомы*, -- это Иисус Воскресший, т.е. не земной. Единственный вопрос, который возникает при чтении этого логия следующий: почему во второй раз Иисус сказал: «в тот день, который был тогда», а не просто повторил первоначальное «в те дни»? Значит, «тот день» -- это день особый?

У евангелиста Иоанна есть такие слова Христа (Ин.16:23): «В тот день [вы] не спросите Меня ни о чем». И у канонического Марка тоже есть упоминание о «том дне». Причем, в большинстве греческих версий (даже греческих, не говоря уже о всех переводах!), включая Византийский «Текст большинства», эти слова Иисуса исправлены «по смыслу» с заменой на число множественное, с одной стороны, и, с другой, -- изначально было произведено совершенно не логичное разделение сплошного греческого текста на стихи с разрывом смыслового содержания. Вот как должен был выглядеть этот текст в первоначальном виде, т.е. в понимании самого евангелиста (Мк.2:20):

Придут же дни, когда будет отнят от них Жених, и тогда будут поститься. В тот день никто заплату лоскута неваляного не нашивает на гиматий старый...

Мы уже разбирали логий с этой «заплатой» и выяснили, что в данном случае речь идет о получении человеком «мистерии Бога», когда «в сердце человека» (а как иначе сказать читателю? – ведь не во входную же дверь нашей квартиры) входит Христос. И человек как бы «рождает» для себя Христа Живого, как мать впервые рождает живого желанного дитя, которого она так ждала. Это и есть «тот день» для каждого такого духовидца. А то, что в обоих этих текстах, в первой части высказывания фигурирует слово «дни», -- это, судя по всему, не принципиально. Хотя, возможно, это – какие-то «обрывки» тех стандартных высказываний Христа, которые Он использовал в случае упоминания о главной мистерии. И речь, в таком случае, идет о противопоставлении наших обычных земных «дней», которые «мертвы», такому особому и единственному в жизни «дню», в который человек получает «жизнь».

То есть общий смысл этих слов Иисуса заключается в том, что в дни земной жизни Христа Он не мог «сказать» апостолам о мистериях во всей полноте, потому что не в состоянии был это реализовать в реальной жизни какого-то человека. Теперь же Он может и готов дать человеку такие мистерии, но Его ученики потеряли интерес к поиску *гносиса*, и этих мистерий не ищут.

Вообще удивительно то, что слова Иисуса о *мистериях* встречаются у всех синоптиков, но только по одному разу, и причем, в параллельных текстах. Это свидетельствует о том, что эти слова были сказаны Иисусом, как очень важные, и всего одинажды. И вполне логично, что ученики пытались выяснить у Христа, что они означают?, -- а Он отвечал им только притчами, т.к. для иудаизма «мистерии» -- это символ ненавистного язычества. Но Он и не мог им все понятно объяснить, т.к. дать эти мистерии был не в состоянии. Но эти *мистерии* и не могут быть даны только «по желанию» Самого Христа: до них необходимо духовно «дорости». Христос – это «дверь» в Царство Небесное, но до этой «двери» человек должен пройти «своими ногами» длинный «узкий путь», а потом еще долго «стучать» в эту «дверь».

Преображение на горе Фавор – это «чудо» (и по евангельской терминологии и по нашим общечеловеческим представлениям), а не «мистерия». Вообще, любое чудо – это такое же естественное проявление форм человеческого бытия, т.е. проявление таких же «стандартных» законов этого бытия, как и все остальные, с той только разницей, что такие «формы» -- в силу целого ряда причин -- встречаются чрезвычайно редко. Подобное «преображение» -- как и с Христом или с *Деметрой* -- произошло и с русским монахом Серафимом Саровским, но при этом любому читателю понятно, что Серафим не был способен (как и любой другой человек на земле) «давать мистерии». На такое не был способен даже земной Иисус. Но вот Воскресший Иисус эти *мистерии*, о которых Его спрашивали ученики, «в тот день» дать уже может, но (о чем и печалится Иисус) ученики (а также все остальные Его последователи) давно перестали «спрашивать» и «стучать».

§97(93).

Иисус сказал: Не давайте того, что свято («брак») собакам, чтобы они не бросили это на навозную кучу. Не бросайте жемчуга (найденную Истину Царства) свиньям.

Возможно, данный логий следует понимать в контексте того, что *собака* почиталась, например, в митраизме (религии воинов-аскетов). Но и в зороастризме она считалась вторым по святости существом после человека. Вообще в зороастризме почиталось два животных, которые считались помощниками сторонников *Ахура-Мазды* (Бог Добра): *собака* и *петух*. О зороастризме в данном контексте можно говорить по той причине, что в этой религии, как и у египтян, приветствовались браки между кровными родственниками (например, между братом и сестрой), а сам Заратуштра, к слову сказать, был женат дважды или трижды. Возможно и бытовое понимание этого слова «собака»: собака является тем особым животным, которое на виду у всех людей совершает свои «собачьи свадьбы».

А *свинья* – это, как мы уже говорили, жертвенное животное греческой Богини *Деметры*, у которой были свои, подлинные мистерии в Элевсине. В митраизме тоже были свои мистерии – недаром все храмы Бога *Митры* – митрарии – сооружались под землей (для этого использовались пригодные пещеры или возводились специальные строения подвального типа), но о содержании этих мистерий информации нет. А вот митраистская религиозная служба (что у митраистов не являлось тайной) во многом была скопирована появившимся христианством, в том числе и дата Рождества Христова, которая первоначально знаменовала собой день Рождения *Митры-Непобедимого Солнца*.

Появление в тексте всех синоптиков «большого стада свиней» со 100% уверенностью свидетельствует о том, что рядом с этим полем были города с храмами *Деметры*, для жертвоприношения которой в первую очередь и выращивались все эти свиньи. И если иудеи станут по-прежнему отрицать этот неоспоримый факт -- впрочем, как и факт присутствия в ночном Иерусалиме зороастрийского петуха-Пародарша, который «вправил мозги» отрекшемуся Петру, исполняя тем самым свои исконные, предписанные зороастризмом функции -- в таком случае следует официально признать (конечно же, на очередном Вселенском Соборе!), что евангельские события происходили не в Палестине, а в каком-то ином месте земного шара. Но в таком случае и те иудеи, которых мы видим в Евангелии, не имеют ничего общего с иудеями сегодняшнего дня. И возможно... именно такое решение вопроса устроит все заинтересованные стороны этих загадочных событий.

§98 (94).

Иисус [сказал]: Тот, кто ищет, найдет, [и тот, кто стучит], ему откроют.

В книге Леди Дровер «Сокровенный Адам» («Мандеи») при описании священной церемонии небесных сущностей сказано следующее (цитата из мандейского текста «Великий Первый Мир (Макрокосм)»):

И Он протянул руку и вложил ее в руку (мандейское ритуальное рукопожатие – Г.Б.) **Царя-Который-Есть-Всякий-Свет** (мандейский первосвященник – Г.Б.) **и сказал Ему: «(Пусть) Правда (Кушта) укрепит и утвердит Тебя!».** И Он сказал Ему **«Ищи и найдешь, говори и будешь услышан»** (стр.275).

Формулу посвящения («Ищите и обряцете» и т.д.) произносят во многих случаях, например, при рукоположении в сан священника (стр.368, примечание 66).

§100(96).

Иисус сказал: Царство Отца подобно женщине (т.е. *Рухе* в общеназарейском понимании, -- как «вместилище желаний и похоти»), **которая взяла немного закваски** (той своей земной «любви», которая тоже является принадлежностью этой *Рухи*) **и спрятала** (в обыденном смысле «положила») **это в тесто** (в душу мужа, составной частью которой является «мужская» *нишимта*, которая выступает также в роли *либидо*). **Она сделала из этого большие [буханки] хлеба** (имеется в виду их *совместный Адам*). **Кто имеет уши, пусть слышит!**

Самое простое понимание «для начинающих» следующее: женщина (жена) положила свою «любовь» в душу (и не только в душу) мужа и в результате такого их совместного проживания получился «хлеб-*нихта*» -- Адам Шестоднева. Следует обратить внимание читателя на тот немаловажный факт, что, по словам Иисуса, в данном случае именно жена, а не муж, «месит тесто» их совместной души, т.е. формирует на земле «плоть» Адама Шестоднева. По притче Христа именно жена «делает буханки», а также -- как мы это увидим в следующем логии – именно она несет в своих руках *нишимту* мужа в виде **«кувшина с мукой»** или – уже по каноническому тексту *Матфея* – в виде **«светильника с елеем»**.

§101(97).

Иисус сказал: Царствие Отца подобно женщине, которая несет [поддерживая] кувшин полный муки и идет дальней дорогой. [Одна] ручка кувшина отбилась, мука высыпалась за ней по дороге. Она не знала [об этом] (вспомним, как «левая не знает, что делает правая») **[поэтому] у нее не было причины для беспокойства. Когда она открыла** (*пох* – «раскалывать(ся), лопать(ся), открывать(ся)»), **[чтобы] войти в свой дом, она поставила кувшин [на пол, на землю], она обнаружила** (*хэ* – «Эврика!»), **что он -- пустой.**

Когда Иисус сравнивает в Своих притчах Царство с «женщиной», такое сравнение всегда выглядит логичным и «приемлемым», потому что в греческом, семитских, и коптском языках существительное «царство» имеет женский род (греч *басилейя*, евр. *малху*, коптск. *ментэро*). Но в данном случае речь в этой притче действительно идет о женщине; т.е. главным персонажем этой притчи является обычная земная женщина, -- жена того человека, который устремлен к Царству. Этот логий рисует нам живую картину из повседневного быта современников Иисуса, и мы ее зрительно представляем. Мы еще раз обращаем внимание нашего читателя на близость всех Иисусовых притч к реалиям

обыденной жизни. Сначала женщина несет кувшин, как бы поддерживая его снизу, как ребенка. Дорога длинная, и женщина устает. Она берет кувшин за одну из двух ручек и несет его в одной руке. Именно так она может, по неосторожности или случайно (или, скорее всего, согнувшись в сторону кувшина от усталости), зацепить нижней ручкой за какой-то камешек или бугорок на дороге, и тогда нижняя ручка действительно может отломиться. Но кто имел дело с керамической посудой (а кувшин сделан на гончарном круге из глины с последующим отжигом), тому хорошо известно, что очень часто вместе с основанием ручки из тела самого кувшина выламывается и кусочек его стенки. Вот через это отверстие мука и сыпалась потихоньку на дорогу за женщиной. При этом сосуд был закрыт сверху крышкой, -- по этой причине «пропажа» обнаружилась только в конце пути. Так обстояло дело с внешней стороны.

Для того чтобы нашему читателю легче было понять содержание этой притчи, мы хотели бы начать наш разговор с притчи другой, похожей на эту, но уже из канонических Евангелий. Это притча о «десяти девах». Когда читатель поймет эту притчу, ему будет легче совершить переход и к притче более сложной.

Вот, наш читатель никак не хочет поверить в то, что Иисус – назарей, а не иудей. Но что он скажет после рассмотрения притчи о десяти девах, сам убедившись в том, что бывший иудей Матфей ввел в текст своего Евангелия откровенно назарейскую притчу? Итак, притча о десяти девах. Этой притчей начинается **Глава 25 Евангелия от Матфея**:

Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые взявши светильники свои, вышли навстречу Жениху; из них пять было умных (фронимос – «разумный, умный»), и пять глупых (морос – «глупый»). Ведь глупые, взявши светильники свои, не взяли с собой масла [для светильников]. Умные же вместе со светильниками своими взяли масло в сосудах. И как Жених замедлил, то задремали все и уснули. В середине же ночи раздался крик: «Вот, Жених! – выходите навстречу Ему...».

Во всех притчах, которые знакомы нам по каноническим Евангелиям и в которых присутствует Жених, этим Женихом является Сам Христос. И в этой притче Он тоже верен Себе. Но для дальнейшего рассмотрения этой притчи нам следует еще раз вкратце повторить основные положения назарейского *гносиса*. Итак, существует Царство Света или Миры Света, где правит Отец или Царь Света. В канонических Евангелиях Иисус это Царство называет обычно «Царством Небесным» или «Царством Бога», возможно, потому, что именно «с неба» всем нам светит Свет. Душа человека происходит именно оттуда, и поэтому она подсознательно стремится туда вернуться вновь из того Мира Тьмы, которым и является наша земная жизнь. Поэтому в притче и сказано: «Крик раздался в полночь», т.е. во время *самой* что ни на есть «темной Тьмы». Душа мужчины – *нишимта* – представляет собой «искру Света», ниспавшую из этого Царства Света, а душа женщины – *руха*. Вообще, *Руха*, а точнее тот, кто ее имеет, и кто ей повинуется, -- это как бы «приспособленность» человека к жизни на земле со всеми противоречиями этой нашей жизни. *Руха* – это следование своим земным желаниям, включая такие достойные, как образованность, достаток, дети, почет, уважение, слава и т.д.; но также -- способность правильно оценить и найти выход из той или иной жизненной ситуации, способность приспособиться к жизни. Но все это может иметь место только в том случае, если человек всецело поглощен своими насущными земными заботами и устремлен к земным целям. Именно это имеет в виду Христос, когда, подводя итог притче о несправедливом управителе, заявляет (Лк.16:8): *«Ибо сыны века сего более разумны, чем сыновья Света в поколении своем»*. «Сыны века» -- это и есть те «временные жители» земли, срок жизни которых ограничен только «этим веком (поколением)».

Подтверждением того, что подобные рассуждения не придуманы «на пустом месте», -- являются результаты недавней «перестройки» в России. Кто смог

приспособиться к новой жизни в первую очередь? Кто оказался более «ловок», как и тот «неправедный управитель» из притчи Христа? Кто не «фаскился», не «спивался» и стойко выносил все невзгоды? В первую очередь -- женщины-*рухи*. Перестройка сделала то, что раньше в России было немыслимым: женщина села за руль собственного автомобиля, женщина открыла свой бизнес, появился новый тип женщины: «бизнес-леди». Во многих семьях именно женщина является «кормилицей семьи», а мужчина – «сидит по бюллетеню» с грудными детьми. Но есть и еще одно бросающееся в глаза явление в постперестроечной России. Если взять цифры пропорционально численности той или иной национальности, то «перестройка» резко подняла – в процентном отношении -- благосостояние евреев по сравнению с русскими. Почему? Неужели только потому, что они умные, а русские – не очень?

Попробуем посмотреть на этот вопрос с «духовной» точки зрения. Если смотреть с точки зрения *Рухи*, -- то да: евреи – предприимчивые и работающие, и в этом отношении русские, как народ, им, возможно, уступают. Но такое положение евреев в обществе обусловлено исторической особенностью того иудаизма, который изначально был направлен на достижение земных благ: Бог *Яхве* «категорически» запретил своему народу искать «духовные Истины» и ограничил его интересы исключительно земными целями. Если говорить политическим языком, то иудаизм – это «диктатура *Яхве*». Не пытаться познать, что есть «добро», а что есть «зло» -- это первая, а значит, самая главная заповедь Бога *Яхве*, данная им человеку еще в Раю.

О русском народе мы говорим тоже как бы «в целом». Как бы ни ругали иностранцы Россию за то, что русские «много о себе думают», но существует неоспоримый исторический факт, что Россия всегда считала себя «Богоизбранной страной», а слово «богоискатель» -- это самая обычная характеристика – до Революции 1917 года -- того или иного человека, который отличается от остальных только тем, что всю жизнь «ищет Бога». Сделаем маленькую оговорку: конечно, это было не «всегда», а только после того, как пала Византия и Россия стала «Третьим Римом». Но и события «перестройки» наглядно показали, что русский характер в этом отношении ни в чем не изменился: после «духовного голода» социализма Россия буквально «набросилась» на все то, что так или иначе «пахло» духовным, включая всякую «чертовщину» типа Кашпировского (но это, конечно, -- только для самого низшего уровня «духовности»). А Вивекананда, Рамакришна, Рерихи, Ауробиндо, Блаватская, Бхагават-Гита, Рудольф Штайнер и «Харе Кришна!» – стали подлинными «кумирами» постсоветского русского человека. В такой силе и «экспрессии» подобный взрыв «духовных эмоций» -- характерен только для России. Бесспорно также и то, что большинство русских устремило свои ищущие взоры в сторону традиционного православия. И если оценивать русский народ с точки зрения Миров Света, то русский мужик и не может конкурировать с теми, кто «от *Рухи*»: с женщинами и с иудеями. Причем, способность русского мужика «подковать блоху» продолжает оставаться одной из характерных черт его характера, но это не имеет никакого отношения к рассматриваемому нами вопросу о Мирах Света, т.к. одно нисколько не исключает другое. И эти слова не являются неумелой попыткой автора «реабилитировать» русского мужика, не выдержавшего «экзамена перестройки»: автору *Комментария на Фому* знакомы имена только русских людей, -- тех, которые за последние столетия достигли *Царства Небесного*. Из всех других народов – автор не знает ни одного человека. А это для Истинного Бога Бытия – как драгоценное золото, вымытое «в проточной мандейской воде» из тонн пустой породы.

И пусть читатель не корит автора за «шовинизм» или «антисемитизм»: автор, ведь, не призывает к новому, «более справедливому» переделу того общенародного достояния, которое -- как и у всех остальных народов мира – законно принадлежит тем, чьи предки жили на этой земле века и тысячелетия. Подобные «революционные призывы» -- и доказательством этого является революция Ленина-Троцкого в России – это, скорее,

характеристика еврейского менталитета. Автор призывает своего читателя – кто бы он ни был и где бы он ни жил – больше смотреть в свое сердце и искать в нем *совесть*.

Поэтому русские всегда считали свою Россию – богоизбранной страной. В мире нет народа талантливее и терпеливее, чем народ русский. И вряд ли позавидуешь тем «новым русским» и иже с ними, стоящим у «кормила перестройки», которые – вольно или невольно – вместо того, чтобы создать новые и действительно человеческие условия для жизни русской семьи -- а значит и поиска этой семьей Царства -- этот народ бессовестно ограбили и превратили в нищих, проституток, наркоманов, бомжей, пьяниц и уголовников. И это – в богатейшей стране мира! Такое – на Небе не прощается... С точки зрения Миров Света в России после «перестройки» восторжествовала Тьма.

Итак, *руха* и *нишимта*. По Иисусу (но также и по назарейской вере) спасение возможно только совместное – мужа и жены, -- когда *нишимта* поднимается к Мирам Света «на крыльях *рухи*». В нашем земном мире *нишимта* ужиться «на все 100» не может, а *руха* – прекрасно уживается. И только она может быть тем «земным аэропланом», на котором можно «улететь в Небо». Но сама она не знает, куда лететь, не очень этого хочет, а если и хочет – то только следуя за своим любимым мужем. И именно такой муж показывает ей дорогу к *Свету*. То есть «искра Света» или *нишимта*, которая является душой мужа и олицетворяет самого мужа – это и есть тот «светильник», который несет в руках каждая из дев этой притчи. Почему именно дев, а не просто женщин? В этой притче Иисус «в тысячный раз» подчеркивает, что муж должен брать в жены только девственницу (и самому быть таким). Вообще, эта притча прекрасно отражает русскую пословицу: «муж – голова, а жена – шея: куда повернет, туда он и смотрит». Образ «мужа-Света» очень древний в христианстве. На римских надгробьях первых веков н.э. встречаются такие обращения жены к своему мужу, которого она похоронила: «*имярек* Свет мой». Но этот образ, наверное, является общим для всех народов.

Многие наши русские жены – из тех, которые преуспели в бизнесе – стали смотреть на своих «неспособных» мужей свысока, а кто-то даже и поспешил поскорее развестись. А жаль: приобрели копейку, а потеряли рупь. В горнем мире нет «равноправия» между мужчиной и женщиной: там Свет – это только *нишимта*. «Равноправие полов» (конечно же, мнимое) может существовать только в нашем «дольнем» мире, мире Тьмы. И там, где царит такое «равноправие», там женщина – это не только «жена», но и проститутка. А государство – это первый поборник такой «свободы отношений», что бы оно не заявляло с экранов телевизоров об «укреплении семьи». Сейчас Россия – именно такое государство. Хотя при любых иных государственных устройствах – и при царе-батюшке, и при большевиках, и при социализме, и при крепостном праве, и при татаро-монголах, и при языческих богах – девичья честь на Руси всегда была в цене. Ценилась инстинктивно, потому что *совесть* человеческая знает, где правда. Но сегодня на Руси слово «совесть» из всех словарей вычеркнуто. А где же тогда Церковь? Где она, наша православная? Да тут она... в Кремле.

Почему Иисус говорит, что есть «умные девы», а есть «глупые»? Причем, обращаем внимание нашего читателя на такое *неслыханное* сочетание качеств в одном и том же человеке: *дева* и... глупая! Да сейчас в России *деву* «днем с огнем не сыскать»! Разве что в роддоме только. И невольно приходят на ум известные строки А.С.Пушкина из *Евгения Онегина*:

Люблю я бешенную младость,
И тесноту, и блеск и радость,
И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног...

Ужо тебе, Поэт! Нам бы, сегодняшним русским, твои пустяшные заботы! В России дева не сыскать, а ты – «стройные ножки»... И вот эту евангельскую «особь», которую впору помещать в Красную книгу «вымирающих типов» планеты, -- и вдруг Иисус «обзывает» таким нехорошим словом: «глупая»? И все-таки... действительно «глупая». Если дева отдает себе отчет в том, что она несет в своих руках *Свет*, который светит в первую очередь ей самой, она должна об этом *Свете* заботиться. Ведь она же – *Руха*, а не тот *Свет*, который ей светит в ночи. Ей проще и сподручнее брать на себя многие житейские обязанности, которые традиционно, всегда были закреплены за женщиной. Будешь к этому несерьезно относиться – твой «Светильник» погаснет, причем навсегда, т.к. на базар за «елеем» добежать не успеешь. Но «елей» -- это не только обычное, бытовое: «Свет» не может гореть без твоей любви и без того, чтобы целовать тебя в постели. Это и есть самый лучший «елей» для твоего «Светильника». Но должно быть так, чтобы *и для тебя тоже*; и если любите друг друга, тогда обязательно все получится. А ссоры и трения – это обычные семейные дела.

Окончание этой притчи «о десяти девах» как нельзя более ясно показывает завершение жизненного поприща такой «мудрой девы»: *«Пришел Жених, и готовые вошли с Ним на брачный пир, и двери затворились»* (Мф.25:10). По контексту любому «разумеющему» притчу понятно, что дева вошла «на брачный пир» вместе со своим «Светильником», но главное здесь то, что Иисус намеренно акцентирует другое: в *Царство Небесное* вошла женщина. А еще точнее – то, что на земле *было* женщиной. И это – несмотря на то, что *мистерии* Царства на земле предназначены только для мужа. Я не думаю, что кто-то из наших читателей может аргументировано оспорить представленное автором толкование этой притчи. Потому что она задумана именно таким образом Самим Иисусом.

И вот теперь мы смело можем переходить к рассмотрению похожей притчи из *Фомы*. Причем, уже не надо доказывать нашему читателю, что «кувшин» в руках женщины – это ее собственный, единственный на всю жизнь «муж». «Длинная дорога» -- это, конечно, жизнь. В этой притче показано знаковое окончание жизни такой «правильной» женщины – *пox*, т.е. мистерия. Но эта *мистерия Царства Света* ожидает женщину только «в начале ее смерти», т.е. перед входом в *Царство Небесное*. Когда муж и жена молодые, -- они всецело принадлежат друг другу: они буквально «носят друг друга на руках». Вот и наша женщина тоже сначала несет «кувшин» как бы «поддерживая снизу» (так это можно понять исходя из коптского текста). То, что «медовый месяц» не продолжается у супругов всю жизнь, свидетельствует только об их «взрослении». Речь в данном случае не идет о прекращении сексуальных отношений – избави Бог!, -- а именно о «медовом месяце». Как говорится: *знающий – знает*, а если нет, -- тогда Иисусовы притчи о «браках» не для него, т.к. он их все равно не поймет. Все Иисусовы притчи ориентированы на личный опыт слушающего (или читающего). Когда семья становится взрослее, когда появляются дети, тогда житейские заботы распределяются между супругами и отвлекают на себя часть их времени. Вот в это время женщина и взяла «кувшин» «за ручку», а может, -- «под ручку». Именно в это время и случается то, что у «мужа» -- «отламывается (нижняя) ручка». Далеко не у всех, конечно. По тексту понятно, что кувшин не сам отбил себе ручку, а только потому, что его «несла жена». То есть произошло это только на фоне обычного общения мужа со своей женой. Но эту «катастрофу» женщина не заметила. Почему? Потому что глядя с ее «места наблюдения» с кувшином ничего не произошло: высыпающуюся «муку» она не видела, а сам «кувшин» по внешнему виду остался цел-целехенек.

В коптском тексте присутствует очень важное указание, которое все переводчики (включая англоязычных) оставляют без внимания. Мы намеренно передали текст в этом месте в переводе М.К.Трофимовой: «Она не знала (об этом)». Другие переводят: «Она не узнала этого». Данная коптская фраза по своему грамматическому построению «не чиста». В конце ее стоит коптское *ne*, которое все переводчики понимают как глагольную

частицу для форм прошедшего времени, которая «часто ставится в предложениях, содержащих в начале претеритальный формант *не*... Она не меняет смысла и является чисто формальной» (А.И.Еланская «Коптский язык, М.:1964, стр.79). К сожалению, у нас нет возможности сравнить коптский текст с греческим первоисточником, т.к. в Оксиринских папирусах этот логий не сохранился. Но следует отметить, что в коптском появился тот «двойной смысл», который не может быть адекватно воспроизведен в греческом оригинале. Возможно, в греческом и не было этого привычного для переводчиков *Фоми* «не знала», а было совсем иное. Дело в том, что коптское слово *не* переводится как «небо»; и это слово в таком значении (основном значении, т.к. другого «неба» в коптском языке нет) многократно встречается в тексте *Фоми*. «Царство Небес» -- это коптское *ментеро нем невэ*, где перед словом «небо» (*не*) стоит артикль множественного числа. В разбираемом нами случае артикль перед словом «небо» отсутствует, но такое возможно, если слово является составным и включает в себя глагольную составляющую. То есть правильный логичный перевод не тот, который мы видим у М.К.Трофимовой, а следующий: «она — **незнающая неба**». То есть женщина ничего не знает о *Царстве Небесном*. Но такое положение вещей — норма и для назареев, и для той семьи, в которой муж ищет Царство. Это правомочно и по той причине, что *руха* по своей природе не может этого знать. Но насколько мудр Божий Промысел, который так непостижимо, логично и приемлемо для человека разделит сферы участия мужа и жены в их общем деле спасения! И причем, безо всякой «дискриминации».

Когда «откололась ручка» (по коптскому тексту «ухо») — это означает, что муж получил *мистерию «открывшегося Неба»*, потому что именно через эту «брешь в Небе» происходит связь Царства Света с таким человеком (надеемся, что наш читатель все-таки не буквоед). И эта «связь» не прекращается уже до самого конца жизненного пути такого мужа. Поэтому «мука» сыплется аж до «дверей Царства»! Телесная смерть происходит тогда, когда «заканчивается мука». Но что же, все-таки, представляет из себя эта «мука», если она здесь описана в таком «материальном» виде?

Вообще, по своей консистенции (сыпучее тело), цвету и внешнему виду мука очень напоминает соль. А соль имеет очень важное, причем символическое значение у мандеев. Вот что пишет Леди Дровер в своей книге «Мандеи Ирака и Ирана», описывая ритуал свадьбы (E.S.Drower. The Mandaeans of Iraq and Iran. Oxford, 1937, p.66):

Соль, как они говорят, -- представляет силу и плодovitость жениха.

Интересно в данном случае сравнить слова Христа, обращенные к апостолам и тоже связанные с солью (Мф.5:13): «**Вы — соль земли** (а «земля» -- это *Руха* — Г.Б.). **Если же соль потеряет силу** (и здесь тоже «сила» -- Г.Б.), **то чем сделать ее соленой? Она уже ни к чему не годна**». То есть эта соль уже не в состоянии «оплодотворить» *руху* земли таким образом, чтобы результатом явилось «спасение» и «соли» и «земли» одновременно. Эти слова Христа адресованы к тем мужам, которые осознают свою задачу соединения мужского и женского в единого Адама. И сразу же после этих слов о «соли» Иисус говорит: «**Вы — Свет мира**» (ср. мандейские «Миры Света»), как бы показывая тем самым, что Он остается пребывать в сфере назарейских представлений, как и до этого. Объяснение, что «соль» является хорошим консервантом «мертвого мяса», т.к. у древних не было холодильников или иного способа «сохранять продукты» -- это из области фантастики. Иисус никогда не смотрел «в сторону мертвого», а звал только к Жизни. Соль играет важнейшую роль в мандейском богослужении. Вот что пишет Е.С.Дровер в книге «Сокрытый Адам»:

...при различных ритуалах Причастия... на свадьбе должно стоять на столах... соль, tabuta (хлеб), съедобная зелень, рыба, финики... (стр.318);

Для Причастия при Великом крещении... соль, «табута» (хлеб), зеленый салат... (стр.318);

Описывая самый священный обряд мандеев «масикта» («вознесение души усопшего в Царство Света»), Леди Дровер пишет:

Они очищают его (= тело жертвенного голубя, который называется египетским словом ба – «душа» -- Г.Б.), приносят соль и соединяют с ним, жарят его и передают в bimanda (культовое сооружение – Г.Б.) (стр.323).

Описывая ритуал Причастия Леди Дровер пишет:

Затем они принесли символ (= gaza) души, т.е. соль, каковое (слово) состоит из пяти букв, а именно MINLA, -- символ пояса души, ибо ничто, не будучи препоясанным (букв. «скрепленным поясом»), не бывает устойчивым, твердым, а погибает и отступает назад (т.е. во тьму) (стр.319).

«Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи!» (Лк.12:35) – это еще одно высказывание Христа, которое отражает Его назарейское прошлое. И предполагать, что это – обычное сравнение, характерное для всего Ближнего Востока, -- это сознательно уходить от ответа на поставленный вопрос (Ин.13:4,5):

Иисус, зная, что... Он от Бога исшел и к Богу отходит, поднимается от ужина, и кладет одежды, и взяв полотенце, препоясался и начал мыть ноги учеников.

То есть Иисус снял Свои одежды полностью, а не так, как исправляет этот текст курсивом Синодальный перевод: Иисус – не Аполлон Бельведерский, и средневековый «фиговый листочек» Ему ни к чему. Может быть, Он и на Кресте-*ставросе* тоже висел «в нижнем белье»? О, наша христианская «святая простота»! И вот когда читатель осознает своим умом, что на умывающем ноги апостолов Иисусе не было ничего, кроме одного «препоясанного» полотенца, он, наверное, задумается о том, что Иисус сделал это не просто «для удобства». И еще одна цитата, но уже о «мукe» и о «соли» из той же книги Е.С.Дровер «Сокрытый Адам»). Речь идет о мандейском обряде крещения, втором по значимости (стр.315):

Даже хлеб, и тот сам по себе уже «таинство». Пшеницу приносит, сортирует, моет, потом сушит и размалывает на ручной мельнице священник в хижине «манди» или в другом священном месте. Он перед этим совершил омовение, облачился и прочитал предварительные молитвы. Он смешивает муку с солью (которую называют «таинство души»), добавляет «Иордан» -- (проточную) воду – и испекает хлеб как раз к моменту крещения.

А вот еще раз о ритуале Причастия («Мандеи», стр.320):

И они разломали (хлеб) и съели три кусочка с солью; они съели их и выпили (воды). И затем они принесли три пресных хлеба и поставили их на Столе, и сказали: «Во имя Жизни и во имя Знания Жизни да будут приняты tabuta (= дар) Жизни и tabuta Знания Жизни, а также pihla d-lsum hiia pla» (ARR, строки 166-187).

Последнюю мандейскую фразу Леди Дровер переводит так: «То есть “фаллос, который... (?) в имени Жизни”» (стр.379)...

Есть такое понятие -- «либидо» или сексуальная энергия человека. Восточные практики – и индийская йога (*Кундалини*), и китайский даосизм – давно уже показали, что сексуальная энергия человека имеет первостепенное значение для достижения человеком любых паранормальных способностей и состояний. И в этом нет ничего противоестественного или постыдного: вопрос заключается только в том, куда эту энергию направить? Для древних символом такой энергии была мужская сперма. Древние люди – например эллины или зороастрийцы – не стыдились этого слова в своих Писаниях, потому что были несравненно чище сегодняшнего безнравственного человека. «Мука в кувшине» из рассматриваемого нами логия – это как раз и есть такой символ. У того мужа, который идет к Царству, эта «драгоценная мука» должна расходоваться только на две цели: в семье, в своем естественном виде, для связывания жены с собой, и в «сублемированном» -- для Бога и его Царства. Без хорошего запаса «муки», данного такому мужу Богом «от рождения»,-- Царство достичь трудно. А иначе – придется «экономить на жене», что вряд ли приемлемо в данном случае.

И Серафим Саровский, и Силуан Афонский – были настоящими «русскими богатырями»: они бы Царство достигли и с женами тоже, если бы женились, – при этом достигли бы Царства проще. Иоанн Кронштадский – тот был по своему физическому естеству слабее, поэтому и уговорил свою верную молоденькую невесту жить, «как брат с сестрой». Она сначала жаловалась на это его церковному начальству – она, ведь, как и вся нормальная женщина, хотела деток -- а потом смирилась. И правильно, голубушка, сделала: выиграла рубль, а потеряла – полушку. Но это -- тоже подвиг, и еще какой! Поэтому она тоже -- среди тех «пяти мудрых дев». Но уже -- в буквальном смысле этого слова. Женскому естеству вынести такое в земной жизни гораздо тяжелее, чем мужчине, и наш читатель уже знает, почему. И, наверное, в этой святой паре – Иоанн и его жена – надо дивиться больше такой «матушке», чем прославленному в России «батюшке». Без ее молчаливого подвига Иоанн бы для России не состоялся. И так – в каждой святой паре.

§104(100).

Иисусу показали золотой и сказали Ему: Те, которые принадлежат Цезарю, требуют от нас подати. Он сказал им: Дайте Цезарю то, что Цезаря («налог», т.е. эквивалент обмена, заверенный изображением Цезаря; монету с его изображением), **дайте Богу (Яхве) то, что Бога (Яхве)**, (т.е. «золото» этого динария и то, что это золото олицетворяет на земле, но уже в духовном плане – низшую часть души-рухи), **а то, что Мое, дайте это Мне** (т.е. «вашу душу-нишимту», т.к. ее создал *Элохим*, а Христос – Его полномочный Сын, который берет эту душу в Свои руки и передает ее в Царство Отца).

Иисус говорит (Мф.6:21): *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»*. То есть, сердце человека (или, что то же самое, -- его душа) не должно принадлежать ни Цезарю (а, значит, «сокровищу» в виде славы), ни золоту («сокровищу» в виде богатства, а богатство – это *Плутос* или Ад). Так как в обоих этих случаях душа такого человека окажется в том же месте, где Цезарь и где золото – в Аду, принадлежащем *Яхве*. Душа человека только через Христа может вернуться к *Элохиму*. Или иначе: душа человека не должна принадлежать ни какому-то другому земному человеку, ни какому-то из всех известных к этому времени Богов. (Но душа женщины должна принадлежать своему мужу.) Но и заявлять, что «моя душа принадлежит *Элохиму*» – тоже нельзя, т.к. это – лицемерие «чистой воды»: *«Бога не видел никто никогда, Сын, сущий в недрах Отца, Он явил»*. Тот из людей, кто заявляет, что любит Бога, но не любит Христа, -- лжет относительно Бога *Элохима*, но говорит истину относительно Бога *Яхве*.

§105(101).

Тот, кто не возненавидел своего отца (Яхве) и свою мать (Руху) так же как и Я, не может быть Моим учеником. И тот кто не возлюбил своего отца (Элохима) и свою мать (Руха-д-Кудша = «Духа Святая») так же как и Я, не может быть Моим учеником. Ибо Моя мать (Руха) – она родила Мое тело. Но Моя мать в Истине (коптск. мэ; Иисус говорит о Руха-д-Кудша) – она дала Мне Жизнь (онх).

Такое понимание данного логия подтверждает сам порядок высказываний Христа в тексте *Фомы*. В логии **103/99** Иисус заявляет:

Те, которые здесь, которые исполняют волю Моего Отца, -- мои братья и моя мать. Они те, которые войдут в Царствие Моего Отца.

То есть Иисус не признаёт родство по плоти, которое имеет такое важное значение для любого иудея. Поэтому «родословная» Иисуса, помещенная в евангельском тексте (даже у Матфея!), – это дело рук поздних интерпретаторов: подобное абсолютно чуждо духу всей проповеди Христа назарейского. Хотя возможно и такое, что эту родословную «бездумно сотворил» сам Матфей, в котором возобладало его иудейское прошлое. Но тем самым он впрямую противоречит своим цитатам из Исаии: *«Се Дева во чреве приимет...»*, как бы мы эти слова не понимали: или по-христиански, или по-зороастрийски. А вот Мессия иудейский – тот действительно рад был бы возвести свой земной род к Царю Давиду, а иначе он, в глазах иудеев, -- не Мессия, а самозванец. Иисус признаёт только родство по *Духу Святому*. И именно такому «родству» посвящен этот рассмотренный нами логий о «разных» *матерях* и «разных» *отцах*.

§109(105).

Тот, кто познает отца (Элохима) и мать (Руху-д-Кудша), о Нем будут говорить: Это сын блудницы (греч. *порнэ* – соб. «продающая себя»).

Нет сомнения в том, что Иисус говорит о Себе Самом. Тем самым Он подтверждает тот упоминаемый в исторических документах факт, что во время Его земной жизни у Него существовала «проблема» с земным отцом, и что Его мать обвиняли в распутстве (в «грехе молодости»). Вот как об этом «факте» пишет И.С.Свенцицкая в книге «Изгой вечного города» (М.: Вече, 2006, стр.215):

В критике христианства верующими иудеями, как она передана Цельсом (и отвечала его собственным взглядам), Мария использована для унижения Иисуса – якобы незаконного сына солдата и пряхи. Об обвинениях в адрес Марии, бытовавших в то же время, когда писал Цельс, сообщал и Тертуллиан («Трактат о зрелищах»). Марию обвиняли в том, что она была блудницей, а Иисус – сыном блудницы и плотника. Незаконное рождение Иисуса выводило Его за пределы ортодоксального иудаизма: согласно Второзаконию, сын блудницы (и даже десятое поколение его), как евнух, не может войти «в общество Господне» (Втор.23:1-2).

Этот логий принадлежит к тем очевидным доказательствам, которые свидетельствуют: Иисус – это реальный человек, который когда-то жил на земле, а не вымысел евангелистов или сошедший на землю «Дух» (докетизм). И опять-таки, именно это обстоятельство послужило причиной тому, что в тексте канонических Евангелий

(кроме «выдумщика» *Луки*) Матери Христа уделено очень мало внимания. Более того, в тех случаях, когда о Марии идет речь, чаще всего это сопровождается отрицательным контекстом.

Выход из затруднительного положения смог найти только евангелист Матфей, который, сославшись на греческий текст Исаии, возвел земное отцовство Христа к чудесным образом сохранившемуся в озере Кансава семени Заратуштры: отсюда -- «неправильный» перевод «Дева», также отсюда – приход персидских «магов» к новорожденному «Царю», отсюда же и халдейская «Вифлеемская звезда». Мы уже говорили нашему читателю, что отношение зороастрийцев к мужскому «семени» гораздо более возвышенное, чем у нынешних христиан, больше имеющих дело с «семенем» племенного быка. По зороастрийскому преданию -- о котором бесспорно знали и в Иудее -- люди верили в то, что по прошествии какого-то определенного Богом времени, в этом озере искупается девушка (т.е. «дева» – говорю это для тех в России, кто окончательно забыл, что означает слово «девушка») и чудесным образом зачат Спасителя Всего мира.

Этот логий *Фомы* очень укрепляет позицию тех сохранившихся исторических документов, которые свидетельствуют о том, что земным отцом Иисуса был римский солдат по имени Пантера или Пандира. И в таком повороте событий не следует искать какую-то крамолу или «хулу» на основателя христианства и Его Мать. Реальная жизнь часто не совпадает с теми «сказками», которые мы привыкли слушать в своем детстве. И надо иметь смелость для того, чтобы не бояться смотреть правде этой жизни в глаза.

Иисус, безо всякого сомнения, был плодом настоящей любви двух молодых людей. Это видно по безропотному евангельскому поведению Его Матери. Скорее всего, Его отец или погиб в бою, или родители Марии, узнав о том, что она беременна, поспешили ее выдать за старика против ее воли. У Марии после Христа не было детей, Он был ее первенцем и единственным ребенком. Именно по этой причине Иисус, вися на Кресте, поручил Свою Мать тому Иоанну, который не являлся Ему родственником: иначе забота о Матери перешла бы к одному из ее оставшихся кровных сыновей. То есть Мария до конца дней осталась верной своей первой любви. На земле она много пострадала за этот «грех молодости» (это видно по тем источникам, на которые мы ссылались). Но именно эта ее настоящая любовь к римскому солдату (а возможно, и к назарею), которая преодолела все религиозные запреты иудеев, и это ее последующее страдание за этот «грех» (ведь даже ее единственный Сын был по отношению к ней слишком жесток) – все, что выпало на ее земную долю (включая смерть своего единственного Сына на ее глазах) – дало миру ту Пресвятую Богородицу-Деву духовного мира, которая выстрадала себя саму в земной жизни, и которая вымыслом уже несколько не является. Она действительно есть – прибежище и утешительница.

Христианский Символ Веры, принятый на Вселенских Соборах, не совсем четко отражает то реальное положение дел в *духовном мире*, которое сложилось после утверждения христианства. Как мы уже знаем, тот Дух Святой, который фигурирует в этом Символе, -- имеет не мужской род, а род женский: «Духа Святая», или – если переходить к исходному пункту этого религиозного термина – *Руха-д-Кудша*. Духовный мир не обманешь, и он всегда «возьмет свое». И в данном случае – то же самое. Христианский культ Девы Марии вовсе не был «заимствован» из традиции языческих религий, когда он возник в христианстве в IV в. н.э., как это пытается объяснить наука, облачившаяся в ризы *атеизма*. Но и в языческих религиях культ Богини Матери появляется вовсе не потому, что он связан с «пробуждением природы» весной и с той «землей», которая является кормилицей древнего человека. И там и тут – *духовное*, но в своих исходных разных «ипостасях»: в языческом мире любая Богиня Мать – это *Руха*, а в христианстве Царства – уже *Руха-д-Кудша*, т.е. «Руха Святая». Но любое *духовное* мира *Элохима* стремиться найти себе «подобие» и занять Свое *ка* в мире *Яхве*. Таким *ка* или «земным двойником» для *Элохима* является Иисус, а для *Руха-д-Кудша* – Мария, Его Мать. И не потому, что она – Его Мать, а потому что сама она, как женщина, всем своим

жизненным подвигом пришла к тому, что стала идеальным *ка* для Святого Духа (женск. род). И когда христианин поет на литургии: «И в Духа Святаго, Господа животворящего...» -- он тем самым, пусть и не понимая этого, воздаст должное Пресвятой Марии Христа. Так, если переводить наши земные слова на язык Духа.

А теперь вспомним тот логий Иисуса, в котором сказано, что «там, где три Бога – они в Боге». Та христианская Троица, догмат о которой был сформулирован на Вселенских Соборах уже через столетия после проповеди Христа о Царстве, фактически представляет собой ту же самую языческую «Троицу», состоящую из Бога Отца (например, Осириса), Богини Матери (например, Исиды) и Бога Сына (например, Гора). Но иначе и быть не могло по всем *духовным* законам: традиционное христианство является такой же «религией Рая», как и все остальные религии мира, а правит в этой религии – тот же самый «Отец» -- Бог *Яхве*. И может быть, именно по этой причине – понимая все то, что ожидает Его Учение – Иисус был так холоден к Своей Матери? *«Двое против Трех»* -- вот Его истинное кредо в этом вопросе.. И кто знает, возможно, больше всего Он жалел о том, что в Своей земной жизни не был женат «зримо»: так, чтобы все те, кто *«смотрят и не видят, слушают и не слышат»*, поняли, наконец, о каком «Отце» и о каком «Царстве» Он им говорил. Но Он пришел на землю ради «малого стада» -- только ради тех, которых «дает Ему» подлинный Отец. И корить Его за то, что Он «не пускает всех» в Свое Царство, просто нелогично. Ведь вся «вина» лежит на *Элохима*, Его Отце, «Отце Света». Но кто из нас, смертных, может предъявлять претензии к Свету, если он сам – Тьма?

Тот читатель, который внимательно следит за нашими рассуждениями, может задать совершенно справедливый вопрос: “В свое время автор заявил, что мистериальный опыт постижения Царства Небесного можно выразить следующей формулой: **«Бог Отец приходит Духом Святым в образе Сына Христа»**. Так неужели «мистерия Бога», о которой заявил Христос в Евангелии, в основе своей «языческая»? Ведь и здесь тоже речь идет о Троице, причем, мы теперь уже знаем, что под христианским понятием «Дух» скрывается женская Ипостась?”.

Попытаемся ответить и на этот, сейчас уже не такой трудный для нашего читателя вопрос. Да, действительно, христианское понятие «Троица» принадлежит к категории «языческих». Но что такое «языческое» вообще? Это все то, что не имеет отношения к Царству *Элохима*. А значит -- все то, что относится к миру *Яхве*. Все, без исключения, религии на земле – языческие. Но и «Павлово христианство», т.е. христианство традиционное – это тоже «язычество». Но тот мистериальный опыт прихода Христа, который получали подвижники православия, начиная от переводякона Стефана (греч. *стефанос* – «венчик», что имеет прямое отношение к мандейской символике), -- он бесспорно, относится к опыту *Царства Света*. Но размышляли над таким опытом и слагали догматы не те, кто его получил, а Вселенские Соборы, собиравшиеся под эгидой Императора Византийской Империи (начиная от Константина), т.е. те, кто по своему духу и приверженности к Богу *Яхве* был «язычником». Поэтому «словесная формулировка» этого опыта в традиционном христианстве – тоже «языческая». Ведь недаром та «Рублевская Троица» в виде сидящих за столом ангелов, -- которые приходили к патриарху Аврааму, и которая стала впоследствии олицетворять собой христианскую Троицу – это посланники Бога *Яхве*, а не Бога *Элохима*. Бесспорно то, что догмат о христианской Троице выработан *умом* Вселенских Соборов, -- этого земного официального собрания представителей Церкви. Наглядным прообразом здесь может служить наша сегодняшняя российская Дума, которая «думает» и создает «свои» Законы тоже умом, и при этом совсем не заботится о том, есть ли в груди какого-либо «думца» живое сердце? А если вдруг у кого-то из присутствующих случайно и «проворонили», -- тогда немедленно «вон!» из зала заседаний, со всеми своими «пожитками». И предполагать что-то другое – это лицемерие; и это не для нормальной человеческой психики – той, которой добивается от нас Христос. Поэтому та «формулировка Троицы» в

догмате, которая является отражением реального опыта постижения «мистерии Бога» -- это «формулировка ума», а не сердца. А, следовательно, она верна только для «языческого христианства», но не для «христианства Царства». А для Царства – совсем по-иному.

Недаром в христианстве так полюбилась *Песнь Песней* из Ветхого Завета. Иногда в голову приходит совсем уж «крамольная» мысль: а что, если эта *Песнь Песней* на самом деле принадлежит *назарейскому* гению? Но поговорим о подлинном «догмате Христа». Наиболее духовные представители христианской Церкви – Ориген и Григорий Нисский – сравнивали свою встречу с Христом, обращаясь к тексту этой *Песни*. Но теперь нам уже понятно, что эта их «встреча из *Песни*» -- это ни что иное, как «мистерия Бога», в которой человек встречается с «новой заплатой» (или «новым хитоном») в виде Христа Бога. И такое сравнение своего опыта с *Песней* никак нельзя назвать «рассудочным» или «умовым», оно – напрямую из сердца человека. И вот такой сердечный опыт говорит нам иное, чем придумал наш ум. Во время «встречи» душа мужа чувствует себя «невестой», а Христос становится тем Единственным Женихом этой «невесты», для которой – для нее одной -- Он и сотворил Всю Вселенную, Весь Мир, и Который всё это – всё без остатка, включая Себя Самого – отдает в руки этой «невесты». То есть «догмат Христа», в отличие от «догмата Церкви», носит откровенно супружеский характер: это церковнославянские «браки».

Интересно вспомнить при этом знакомые читателю притчи Христа: *нишимта* мужа в виде «закваски» спрятана (т.е. сокрыта) в том «тесте», которое представляет собой *руху* жены (так тоже можно понять эти слова Христа, и во всех этих «вариациях на тему» нет ничего крамольного: это, как «калейдоскоп» -- складывается «как надо» именно сейчас). То есть такой «новый муж» уже имеет внешний «облик» как бы своей жены, а не прежний, свой собственный: он уже «женщина». В притче о десяти девах – то же самое: в Царство входит именно «дева», а не «свечильник». То есть и тут встреча с Христом уготована как бы для женщины, а не для мужчины. А еще точнее, для мужчины, «ставшего женщиной». То же самое можно сказать о притче из *Фомы*, где женщина несет *сосуд полный муки* вплоть до самого ПОХ, т.е. собственной *мистерии* «в дверях Царства». Но и мандеи говорят о том же: *нишимта* мужа входит в Миры Света на «крыльях *Рухи*» своей жены. То есть и в этом случае мужчина как бы «облекается» в образ «голубки *Рухи*». И если можно было бы дополнить текст *Евангелия от Фомы* «по существу», то следовало бы ввести в этот текст еще один, заключительный логий Иисуса (119/115):

Иисус сказал: Тот из вас, кто станет женщиной, -- тот войдет в Царство Отца.

Но Иисус просто не мог сказать подобного ни иудеям, ни назареем.

Но и это еще не все. Духовный опыт перехода человеческого существа в Царство основан на том, что душа такого мужа представлена «невестой» -- т.е. женской сизигией для Христа, который в этом случае представляет Собой мужскую сизигию Отца. Уже нет Отца и нет Сына – есть только Отец, Который как будто специально для этой «души» (одной «найденной» овцы из всего стада овец, мирно пасущегося под присмотром *Яхве*) спустился «на ступеньку ниже» и «притворился»/претворился Христом. А вывод из этого тот, что такой первозданный Адам становится подлинным и всецелым *Элохимом*: весь мир – это он, и больше – никого и ничего. Это и есть МИСТЕРИЯ БОГА как олицетворение Конца очередного Цикла Бытия – того Конца Света, когда исчезает *Яхве*, а значит и сама Смерть.

Если вернуться ближе к логии и говорить о духовных Отце и Матери Христа, то, наверное, следует сделать такое замечание. По Иисусу Высшее Начало называется Отцом условно, и по назарейской традиции Единое, Царь Света – пола не имеет (а иначе как Оно могло «родить» бесполого Адама Шестоднева?), поэтому, как сказано в логии, «познавший Отца» автоматически становится «познавшим Мать». Единое содержит в себе «мужское и женское» в нераздельном виде и постигается в духовном опыте.

§111(107).

«Самая большая, заблудившаяся овца» -- это душа человека, т.е. его *нишимта*. А мирно пасутся на зеленых полях Бога *Яхве* – все остальные «человеки», т.е. созданные Богом *Яхве* души земного (райского) Адама (правильнее по-мандейски, не «души», а уже «духи») -- *рухи*. Вот эту нашедшую себя «овцу» Бог *Элохим* – *Царь Света* – *любит* (а это реально проявляется в «мистерии Бога» -- мистерии *Любви Аганаэ*) больше всех остальных, мирно пасущихся на зеленых склонах.

§112(108).

Иисус сказал: Тот, кто пьет из Моего рта (для нас привычнее – «из Моих уст»), **он придет в бытие** (*шопэ*) **таким же образом** (букв. «путем» -- *хэ*), **как Я; и Я также, Я приду в бытие** (или «стану», «буду»), **как он, и скрытое откроется ему.**

Мы намеренно привели этот текст в его самом, что ни на есть, «буквальном» виде: пусть это выглядит не литературно и даже не соответствует прямому смыслу этого высказывания. Мы привели сейчас этот текст не для того, чтобы рассуждать о его смысле: смысл предельно прост, и он читается в переводе М.К.Трофимовой. Для нас важно показать нашему читателю имеющиеся параллели начальным словам этого логия в тексте канонических Евангелий и в мандейском Писании. В данном случае Иоанн богослов ближе, чем *Фома*, к мандейскому первоисточнику этого текста (*Ин.7:37*):

...Иисус возгласил, говоря: Если кто будет испытывать жажду, пусть приходит ко Мне и пусть пьет. Верящий в меня, как сказано в Писании, из утробы (греч. койлиа – «живот, брюхо, чрево») его потекут реки воды живой.

О «живой воде» наш читатель уже помнит. Но сейчас мы хотим сказать о другом. У мандеев -- гораздо более спокойное и естественное отношение к любой части человеческого тела, чем мы это видим у иудеев и христиан, поскольку человеческое тело, по их представлениям, это копия (двойник) тела духовного, которое пребывает в мире *Мишунья Кушта*. Поэтому, кстати сказать, по назарейскому Учению и нельзя делать обрезание. Как пишет Леди Дровер («Сокрытый Адам», стр.263):

Секс для благочестивого мандея – самое священное таинство жизни, и ему предписывается рассматривать его как таковое и перед соитием произносить самое священное имя – «Великая Жизнь»... Безбрачие (целибат) считается неестественным и нечестивым состоянием и осуждается в GR (Великой Гинзе – Г.Б.).

То есть у мандеев нет ни «монашеского страха», ни христианского предубеждения к половым органам и тем функциям, которые на них возложены Творцом. Отсюда мы читаем такие строки из той же книги Е.С.Дровер (стр. 279):

Мистический Адам – гермафродит, и мужской орган представляет отцовский принцип: он распределяет (Диван Малькута 'лайта) «потoki живой воды» (то есть Воды Жизни), и в АТŠ («1012 вопросов» -- Г.Б.) об этом говорится так:

И мужской орган, мощный в своей силе и царственном величии, и (его) Тело, которое есть и земля, и небо, и миры света и тьмы – вооружено им соответственно. Это сильное орудие, сходное с малькута (= царственностью)... (АТŠ, р.166).

В принципе все три представленных нами текста – *Фомы*, *Иоанна* евангелиста и мандейский – говорят об одном и том же: божественный человек призван к тому, чтобы поить «из своего тела» Водой Жизни всех тех, «кто жаждет». Но в мандейском Писании этот процесс описан как естественный процесс функционирования человеческого организма (здесь следует, наверное, особо отметить, что у мандеев «моча» не в почете). У Иоанна-евангелиста – «резервуар» этой Воды Жизни остается прежним, но при этом не оговаривается, каким образом эта Вода может «излиться» наружу. А у *Фомы* – уже совсем далеко от первоисточника: в обычной жизни рот предназначен для того, чтобы эту воду пить, а не наоборот: из уст обычно исходит «Слово Жизни», а не «Вода Жизни». Причем, мандеи «Живое слово» и «Живую воду» различали принципиально. И, тем не менее, разбирая эти особенности трансформации общей традиции, которые обусловлены и изменившимися условиями и временем, напомним нашему читателю, что во всех этих случаях *духовное* пытается найти себе вербальное отображение на примере конкретных жизненных ситуаций.

§115(111).

Иисус сказал: Небеса свернутся перед вами и земля, и тот, кто живой от Живого, не увидит смерти.

Смысл этих слов Иисуса двоякий. Первый и главный заключается в том, что в конце каждого «космического цикла» происходит полное уничтожение всего того, что принадлежит земному миру, включая его духовную составляющую в виде мира Ада. То есть гибнет все то, что сотворено Богом *Яхве*, а также и сам этот Бог вместе со всем своим Творением. Но при этом *Элохим* и Его мир – «первоначальный Океан» -- не претерпевает изменений. *Элохим* – это есть «проявление» или «отражение в зеркале» -- потому что «иначе, ведь, не увидишь» -- изначального *Неберджера* египтян или *Великой Жизни* назареев. По мифологии египтян, именно Неберджер творит «тела ка» всех остальных богов, включая Богов демиургов -- *Яхве* или *Птахилу*. Но та муже-женская пара, которая сумела подняться до состояния Адама Шестоднева, – она не погибнет, а будет «свидетелем» катастрофы «земного» мира. Христианский «Конец Света» -- это и есть «путаное» отображение такого первоначального знания.

Второй смысл заключается в том, что Иисус говорит об исходе души из тела такого человека. О том, что такой человек «не увидит смерти», Иисус уже говорил, и мы это рассматривали. Перед взором такого человека «небеса и земля» свернутся навсегда и, это ознаменует собой невозвращение души этого человека в наш земной мир.

О словах Христа «живой от Живого» мы уже говорили: «свеча» подлинной Жизни человека зажигается на земле от «Свечи» Живого Христа, который приходит к этому человеку в мистерии.

§116(112).

Иисус сказал: горе той плоти, которая зависит от души (речь об аскетизме); горе той душе, которая зависит от плоти (речь о земных излишествах).

§118(114).

Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины не достойны (мтша) Жизни (онх). Иисус сказал: Вот, Я тащу (почти «силком», т.к. женская природа *рухи* этому сопротивляется: *сок* – «тянуть, тащить, побуждать, совращать»,

т.е. то же самое слово, что и в логиях **2/3, 8/8, 39/34**) **ее для того, чтобы сделать** (букв. «Я сделаю») **ее мужчиной и чтобы она так же пришла в бытие (шопэ) духом (пневма) Живым (онх), подобно вам, мужчинам. Потому что всякая женщина, сделавшая себя мужчиной, войдет в Царство Небесное.**

Перед началом традиционного разбора этого логия, т.е. такого разбора, в котором и Иисус, и Мария Магдалина являются «действующими лицами» канонических Евангелий, приведем выдержку о «них же», но уже из текста мандейского («Сокрытый Адам»: «Мандеи»). Сначала Леди Дровер пишет следующее (стр.286):

Ануш (или Ануш-Утра)... покровитель и проповедник Назируты (назарейского вероучения), а также назареев, то есть тех, кто исповедует и практикует это вероучение, Ануш действует как целители проповедник:

«Я принял телесную форму и пошел в город Иерусалим; я возвысил свой голос и проповедовал, я стал целителем Мириаи... Я был целителем от кушта (то есть истинным целителем), который лечит и не берет платы. Я погрузил Мириаи в Иордан, и окрестил ее, и отметил ее чистым Знаком» (GRr 243 ff.).

Леди Дровер дает примечание к имени Мириаи (Мария), в котором отождествляет эту женщину с дочерью иудейского священника из мандейской «Книги Иоанна» (имеется в виду Иоанн Креститель). В этой книге, как помнит наш читатель, приводится история о том, как дочь священника тайно ушла из своего дома к назареем.

Ну а теперь перейдем к рассмотрению логия с канонических позиций. Этот логий проясняет те «древние» вопросы, которые возникали у читателя в связи с изучением текста канонических Евангелий. Первый вопрос заключался в том, была ли Мария Магдалина действительно той «грешницей», которая в сознании большинства христиан ассоциируется с женщинами «самой древней профессии»? Ответ здесь четкий и однозначный: нет, не была, т.к. «мужчиной» может стать только та, которая принадлежит одному единственному мужу и тоже – однолюбу. То есть Мария до встречи с Иисусом была девой, и единственный вопрос, который может возникнуть в таком случае у читателя, это: не мог ли быть таким мужчиной для Марии Сам Христос, если Он в этом логии прямо указывает на Себя Самого: **«Я тащу ее...»**? Нет, не мог. Этими словами Он только подтверждает тот факт, что Мария – дева (т.е. у нее – все еще впереди), и что в будущем она найдет себе достойного мужа. Сам Иисус таким мужем быть не может, потому что Петр *де факто* характеризует ее как **«женщину не достойную Жизни»**, и Иисус это признаёт. Но эти слова говорит уже Иисус Воскресший, а не Тот, земной, который теоретически мог бы стать мужем Марии. Те логии, которые свидетельствуют о том, что перед нами -- Иисус Воскресший, мы уже рассматривали. Наверное, не лишним будет напомнить читателю и слова Иисуса из *Евангелия от Иоанна* о том, что Он – «начаток» (*тэн архЭн*), о чем мы уже говорили ранее. Говоря о Марии, Иисус имеет в виду тех «избранных», которых «дает Ему Отец», и Мария к этим «избранным» тоже принадлежит, как и ее будущий, пусть и не названный здесь, муж. Поэтому обвинить Иисуса в «особом пристрастии» к этой девушке тоже нельзя.

Но даже если рассматривать вопрос возможной любовной связи Христа с Марией Магдалиной чисто с человеческой точки зрения, то получается странная картина: Иисус проповедует «браки», а Сам, на виду у всех, продолжает оставаться холостым. Выходит, что Его слова расходятся с собственным поведением? Ему наоборот следовало бы поскорее отыскать Себе хорошую девушку в качестве жены, чтобы все видели, что у Него Самого в этом отношении «все в порядке», и Его слова не расходятся с делом. А по догадкам тех, кто «женил» Христа на Марии, Он встречался с ней тайно, причем, настолько тайно, что об этой их «связи» даже не догадывались Его ученики-апостолы. Но это противоречит всякой здравой логике рассуждений. И Иисус и Мария – оба свободны:

кто мешает им пожениться, если они любят друг друга? О том, что свободна и Мария свидетельствует тот факт, что в не канонических Евангелиях Мария всегда рядом с Иисусом; а если она и не пропала в Новый Завет, то только по той причине, что видеть женщину Марию в качестве «ученицы» (а значит, и апостола!?) Христа в евангельском тексте не совсем желала христианская Церковь. Итак, все традиции назареев и иудеев были бы только на их стороне. Еще раз напомним нашим читателям: и у назареев, и у иудеев неженатый человек считался неполноценным, и поэтому Иисус всегда подвергался «пересудам молвы» с этой точки зрения. Но разве у Него мало было в жизни других сложных проблем – например, с его земным отцом? И неужели Он сам стремился к тому, чтобы их искусственно умножить?

И еще на одно интересное обстоятельство хотелось бы обратить внимание нашего читателя. Иисус говорит о Марии: «Я сделаю ее мужчиной, чтобы она так же пришла в бытие Духом Живым, подобно вам, мужчинам». «Дух Живой» -- это мандейская *Руха-д-Кудша*. Так ведь? Но интересно здесь то, что не только женщина приходит к Царству, трансформируя свою природную *руху* уже в сверх-природную *Руха-д-Кудша*: подобная трансформация женщины «из *рухи* в *руху*» кажется нам вполне логичной и естественной. Но речь здесь, в первую очередь, идет о том, что сам мужчина должен стать этой *Рухой-д-Кудшей*, а иначе – он «в Бытие Царства» не придет. И как после всего этого можно осмеливаться «хулить Дух-Руху»? А ведь, по-мандейски, *Руха* – это, практически, сам *Яхве-Адона*. И что бы на такие удивительные рассуждения Христа смог сказать замечательный предшественник Христа -- прославленный Учитель Заратуштра? А вот мы бы сами -- после подобных весьма трудных размышлений -- только и смогли бы посоветовать нашему читателю – тому, кто вместе с нами мужественно добрался до окончания этого *Комментария*:

«Потихоньку... потихоньку, друг мой, ради Бога! -- только потихоньку...».

Почему мы так подробно рассмотрели вопрос возможной женитьбы Христа? По одной причине: прочитав наш *Комментарий*, любой читатель поймет, что Иисус был таким же человеком, как и мы все. И этот как бы осыпавшийся с Него «серпантин божественности» (в глазах недалекого читателя, конечно) может спровоцировать некоторых «настойчивых» исследователей на выдвижение «новаторских» идей относительно земной жизни Иисуса Христа. Наш совет таким «почитателям Христа»: не надо ничего фантазировать, друзья: лучше всего – внимательно читайте евангельский текст, в том числе и текст *Фомы*. Просто будьте внимательны при чтении священног текста.

* * *

Евангельский Христос как мудрый политик

В завершение нашего рассмотрения *Евангелия от Фомы* мы хотели бы дать читателю небольшую дополнительную информацию об Иисусе, которую можно извлечь из анализа канонических Евангелий. Как уже знает наш читатель, для понимания текста *Фомы* вопрос принадлежности Христа к *назируте* имеет принципиальное значение. А из этого следует, что любое доказательство того, что Иисус до проповеди о Царстве Небесном был назареем, а не иудеем, представляет для исследователя определенный интерес. Из этих предпосылок мы и предлагаем читателю ознакомиться с нашими соображениями относительно некоторых особенностей проповеди Христа, связанных с той окружающей обстановкой, в которой эта проповедь проходила.

Читая евангельский текст и слушая речи Христа, мы должны понимать, что в Евангелиях, как в зеркале, отражена та «историческая обстановка», которая сложилась в Иудее во время проповеди Христа. Евангелист перенес ее в евангельский текст автоматически, совсем не задумываясь о том, что он выступает и в роли «историка». Так ли это? Для того чтобы показать, что это действительно так, рассмотрим сначала один конкретный пример. Причем, читателю, наверное, не надо пояснять, что речь в данном случае пойдет совсем не о той «истории», которая складывалась во дворцах цезарей и сильных мира сего, а об «истории» совсем не однозначных отношений между Иисусом и представителями назарейства.

Мы уже говорили о том, что Иисус – это выходец из назарейства, который проповедует среди иудеев. Понимают ли иудеи все то, что Он им говорит? Нисколько. А иначе – сразу же забросали бы камнями, как противника *Яхве*. Они слушают Его только из любопытства и только потому, что Он может сотворить какое-то чудо. Люди всегда с интересом слушают какого-то оригинального «сказочника». А в данном случае такой «сказочник-Иисус» не только сказки-притчи (т.е. «головоломки») рассказывает, но еще и говорит об известном всем иудеям скором Царстве Мессии, когда все бедные перестанут страдать и когда везде будет мир. То есть рисует им «молочные реки и кисельные берега». Но с другой стороны, этот же самый «Сказочник» может говорить окружающим какие-то жесткие, странные и неприятные вещи: «все вы – злы», «ваш отец – дьявол, и вы хотите исполнять похоти его» или «оставь этим мертвецам хоронить своих мертвецов». Поэтому иудеи относятся к Нему очень настороженно: они Его слушают, но Он для них – «не свой».

А назареи? Ведь Иисус проповедует и среди назареев тоже. Назареем Он гораздо ближе. Он говорит об Отце, который всем им хорошо известен, о Свете, который исходит из Царства Отца и о «реках воды живой». И для Христа назарейское понятие *Кушта* – Истина – так же очень важно, как и для всех назареев. А вот в лексиконе иудейских священников и фарисеев, а значит и во всей иудейской религии, это слово – Истина – отсутствует полностью. Но и про назарейского Адама, и про назарейские мистерии Иисус тоже не забывает, хотя и разошелся в чем-то с назарейскими священниками. То есть Иисус может иметь хоть какую-то поддержку именно среди тех Своих слушателей, которые являются выходцами из назарейства. Более того, Иисус Своей проповедью еще больше обостряет давние противоречия между назареем и иудеями относительно того, чья религия выше. Вся проповедь Христа свидетельствует о том, что *назирута* выше. И иудейским книжникам и первосвященникам это, конечно, не нравится.

И тем не менее, нам хорошо известно, что Иисус *назируту* вовсе не проповедует (да и по всем назарейским правилам на такую проповедь, связанную с разглашением священных мистерий, наложен строжайший запрет), а говорит о том Своем, которое не является ни назарейским, ни Иудейским. Иисус – как тот мифический греческий

«кентавр», который вроде бы «имеет часть» от иудеев, а «часть» -- от назареев. Он «пасется» на том же самом поле, на котором обитают «человеки-иудеи» и «лошади-назарей», но при этом Он не принадлежит ни к одним ни к другим. Он – как мудрый и дальновидный «китайский политик» лавирует между одними и другими и при этом совсем не хочет терять поддержку назареев, хотя от них уже ушел.

А теперь в качестве примера такого поведения Христа обратимся к евангельскому тексту. Рассмотрим вопросы развода и прелюбодеяния, которые, по известным причинам, довольно полно освещены в Евангелиях. Итак, в Евангелиях показаны «целых три» примера прелюбодеяния, с точки зрения Христа, конечно, а не сегодняшних норм нашего «демократического общества». Первый пример – из *Евангелия от Матфея*. Это закон иудейского левирата, когда жену умершего правоверного еврея, который умер бездетным, должен взять себе в жены его брат для того, чтобы «восстановить семья» брату. В таком случае первый ребенок от этого брака будет считаться ребенком умершего. На вопрос саддукеев о том, чьей женой будет эта женщина в воскресение мертвых, если ее «имели семь братьев» («имели» по закону левирата, т.к. все по очереди умерали бездетными), Иисус отвечает, фактически, отрицательно: «В воскресение мертвых не женятся и не выходят замуж». Не будем останавливаться на этом очень многозначном ответе Иисуса, а отметим только следующее: в этом примере прелюбодеяния у одной женщины было «много мужей».

Второй пример – из *Евангелия от Иоанна*. Утомившись от странствий, Иисус сидит у колодца Иаковля и разговаривает с женщиной-самарянкой, которая пришла по воду, и которая, разговорившись с Иисусом, в Него уверовала. Она просит у Него назарейской «воды живой» (в ее понимании Иисус может достать чистую воду со дна колодца, а не ту, которую она зачерпывает ведром сверху). А Он ей на эту ее просьбу отвечает: *«У тебя было пять мужей, и тот, который у тебя сейчас – тебе не муж»*. То есть по этой причине – причине прелюбодеяния -- «живой воды» женщина не получила, хотя во всех остальных отношениях она, судя по всему, «персонаж» всецело положительный. Отметим: и в этом случае тоже – у одной женщины было «много мужей».

Есть еще один «блуждающий» по евангелиям вставной эпизод с женщиной, который, в конце концов, «осел» у ничего не подозревающего Иоанна: когда «женщину, взятую в прелюбодеянии», привели для суда в Храм, где в это время находился Иисус – сидел в Храме и склонив голову, «чертил по песку пальцем». То есть и этот эпизод -- из той же серии «женского прелюбодеяния».

Но почему в Евангелиях отсутствуют примеры прелюбодеяния мужского? Почему Иисус не осуждает тех мужей, у которых было несколько жен? Вот именно ради выяснения этого вопроса мы и завели весь этот разговор. Сначала -- по существу самого дела, т.е. «мужского прелюбодеяния». В главе 19, стих 4, *Евангелия от Матфея* Иисус дает однозначный ответ на поставленный нами вопрос (а заодно и вопрос фарисеев о том, можно ли человеку – именно мужу! -- разводиться): *«Не читали ли вы, что Сотворивший от начала (ап архЭс) мужское и женское сотворил их?»*. То есть сотворил одно мужское и одно женское в первозданном Адаме. По этой причине развод невозможен. *«И будут двое (а не трое и не четверо – Г.Б.) в плоть одну»* (Мф.19:5). Но и в этом разговоре Иисус тоже как будто «льет воду на мельницу» назареев, т.к. Он здесь же добавляет: *«И женившийся на разведенной прелюбодействует»*. Он не говорит при этом о том, что мужчина, женившийся на девушке после своего первого развода, тоже прелюбодействует.

Чем вызвано такое явное словесное «лавирование» Христа, когда из всей Его проповеди абсолютно ясно, что «у Адама была только одна Ева», и что иначе в Царство Небесное не войдешь? Вызвано это тем, что, несмотря на исключительно строгие нормы супружеского поведения у назареев, священник назарей мог иметь двух и даже трех жен. И объяснялось это тем, что в соответствии с назарейской верой именно такое положение дел облегчает мужчине путь спасения в Миры Света: в таком случае как бы крепче становится «аэроплан» его земной *рухи*. Но если бы Иисус стал открыто заявлять – в

Своих ярких примерах-притчах – о том, что традиции назиритов – это открытое прелюбодеяние (что полностью соответствует Его Учению), тогда от Него отвернулись бы многие из назареев, которых Он привлёк Своей проповедью. Но после смерти Христа, судя по всему, все всё прекрасно поняли – и назареи, и иудеи – и «всласть» отыгрались на Христе, фактически предав Его анафеме. Но отыгрались... уже на «покойнике». То есть эту «политическую баталию» выиграл, фактически, Иисус.

С подобной точки зрения можно рассмотреть ещё одну, причем, гораздо более важную проблему проповеди Христа о Царстве: проблему имени Того Бога, Которого Он проповедует. Как уже знает наш читатель, евангельский Иисус проповедует Бога *Элохима*, как иудейского аналога назарейского Бога Света. Но при этом, как мы уже сказали, Он опирается в *большой* степени на назареев, причем даже «бывших». Судя по всему, одним из наиболее видных таких назареев является Иоанн Зеведеев, со своим братом Иаковом. Возможно, это отчасти было связано с тем, что у Иоанна были какие-то связи с иудейским синдерионом. (Здесь же следует сказать, что если бы Иерусалимские власти не принимали Иисуса всерьёз за такого лидера оппозиции, который реально угрожал их земной власти, они бы никогда не выдали Его Пилату и не казнили.) Итак, Иоанн и его брат -- это «смелые ребята», которых Иисус совсем не напрасно назвал «Сынами Грома» (т.е. сынами греческого Бога -- Зевса Громовержца, -- который ниспосылал «гром и молнии» на землю). Греческое *боанэргес* является несколько изменённым сложным словом от греческого «кричит-муж-земли» (*боа-анэр-гэ*), т.е. попросту «Вселенский крикун». А значит и само прозвище – «Сыны Грома», которое приведено в греческом варианте текста как «перевод» этого *Боанэргес* – это не более чем шуточный парфраз. И тем не менее именно Иоанн собирался «свести огонь» (прямо как Громовержец!) на самарянский город в отместку за то, что самаряне не пропустили Христа в Иерусалим по своей территории. И опять-таки, только назарей Иоанн стоял у Креста рядом с Матерью Иисуса, и именно Иоанну Иисус передал попечение о Своей Матери, в то время как все остальные ученики-апостолы сидели во страхе по домам с закрытыми дверями и с «погашенными светильниками».

И вот с учетом всего этого можно задать себе вполне законный вопрос: чем руководствовался Иоанн, когда ушел от назареев и перешел к Иисусу? Учитывая его молодость, смелый и напористый характер, можно ответить, не боясь ошибиться: цели его были весьма амбициозными. Он перешел в «войско» Христа только потому, что как и некоторые иудеи, видел в Нем Грядущего Мессию Высочайшего Бога, Который вскоре станет земным царем всего мира, включая римлян. Бесспорно то, что Иоанн был уверен в том, что Иисус всемогущ в Своих чудесах и что подобное предприятие Ему «по плечу». А значит и сам он, Иоанн, вполне может занять в этом «правительстве Мессии» одно из ключевых мест, о чем он и просит Христа по дороге в Иерусалим, когда Тот, по мнению толпы, должен был «принять царство».

Ещё раз напомним нашему читателю, что до Распятия Христа никто из апостолов не имел даже смутного представления ни о Его Учении о спасении, ни о мистериях, ни о том Царстве, которое проповедовал Христос. *«Всё ли вы ещё бестолковы (асюнетос – «глупый, непонятливый, неразумный, бестолковый», см. Мф.15:16, Мк.7:18) и не понимаете притчи сей?»*. С такими словами обращается Иисус к своим ученикам, копируя этим Своим несколько грубоватым словом «бестолковы» слова Божественного Учителя *Мара-д-Рабуты* из тайного мандейского текста «Тысяча двенадцать вопросов» (АТШ, р.133, пер. с англ. наш): *«Я открою тебе эту мистирию, но не открою ее (никому) из Утр, котрые бестолковы»* (*блилиа* – «бессвязный, глупый, тупой, бестолковый»).

И для такого амбициозного Иоанна, да и для всех без исключения назареев, которые окружали Иисуса и которые слушали Его проповедь о Царстве, было бы настоящим шоком узнать, что Иисус проповедует иудейского Бога *Элохима*. Объясним, почему. Дело в том, что, как пишет Е.С.Дровер в примечаниях к книге «Сокровенный

Адам», имя этого Бога ассоциировалось у назареев с ненавистным иудаизмом («Мандеи», стр. 390, 391):

Ссылки в Гинзе и в литургических молитвах показывают, что Назареи ассоциировали слова 'Эль и «Адонай» с иудаизмом. «Не молись Солнцу, чье имя Адонай, чье имя Кадош, чье имя 'Эль 'Эль, тем более что Оно имеет сокрытые имена, не явленные в этом мире» (GRr 24: 15 ff.).

В той же Великой Гинзе, Правая сторона, 455:12, 'Эль опять отождествляется с Адонаем и Солнцем. Это имеет место в литургических песнопениях (CP 75 = ML 127:11f):

Душа (ruha) возвысила свой голос.
Она громко плакала, взывая: «Отец мой, Отец мой!
Зачем сотворил Ты меня? Бог мой, 'Эль 'Эль!
Зачем Ты отдалил меня, отрезал меня,
Покинул меня в недрах земли
И в густом мраке Тьмы,
Так что нет у меня сил подняться оттуда?

Причитания Софии в гносисе валентинианско-христианского толка, запечатленные на одном фрагменте, сразу же напоминают вышеприведенный отрывок из-за переклички смысла. Так, строки 3-4 вышеупомянутого фрагмента гласят:

'Эль 'Эль, за что он оставил меня?!

Возможно, перед нами вариант Псалма XXII. 1 и возгласа Иисуса на кресте, см. Евангелие от Матфея, гл. XXVII. 46 и Евангелия от Марка, гл. XV. 34.

Прекрасная Леди Дровер совершенно справедливо связала все эти отрывки из религиозных текстов с предсмертным возгласом Иисуса на Кресте, но во всем остальном она ошиблась. Во-первых, наивно предполагать, что мандеи скопировали в свои литургические песнопения что-то из Псалма иудеев: иудейского в Писаниях у мандеев не может быть ничего даже в силу той ненависти, которую мандеи питают к иудеям после изгнания иудеями мандеев из их исторической родины. И если бы что-то и попало туда на ранней стадии, то это было бы обязательно «искоренено» после того, как мандеи уже перебрались в Мидийское нагорье. А вот иудеи, не в пример мандеям, уже привыкли за время своих постоянных странствий – такая уж им была уготована судьба Господом Богом -- многое копировать у своих соседей. Поэтому какая-то часть иудейских Псалмов действительно могла быть заимствована ими у мандеев, в том числе и этот. Точно так же, как манихеи многие свои Псалмы заимствовали у мандеев, что наукой уже достоверно доказано. При этом все «гностики» -- как манихеи так и валентиниане -- могли делать любые заимствования у «самых главных» и самых талантливых гностиков -- назареев. И в данном случае разумнее всего было бы ставить вопрос о том, в какое время один из авторов Псалмов Давида заимствовал у назареев эти строки? Еще раз повторим: следует обратиться к земной реальности от тех бесчисленных «фантазий», в которых пребывает научное богословское сообщество и поставить вопрос заимствования из назарейского Писания в Писание иудейское. Все то, что несет в себе лирический, детско-наивный характер (напр. *Песнь Песней*) с большой степенью вероятности может иметь назарейское происхождение, несмотря на свои более поздние корректировки уже в рамках иудаизма.

Итак, для Иоанна и всех его собратьев по вере имя 'Эль внушало только неприязнь и никак не могло ассоциироваться с Царством Света. Напомним читателю, что к этому времени уже очень остро стоял вопрос напряженных отношений между иудеями и назареями: не более чем через 30 лет после этого иудеи этих назареев частично поубивают (в мандейских текстах идет речь о 360 убитых мандейских священниках, что является,

бесспорно, цифрой символической и шумерской), а остальных выгонят из Палестины. И вот представим себе, что Иисус вдруг объявил бы этим назареем – или даже только одному Иоанну – что проповедуемый Им Бог Отец – это и есть иудейский Бог 'Эль. Слово 'Эль – это арамейский (в том числе и назарейский) аналог имени Элохим на иврите. В этом случае Иисус сразу бы потерял всех своих сторонников из назареев.

А теперь рассмотрим тот самый эпизод на Кресте, когда Иисус громко кричит стих из Псалма: *«Эли, Эли! Лема савахфани?»*, что значит *«Боже Мой, Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?»* (Мф.27:46). Зададим вопрос здравому читателю: может ли человек, испытывающий нечеловеческие боли и страдания, быть способен «декламировать» Псалмы целыми стихами? Повторим еще раз: этот стих Иисус *«прокричал громким голосом»* (Мф.27:46), а не простонал нечто нечленораздельное, похожее на стих Псалма (что выглядело бы еще более странным). Нет, не может. То есть Иисус кричал это в первую очередь для того, чтобы Его кто-то услышал. Но кто именно? Кому адресованы эти Его последние слова-напутствие? Иудеям, которые стоят тут же рядом? Но вот как на этот вопрос отвечает еврей Матфей: *«Некоторые из стоявших тут, слыша это говорили: „Илию зовет Он”... А другие говорили: „Постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его?”»* (Мф.27:47,49). Дело в том, что имя пророка Илии, которое было хорошо известно даже безграмотному крестьянину, по-семитски звучит как *Элияху*, т.е. оно напоминает то начальное «*Эли*», которое кричал Иисус. Но из этого замечания Матфея можно сделать еще один вполне определенный, хотя и «удивительный» вывод о том, что стоящие рядом иудеи, которые прекрасно слышали громкий крик Иисуса, не знали арамейского языка, т.к. никто из них этих слов Иисуса не понял. Потому что скорее всего разговорным для всех них давно уже был греческий язык. И предположить, что вокруг Иисуса собрались исключительно представители грекоязычной диаспоры, которые пришли в Иерусалим на Пасху, было бы некорректно с научной точки зрения.

А вот назареи, включая Иоанна, от своего родного арамейского никогда не отказывались, хотя и хорошо знали греческий. История мандеев однозначно свидетельствует о том, что это был один из самых грамотных народов Средиземноморья: именно назареи переводили для арабов труды греческих философов и историков, которые потом – уже через арабов – попали в Европу. То есть Иисус кричал имя того Бога, которого Он проповедовал -- а проповедовал Он назарейское Царство Света – только для одного Иоанна. И как свидетельствует каноническое *Евангелие от Иоанна*, -- Иоанн понял всё. Понял не сразу, а потом, но только потому, что все время слышал «внутри себя» этот последний крик Христа. И надо быть... не просто *бестолковым* для того, чтобы приписать автору этого Евангелия также авторство последней книги Нового Завета – *Апокалипсиса*. Для этого – как сказали бы зороастрийцы – надо быть «слепым до мозга костей». Но о такой форме духовной слепоты наше научное сообщество «даже и не слышало». Как не слышало оно и о Духе Святом.

Глава III заключительная

Маэстро «до»: немного о вечности и о составе человеческой души

Представим в своем воображении Всемирный Конкурс исполнителей фортепианной музыки. На сцену большого зала скромно выходит конкурсант, он садится за рояль и начинает исполнять вальс Шопена. Его руки взлетают над клавиатурой, охватывая весь спектр нижнего и верхнего регистров и извлекая из струн рояля божественные неземные звуки.

Публика в зале -- занята своими делами, подавляет зевоту или тихонько обменивается последними новостями с соседями. Пьеса закончена, пианист встает, раскланивается и уходит со сцены под жидкие хлопки аплодисментов. Жюри вопросительно переглядывается, смотрит ему в след и что-то говорит, наклоняясь друг к другу, и осторожно крутя своими пальцами у посеребрённых годами висков.

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И взвившись занавес шумит.

А.С.Пушкин Евгений Онегин

Объявлен следующий номер: пьеса «Старый барабанщик». На сцену выходит очередной исполнитель. Он элегантно усаживается за рояль, откидывая назад роскошную гриву волос, пробует «педалировать» сначала левой, затем правой ногой – как скрипач струны скрипки -- и начинает.... Пианиссимо – «до-до-до-до-до». Его пьеса состоит из одной этой ноты «до» первой октавы, но как прекрасно он эту ноту исполняет! То почти налегает грудью на клавиатуру, приближая свое ухо к этой заветной клавише и выстукивая *стакатто* одной рукой, а затем – перехватывая на лету звук – другой, элегантно взмахивая при этом белоснежной манжетой со сверкающей бриллиантовой запонкой и в забвении прикрывая глаза: «старый ба-ра-бан-щик – старый ба-ра-ба-нщик – креп-ко-спал, креп-ко-спал...». При этом извлекает из рояля это «до» всевозможными мастерскими ладами: от «*пианиссимо* до *фортиссимо*». Заканчивает он свою «пьесу» на очередной ноте «до», но уже *крещендо*.... Встает, кланяется в изнеможении... Грива волос -- почти до пола. Пауза... Гром аплодисментов, оглушительные крики «браво! бра-во!!!» и неподдельные слезы на глазах у восторженных слушательниц. Вся сцена – в цветах. Жюри почтительно встает, сохраняя глубокую торжественность и восхищение на своих лицах, застегивает все пуговицы на своих сюртуках. На сцену выводят под руки престарелую маму «молодого барабанщика»...

«Это что? – спросит наш читатель – сцена из жизни сумасшедшего дома?». – Да что вы, дорогой, нет и еще раз нет: это наша действительность. Та самая, которая нас с вами сейчас окружает. Почетное жюри – это наша наука, а в зале сидим все мы, и все вместе дружно отхлопываем свои ладони этому «барабанщику». Первый «пианист» -- это Иисус Христос. А второй, а точнее, все «вторые» -- это «нобелевские лауреаты» со всеми их «Зигмундами Фрейдами», «Станиславами Грофами» и «Ронами Хаббардами», которые блестяще показали всему человечеству, что каждый из нас состоит только из одной этой

«ноты до», а все остальное в человеке – это «подсознание», «базовые перинатальные матрицы» и вообще все то, что связано с сексом и родовым периодом развития плода.

И если говорить *откровенно* (да простит читатель автора за употребление этого непозволительного слова во «второй», но уже последний раз), то мы уже не имеем права именовать самих себя словами *хомо сапиенс*. *Хомо эректус* – это, конечно, остается в силе и даже – в еще большей. Но вместо *хомо сапиенс* белолицее человечество постепенно превращается в совершенно новый продукт, невиданный ни эллинскому, ни египетскому миру: *хомо примитивус*. И пусть поймет читатель автора правильно: это не ругательство, не «брюзжание слюной», а холодная констатация ужасающего факта «белой цивилизации». И пока в мире любое «жюри» состоит из таких высокообразованных *хомо примитивус*, -- выход из положения для тебя, читатель, только один. Потихоньку уйти из этого восторженного беснующегося зала, сославшись на «нужду по маленькому» (ведь эта бесконечная нота «до» вызывает в здоровом организме только активное выделение мочи!), и тихонько пробравшись в гримерную, утешить и выразить свою бесконечную признательность и любовь этому в очередной раз отвергнутому и одинокому Христу. А заодно и хорошенько порасспросить Его обо всех этих Его «нотах», которые для всех оказались «лишними». Ведь у Него их гораздо больше, чем у «барабанщика»: одних только «до» несколько, потому что кроме «первой октавы» Христу знакомы и все остальные; а кроме этих европейских – Ему знакомы «египетские» и «назореиские», включая «ка», «ба» и даже «ах».

Или, может быть, читатель опять начнет сомневаться в том, что Иисус имеет какое-то отношение к Египту? А как же Его «притча о сеятеле», в которой *«пришли птицы и поклевали посеянное на дороге»*, идущей из города Афин в Элевсин? И если читателя не очень убеждают египетские детерминативы в виде рисунков человеческой ноги, то пусть он почитает следующие выдержки из Гимна Текстов Пирамид (Д.Меекс, К.Фавар-Меекс. Повседневная жизнь египетских богов. Молодая гвардия. Палимпсест. М.: 2008, стр.229, 230):

Соколиха прилетела, коршуниха прилетела, то есть Исида и Нефтида: они пришли искать своего брата Осириса.. Оплакивай своего брата, о Исида, оплакивай своего брата, о Нефтида (Пирамиды §1280-1281).

Исида пришла, и пришла Нефтида: одна пришла с запада, другая – с востока, одна пришла в облике соколицы, другая – коршуницы. Они нашли Осириса (Пирамиды §1255-1256, 2144).

Но мы уже говорили, что *Деметра* и *Исида* – это одно лицо, о чем было прекрасно известно всему Средиземноморскому миру. Вот эти «птицы» (но уже эллинские) – *Деметра* и *Персефона* – «пришли на Священную дорогу» и «поклевали» души людей. А какие души? Разве не о семенах пшеницы (или ржи) идет речь? Но ведь Иисус, объясняя притчу апостолам, ясно говорит о том, что речь в этой притче идет о *«всяком слушающем слово о Царстве»* (Мф.13:19), т.е. о человеке.

Но что в человеке главное: тело или душа? *«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геене»* (Мф.10:28). То есть, по мнению Иисуса главное – это душа. Но для того, чтобы понять, что именно означает эта «душа» в представлении Самого Иисуса, необходимо знать, о каком «теле» Иисус говорит в первой части этого высказывания, и о каком – во второй. А иначе получается, что в словах Христа нет логики: сначала тело «убили», а затем неумирающую душу человека и это уже «дохлое» тело повторно кто-то может «погубить в геене»? Зачем этому Великому «Тому» потребовалось убивать мертвое тело человека? Абсурд? Конечно, абсурд. Но только не в словах Иисуса, а в нашей голове. Иисус говорит на греческом для тех, кто «знает египетский» (Ох! боюсь, что опять напугал своего читателя такими словами!). Египетский, конечно, можно и не знать, но если хочешь

понять Христа, --- с египетскими представлениями о составе души надо быть знакомым: ведь «солнце» -- всегда «солнце», как его не называй -- на греческом, или на египетском. В нашем случае беда заключается в том, что для этого египетского «солнца» нет специального слова на греческом языке (и это – при всем его богатстве!). Поэтому попробуем «перевести» греческую речь Христа на египетский:

«Не бойтесь убивающих тело-*хат*, а душу-*ба* не могущих убить; бойтесь больше Того (Бога Ада – *Яхве*), кто может и душу-*ба*, и тело-*ка* погубить в огне».

При этом под телом *хат* понимается физическое тело человека, в котором он пребывает в нашем земном мире; а под телом *ка* – то «тонкое тело», в котором человек пребывает в Аду (т.е. и в Раю). Мы уже говорили, что понятие *ка* – «двойник» -- это одно из самых важных религиозных представлений египтян. Все религиозные обряды, всё духовное знание египетского жреца сосредоточено на этом понятии *ка*. И просто по-детски несерьезно предполагать, что Иисус, который по всем источникам «призван из Египта», об этом ничего не знал, и что все эти Его «немного сумасшедшие» речи совершенно случайно укладываются в стройную систему египетских представлений о душе. Да и вообще, подобный разговор -- со многими «увещеваниями» автором своего читателя -- возможен только по той причине, что наше ухо уже «набито» на вечном слушании этой беспрерывной «ноты *до*», а кроме нее – мы ничего не знаем, и знать не хотим.

Ведь мало кто из читателей имеет представление о том, что даже само слово «Египет» включает в себя эту главную категорию египетского религиозного мировоззрения: *Хи-ку-пта* – «Дом *Ка Пта* (Бога)», откуда -- греческое *αιγυπτος* и уже изветное каждому «Египет». О египетском Боге *Птахе*, который является главным Демииургом назарейской религии (*Птах-иль*), мы уже говорили, точно также, как и о том, что Иисус – назарей. И ведем разговор мы об этих «египетских душах» только по той причине, что хотим, чтобы наш читатель правильно понимал смысл логий *Евангелия от Фомы*.

В своем *Комментарии* мы много внимания уделили вспомогательному материалу: говорили о Египте, мандеях и даже о поэзии. Но ведь мы обещали нашему читателю, что объясним ему этого *Фому*, а без таких отвлечений любое объяснение «повисает в воздухе». Иисус Христос только с виду прост, а на самом деле Его Учение – древнее и сложнее (в духовном смысле, конечно, а не в смысле «кубика-Рубика») любого другого. Вот мы говорили, что Он дает человеку бессмертие, но ведь и в Раю человек тоже не умирает. А что такое «смерть вторая»? И как это понять, если мы утверждаем, что душа человека бессмертна? «Смерть вторая» -- это гибель нашего *ка*. Мы говорим, что Суд над человеческой душой состоится сразу после смерти человека. О какой «душе» идет речь? По египетским представлениям, – именно о *ба*, т.к. именно она ожидает своей участи в то время, когда сердце человека взвешивается на весах во время суда *Осириса*.

По словам русского египтолога Перепелкина, основанным на личном опыте, именно *ба* человека с силой устремляется во след своего *ка*, когда это *ка* «выходит из тела»: и именно *ба* вместе со своим *ка* могут быть уничтожены во время этого «посмертного Суда», как об этом и говорит Иисус в Своем высказывании об «убивающих тело». А что в таком случае «Конец Света»? Или его просто придумали? Автор, рассказывая читателю о мандеях, говорил о человеческой душе, как о *нишимте* и *рухе*, но ведь мандеи используют и египетский термин *ба* в качестве эквивалента «души». И *как* всё это связать вместе, если у египтян, судя по всему, «главной душой» умершего человека была его *ка* (или коптское *ко*), а не *нишимта* или *ба*? Но дело в том, что сами египтяне выше «уровня *ка*» в своем религиозном знании и в своей жреческой практике подняться не могли: *ка* – это «уровень Рая».

Все эти вопросы совершенно закономерны и естественны, потому что все эти составные части «души» как раз и являются теми «разнообразными нотами», из которых состоит космическая музыка «пианиста» Иисуса Христа. Но у каждой части души – свой «тон», т.е. своя «частота вибраций», а значит – своя *энергия*. И как в гармоничном музыкальном произведении все эти «ноты» нисколько не мешают друг другу – каждой из них исполнять свое «соло» -- также и любой человеческий организм: эти «энергии» его составных частей, все вместе, составляют «космическую музыку сфер», нисколько не накладываясь друг на друга и не вступая друг с другом в конфликт. И как со временем у созревшего грецкого ореха трескается его наружная зеленая кожура – и отваливается от этого ореха, как ненужная «оболочка» (а ведь она все лето росла и красовалась на дереве!), точно также и человеческое тело со временем тоже «раскалывается» и «спадает» с человека, открывая «под собой» более важное и главное. И как у этого созревшего ореха его «телом» становится уже скорлупа (причем, более «прочная», чем прежняя оболочка), также и человек после смерти обнаруживает себя в гораздо более надежном и мобильном теле, которое египтяне называли словом *ка* (или *ко*, если следовать коптскому произношению) и которое как раз и является «двойником» во всех развитых религиях мира (у мандеев, зороастрийцев, египтян, индусов и в Учении Христа).

Это «новое тело» человека – не в пример его земному – абсолютно «здорово». Если человек был в жизни калекой, то он с удивлением обнаружит, что у его нового тела целы и руки и ноги; если он был слеп на один глаз или имел плохое зрение, он с удивлением поймет – закрывая своей «рукой» здоровый глаз, -- что его второй глаз видит удивительно отчетливо и далеко, да и нет там понятий «далеко» и «близко». Судя по некоторым текстам, такие «самопроверки» -- это обычная вещь для человека, который впервые обнаруживает себя в своем теле *ка* «после смерти». Но это -- только «новое тело», которое, как луковица, содержит в себе другие составляющие нашей человеческой «души». У животных нет большинства из этих душ, точно так же, как у *хомо примитивус* они пребывают в самом зачаточном состоянии: как соски у мужчины не дают молока, или как атавистические признаки хвоста не позволяют нам повиснуть на дереве «вниз головой» по примеру наших обросших шерстью «братьев». Поэтому научить «игре на фортепиано» «барабанщика» -- это затея почти бессмысленная. Учить такого «Маугли» надо с самого раннего детства.

В русской египтологии есть автор, о котором мы уже упоминали и который внес уникальный вклад в разработку этой важнейшей проблемы понимания египтянами состава человеческой души – Юрий Яковлевич Перепелкин. К сожалению, сам он этой темы в своих трудах почти не касался, т.к. в советское время ему просто не позволили заниматься исследованием египетской религии (советский строй тоже не следует идеализировать). Но к счастью для всех нас, эти представления Перепелкина о душе зафиксировал его ученик А.Л.Вассоевич, который в свое время задавал ему вопросы и слушал некоторые воспоминания Перепелкина из его жизни, связанные с представлениями о «структуре души». Юрий Яковлевич Перепелкин, выходец из потомственного рода русских морских офицеров, являет собой картину уникальную в мировой египтологии. Кроме профессионального знания самого предмета, египетского языка (а вместе с ним и большинства древних «прилегающих» к нему языков, включая греческий), он, по воле Божественного случая, имел многократный личный духовный опыт наблюдения за своими *ко*, *ба* и *ах*. Сумасшествие? Если бы на его месте оказался не грамотный египтолог, знакомый с древними египетскими текстами, и отважный исследователь одновременно, то возможно, он обратился бы в психлечебницу для «излечения от души». Но он был профессионалом своего дела и абсолютно адекватен в своем поведении. И именно в силу своей профессиональной деятельности знал, что с ним происходит. И более того, мог анализировать египетские тексты на основании этого своего личного духовного опыта, который у него был одинаков с опытом древнего египтянина... Но и мы тоже анализировали текст *Евангелия от Фомы*, прилагая к этому анализу собственный опыт,

аналогичный тому, с которым мы знакомимся на страницах евангельского текста... И даже те краткие заметки, которые опубликовал А.Л.Вассоевич в своей книге «Духовный мир народов классического Востока» делают это открытие Перепелкина бесценным для любого *хомо сапиенс*.

Египетский религиозный культ сложился на основе жизненных наблюдений египтянина над «духовными составляющими» своего тела. Бесспорно то, что «опыт Перепелкина» имел далеко не каждый египтянин, но он был все-таки распространен, особенно в жреческой среде, и ему безоговорочно верили, о чем свидетельствует заупокойный культ. Вполне вероятно, что одной из причин более частого проявления подобного опыта являлись браки между кровными родственниками, распространенные в среде высшей знати. На основании этого опыта египтянин был убежден в том, что после смерти гибнет только земное тело человека, а само его существо остается жить прежней, почти земной жизнью. По представлениям египтянина именно это привычное для всех земное тело собирало воедино человеческую индивидуальность как таковую: отсюда – культ мумифицированного тела. «Опыт Перепелкина» показывает, что из тела обычного (т.е. земного) может при каких-то обстоятельствах «выйти» тело другое, «духовное». Его египтяне называли *ка* и, судя по всему, к представлению самих египтян об этом *ка* ближе всего действительно стоит слово «двойник».

Такое *ка* является почти копией обычного земного тела человека, если смотреть на него со стороны и сравнивать эти тела между собой (вспомним сравнительное описание «двойника» и «настоящей» императрицы Анны Иоанновны, которое приведено в воспоминаниях М.И.Пеляева (см. А.Л.Вассоевич «Духовный мир народов классического Востока», стр.165)). Но при этом египтяне видели (или имели опыт), что такое *ка* является «воздушным телом», т.к. оно было способно проходить сквозь препятствия и стены, и это *ка* нельзя было «схватить рукой» (именно по этой причине *ка* Анны Иоанновны вдруг исчезло). Представление о том, что это *ка* связано или зависит от земного тела, подтверждает также тот факт, что -- при «живом владельце» -- *ка* не могло что-то говорить, а было всегда молчаливым. Все противоестественные случаи встречи человека со своим знакомым, который почему-то проходит мимо, не здороваясь, а потом заявляет, что в том месте, где произошла эта встреча, не был – это и есть, как правило, неконтролируемое отделение *ка* от ничего не знающего «хозяина». Именно с этим *ка* египтяне связывали жизнь человека после смерти. И при этом они отводили этому *ка* во время посмертной жизни в Дуате точно такую же роль, какая отводится нашему земному телу при жизни обычной.

Но египтяне знали также, что обычное земное тело не живет «само по себе», а «наполнено» определенными «духовными составляющими», кроме второго «тела *ка*». В первую очередь речь шла о *ба* или «душе» как таковой, заключающей в себе в первую очередь «волю», т.е. реализующую силу возникшего желания. Этот *ба* (мужск. род) был главным «управляющим» духовных составляющих человеческого существа, и он переходил в мир иной без каких-либо изменений, с сохранением осознания своей индивидуальности и самоидентификации. Однако, по представлениям египтян, *ба* является обязательным спутником *ка* и с разрушением *ка* исчезает также и *ба*. Перепелкин описывал, как этот *ба* стремится к своему *ка*, и какое большое волевое усилие необходимо для того, чтобы этот *ба* не вышел из человека окончательно. Как показывают египетские тексты, сначала из умершего человека выходит его *ка*, а уже следом за ним устремляется *ба*. Если бы Перепелкин не смог удержать этот *ба* внутри себя, тогда бы с выходом *ба* он просто бы умер, как земной человек.

Эмоции и чувства, по мнению египтян, регулировались еще одной составляющей «духовного тела», которая обозначалась иероглифом «сердце». По египетской транскрипции «сердце» -- это *аб* или *иб*, и оно тоже имело свою земную и духовную составляющие. Земное сердце (а египтяне при изготовлении мумии прекрасно знали, где оно находится и что это такое) рассматривалось как место сосредоточения эмоций,

совести, а также как место пребывания *ба*. Это опять-таки основывалось на практическом опыте: *ба* включал в себя, в качестве составной части, способность человека к волевой концентрации (способность повелевать людьми, заставляя исполнить сказанное по причине подчинения воли слабой – воле более сильной). Перепелкин говорит о том, что этим *ба* он мог бы гнать кого-нибудь перед собой. Этот опыт описывается так же как представление об огненном обоюдоостром разящем мече, исходящем из центра груди и направленным своим острием вперед, т.е. как о мече-оружии. Но в представлении египтянина земное сердце человека как раз и было тем объектом, который после смерти человека взвешивался в Зале Правосудия на весах Богини Маат в присутствии всесильного Бога *Осириса* (египетский аналог иудейского Бога *Яхве*). Поэтому сердце сначала мумифицировалось отдельно и затем опять вкладывалось на прежнее место в мумию. Если человек не проходил посмертного суда, тогда стоящее рядом чудовище Ада пожирало именно его *ба*, а не взвешиваемое на весах Анубиса сердце. Итак, *ба* являлся, в первую очередь, принадлежностью тела *ка*, а не земного тела человека.

Еще одним важным понятием египетских представлений о душе был так называемый *ах* – «светящийся», «просветленный», «блаженный», «призрак». Все эти переводы дают ту или иную характеристику *ах* в представлении египтянина. Корень этого слова -- «светиться». И это объясняется тем, что данный аспект души возникал перед зрением земного человека, который наблюдал это явление, в виде неясно очерченного «светящегося призрака», который представлял собой вертикальный «светящийся столб», колеблющийся и производящий впечатление живого существа. «Опыт Перепелкина» по наблюдению за своим *ах* показывает, что такой «призрак» фиксировался земным зрением человека, а не возникал в образах его внутреннего восприятия. По египетским текстам этот *ах* можно было наблюдать, как принадлежность земного тела (пусть и мертвого), но не *ка* человека. Чаще всего *ах* возникает в период (или сразу после) смерти человека, т.е. когда из земного тела выходит *ка*. Судя по всему, египтяне не наделяли *ах* признаками сознания, проявляемого в интересе к земной жизни. Исследуя источники, можно сделать предположение, что появление *ах* маркирует собой какой-то энергетический переход, например, из состояния земного тела – в состояние *ка*. Как раскаленный металл остается все тем же металлом, но при этом начинает «светиться» тем светом, который сам по себе, в отдельности от металла, есть «ничто», также и человеческий *ах*: он является энергетическим отражением процессов трансформации, связанных с перестройкой «структуры духовного тела». Но при этом следует отметить, что *ах* является проявлением, в первую очередь, «блаженного», т.е. такого человека, который в жизни был праведен.

Следует упомянуть еще одну категорию духовного тела – *сах*. Когда мы произносим слово «человек», мы представляем себе тот или иной облик *земного человека*, но имеем в виду при этом весь комплекс личных качеств этого человека, т.е. его характер, привычки и его отношение к нам, в первую очередь. И в духовном теле то же самое: само тело – это *ка*, а духовный человек в целом -- со всеми его *ба* и *аб* – это уже *сах*. Но еще раз подчеркнем: речь идет именно о *духовном теле*, потому что по религиозным догматам египтян (т.е. уже не по личному практическому опыту) земное тело умершего человека тоже продолжает жить своей новой («загробной») жизнью, если над ним произведен обряд мумификации и все прочие религиозные обряды, главные из которых – «отверзание глаз» и «отверзание рта». Именно такое мумифицированное тело и является (по религиозным представлениям египтян) «собирателем» или «домом» всех без исключения вышеописанных душ человека. Поэтому *ка* человека, как правило, пребывает вблизи этого тела – мумии. Но при этом мы должны отдавать себе отчет в том, что пространственное воображение древнего египтянина не было настолько примитивным, чтобы представлять, что для попадания в Дуат (Загробный мир) эта мумия должна «встать» из саркофага и уйти из гробницы в какое-то место, где был Дуат. Дуат пребывал «здесь же», в гробнице, но уже в ином пространственном измерении и именно эта мумия «создавала мир», причем, реальный, этого Дуата.

Но все эти разговоры о «вечности» и о понимании состава человеческой души мы ведем совсем не для того, чтобы познакомить нашего читателя с воззрениями древних египтян на этот вопрос. Эта проблема – о вечности и о душе – встает перед любым читателем *Евангелия от Фомы*, потому что без понимания этих вопросов невозможно объяснить те загадочные высказывания Христа, которые не имеют отношения к непосредственному земному бытию человека. Более того, знанием этого вопроса владели даже евангелисты, когда писали тексты канонических Евангелий. А как иначе объяснить слова Христа, обращенные к Марии из *Евангелия от Иоанна*, когда она увидела Его, Воскресшего, и подумала, что это «садовник»? *«Не прикасайся ко Мне, еще не возшел [Я] к Отцу»* (Ин.20:17). Или у того же Иоанна: *«И по прошествии восьми дней приходит Иисус, когда двери были заперты* (т.е. *приходит сквозь закрытые двери* – Г.Б.) *и встал в середину и сказал: Мир вам. Затем говорит Фоме: Поднеси палец твой... и поднеси руку твою в бок Мой»* (Ин.20:26,27). Как это понять? – сначала – «не прикасайся», а потом – «*вложи руку твою в бок Мой*», хотя при этом – прошел сквозь «*запертые двери*»? Но все это имеет логическое объяснение, если предположить, что древние представления египтян о *ка*, *ба*, *ах* и *хека* соответствуют той духовной *реальности*, которая осталась таковой и ко времени жизни Иисуса Христа. Точно так же, как в нашей земной реальности «камень» времен Аменхотепа остается таким же «камнем» и сегодня, и во все времена «до скончания века». Но если мы себе насильно «выколем глаза», мы этого «камня», конечно же, увидеть не сможем. Состояние сегодняшней науки – это «безглазое смотрение в Небо».

Но ведь, Иоанн пишет о том, что знает, и его вряд ли можно упрекнуть в том, что он – ради зрелищного или литературного эффекта – поступает правдой бытия. Для человека такого духовного уровня это просто «физически» невозможно. Матфей пишет немного иначе и уже о другом времени: когда две Марии пришли ко гробу Христа и затем, уже возвращаясь, встретили Его, Воскресшего, -- они *«обхватили Его ноги»* (Мф.28:9). (Кстати сказать, это древний, причем, исконно греческий обычай – «обхватывать колени» или «ноги» *Зевса*, когда требуется помощь или милость этого великого Бога Громовержца. И идет она от древних иранцев, где *сперма* считалась «огнем жизни» и местоположение ее предполагалось в костях, т.к. по своему виду она напоминает костный мозг. Поэтому просители и «обхватывали колени», как содержащие этот «огонь жизни».)

У Луки и Иоанна есть также сообщение о том, что Воскресший Иисус ел перед апостолами рыбу. Хотя при этом любому понятно, что *такому* Иисусу еда уже не нужна, и «ел» Он эту рыбу только по причине *духовной незрелости* Своих учеников: чтобы они «убедились» в том, что перед ними не «призрак», и не разбежались во страхе перед «привидением» -- в том паническом страхе, который обуял их при виде шагающего по воде Христа. В этом случае они бы просто забыли все то, что Он им говорил, т.к. ко времени Его Воскресения ничего не понимали в Его проповеди о Царстве. И то, что апостолы зафиксировали эту откровенную «белиберду» (с духовной точки зрения, конечно) – что Иисус «ел рыбу» -- которая, тем не менее, могла иметь место при желании Самого Иисуса, пребывающего уже в Своем теле *ка* и управляющего своими действиями посредством воли-души *ба*, -- как раз и является главным свидетельством того факта, что Иисус действительно «Воскрес», и что апостолы записали именно то, что видели своими «удивленными» глазами. То есть первое время после Своего Воскресения (а воскресает любой живущий на земле человек, но при этом не любой после своей смерти может *проявить себя в нашем земном мире*, т.к. не имеет и сотой доли той духовной силы, которой обладал Иисус) Христос *продолжал учительствовать* с той целью, чтобы Его Учение сохранилось на земле после Его телесной смерти. И обращение апостола Павла на дороге в Дамаск – это продолжение той же самой «учительской роли» уже Воскресшего Христа. «Воскресение Христа», а точнее -- проявление Им Себя, как «живого» после Своей смерти, и тем более, состоящего «из плоти», – это «вынужденная мера»,

предпринятая Христом по причине упадка духовного знания в мире людей, -- того упадка, который произошел со времен Великого Египта. Для иудея времени Христа гораздо важнее было декларировать отвлеченное и бессмысленное «знание» о Едином Боге, чем обладать *реальным знанием* той духовной реальности, которая является «второй жизнью» человека. Учение Христа о спасении – это прямое обращение именно к этой «второй реальности», которая после смерти человека становится *первой*.

Для сегодняшнего здраво рассуждающего христианина подобный Воскресший Иисус из Евангелий воспринимается как некая простительная «фантазия» Его учеников-апостолов, которые от радости «потеряли мозги» и не знают, что говорят. И тем не менее, евангелисты гораздо умнее, чем мы их себе представляем, и дело здесь только в том, что сегодняшний человек, владеющий знанием компьютера, открывший формулу генома человека, и знающий «всё» о космосе (его «черных дырах», туманностях и «звездах-карликах»), -- *ничего* не знает о своей собственной душе: «до-до-до-до» -- вот всё его знание. И если оперировать теми категориями, которые утвердились в религиозном лексиконе человечества, то следует однозначно констатировать тот факт, что такими своими убеждениями человек исповедует волю Бога *Яхве*. И любой агностицизм или атеизм – это тоже бессознательное служение главному Богу Земли, что бы человек при этом ни заявлял и что бы ни приводил в свое оправдание -- такой человек все равно «воскреснет» и столкнется с тем фактом, которого стремился избежать во время своей земной жизни. Но при этом -- выбора у него уже не будет.

Евангелисты знали «числитель» той тайной дроби, который открывает человеку вход в мир духовный. Нынешнее человечество знает только «знаменатель» этой дроби, который олицетворяет собой уже мир земной. И чем больше изобретений делает наука, тем *большим* становится этот «знаменатель». Числитель и знаменатель – это полное знание человека о мире, но при этом любой «знаменатель» обращается в «ноль» после окончания земной жизни человека. И уходит этот человек в мир иной только с накопленным за время своей земной жизни «числителем». Он и является одновременно его «защитой», «броней» и «сокровищем» в мире ином: без этой «защиты» человек предстает пред миром *Яхве* «голым». Но и этот «числитель» тоже не является «простым числом»: он является «двойственным» и состоит из «числителя *Яхве*» и «числителя *Элохима*». Египтяне и иудеи всегда заботились о том, чтобы к концу своей жизни иметь весомый «числитель *Яхве*», поэтому они почти всегда получали в наследство Рай. А вот нынешние «христиане» почти поголовно имеют своим уделом «широкую дорогу» в Ад. Именно они и являются теми «ногами», «печенками» и «окороками» из *Гимна Унаса*, которыми питается наш «подземный» Царь Земли.

Два понятия – вечность (в европейском понимании) и *ка* человека – тесно между собой связаны, потому что райское *ка* способно на многократные «перевоплощения», но при этом уничтожается перед «лицом вечности». Эти проблемы как раз и решали все мировые религии. Иудаизм и Элевсинская религия -- каждое Учение по-разному -- обеспечивали человеку «разовое» блаженство в Раю, но по прошествии «многих тысяч лет» такая душа человека «забывала обо всем» и опять, повторно, вбрасывалась в мир земного телесного бытия как бы «с нуля». Потому что в любой душе -- от перевоплощения к перевоплощению -- накапливаться может только то, что принадлежит миру *Элохима*, т.е. «прирастать» может только Его *нишиммта*, но не *руха*. Египтяне были гораздо более мудрыми и «изошренными» в вопросах своего посмертного спасения, чем другие народы, хотя такое спасение было предназначено только для фараона. Ушедший из жизни фараон не возвращался в наш земной мир, как другие души, а жил в своем *ка*, как и другие боги, «миллионы лет» вплоть до очередного «Конца Света». Но и эти боги, и сам фараон – их *ка* – уничтожались, когда завершался полный цикл Творения, и всё существующее возвращалось в изначальную точку отсчета: в неоформленный Океан или Водную Бездну, из которой все произошло. Попытку выхода на уровень этого неумирающего Океана-Нун мы видим в Гимне фараона *Унаса* (*Тексты Пирамид*). Назареи

– как наследники египетской цивилизации – все это понимали и искали обретения той подлинной Вечности, которая не уничтожается даже при смене циклов Бытия (т.е. при «Конце Света»). Именно им принадлежит главное «духовное открытие» в этой сфере: в Океане остается пребывать только изначальный Бог Творец – египетский *Небердджер* или назарейское *Парсута Рба*, и для того, чтобы достичь Вечности, надо «стать таким... Богом» (хотя это уже, конечно, не Бог в нашем понимании этого слова, но другого слова нет ни в одной религии мира).

Здесь интересно отметить, что несмотря на то, что «богам возможно всё», однако никакая египетская магия – *хека* (которая – и это необходимо отметить -- тоже пребывает в этом Изначальном Океане у Изначального Бога) не была в состоянии сделать следующее: изменить биологический пол бога, который он получил при своем рождении от *Неберджера*. Богиня *Исида* могла превратиться в старуху (точно так же, как и ее «греческая сестра» *Деметра*), но никогда – в старика. Она могла стать короной, но никогда – быком. Все то, что являет собой признак «парности» -- мужское и женское, свет и тьма, добро и зло и т.д. – все это не в состоянии преодолеть барьер «смены космических циклов». Только Бог *Небердджер* – «не муж, не жена» -- единый Андрогин, только Оно в состоянии уцелеть в этом изначальном бесформенном Океане. Поэтому только Он/Она – действительно вечен.

По этой причине назареи ввели новое понятие для человеческой души – *нишимта* и *руха*, -- первое из которых имеет ярко выраженную мужскую окраску, а второе – женскую. Следует быть справедливым и сказать, что приоритет этого «открытия» принадлежит все-таки египтянам, о чем свидетельствует, в том числе, учение Пифагора, которое вынесено им из Египта и которое четко разделяет мужское и женское в духовном плане. Но дело в том, что сами египтяне не пошли дальше констатации этого факта -- различия мужского и женского естества по исконной духовной природе, а не только по внешним половым признакам. Точнее, они пытались пойти дальше, но сформулировали это чисто теоретически (включив сюда «осирическую» мумию) и сначала – только в приложении к одному фараону.

Этим открытием воспользовались назареи и именно на нем основали все свои религиозные обряды. Более того, вся жизнь назарея – от рождения и до смерти – полностью подчинена этой главной задаче: попытке воссоединить заново две некогда «распавшиеся» части – мужскую и женскую. Но все же назареи вряд ли были успешны в своих начинаниях. И именно по этой причине отказался от *назируты* Христос. Первая их ошибка заключалась в том, что они неправильно составляли «критическую массу» той новой «общей души», которая должна была обрести спасение. По их представлениям для *нишимты* одного мужчины требовалось несколько женских *рух*, т.е. у мужчины могло быть несколько жен. И вторая заключалась в том, что назареи скопировали египетскую жреческую «практику Осириса» в качестве «механизма спасения»: как и у египтян, у назареев главным является правильное (вплоть до мелочей!) следование раз и навсегда установленному религиозному обряду, пусть и абсолютно отличающемуся от египетского. Но любой религиозный ритуал пребывает во власти *Яхве*, а *Яхве* никогда не допустит того, чтобы человек поднялся выше его «по статусу», т.к. сам *Яхве* погибает во время смены циклов Бытия точно так же, как и все остальные боги.

Иисус Свое спасение основывает на двух главных отличиях. Но немного отвлекаясь скажем нашему читателю, что, несмотря на всю эту кажущуюся «логику» изложения материала, мы должны отдавать себе отчет в том, что не Сам Иисус все это «выдумал» и решил так делать. Любой человек «ранга Иисуса» живет «движениями» духовного мира даже в большей степени, чем мира земного. И вопрос такого «христианского спасения», которое проповедует Христос, неправильно понимать, как эгоистическое стремление к личному спасению «своей души», позабыв при этом о «страданиях всего мира». Есть духовные законы, и человек, рассуждающий подобным образом, просто показывает свою полную духовную безграмотность в подобных

вопросах. Не «спасать свою душу», а «спасать других» в этом земном мире -- это то же самое, что родившемуся только что ребенку попытаться опять залезть в утробу матери. Даже Иисусу, даже Заратуштре, даже Будде, Моисею, Магомету или Конфуцию не удалось в своей жизни сделать то, на что отваживается «замахнуться» тот наш читатель, который задает подобный вопрос. Но при этом такое «спасение по-Христу» совсем не означает, что упраздняются все евангельские заповеди о милосердии и любви к ближнему: без них личное спасение невозможно. Но как сказал Иисус: одна «найденная овца» для Элохима дороже всех остальных вместе взятых, которые принадлежат Яхве. И если иудеи научились беспрекословно подчиняться своему Богу Яхве и исполнять гораздо более жесткие его указания, не раздумывая о том, морально это или не морально, то последователь Христа тем более не должен мнить себя стоящим выше Элохима. Сначала человек должен «стать Богом», а только потом пытаться решать для себя вопросы, подобные этим.

Итак, не Сам Иисус «выдумал» все это, а *как* именно все это произошло -- Он объясняет следующим образом: *«Исполнилось время и приблизилось Царство Небесное» (Мк.1:15)*. То есть только к Его времени человеческая душа в своем многократном круговороте перевоплощений достигла такого состояния (но при этом, далеко не у всех), когда она готова и может встать на путь поиска Царства Бога. Или иначе, но уже исходя из мифологии мандеев: только к этому времени закончился тот космический период времени, который был выделен *Великой Жизнью* (тем главным изначальным Богом мандеев, который «не Он» и «не Она») специально для *Рухи* – как время ее полной власти над человеком, -- потому что она непосредственно участвовала в создании земного тела человека и предъявила на него свои законные претензии. И только поэтому – потому что «закончилось время Рухи» -- Бог *Отец* выбрал Себе человека-Иисуса, чтобы через Него дать всем людям (тоже «человекам»!) знание о спасении и сам Путь этого спасения. И именно по этой причине Иисус заявляет (Мф.5:17,18):

Не сочтите, что [Я] пришел разрушить Закон (т.е. Тору – Г.Б.) или Пророков; не пришел [Я] разрушить, но сделать полным. Аминь, ведь говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или одна черта нет, не прейдет из Закона, пока всё случится.

Во всех переводах этого высказывания Иисуса мы – уже в который раз! -- читаем то, что мнится богословам «по смыслу», а не то, что говорит Иисус на самом деле. Он никогда не говорил, что пришел «исполнить», т.е. «выполнить» Закон: греческий глагол *плэрОО*, который мы видим в этой фразе, означает «делать полным, наполнять, доводить до совершенства», а не просто «исполнять» существующее. Иисус имеет в виду, что Он пришел дополнить Закон Яхве более высоким Законом Элохима, который тоже присутствует в тексте иудейской *Торы* в начале Книги *Брейшит*. Но теперь нам понятно также то, почему, по словам Иисуса, Закон Яхве будет действовать до тех пор, *«пока не прейдет небо и земля»*: в конце очередного космического цикла гибнет не только «небо и земля», но и сам Бог Яхве вместе со всем созданным им миром, который подчиняется его Закону.

Итак, вот эти *два главных отличия Учения Христа от Учения назареев*. Первое отличие: душа (*нишимта*) одного мужчины по своей «ценности» или «весомости» точно равна душе (*рухе*) одной женщины, и поэтому спасение возможно только в том случае, если оно создается непрелюбодейной парой – мужем и женой. То есть жена (женщина) у человека может быть только одна (как и мужчина у этой женщины), т.к. во время любого сексуального контакта противоположная душа (а точнее, «тело *ка*») «налипает» или «окрашивает» душу сексуального партнера.

Когда Иисус говорит фарисеям, отвечая на их вопрос о разводе: *«И прилепится человек к жене своей и будут двое – плоть одна» (Мф.19:5)*, мы Его тоже не понимаем.

Греческий глагол *κολλάω* – это «приклеивать, прикреплять, склеивать, сплавлять, сваривать, связывать воедино» (словарь И.Х.Дворецкого), т.е. соединять две вещи воедино, причем соединять раз и навсегда. Начиная же от Оригена (который, в свою очередь, заимствовал свой способ объяснения текста Священного Писания у Филона Александрийского, а тот – от александрийских грамматиков) излюбленным приемом Церкви для объяснения смысла «темных» евангельских речей Христа стал *аллегорический метод*, с помощью которого можно легко показать, что «белое» -- это «черное» и наоборот. В этом случае даже не надо быть Сократом с его логическими ухищрениями. Так, в рассматриваемом нами примере считается, что речь идет о семейных узах между мужем и женой (в том числе – сексуальных, где такой вариант периодического «прилипания-отлипания» находит наиболее «разумное» объяснение). Но как мы уже показали читателю на греческом тексте этого отрывка, у Христа речь идет совершенно о другом: о всецелом соединении «плоти» мужа и жены в «единую плоть». Но дело в том, что в отличие от богословов христианской Церкви Иисус бывает, как правило, очень точен и конкретен в Своих словах. И разбираемая нами фраза – не исключение. Разница в понимании этих слов между богословами и Христом заключается в том, что Иисус говорит не о физических телах мужа и жены, а об их «духовной плоти», т.е. о телах *ка* (правильнее, о *ка* мужа и *хемсут* жены, если оперировать более ранними египетскими терминами). К концу земного поприща у такой супружеской пары эти тела действительно «склеиваются» так, что представляют собой единое целое, пусть и невидимое из «зала конкурса пианистов». Но если к этой паре духовных тел попробовать «прилепить» *ка* какого-то любовника или любовницы, тогда уже невозможно вести речь о действительном «склеивании» *ка* мужа и жены, а значит и о претворении *нишимты* мужа и *рухи* жены в общую для них *Руха-д-Кудша*. Понятия «муж» и «жена» существуют только в представлении нашего земного человеческого общества (государства с его законами), а для духовного мира есть только «мужчина» и «женщина» или «мужчина» и «две женщины». Отсюда – абсолютный запрет Христа на прелюбодеяние. И вот такое слепленное воедино «двойное *ка*» свободно минует сферу Ада или Рая, в которую попадают только отдельные *ка* мужчин или женщин. Можно провести наглядную аналогию из мира техники: разделение фракций гравия (или чего-то еще) на решетке: «мелочь» проваливается сквозь ячейки сита и падает... в Ад. Но такое «двойное *ка*» тяжелее, чем одиночное. Поэтому для того, чтобы ее вывести за пределы «орбиты земного тяготения» Бога *Яхве* необходима специальная дополнительная энергия. Поэтому вторым отличием Учения Иисуса от *назируты* является полная замена религиозного ритуала на **«мистерии Царства Небесного»**. Первая такая мистерия – «открывает Небо» над человеком, «через которое» ему предстоит в будущем уйти из сферы притяжения Бога *Яхве*. Но это, конечно, *аллегория* («иносказание»). Мистерия «открывшегося Неба» открывает для человека выход в высший духовный мир *Элохима*, который для него был до этого закрыт.

Мы еще раз хотим акцентировать внимание нашего читателя на том факте, что Иисус «ничего не украл» из Учения мандеев-назареев. «Жизнь» украсть невозможно: ее дает *Элохим*. Хотя, крадет эту «Жизнь» у человека – *Яхве*. Как можно украсть у кого-то знание того, что на небе светит Солнце? Надо просто иметь свои собственные глаза, чтобы видеть. А мы – **«смотрим -- и не видим, слушаем и -- не слышим»**. А если и слышим, то только «до-до-до-до...». И после этого идем в Ад, совершенно в него «не веря», потому что мы – «агностики».

В завершение нашего разговора о *Евангелии от Фомы* автор хотел бы сказать своему читателю следующее. Наверное, найдутся такие читатели, которым этот *Комментарий* придется по душе, потому что он открывает для духовного человека какие-то новые горизонты понимания проповеди Христа о Царстве. И даже не «наверное», а найдутся без сомнения. Потому что то знание, которое читатель получает, прочитав эту книгу, -- оно, ведь, не самым автором выдуманно, а это – проповедь Христа о Царстве в ее

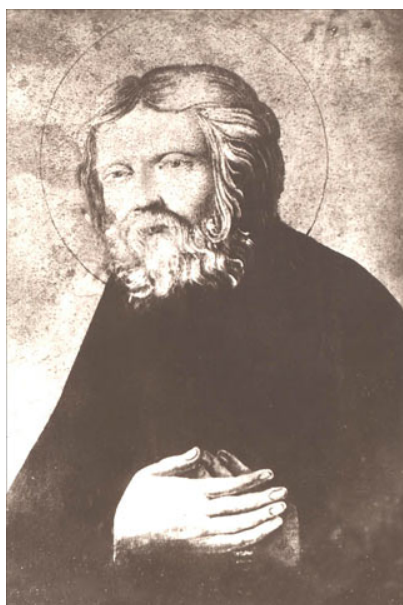
«чистом виде». Любой духовный человек прекрасно понимает, что сам автор выступает в данном случае только как «переводчик» на земной язык того духовного знания, которое он сам получил от Бога. Поэтому все без исключения, пусть даже только «жиденькие аплодисменты» тех, кто все-таки *понял* написанное в этом *Комментарии*, -- всецело принадлежат только тому Христу, который ушел со Сцены Жизни непризнанным и непонятым.

Но ведь автор совсем не зря ругал «на чем Свет стоит» всех этих «переводчиков» *Евангелия от Фомы* и канонических Евангелий. Автор прекрасно понимает, что и он сам, как «переводчик Бога», тоже может заслужить подобную оценку, но уже от человека, который видит гораздо дальше. Поэтому пусть наш читатель отнесется к этой «критике», да и к самой *Книге* как к своего рода «болванке-заготовке» (что из того, что это -- специальный технический термин? – ведь и сам автор является по образованию советским инженером), из которой уже самому читателю придется вырезать более тонкие «очертания» того образа, который соответствует его собственной «фотографии». Автор понимает всю чрезвычайную серьезность поднятого им вопроса, но он тоже может ошибаться в понимании того или иного высказывания Христа.

Путь каждого человека к Царству уникален и не имеет повторения в нашем земном мире. Читателю надо «изловчиться» и сделать так, чтобы у него в первую очередь «проснулось сердце» (а без понятия «совесть» говорить обо всех этих проблемах – это «носить воду в решете»). Тогда читатель получит в свои руки «абсолютное оружие», которое будет исполнять роль его внутреннего *безошибочного компаса* в этом Мире Тьмы. И именно этому «компасу» читатель должен доверять больше, чем тем словам, которые он прочитал в этой книге.

Автор безо всякого лицемерия смиренно склоняет свою голову перед тем подлинным Переводчиком Духа Божьего, в глазах Которого сам автор выглядит таким же несовершенным, как и все те, кого он критикует. Но пришло время Царства Света, пора! – оно невидимо всех нас торопит... **«Исполнились сроки!»**. И кто-то первым должен прокричать на всю Вселенную правду о Духе... «Но если не я, -- тогда кто же еще, Господь (*Яхве*) мой и Бог (*Элохим*) мой? Ведь в нашем рациональном «белолицем братстве» такое дозволяется только сумасшедшему!»

КОНЕЦ (архЭ) – ЦАРСТВУ ВЕНЕЦ

Разрешается любое распространение данного материала в Сети **при условии** сохранения информации о владельце авторских прав.

Георгий Батура makarios36@yandex.ru
